

Колин
Маккалоу
Горькая радость

Annotation

Австралия, первая треть двадцатого века.

Страна еще благоденствует, еще живет ритмами джаза и танго, хотя вот-вот «тучные годы» сменятся черной полосой кризиса.

Однако каким бы ни было время, никакие испытания не в силах погасить волю к жизни четырех дочерей пастора Латимера и их готовность рискнуть всем ради права воплотить в жизнь свои мечты.

Блестящая карьера и светский успех, страстная любовь и радость материнства. У них будет все. Как будут и трагические потери, и жестокие разочарования, и крутые повороты судьбы, когда все придется начинать с самого начала...

Четыре сестры. Четыре истории жизни...

Колин Маккалоу вновь дарит читателям целый мир, в котором каждый найдет что-то необыкновенно важное лично для себя.

-
- [Колин Маккалоу](#)
    - [Часть первая](#)
    - [Часть вторая](#)
    - [Часть третья](#)
    - [Часть четвертая](#)
    - [Часть пятая](#)
    - [Часть шестая](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Колин Маккалоу

ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ

Валу и Алексу Мартинесам с любовью и благодарностью за их доброту, не изменявшую им, все эти годы.

Часть первая

Две пары сиделок нового типа

Эдда и Грейс, Тафтс и Китти. Две пары близнецов, дочери преподобного Томаса Латимера, пастора англиканской церкви Святого Марка в городе Корунда, Новый Южный Уэльс, Австралия.

Они сидели на четырех изящных стульчиках перед незажженным камином. Огромная гостиная была заполнена щебечущими дамами, приглашенными Мод, женой пастора, чтобы отметить событие, до которого оставалось меньше недели: дочери пастора покидали родительский дом, чтобы работать сиделками в главной больнице Корунды.

«Меньше недели, меньше недели!» — мысленно повторяла Эдда, смущаясь от того, что ее выставили на всеобщее обозрение. Она обводила глазами комнату, стараясь не смотреть на свою мачеху Мод, которая, как обычно, завладела разговором и болтала без всякого удержу.

Сбоку от стула Эдды, самом крайнем из четырех, в деревянном полу была дыра. Заметив в ней какое-то движение, она застыла и сдержала усмешку. Крыса! Только ее здесь не хватало! Надо погромче взвизгнуть и поднять крик, думала Эдда, глядя на высовывающуюся голову. Вот будет переполох!

Но, присмотревшись, она в ужасе застыла. За блестящим черным клином с подрагивающим языком — ну иловища! — последовало черное лоснящееся тело толщиной с женскую руку. И жуткая тварь продолжала вылезать — семифутовая черная змея с красным брюхом, да к тому же ядовитая. Как она пролезла сюда?

Стоит ей высвободить хвост, и она бросится куда угодно. От кочерги, стоявшей по другую сторону камина, Эдду отделяли ни о чем не подозревавшие Тафтс, Грейс и Китти, так что на это орудие надеяться не приходилось.

Сужающиеся ножки ее стула внизу были не толще тюбика помады. Глубоко вздохнув, Эдда приподнялась вместе со стулом и поставила его переднюю ножку прямо на голову змее. Потом резко опустилась на сиденье и вцепилась в его края, полная решимости противостоять самому яростному сопротивлению, подобно Джеку Терлоу, объезжающему лошадь.

Ножка стула угодила змее как раз между глаз, и она взвилась в воздух всем своим семифутовым телом. Кто-то пронзительно вскрикнул, потом

закричали все, а Эдда Латимер изо всех сил старалась удержать стул на змеиной голове. Змея судорожно извивалась и колотила хвостом, нанося удары не хуже мужского кулака, столь сильно и стремительно, что, казалось, вокруг стула бушует вихрь, темная сила, сметающая все на своем пути.

Женщины в панике бегали по комнате и вопили, не спуская испуганных глаз с Эдды, сражающейся со змием, но подойти помочь никто не решался. Никто, кроме бесстрашной красавицы Китти, которая, бросившись к камину, схватила томагавк, которым кололи щепки для растопки. Уворачиваясь от змеи, она сумела пробиться к стулу и двумя ударами отсекла гадине голову.

— Можешь слезть со стула, Эдс, — сказала Китти, бросая топорик. — Ну и страшилище! Ты будешь вся в синяках.

— Ты сумасшедшая! — всхлипнула Грейс, роняя слезы.

— Вот дурехи! — с чувством бросила Тафтс, имея в виду Эдду с Китти.

Побелевший Томас Латимер был слишком поглощен хлопотами вокруг второй жены, бившейся в истерике, чтобы сделать то, к чему его призывал отцовский долг, — похвалить отличившихся дочерей.

Крики и возгласы наконец утихли, напряжение в гостиной несколько спало, и самые бесстрашные дамы даже отважились подойти к поверженной змее, чтобы лично убедиться в ее кончине — да это просто монстр какой-то! В то время как миссис Энид Тридби и миссис Генриетта Бердам помогали преподобному утешать Мод, все остальные, кроме самих сестер, мгновенно забыли о цели сборища. Умами владело лишь одно — странная Эдда Латимер убила ядовитую змею, и пора бежать домой, чтобы предаться там любимому занятию женщин Корунды — сплетничать, распускать слухи и предаваться домыслам.

Близнецы двинулись к столу с угощением и, налив чай в тонкие чашки, набросились на сэндвичи с огурцом.

— Ну разве не дуры? — вопрошала Тафтс, размахивая заварочным чайником. — Можно подумать, на нас бы обрушились небеса! Вполне в твоём духе, Эдда. А если бы ты ее не удержала? Что тогда?

— Тогда, Тафтс, я бы обратилась за советом к тебе.

— Ха! Пустые хлопоты, ведь к тебе на помощь устремилась наша отчаянная Китти.

Тафтс бросила взгляд на гостиную.

— Черт возьми, да все расходятся! Налетай, девчонки, теперь наедемся до отвала.

— Мамаша дня два будет приходить в себя, — весело предположила Грейс, протягивая пустую чашку. — Удар посильнее, чем потеря четырех бесплатных домработниц.

Китти громко высморкалась.

— Вздор! Для матери потеря бесплатных прислужниц гораздо страшнее, чем какая-то там змея, будь она хоть в сто раз больше и ядовитее.

— Мало того, когда мать придет в себя, она первым делом прочтет Эдде проповедь, как убивать змей, соблюдая внешние приличия, — не унималась Тафтс. — А то ведь возникла ненужная суматоха.

— Признаю свою вину, — мирно отозвалась Эдда, намазывая булочку толстым слоем джема со взбитыми сливками. — М-м! Если бы не я, сидели бы вы сейчас без булочек. Все бы подчистили матушкины подружки. — Она засмеялась. — Уже в понедельник, девочки! Со следующей недели мы начинаем самостоятельную жизнь. Без всякой мамочки. Надеюсь, я не задеваю чувств Тафтс и Китти.

— Не задеваешь, — мрачно подтвердила последняя.

Нельзя сказать, что Мод Латимер делала все со злым умыслом, в ее собственном представлении она была золотая мачеха и образцовая мать. Эдда и Грейс достались ей от первого брака мужа, а Тафтс и Китти были ее собственными дочерьми, но разницы между ними она никогда не делала, о чем спешила сообщить всякому, кто проявлял хоть малейший интерес к семье приходского священника. Разве могут быть обузой такие чудесные крошки, тем более для женщины, которая без ума от детей? Возможно, ее благие намерения претворились бы в жизнь, но своевольная игра природы внесла в них некоторые коррективы. Дело в том, что Китти, младшая из близнецов Мод, была настолько красива, что остальные сестрички просто терялись на ее фоне, подобно бледной луне в лучах ослепительного солнца.

Китти, начиная с самого раннего детства и вплоть до той злополучной вечеринки, восхищала Мод, и та не переставала превозносить ее совершенства всякому, кто имел неосторожность оказаться в пределах слышимости. С такой оценкой нельзя было не согласиться, хотя вид Мод, гордо ведущей Китти за руку, и трех ее сестричек, следующих чуть поодаль, уже изрядно всех утомил. В конце концов общественность Корунды пришла к единодушному мнению, что так Мод лишь перессорит сестер, сделав из них непримиримых врагов — ведь Эдда, Грейс и Тафтс наверняка ненавидят Китти! Ну кто из нее может вырасти? Конечно же, противная, испорченная и нестерпимо самодовольная особа.

Но получилось иначе, хотя для всех, кроме пастора, это было полной

неожиданностью. Он пребывал в уверенности, что нежная дружба между его дочерьми не что иное, как знак особого благоволения Господа. Однако Мод настаивала на приоритете, будучи уверена, что хвала, которую ее муж возносит Всевышнему, на самом деле причитается ей, и только ей.

Девочки Латимер не одобряли Мод и немного презирали ее, а их любовь к ней не выходила за рамки соблюдения приличий. Против Мод их сплотило вовсе не то, что сразу три оказались на периферии ее привязанностей, а то, что в их эпицентр угодила Китти.

По идее из Китти должен был выйти избалованный и капризный ребенок, но она была застенчива, тиха и безответна. Эдда и Грейс, как старшие, заметили это первыми, чуть позже к ним присоединилась Тафтс, и все три дружно озаботились тем влиянием, которое оказывала на Китти мать. Когда и как созрел заговор, имевший целью оградить Китти от посягательств Мод, покрыто мраком тайны, но решимость заговорщиков со временем только росла.

Верховодила, как всегда, Эдда, причем это сложилось довольно давно, когда двенадцатилетняя Эдда застала Китти за весьма удручающим занятием: та пыталась изуродовать свое лицо с помощью терки для сыра. Схватив десятилетнюю сестричку, Эдда потащила ее к отцу, милейшему и добрейшему из всех человеческих существ. Он справился с проблемой наилучшим образом, подойдя к ее решению единственно доступным ему способом — стал убеждать девчушку, что, пытаясь покалечить себя, она гневит Господа, создавшего ее красивой по каким-то своим соображениям, которые Он со временем непременно ей явит.

Эта мысль держала Китти на плаву до последнего класса женского колледжа, принадлежавшего англиканской церкви. Несмотря на разницу в возрасте, все четыре сестры учились в одном классе, что было достигнуто посредством некоторого смещения начала их обучения.

Директриса, сурового вида шотландка, сочла необходимым напутствовать десяток девочек, перешедших в выпускной класс, обратившись к ним с речью, которая окончательно сбила их с толку:

— Ваши родители предоставили вам возможность учиться в женском колледже Корунды и получить там прекрасное образование, которое вы завершаете в конце 1924 года от Рождества Христова, — объявила она с безукоризненным произношением выпускницы Оксфорда. — После окончания колледжа вы сможете гордиться полученными знаниями — во всяком случае, для женщин это превосходное образование. Ваша подготовка по таким предметам, как английский язык, математика, древняя и новая история, география, естественные науки, латинский и греческий

языки, дает вам возможность поступить в университет.

Сделав многозначительную паузу, она заключила:

— Однако самой лучшей карьерой для вас будет удачное замужество. Если же вы решите не выходить замуж и поступить на службу, то перед вами лишь два пути — преподавание в средней школе и работа секретаря.

В субботу за обедом Мод сочла необходимым прокомментировать эту речь.

— Какая чушь! — фыркнула она. — Нет, я не об удачном замужестве! С этим, девочки, у вас не будет проблем. Но дочерям пастора вовсе не обязательно пачкать руки, чтобы заработать на жизнь. До замужества все вы будете жить дома и помогать мне по хозяйству.

В сентябре 1925 года, когда Эдде и Грейс исполнилось девятнадцать, а Тафтс и Китти восемнадцать, Китти отправилась на конюшню и отыскала там кусок веревки. Перекинув ее через стропила, она смастерила петлю и, надев на шею, взобралась на пустую бочку из-под бензина. Когда Эдда обнаружила сестру, та уже оттолкнула бочку и смиренно висела в петле, готовясь расстаться с жизнью. Собрав неизвестно откуда взявшиеся силы, Эдда вытащила Китти из петли раньше, чем произошло непоправимое.

На этот раз она не сразу кинулась к пастору.

— Господи, сестричка, миленькая моя! Ну разве так можно?! — плакала она, прижимаясь щекой к шелковистой копне волос. — И ради чего? Хуже смерти все равно ничего нет!

Но когда Китти, обрета голос, стала хрипло изливать душу, Эдда поняла, что есть.

— Я ненавижу свою внешность, Эдда, меня от нее тошнит! Я мечтаю, чтобы мама наконец унялась и оставила меня в покое! Но нет! Она всем твердит, что я Прекрасная Елена. Она не дает мне нормально одеваться и выходить без косметики. Эдда, можно подумать, она готовит меня в невесты принцу Уэльскому!

Эдда постаралась обратить все в шутку:

— Даже наша мама отдает себе отчет, что ты не во вкусе его королевского высочества, Китс. Он предпочитает замужних и постарше тебя.

В ответ прозвучал смешок, больше похожий на всхлип, и Эдде пришлось изрядно потрудиться, употребив всю силу убеждения, прежде чем Китти согласилась пойти к отцу.

— Китти, ты не одна такая. Посмотри на меня! Я бы душу дьяволу продала — клянусь! — чтобы стать врачом. Диплом медика — моя самая заветная мечта. Но мне его не видать как своих ушей. Во-первых, на учебу

нет денег — и никогда не будет. Во-вторых, в глубине души наш папочка этого не одобряет. Нет, он не против того, чтобы женщины получали профессию, но быть врачом — не женское дело, а он не хочет, чтобы я загубила себе жизнь. Я-то знаю, что он ошибается, но он и слушать ничего не желает.

Взяв руку Китти, Эдда сжала ее тонкими сильными пальцами.

— Почему ты считаешь, что только ты несчастна? Думаешь, я не хотела повеситься? Хотела! И не один раз!

В общем, к тому времени, когда Эдда сообщила Томасу Латимеру о произошедшем, Китти была податлива, как гончарная глина.

— О Боже мой! — прошептал он, и по его узкому красивому лицу покатались слезы. — Для самоубийц у Господа есть особый ад — и это не геенна огненная, полная страждущих грешников. Те, кто сам лишил себя жизни, навечно пропадают в глубинах бесконечности. Там они пребывают в полном одиночестве, не видя ни единой души, не слыша ничьих голосов и не испытывая абсолютно ничего — ни мук, ни исступленного восторга. Поклянись мне, Кэтрин, что ты больше никогда не посягнешь на свою жизнь!

Китти поклялась и не делала попыток нарушить клятву. Но сестры на всякий случай держали ее под неусыпным надзором.

Как выяснилось позже, неудавшееся самоубийство произошло в очень удачный момент, и все благодаря тому, что пастор церкви Святого Марка был членом попечительского совета городской больницы Корунды. Совет собрался как раз через неделю после нервного срыва Китти, и там среди прочего обсуждался тот факт, что в 1926 году департамент здравоохранения Нового Южного Уэльса вводит новые требования к сиделкам: теперь это будут хорошо обученные, образованные и дипломированные медсестры. Пастор мгновенно сообразил, что это неплохая карьера для девушек, воспитанных как настоящие леди. Особенно его вдохновило то обстоятельство, что эти медсестры будут жить на территории больницы, чтобы всегда быть рядом при необходимости. Жалованье, правда, довольно незначительное, а за вычетом платы за жилье, форму и книги оставалась просто жалкая мелочь, но каждая из его девочек имела скромное приданое в размере 500 фунтов, и «мелочь» позволит им жить, не затрагивая основной капитал. Да и Мод уже начинала ворчать, что для работы по дому четверых слишком много. «Почему бы не привлечь девочек карьерой медсестер? — рассуждал пастор по дороге домой. — Приличная работа, какое-никакое жалованье, проживание в больнице и (хотя это и некорректно по отношению к супруге) полная свобода от произвола Мод».

Пастор начал с Эдды, и она проявила бешеный энтузиазм. Даже Грейс, встретившая эту идею прохладно, в конце концов дала себя уговорить, ведь для них с Китти была важна не сама работа, а возможность освободиться от Мод.

Гораздо сложнее было убедить попечительский совет. Пастору пришлось в одиночку противостоять двенадцати его членам, убеждая их, что городская больница Корунды должна стать пионером в деле подготовки сиделок нового типа. В теле кроткой газели, каковой всегда считался Томас Латимер, неожиданно проснулся лев, который спал там так долго, что его шкуру слегка изъела моль. И вот впервые на памяти жителей Корунды лев зарычал, оскалил зубы и выпустил когти. Эти львиные ухватки настолько ошеломили Фрэнка Кэмпбелла, главного врача больницы, что он полностью потерял способность к сопротивлению. И преподобный Латимер покинул арену победителем, впервые оценив преимущества силового подхода.

Наевшись до отвала, близнецы обменялись торжествующими взглядами. Гостиная опустела, заваренный чай перепарился, но юные сердца ликовали.

— Осталось дожить до понедельника, и мы избавимся от Мод, — заявила Китти.

— Китти! Какая она тебе Мод? Это же твоя родная мать, — возмутилась Грейс.

— Как хочу, так и называю.

— Да ладно тебе, Грейс. Она просто празднует свое освобождение, — усмехнулась Эдда.

Тафтс, самая практичная из сестер, посмотрела в сторону змеиного трупа.

— Праздник окончен, — объявила она, поднимаясь. — Пора убирать, девочки.

Мельком взглянув на змею, лежащую в луже крови, Грейс вздрогнула от отвращения.

— Я согласна помыть чайники, но вот от этого меня увольте!

— Поскольку, кроме криков и распускания соплей, ты пока себя никак не проявила, так хотя бы убери эту тварь.

Тафтс прыснула в кулак.

— Боишься ручки испачкать, Грейс? Посмотрим, как ты запоешь в больничных палатах!

Сжав свой большой рот в ниточку, Грейс сложила руки на груди и зло

посмотрела на сестер.

— Вот тогда и займусь всей этой грязью и ни минутой раньше. Китти, это ты оттяпала ей голову, ты и убирайся.

Внезапно она повеселела:

— Ой, девочки, вы только представьте! Мы больше не бесплатные домработницы! Больница Корунды, мы идем к тебе!

— Чтобы копаться в грязи и всем таком прочем, — добавила Эдда.

* * *

Преподобный Томас Латимер стал пастором англиканской церкви Святого Марка двадцать два года назад. Он не был уроженцем Корунды, но в его жилах текло немного крови Тридби, и это обстоятельство расположило к нему многочисленную паству, несмотря на его молодость и нехватку опыта. Два последних качества не считались недостатком, ибо в Корунде предпочитали лепить из сырой глины по своим собственным моделям. Его жена Аделаида происходила из хорошей семьи и пользовалась всеобщей симпатией, чего нельзя было сказать об экономке пастора, Мод Тридби Скоуби, бездетной вдове с безупречной родословной и невыносимым самомнением.

Со временем любовь паствы к Томасу и Аделаиде только возрастала: пастор, имевший впечатляющую внешность ученого, был добр и великодушен, и такой же была его жена. Выдержав пристойную паузу, Аделаида забеременела и 13 ноября 1905 года произвела на свет двойняшек, Эдду и Грейс, после чего умерла от сильнейшего кровотечения.

Учитывая неоценимый вклад Мод Скоуби в ведение пасторского домашнего хозяйства, церковное начальство разрешило безутешному Томасу Латимеру и дальше пользоваться ее услугами, тем более что в доме имелись новорожденные. Мод была на шесть лет старше пастора, и ей уже перевалило за тридцать, но она по-прежнему производила впечатление яркой внешностью и жеманными манерами. Предложение остаться привело ее в восторг. Работу ее нельзя было назвать синекурой, но она хорошо оплачивалась. Церковные власти не скупились, когда речь шла о няньках и уборщицах.

Когда через год после смерти супруги пастор женился на Мод Скоуби, прихожане восприняли это с пониманием. Она немедленно забеременела и 1 августа 1907 года чуть преждевременно родила двойню. Девочек крестили как Хизер и Кэтрин, но со временем они превратились в Тафтс и

Китти.

В отличие от первой жены пастора, Мод вовсе не спешила умирать. Она намеревалась пережить мужа и даже собственных детей. Теперь, когда она стала пасторшей, ее известность среди прихожан существенно возросла. Почти все они терпеть ее не могли, считая нахальной и ограниченной выскочкой. Корунда единодушно решила, что Томас Латимер попал в сети расчетливой интриганки. Любая другая была бы сокрушена таким вердиктом, но на самомнении Мод он не оставил даже самой легкой царапины. Ее самоуверенность была столь велика и непоколебима, что ей даже в голову не приходило, что она может кому-то не нравиться. Сарказм и ирония скатывались с нее как с гуся вода, к чужим суждениям она относилась с полным пренебрежением. Ко всему прочему, ей необыкновенно повезло. Очень быстро разочаровавшись в своем втором супружестве, ее муж тем не менее считал брак священным пожизненным контрактом, который ни при каких обстоятельствах не может быть нарушен или расторгнут. Несмотря на совершенную ошибку, Томас Латимер не уклонялся от избранного курса. Он относился к жене с терпением, порой потакал ей, порой удерживал от опрометчивых поступков, выносил все ее капризы и приступы раздражения, даже не помышляя о нарушении данной ей клятвы. А если в глубинах его сознания и возникала крамольная мысль о том, как бы удачно все сложилось, если бы Мод влюбилась в кого-нибудь другого, он в ужасе давил ее в самом зачатке.

Двойняшки не были абсолютными копиями, ни та ни другая пара, что вызывало жаркие споры относительно того, что считать «похожестью» близнецов. Эдда и Грейс унаследовали материнский рост и стройность, а от отца им досталась легкость и грациозность движений. Черты их приятных лиц были очень схожи, руки и ноги словно скроены по одному лекалу: у обеих черные волосы, высокие дуги бровей, длинные густые ресницы и светло-серые глаза. И все же разница была. В широко раскрытых глазах Грейс затаилась печаль, из которой она умела извлекать определенную выгоду. Глаза Эдды были посажены глубже, наполовину прикрыты веками, и в них сквозила некоторая отчужденность. Со временем выяснилось, что Эдда очень умна, своенравна и целеустремлена, в то время как Грейс не любит читать, не особо стремится к знаниям и раздражает окружающих вечными жалобами и нытьем. В итоге, когда началась их медицинская карьера, близнецы уже не казались похожими — характеры наложили печать на их лица, придав им совершенно разное выражение и направленность взглядов.

Мод никогда их не любила, но искусно скрывала это. Все девочки

были чистенькими и ухоженными, носили одинаковую с точки зрения цены одежду и получали должное воспитание. Правда, для своих собственных дочек она выбирала цвета, которые им были к лицу, чего нельзя было сказать о платьицах двойняшек Аделаиды. Но такая избирательность просуществовала не слишком долго — годам к пятнадцати девочки призывали на помощь отца, и он разрешил им самим выбирать цвета и фасоны. От этого модного переворота выиграли прежде всего Эдда и Грейс — их хороший вкус был немедленно отмечен общественным мнением, которое Мод по своему обыкновению проигнорировала.

Тафтс и Китти (Тафтс родилась первой) имели больше сходств и различий, чем старшие близнецы. Фигурой они пошли в мать — этакий карманный вариант Венеры: маленький рост, пышная грудь, осиная талия, широкие бедра и безупречные ноги. Они с самого рождения были восхитительны, поражая окружающих хрестоматийной детской красотой, сотворенной Всевышним сразу в двух экземплярах. Ямочки на щеках, локоны и огромные глаза придавали им трогательную прелесть котят, а еще у них был круглый лобик, овальный подбородочек и чуть заметная улыбка Моны Лизы. Бог подарил им тонкие прямые носики, пухлые губки, высокие скулы и тонко очерченные брови.

Но вот раскраска у них была разная, и в этом заключалось главное отличие Китти-солнца от Тафтс-луны. Тафтс была вся в желто-медовых тонах: янтарно-золотые волосы, персиковая кожа и меланхоличные желтоватые глаза. Один и тот же цвет повторялся в нескольких вариантах, словно у художника со скудной палитрой. Но вот Китти! Она была вся на контрастах. Самой примечательной была ее кожа, такая смуглая, что некоторые называли ее «кофе с молоком», в то время как другие, настроенные менее снисходительно, шептались, что в роду у Мод, вероятно, была ложечка дегтя. Волосы, брови и ресницы у Китти были абсолютно льняными, без единой капли золота. В сочетании со смуглой кожей они выглядели на редкость живописно. Одно время даже ходили слухи, что Мод обесцвечивает волосы дочери перекисью водорода. В довершение всего глаза у Китти были ярко-голубые с сиреневыми черточками, которые появлялись и исчезали в зависимости от ее настроения. В них не было безмятежности, с которой взирали на мир ее сестры, там часто мелькало смущение и некоторый испуг. Переставая понимать происходящее или теряя над ним контроль, Китти, погасив взор, закрывалась в собственном мире, о существовании которого догадывались лишь ее сестры.

Увидев Китти, люди обычно останавливались и начинали откровенно

разглядывать ее. Мало того, ее мать считала своим долгом распространяться о ее красоте перед каждым встречным, включая тех, кого она видела каждый день, обрушивая на них потоки восторженных восклицаний и совершенно игнорируя то обстоятельство, что объект этих восторгов находится рядом, так же как и остальные девочки.

— Вы когда-нибудь видели такого красивого ребенка?

— Когда она вырастет, то выйдет замуж за миллионера!

Такого рода замечания и повлекли за собой терку для сыра и веревку, а также решение о совместном прохождении курса обучения в городской больнице Корунды. И все сестры согласились, что если не изолировать Китти от Мод, то при следующей попытке суицида Эдды может просто не оказаться рядом.

Дети живут в собственном мире, который ограничивается местом их обитания, поэтому девочкам Латимер и в голову не приходило анализировать поведение Мод или сравнивать ее с другими мамами. Они просто взяли на веру, что любой, кто имеет восхитительную (по выражению Мод) внешность, непременно станет объектом беспощадного внимания. Они как-то не задумывались, что Мод тоже по-своему уникальна, а будь Китти несколько иной, она бы наслаждалась этим вниманием. Как бы то ни было, но сестрички сочли своим святым долгом защищать Китти от того печального явления, которое Эдда назвала «родительским идиотизмом». Девочки выросли, но желание опекать Китти не проходило, становясь со временем только сильнее.

Все четыре были неглупы, но академические лавры всегда доставались Эдде — она с легкостью справлялась с любым предметом, будь то математика, история или английский язык. Тафтс не уступала ей в одаренности, но у нее не было яростного напора сестры. Она была практичной и приземленной, что как-то не вязалось с ее романтической внешностью. Мальчиками она никогда не интересовалась, считая их глупыми и неуклюжими существами. Их феромоны не производили на нее никакого впечатления.

В Корунде имелась мужская средняя школа, и девочки из женского колледжа активно общались с мальчиками на балах, вечеринках, спортивных соревнованиях и других мероприятиях. Те, как могли, оказывали им внимание — в ходу были поцелуи, но дальше этого дело никогда не шло.

Этот поведенческий кодекс был совсем не обременителен для Тафтс, Китти и Эдды, но склонная к приключениям и не слишком прилежная в

учении Грейс считала его слишком скучным. Она с упоением читала журналы, где писали о кинозвездах, театральных актерах, модах и королевском семействе Виндзор, правившем Британской империей, но не чуждалась и местных сплетен. Ее острый ум был эгоистичен и помогал ей избегать неприятностей и уклоняться от неприятной работы, однако он не уберег ее от одной поистине необъяснимой страсти: она обожала паровозы. Если Грейс вдруг исчезала, все знали, где ее искать — на запасных путях, где она с восторгом созерцала паровозный парк. Несмотря на все свои недостатки, она была добра, отзывчива и предана сестрам, которые прощали ей все, включая склонность к постоянному нытью.

У Китти было романтическое воображение, но в плане духовной красоты она явно недотягивала до физической — все дело портил ее острый и злой язычок. Он был оружием, которым она защищалась от постоянных дифирамбов, — и до людей вдруг доходило, что, помимо красивого личика, в этой девочке есть кое-что еще. Приступы депрессии (их называли «упадком настроения»), которые случались каждый раз, когда Мод прорывала оборону, были для Китти нелегким испытанием, выдерживать которое ей помогали лишь сестры, самоотверженно прикрывавшие ей спину, пока ее не отпускало. Школьные экзамены она сдавала без проблем до тех пор, пока не подняла свои мерзкие головы стоголавая гидра математики. Но вот за сочинения Китти неизменно получала награды — выражать себя на бумаге она умела блестяще.

Мод терпеть не могла Эдду, которая была главарем оппозиции и вечно покушалась на ее планы, особенно в отношении Китти. Но Эдде было наплевать. К десяти годам она была уже выше мачехи, а позже вымахала настолько, что возвышалась над Мод, словно башня, что, по мнению последней, было не совсем прилично и таило в себе определенную угрозу. В ее светлых глазах было что-то волчье, и в тех редких случаях, когда Мод посещали ночные кошмары, там всегда фигурировала Эдда. Мачеха с садистским рвением отговорила пастора от денежных затрат, сопряженных с медицинской карьерой Эдды, и наслаждалась этой блистательной победой. При мысли, что расстроила честолюбивые планы падчерицы, она прямо-таки урчала от удовольствия. Если бы Эдда знала, кто на самом деле разбил ее мечты о медицине, Мод, вероятно, поплатилась бы за свои интриги. Но Эдда так и осталась в неведении. Очутившись в плену у собственных убеждений, подкрепленных железными доводами жены, Томас Латимер искренне считал, что уберег дочь от нелегких жизненных испытаний. И позже никогда не распространялся на этот счет, оставляя Эдду в уверенности, что на ее учебу просто не нашлось денег.

Упаковав четыре чемодана, Эдда с Грейс и Тафтс с Китти в начале апреля 1926 года явились в городскую больницу Корунды для прохождения службы.

— Очень удачно! — мрачно отметила Грейс. — Сегодня как раз первое апреля.

* * *

Округ Корунда находился на южном плоскогорье в трех часах езды от Сиднея и считался одним из самых богатых сельскохозяйственных районов Австралии. Там разводили мясных овец, выращивали картофель и вишню и добывали рубины, хотя месторождение, принадлежавшее Тридби, было уже выработано, и теперь вся добыча велась на рудниках семьи Бердам.

В этих местах лето перекочевывает в другие регионы уже в марте, а в апреле начинается типично английская осень: опадают завезенные деревья, а у жителей угасает страсть к ландшафтному дизайну, представленному большим разнообразием форм — от садилов в стиле Энн Хатауэй до подражаний Умелому Брауну. В первых числах апреля в воздухе уже разливается прохлада, а местные вечнозеленые породы приобретают уставший и запыленный вид и словно молят о дожде.

Пастор высадил дочек у главного входа больницы, и они сами потащили чемоданы в здание. Серые глаза преподобного были полны слез. Как пусто теперь будет в доме!

Старшая медсестра Гертруда Ньюдигейт приступила к работе всего лишь неделю назад, хотя прибывшим об этом знать не полагалось. Она была недовольна. Когда она вступала в эту должность, ни о каких сиделках нового типа не было и речи. Это во многом определило ее выбор. И вот вам, пожалуйста! В Сиднее все помешались на нововведениях, но сестра Ньюдигейт решила держаться от них подальше. И на тебе!

Вся снежно-белая с головы до ног, она сидела за столом, рассматривая явившихся в больницу девиц. Модная и дорогая одежда, короткие прически, напудренные личики, накрашенные ресницы и губы, шелковые чулки, туфли, сумочки и перчатки из лайки, классическое английское произношение, которое обычно приобретается в частных школах...

— У меня нет для вас подходящего жилья, — холодно произнесла старшая медсестра, и ее накрахмаленный халат при этом поскрипывал. — Так что вам придется поселиться в старом коттедже для медсестер. Нашему

главному врачу, доктору Кэмпбеллу, пришлось сильно потратиться на ремонт. Вашей наставницей будет сестра Марджори Бейнбридж, она будет жить в том же здании, но отдельно от вас.

Она покачала головой в накрахмаленной марлевой косынке, напоминавшей головной убор египетских фараонов, и на шее у нее сверкнул серебряный эмалевый значок — знак отличия дипломированной медсестры Нового Южного Уэльса. Другие значки, а их было несколько, свидетельствовали, что мисс Гертруда Ньюдигейт является дипломированной акушеркой, детской медсестрой и выпускницей школы медсестер при старейшей лондонской больнице Святого Варфоломея. Городская больница Корунды приобрела на редкость ценного специалиста. Но вновь прибывшие в значках не разбирались и поэтому оставили этот факт без внимания.

— Средний медицинский персонал называют сестрами, — продолжала мисс Ньюдигейт. — Так же называют и монахинь, но медсестры — это нечто совсем иное. Правда, в старину монахини тоже ухаживали за больными. Однако после уничтожения монастырей и монашеских орденов при Генрихе VIII роль сиделок стали выполнять женщины совсем другого рода — проститутки. Мисс Флоренс Найтингейл и ее единомышленницам пришлось немало потрудиться, чтобы вернуть нашей профессии уважение общества, и мы по праву считаем себя ее наследницами. Более трех веков профессия сиделки пользовалась дурной славой и была полем деятельности преступниц и проституток. Некоторые влиятельные мужчины до сих пор придерживаются такого же мнения. Гораздо дешевле нанять проститутку, чем порядочную женщину. — Бледно-голубые глаза старшей медсестры обдали сестер ледяным холодом. — Как старшая медсестра больницы, я являюсь вашим непосредственным начальством и должна предупредить вас, что никаких вольностей здесь не потерплю. Вы меня поняли?

— Да, медсестра, — испуганным шепотом произнесли все четверо, включая Эдду.

— А теперь о ваших родственных отношениях и именах, — жестко продолжала мисс Ньюдигейт. — Будьте любезны, держите их при себе. У наших сестер нет ни ваших денег, ни вашего образования, ни прочих привилегий. Мне лично не нравится ваш вид и манера изъясняться. Ваше... э... чувство превосходства. Я бы попросила вас сбавить тон. А что касается имен... В больнице не должно быть никакой путаницы, поэтому все вы будете работать под разными фамилиями. Мисс Эдда Латимер, вы сохраните свою фамилию. Мисс Грейс Латимер, здесь вы будете

именоваться сестрой Фолдинг, по девичьей фамилии вашей матери. Мисс Хизер Латимер будет сестрой Скоуби, по фамилии ее матери в первом браке. А вы, мисс Кэтрин Латимер, станете сестрой Тридби, по девичьей фамилии вашей матери — Старшая медсестра глубоко вздохнула, на что ее форма отозвалась очередным хрустом. — Теоретическое обучение начнется только в июле, так что у вас будет три месяца практической подготовки. Руководить вами будет сестра Бейнбридж, которой вы должны полностью подчиняться.

Послышался легкий стук в дверь, и в комнату вплыла женщина под сорок без малейших следов косметики на лице, взиравшая на старшую медсестру с преданностью полуголодной собаки.

— О, как раз вовремя! — заявила та. — Сестра Бейнбридж, познакомьтесь со своими подопечными — сестра Латимер, сестра Фолдинг, сестра Скоуби и сестра Тридби. Прошу вас, девушки, следовать за сестрой.

Переведя дух, девушки вышли за своей предводительницей во двор.

Голову сестры Бейнбридж украшало такое же накрахмаленное сооружение, как у ее начальницы, но на этом их сходство заканчивалось. Ее форма представляла собой наглухо застегнутое полосатое платье с длинными рукавами, дополненное съемным целлулоидным воротничком и такими же манжетами. Обширная талия была обхвачена темно-зеленым прорезиненным поясом, на котором висели белые тесемки, концы которых скрывались в карманах. Как выяснилось позже, к ним были привязаны ножницы для разрезания бинтов, роторасширитель на случай эпилептических припадков и крохотный наборчик инструментов в кошельке для мелочи. На ногах толстые фильдекосовые чулки и черные туфли с дырочками на массивных низких каблуках. Этот наряд никак не украшал ее квадратную фигуру, в которой, несмотря на громадную грудь, мерно колыхавшуюся при ходьбе, не было ничего женственного. Со временем девушки привыкли к этому механическому колыханию, но в то первое апрельское утро оно произвело на них устрашающее впечатление.

Прошествовав по довольно большому двору, они очутились перед ветхим домишком с верандой. Старшая сестра именovala это строение «коттеджем», что поначалу ввело сестер в заблуждение. Они ожидали увидеть нечто небольшое и изящное, а вместо этого обнаружили какой-то амбар, выглядевший так, словно его расплющили паровым молотом. И если главный врач Кэмпбелл и «потратился» на его ремонт, то следов этой реновации не удалось обнаружить даже Эдде, обладавшей орлиным зрением. Чтобы как-то приспособить этот сарай для жилья, его разделили

внутри перегородками, создав некое подобие квартир с минимальными удобствами.

— Латимер и Фолдинг, вот ваша спальня. А Скоуби и Тридби будут спать здесь. Еще в вашем распоряжении ванная и кухня. Моя квартира находится вот за этой дверью. Когда я там, прошу меня не беспокоить. А сейчас можете распаковать чемоданы.

С этими словами она удалилась.

— Ну и дыра! — чуть слышно произнесла Китти.

— Да, небогато, — вздохнула Тафтс.

Они стояли на кухне, где из кухонной утвари имелась лишь газовая плита.

Грейс, уже готовая заплакать, грустно созерцала маленький деревянный стол и четыре жестких стула.

— Это надо же! Никакой обстановки, кроме жалких стульев на кухне! — захныкала она.

— Будешь ныть, скормлю тебя собакам, — бросила Тафтс, проводя пальцем по кромке плиты.

— Бог с ним, с ремонтом, но здесь даже не убрались, — с гримасой добавила она.

— Тогда займемся этим сами, — бодро предложила Эдда. — Вы только подумайте, девочки! Оказывается, нам здесь совсем не рады.

Три пары глаз обратились на Китти, самое слабое звено в их команде. Как она отнесется ко всему этому?

— Да пошли они!.. — решительно произнесла Китти. — Будь я проклята, если Латимеры спасуют перед стаей мелких шавок!

— Ты хочешь сказать, сук? — уточнила Эдда.

Китти засмеялась:

— Ну, до настоящих сук им еще далеко. Наша матушка даст старшей медсестре сто очков вперед.

Грейс изумленно уставилась на Китти:

— Тебе, я вижу, все нипочем?

— Пока да, — усмехнулась Китти. — Все это мелочи по сравнению с тем, что я наконец вырвалась на волю.

— Эдда, а как тебе старшая медсестра? — поинтересовалась Тафтс.

— Боевой корабль под парусами, готовый выпустить залп по противнику, даже если он не появился на горизонте, — ответила за нее Грейс.

— Ты читаешь мои мысли, — отозвалась Тафтс. — По словам миссис Энид Тридби, старшая медсестра выбрала нашу больницу как место, откуда

можно достойно выйти на пенсию.

— И ты скрывала от нас такие ценные сведения? — возмутилась Эдда. — Это же очень важно, Тафтс!

— Ты же знаешь, Эдс, я никогда не разношу на хвосте сплетни. Не в моих привычках.

— Прости, совсем забыла, что ты у нас конспиратор. Грейс, кончай скулить, как собачонка!

— Старшая медсестра такая мерзкая и эта Бейнбридж тоже, — пролепетала Грейс сквозь слезы. — Ну почему папочка не отправил нас в какую-нибудь сиднейскую больницу?

— Потому что в Корунде отец имеет вес и может нам помогать, — объяснила Тафтс. — Конечно, здесь мы рискуем намозолить зад на жестких стульях, и гостиной для нас почему-то не предусмотрели. Боюсь, что горячей воды здесь тоже нет. Но, в конце концов, это больница, а не отель.

— В кухне только холодная, — скривилась Эдда.

В это время из спальни вышла Китти. В руках у нее был полосатый предмет, похожий на кусок картона. Помяв его в руках, она попыталась разодрать слипшиеся от крахмала слои, сопроводив усилия грустной шуткой:

— Будто шкуру сдираешь с заколотого барашка. — Отложив в сторону разлепленное платье, Китти взялась за белый кусок картона. — Из него, вероятно, получится передник. — Поработав над ним, она объявила: — Смотрите-ка! Он целиком закрывает платье — все, кроме рукавов. И чулки под стать наряду: черные, плотные и в резиночку. Теперь мне ясно, почему нас так обрядили.

Грейс, с помощью помады и пудры приводившая в порядок лицо, подняла на нее глаза:

— Что ты имеешь в виду?

— Грейс, не будь душой! Почему, ты думаешь, эта фурия прочитала нам проповедь о монахинях, целомудрии и проститутках? Она хотела сказать, что в ближайшие три года нам предстоит стать беспольными существами, даже если мы и будем числиться женщинами. Никакого флирта с докторами, Грейс! Если ты угробишь пациента, в глазах медсестры Ньюдигейт это будет меньшим грехом, чем твое безнравственное поведение. Поэтому мы будем таскать на себе жуткие балахоны и толстые черные чулки. Держу пари, помада и пудра тоже окажутся под запретом.

— Только попробуй опять зареветь, Грейс! — грозно сказала Эдда.

— Я хочу домой!

— Забудь об этом!

— Терпеть не могу убирать грязь, — заявила Грейс, и лицо ее вдруг прояснилось. — Значит, когда мне исполнится двадцать один, я стану дипломированной медсестрой и смогу делать все, что заблагорассудится, например, выйти замуж без согласия родителей и голосовать на выборах.

— Боюсь, самое сложное — это найти общий язык с остальными сестрами, — задумчиво произнесла Эдда. — Мы совершенно не знаем, что они за люди. Никто из нас не лежал в больнице, и в нашем доме никогда не было медиков. Старшая медсестра посоветовала нам сбавить тон, и это не предвещает ничего хорошего. Она считает, мы им всем неровня — ни по социальному положению, ни по образованию. Но ведь мы никогда не страдали снобизмом — отец бы этого не допустил, особенно имея перед глазами такой пример, как мамочка. — Эдда вздохнула. — Но, к несчастью, люди судят о книгах по их обложкам.

Тафтс еще раз продемонстрировала свою осведомленность.

— Все сиделки из Вест-Энда и совершенно неотесанные тетки, — сообщила она.

— Теперь в нашем лексиконе не должно быть таких выражений, — осадила ее Эдда.

Тафтс порой просто несносна! Молчит-молчит, а потом вдруг огорошит.

— Я всегда считала, что салфетки сильно осложняют стирку, — весело заметила Китти. — Ведь рот можно вытереть и рукой, а если течет из носа — воспользоваться собственным рукавом.

— Очень верно подмечено, — поддержала ее Эдда. — Придется пользоваться перевязочным материалом, столовые салфетки здесь явно не в чести. И советую перейти на мужские носовые платки. Никакого кружева и прочих штучек. От женских платочков и впрямь мало толку.

Китти громко откашлялась.

— У меня, конечно, бывают срывы, но я не трусиха. И никакие вест-эндовские тетки не заставят меня отступить. Я не помешана на медицине, как Эдда, но, может быть, со временем я до нее дорасту.

— Bravo, Китти! — воскликнула Эдда, захлопав в ладоши.

На ее глазах Китти прощалась с детством. Интуиция подсказывала Эдде, что здесь Китти оживет. После Мод обительницы Вест-Энда покажутся ей ангелами.

— Я уже давно не мечтаю о карьере врача, — ответила она Китти, слегка обеспокоенная ее сочувствием. — Стать медсестрой гораздо разумнее, а при современной системе обучения мы уже не будем

невежественными сиделками, которые только и умеют, что заматывать пациентов в бинты. Я как старая полковая лошадь — запах эфира заставляет меня ржать и бить копытами. В больнице я возвращаюсь к жизни!

— Кстати, о копытах. Джек Терлоу знает, что ты намерена стать медсестрой? — коварно поинтересовалась Тафтс.

Дротик пролетел мимо цели.

— Конечно, знает, — усмехнулась Эдда. — И это не разбило ему сердце, как, впрочем, и мне. Его гораздо больше беспокоит, как без меня прогуливать Фатиму. Теперь я буду заниматься верховой ездой самостоятельно.

— Если у тебя останется Тамберлина, — сказала Грейс. — Отец ничем не обязан Джеку Терлоу, который даже не ходит в церковь.

Лицо Эдды омрачилось, и Китти с готовностью ринулась ей на помощь:

— Заткнись, Грейс! Это не для обсуждения! Кстати, Эдс, почему ты так любишь ездить верхом?

— Садясь в седло, я отрываюсь от земли и становлюсь выше, — серьезно объяснила та. — В этом все дело. Верхов я могу смотреть на мужчин свысока.

— Как бы я хотела быть высокой, — вздохнула Китти.

Дверь в коридор со стуком распахнулась, и на пороге возникла сестра Бейнбридж, возмущенно обратившаяся к своим подопечным:

— Что это значит? Вы даже не начали распаковывать чемоданы!

* * *

Городская больница Корунды, самая большая в Новом Южном Уэльсе, была рассчитана на 160 коек, к ней же относилась психиатрическая лечебница, где содержалось 80 человек, и дом для инвалидов и престарелых в долине Дубара, где климатические условия были особенно благоприятны. Внешним видом она похвастаться не могла, поскольку более всего походила на армейские казармы. На известняковом фундаменте были возведены длинные деревянные постройки с широкими крытыми террасами, присутствие которых не давало назвать эти строения сараями. Мужские отделения были в два раза длиннее, чем женские. Детское отделение, поликлиника, рентгеновский кабинет, операционная, кухня и склад тоже были представлены в дереве, в то время как административное

здание, выходящее фасадом на Виктория-стрит, было выстроено целиком из известняковых блоков. Обширная территория больницы была заставлена разнокалиберными домишками — от игрушечного коттеджа старшей медсестры до бараков, построенных во время войны, когда здесь располагался военный госпиталь. У этого участка было одно неоспоримое преимущество — на всей своей протяженности он был абсолютно ровным. Это позволило соединить все здания крытыми переходами, которые паутиной оплели всю территорию больницы. Здесь их называли дорожками. Часть из них представляла собой настил с крышей на столбах, как тот, что вел к домику, где поселили сестер Латимер, другие имели еще боковое ограждение. Переходы, примыкавшие к мужским и женским отделениям, были закрыты с боков и использовались как приемные покои. Там же ждали и те, кто приходил проводить детей. Родильному отделению повезло больше — оно находилось в административном здании вместе с травмопунктом и небольшой операционной.

При первом же столкновении с больничными реалиями сестры Латимер пережили столь сильный и болезненный шок, что, исходя из логики старшей медсестры, им следовало немедленно обратиться в бегство. Они были воспитаны как настоящие леди и никогда не сталкивались с прозой жизни, но при оценке их характеров Гертруда Ньюдигейт, чья молодость осталась в далеком прошлом, совершенно не учла таких факторов, как сила духа и целеустремленность.

Первое потрясение было вызвано тем, что сестры вдруг осознали: больница — это место, где пациентов отправляют на тот свет. Третью больных покидали больницу через морг, другую треть выписывали умирать домой. Эти статистические данные были предоставлены им меланхолически настроенным санитаром по имени Гарри, который стал их инструктором задолго до того, как они встретили своего официального преподавателя доктора Лиама Финакана.

— У этих больных обреченный взгляд! — в ужасе сообщила Тафтс. — У меня такое чувство, что мы просто провожаем их в мир иной — а здешние сиделки и в ус не дуют.

— Они давно ко всему привыкли и смирились, — объяснила Грейс, с трудом сдерживая слезы.

— Вздор! — возразила Китти. — Сиделки достаточно опытные и знают, как вести себя с больными — их надо убеждать, что они обязательно выздоровеют. Я стараюсь у них учиться, и совершенно не важно, как они к нам относятся. Смотрите и набирайтесь опыта!

— Китти права, — согласилась Эдда, оставив свое возмущение для более вопиющих случаев типа резаных газет вместо туалетной бумаги и дырявых полотенец — неужели у больницы даже на это нет денег? — Грейс, не распускай нюни, сегодняшний лимит ты уже исчерпала.

— Сестра Вильсон плеснула на меня из таза, куда кого-то вырвало!

— Это потому, что ты продемонстрировала, как тебе противно. Не показывай своего отвращения, и ничего подобного не случится.

— Я хочу домой!

— И не думай, маленькая свинка! — ответила Эдда, стараясь скрыть свое сочувствие. — Иди и смени фартук, пока не просочилось на платье. Фу! Ну и несет же от тебя!

В таком духе прошла первая неделя. К концу ее они научились облачаться в свои накрахмаленные «картонки» и воздвигать на головах складчатые сооружения, напоминавшие птичьи крылья. Другие сиделки носили более гуманную форму, которая предусматривала даже короткие рукава, но практиканток нового типа следовало запаковывать, как посылки.

Еда для больных и медперсонала была одинаково мерзкой, но девушки так уставали на работе, что их не смущала ни водянистая капуста, ни комковатая жирная подливка. Сестра Бейнбридж с самого начала предупредила их, что в кухне разрешается только кипятить воду, чтобы выпить чаю, кофе или какао.

— И больше ничего, даже тостов, — строго заявила она.

Пастор оберегал дочерей, не посвящая их в детали, связанные с погребением умерших, а такие слова, как «инцест», «сифилис» и «половые извращения», были полностью исключены из их лексикона. Жаркий климат и отсутствие холодильников вынуждали держать покойников в закрытых гробах. Поэтому когда на второй день практики сестра Бейнбридж показывала девушкам, как подготовить к погребению труп, они впервые в жизни увидели мертвое тело.

— Сифилитик, изнасиловавший свою сестру, — пошутила Бейнбридж.

Ответом ей были лишь недоуменные взгляды.

— Не роняйте своего достоинства, — яростно прошептала Эдда, когда сиделка удалилась, посмеиваясь над их неосведомленностью. — Помните, что мы Латимеры, и ничто не может нас согнуть. Не давайте им одержать верх. Никакого хныканья и всяких там депрессий.

От страшной усталости у них постоянно ныло и болело все тело — ноги, спина, суставы. Все, чему учила их амбициозная Мод, пришлось забыть. В больнице для всякого рода излишеств не было ни условий, ни

времени. Ее главный врач был редкостным скрягой, не склонным потакать даже самым скромным потребностям и одержимым идеей экономии денег, к которым он присасывался, словно пиявка к полнокровной плоти.

Апрель, май и июнь прошли в тумане изнеможения, которое сыграло в пользу больницы. Даже у Грейс не было сил помышлять о бегстве — такая цель казалась им недоступной, как Эверест. Девушки просто терпели и выживали.

Эдда старалась сплотить сестер, в душе она была уверена, что все обязательно изменится к лучшему, и прошлое давало тому примеры. Решающим фактором, удерживавшим их на посту, было отопление, которое отсутствовало у них дома. Зимой так славно жить в тепле, перед этим бледнеют все тяготы больничной жизни. Главное — не спасовать перед безжалостным окружением, и тогда их обязательно ждет награда в виде мягких стульев, горячих тостов и чуть большего количества доброты. Скоро начнется теоретический курс, и тогда наконец появится спрос на их мозги. К концу практической подготовки сестры уже мало чем отличались от обитательниц Вест-Энда.

Теоретический курс для сиделок нового типа должен был читать доктор Лиам Финакан, больничный патолог (и одновременно главный судмедэксперт Корунды). На эту миссию он согласился по двум причинам: во-первых, уровень интеллекта больничных сиделок приводил его в отчаяние, во-вторых, он был поражен усердием практиканток, сновавших по больнице в рамках наскоро скроенной подготовительной программы.

Лиам Финакан, протестант из Ольстера, окончил медицинский колледж Святого Варфоломея, где в то же самое время училась Гертруда Ньюдигейт, так что знакомы они были давно. Любовь к патологии свела его с сэром Бернардом Спилсбери, в результате чего его квалификация возросла настолько, что он с легкостью мог претендовать на место главного патолога в любой больнице Сиднея или Мельбурна. Но он выбрал Корунду, потому что там жила Эрис, на которой он женился в Лондоне. К тому времени, когда сестры Латимер появились в больнице, доктор Финакан трудился там уже пятнадцать лет.

Как и большинство патологоанатомов, он был тих, застенчив и не умел обращаться с больными, считая покойников более интересными объектами. Тем не менее в середине июля после двухнедельного общения с юными стажерками Лиам Финакан открыл новую сторону своей натуры, доселе не известную никому, включая его самого. Из ментальной конюшни был выведен боевой конь, а из затянутой паутиной кладовки извлечены

рыцарские доспехи. Оседлав первого и облачившись во вторые, Лиам с копьем наперевес поскакал навстречу противнику, в роли которого он видел отнюдь не скупердяя Фрэнка Кэмпбелла. Его жертвой стала старшая сестра Ньюдигейт.

— Гerti, ты совершенно не помогаешь этим девушкам и не оказываешь им никакой поддержки, — заявил он с металлом в голосе. — Стыдись! Когда сюда приходят обычные сиделки, они попадают в компанию себе подобных. Все эти женщины из Вест-Энда, и они всячески опекают своих новых коллег. А эти четыре очутились в полной изоляции, и им даже не к кому обратиться. И не говори мне, что ты сама здесь недавно. Поддерживать новеньких — твой долг, которым ты самым бессовестным образом пренебрегаешь, потому что их присутствие не нравится вест-эндскому большинству. Думаешь, я забыл, как ты ворчала и жаловалась, что тебе на шею вешают стажерок? И что же? Сейчас середина июля, а ты продолжаешь делать вид, что их не существует. Поселила их в какой-то развалюхе, поставила над ними эту толстую ленивую корову Марджи Бейнбридж и в награду отвела ей в том же доме целую половину.

Глаза доктора, потемневшие, как море во время шторма, метали в Гертруду сердитые молнии. Он предложил:

— Твои практикантки работают до изнеможения. А их жилье вполне в духе Фрэнка Кэмпбелла — жесткие стулья и солдатские койки. Кухней им пользоваться не разрешают. По счастливой случайности их дом отапливается, так что они хотя бы не мерзнут. Но им самим приходится колоть дрова и топить котел, чтобы иметь горячую воду, а это уже слишком! Ты меня слышишь? Это преступно! Несмотря на свое происхождение, они были воспитаны в скромности — тебе повезло, что их мать эгоистичная стерва.

Положив ладони на безупречный стол медсестры, доктор впери́л в нее грозный взгляд.

— Я еще поговорю с Фрэнком Кэмпбеллом на эту тему и надеюсь на твою полную поддержку, Гerti. Каждая из девушек должна иметь отдельную спальню. Им также следует выделить общую комнату с креслами, столами и полками для книг, чтобы они могли там заниматься. Разреши им готовить на кухне и проследи, чтобы к весне у них был ящик со льдом. Оторви зад от стула и обеспечь им нормальные условия! Пусть Марджи Бейнбридж присматривает за ними, ради бога, но роскошествовать ей совсем не обязательно. Я слышал, для медсестер собираются построить новый дом, но пока его нет, я хочу, чтобы мои подопечные жили в человеческих условиях.

Гертруда Ньюдигейт выслушала его до конца, но разделить ответственность за скаредность Фрэнка Кэмпбелла оказалась явно не готова.

— Сам воюй с этим типом, — холодно проговорила она. — А я уже сыта по горло.

— Вздор! Вам с Фрэнком меня не запугать. Герти, ты только подумай! Эти девушки достойны лучшего! Разве стоит терять четырех потенциальных медсестер ради того, чтобы ублажить шайку невежественных сиделок, которые не могут отличить натрия от калия? И ни черта не разбираются в медицинских терминах, хоть им кол на голове тещи. Направь свою энергию в нужное русло и постарайся убедить этих теток, что современная медицина требует грамотного персонала. Надо идти в ногу со временем!

К Гертруде вернулось ее обычное самообладание. Она отлично поняла доктора, но его претензии показались ей необоснованными. Слишком недолго пробыла она в больнице, чтобы по-настоящему оценить, какую опасность таит невежество здешних сиделок. В отместку она выпустила в него отравленную стрелу.

— Как поживает твоя жена? — участливо спросила она.

Но доктор был неуязвим для подобных выпадов.

— Флиртует, как обычно. Горбатого могила исправит.

— Ты должен с ней развестись.

— Зачем? Я же не собираюсь снова жениться.

Для сестер Латимер доктор Финакан был лучом света в непроглядной тьме, и они искренне полюбили его. Обнаружив их незаурядные способности и отменную подготовку, он с энтузиазмом отдался преподаванию и был поражен уровнем девических познаний в области математики и физики, позволявшим им разбираться в таких сложных вещах, как электричество и теория газов. Его слушательницы не уступали мужчинам с медицинским дипломом. Все новое они схватывали с поразительной быстротой. Даже у Грейс было достаточно соображения, чтобы справляться с теорией, но ей мешало отсутствие интереса. И хотя в разговоре с сестрой Ньюдигейт речь шла о «четырех потенциальных медсестрах», точнее было бы говорить о трех, ибо Грейс явно не горела желанием становиться дипломированной медсестрой.

Любимицей доктора была Тафтс, которую он неизменно называл Хизер. Конечно, Эдда была умнее и одареннее, но патологоанатом Лиам обожал порядок, логику и методичность — а уж в этом Тафтс не было

равных. Из Эдды мог получиться блестящий хирург, а Тафтс была прирожденным патологоанатомом, дотошным, упорным и усидчивым. Их симпатии были взаимными. Ни мужская импозантность хирурга Эриха Герцена, ни кипучее обаяние главного акушера Неда Мэсона не шли ни в какое сравнение с магнетизмом доктора Финакана с его чуть седоватой шевелюрой, узким изящно вылепленным лицом и серо-голубыми глазами. Это отнюдь не означало, что Тафтс, вообще не склонная к романтике, грезилась о нем по ночам. Просто он нравился ей как личность, и ей доставляло удовольствие находиться в его обществе. Уважая особенности ее характера, сестры никогда не поддразнивали ее по поводу мужчин, тем более когда дело касалось доктора Финакана. В натуре Тафтс было что-то монашеское, хотя обликом она ничуть не напоминала Христову невесту.

Факел, которым Лиам опалил старшую медсестру, стал своего рода эстафетной палочкой. Гертруда Ньюдигейт припекла им сестру Бейнбридж, которая, в свою очередь, подпалила Лину Корриган, неформального лидера сиделок, а та распространила пламя на все вест-эндское сообщество. Ожоги не проходили долго.

Жилище практиканток претерпело самые радикальные изменения — его расширили и вылизали до хирургической чистоты. Теперь у каждой из сестер была собственная спальня, в общей гостиной появились мягкие кресла, столы и даже радиоприемник, на кухне стало возможно готовить, к двум ванным срочно подвели горячую воду, для чего была вырыта отдельная траншея. Санитар Гарри ежедневно забирал их форму для стирки, а шкафы в кухне были набиты печеньем, банками с джемом, бутылочками с соусами, чаем, кофе с цикорием, какао-порошком, экстрактами для приготовления прохладительных напитков и черносмородиновой настойкой. Но все это бледнело по сравнению с большим ящиком со льдом, где могли поместиться и яйца, и бекон, и масло, и колбаса.

— Наверное, я уже умерла и нахожусь на небесах, — вздохнула Грейс.

Совершенно неожиданно сестру Бейнбридж выселили в отдельный маленький домик по соседству. Но перед уходом она успела поделиться со своими подопечными секретом английской соли. Если бросить ее в таз или ванну с горячей водой, она мгновенно снимает боль в уставших членах. И как только они раньше без нее обходились?

— Теперь, вероятно, на небо попала я, — заявила Эдда. — Мои ноги просто как новые.

И хотя признание среди сиделок старой закалки пришло к ним очень

нескоро, их явная враждебность резко пошла на убыль. Какой смысл метать стрелы, если мишени все равно целы?

— Это началось в середине июля, — заметила Эдда на исходе сентября, когда вокруг зажелтели моря нарциссов. — Кто-то явно за нас заступился — но кто?

Их догадки охватывали широкий круг лиц, от заместительницы старшей сестры Энн Хардинг до самой безобидной из сиделок Нэнси Уилсон. Но никто из девушек, включая Тафтс, не заподозрил доктора Лиамы Финакана, который с удовольствием наблюдал, как расцветают его протеже в достойной их обстановке.

— Первая мировая война способствовала значительному прогрессу в хирургии, но в лечении болезней серьезных сдвигов не произошло, — начал доктор Финакан свою очередную лекцию. — Безжалостные убийцы продолжают свое черное дело, выкашивая огромное количество людей — это прежде всего пневмония и сердечно-сосудистые болезни. И вам, девушки, предстоит сделать огромный вклад в лечение пневмонии. — Он поднял брови, и глаза его заискрились. — Не верите? А дело вот в чем. Власти предрежащие наконец осознали, что хорошо обученная, квалифицированная медсестра может обеспечить по-настоящему эффективный уход за больными. Имея достаточные познания в анатомии и психологии, она не ограничится выносом суден и заправкой постелей. Нет, она будет постоянно теревить больного, чтобы он не лежал, как тряпичная кукла, а хотя бы немного двигался, вселит в него надежду на выздоровление, объяснит ему простым языком — чего никогда не делают врачи, — чем именно он болен, и никогда не оставит его без внимания, даже если будет занята по горло. Пневмонию лечит прежде всего постоянная забота и грамотный медицинский уход.

Практикантки жадно внимали доктору, все более проникаясь убеждением, что для подобной миссии сиделка должна быть основательно подкована в медицинских науках.

— Вот в этом и заключается главная проблема наших вест-эндских коллег, — сказала Эдда своим сестрам, когда они заправлялись бутербродами с колбасой на своей теплой кухне. — Они живут дома, тянут семью и хозяйство, едва умеют читать и писать и владеют лишь самыми примитивными навыками ухода. Некоторые становятся отличными сиделками, но для большинства это просто не слишком приятная работа. Если больного пневмонией требуется размять, заставить двигаться или откашляться, все будет зависеть от занятости или добросовестности

сиделок и благосклонности дежурной медсестры. Под этим нет никакой теоретической основы.

— Ну, это точно не про нас, — мрачно процедила Грейс. — У меня голова пухнет от всех этих болезней и медицинских терминов.

— Да полно тебе, Грейс. Голова у тебя пухнет от того, что ты наконец используешь ее по назначению, вместо того чтобы читать журналы и обмирать по Рудольфо Валентино.

— А мне нравится учиться, — заявила Тафтс, на секунду оторвавшись от «Анатомии» Грейса.

— Если насаждаешь на книжку жирных пятен, устрою тебе головомойку, — пригрозила Эдда.

— Когда это я портила книжки?

Их занятия не прерывались ни на один день. Доктор Финакан был неутомим.

— Чтобы убить большинство микробов, достаточно и щепотки перца. Мы уже хорошо их изучили и знаем, как с ними бороться. Но только не тогда, когда они проникли в наш организм. Бациллы, находящиеся в тканях, как в случае с пневмонией, для нас неуязвимы. Мы можем разглядывать их в микроскоп, но никакие лекарства, вводимые перорально или посредством инъекций, не в состоянии их убить.

Он посмотрел на Тафтс — вот она, идеальная медсестра!

— Как главный судмедэксперт Корунды, я обязан проводить вскрытия, то есть хирургическое рассечение тел умерших. Вы будете изучать анатомию и физиологию в морге. Если попадет покойник без родственников и друзей, я вскрою все его тело, чтобы вы в подробностях изучили системы организма — например, лимфатическую, сосудистую, пищеварительную. Будем надеяться, что в морг попадет достаточное количество нищих. Обычно с этим не бывает проблем.

Он строго посмотрел на практиканток.

— И прошу вас запомнить! Умерший, которого мы вскрываем, является творением Господа, каким бы ничтожным он ни был при жизни. Эти люди были живыми, частью Божьего промысла. Любое человеческое существо имеет право на уважение даже после смерти. Сестра Латимер, вы должны помнить, что желания пациентов для вас не менее важны, чем ваши собственные. Сестра Тридби, имейте в виду, что не все дети ангелы ни по характеру, ни по поведению. Сестра Скоуби, знайте, что бывают случаи, когда не работают даже самые испытанные приемы. А вам, сестра Фолдинг, я хотел бы указать, что даже самые отвратительные проявления болезней созданы Богом. — Доктор усмехнулся. — Нет, я не религиозен,

как ваш отец, уважаемые леди, для меня Бог — это совокупность всего, что было, есть и будет.

Хороший человек — таков был вердикт Эдды, горячо поддержанный Тафтс. Китти решила, что он несколько резковат, а Грейс посчитала его вестником судьбы, обрекающим ее на каждодневную грязь и малоприятные процедуры.

Одно утешало: о том, что они близнецы и сводные сестры, не знал никто, кроме старшей медсестры, доктора Кэмпбелла и Лиамы Финакана. Между домом пастора и городской больницей пролежала глубокая пропасть.

По мнению Эдды, ни один мужчина даже в подметки не годился Джеку Терлоу, с которым она повстречалась на конной тропе, когда ей было семнадцать. Под ним была высокая породистая лошадь, серая в яблоках с черной гривой и таким же хвостом. Эдда, восседавшая на толстой старой Тамберлине, могла о такой только мечтать, прекрасно понимая, что ничего подобного ей не светит.

Она до сих пор помнила этот день: был конец осени, и с плакучих ив летели желтые листья, похожие на маленькие дротики. Вода в реке была прозрачной, как стекло, ее блестящая лента уходила к горному перевалу, чьи округлые вершины теснились к востоку от Корунды, закрывая собой горизонт. Волшебный мир пронзительных ветров, далекого дыхания снегов, острого запаха земли, неба с барашками облаков...

Эдда увидела всадника сквозь поникшие ветки ив, когда он легким галопом спускался по тропе. Он отлично держался в седле, его загорелые мускулистые руки небрежно придерживали поводья, уроненные на шею лошади. Похоже, они давние друзья, подумала Эдда, съезжая с тропы, чтобы пропустить незнакомца. Интересно, он проедет мимо, проигнорировав ее присутствие, или все же остановится, чтобы поприветствовать собрата-наездника?

День был пасмурным, и мужчина ехал с непокрытой головой. Замедлив шаг, он поднял руку ко лбу, словно хотел приподнять шляпу. Не кинозвезда, конечно, но Эдде он показался гораздо привлекательнее, чем эти манерные господа со слоем грима на лицах, накрашенными ресницами и ярко-красными губами. Типичный уроженец здешних мест и вдобавок очень интересный. Продемонстрировав хорошие манеры, незнакомец остановился и, соскочив с лошади, помог спешиться Эдде, хотя она в этом ничуть не нуждалась.

— Этой старушке пора на покой, — представившись, заявил он и похлопал Тамберлину по морде.

— Да, конечно, но с тех пор как отец ездит на машине, у нас не осталось других лошадей.

— Предлагаю вам обмен.

Эдда удивленно распахнула светло-серые глаза:

— Обмен? Мне?

— Ну, не лично вам, а пастору. Мой домашний загон слишком мал для молодой резвой лошади, а для вашей старушки будет в самый раз. Я забираю ее себе, а взамен даю вам четырехлетнюю кобылу Фатиму, но с условием, что вы будете регулярно на ней выезжать. Ей нужно двигаться, — объяснил Джек, вынимая сигарету.

— Если отец согласится, я готова меняться хоть завтра! — воскликнула Эдда, не веря своему счастью. Крепкая молодая лошадь для прогулок и зеленый загон для Тамберлины! Только бы папочка согласился!

Джеку Терлоу только что исполнилось тридцать. Он был высок и хорошо сложен. Густая золотистая шевелюра, мужественное лицо, голубые глаза и решительный взгляд — одним словом, Бердам с головы до ног.

— Я наследник старика Бердама, — мрачно сообщил он.

У Эдды перехватило дыхание.

— Вас, кажется, это не радует? — засмеялась она.

— Какая, к черту, радость! Что мне делать с этими деньжищами и всем прочим? — фыркнул он, словно деньги и власть были чем-то на редкость отвратительным. — Я с восемнадцати лет управляю поместьем Корундубар, которое принадлежит старику, и это все, что мне надо. Овцы приносят стабильный доход, а мои арабские скакуны уже получают призы на самых престижных скачках. Все остальное меня просто раздавит.

«Парень без особых амбиций», — подумала Эдда, еще не оправившаяся от известия, что путь в медицину для нее закрыт. Если бы старик Бердам подарил ей 5000 фунтов на учебу, для его капиталов это был бы мизер, а его наследник не хочет ничего. Корундубар — это лишь 5000 акров прекрасной земли, а ведь у Тома еще много чего есть. «В какие круги мы теперь вхожи!»

Так началась их странная дружба, которая ограничивалась лишь конными прогулками вдоль реки. К удивлению Эдды, отец ей никак не препятствовал — он не возражал ни против дареной Фатимы, ни против неформального общения дочери с Джеком.

И тут, конечно, не обошлось без Мод. Когда возмущенный пастор сообщил ей, что Джек Терлоу имел наглость подкатиться к его невинной дочери и предложить ей Фатиму в обмен на Тамберлину, о чем и речи быть

не может, так же как и о дальнейших конных прогулках, в ее голове моментально сработал арифмометр, который стал быстро производить подсчеты.

— Какая чепуха! — воскликнула она, пораженная глупостью мужа. — Мы сегодня же вечером поедem в Корундубар, Томас, и поблагодарим Джека Терлоу за любезное предложение. Какими же глупыми могут быть мужчины! Парень из рода Бердамов, очень неплохо устроен и к тому же единственный наследник старого Тома. Ты должен Бога благодарить, что Он послал его Эдде! Если повезет и мы немного постараемся, она в ближайшие три года станет его женой.

Эту тираду слышали сестры и в течение трех последующих лет неоднократно возвращались к ее обсуждению. Объект этой интриги — Эдда не слишком переживала на этот счет. Ей было достаточно Фатимы и нового друга. Но вот чувствительную Китти такой неприкрытый расчет поверг в ужас. Если Мод так поступает с Эддой, в отношении которой она не строила особых планов, что же она будет творить, когда придет очередь Китти?

Ни о чем, кроме дружбы, здесь и речи быть не могло. Девственность была в цене, и дочери пастора воспитывались в уверенности, что любой приличный мужчина вправе ожидать, что его невеста не потеряла невинности до брака. Внебрачная беременность считалась самым тяжким грехом.

Тому были серьезные причины, и пастор счел необходимым разъяснить их своим дочерям.

— У мужчины есть только один способ удостовериться, что он является отцом своих детей, — сообщил пастор своим дочерям, когда им исполнилось пятнадцать. — Невинность жены в день свадьбы и ее верность в браке. С какой стати мужчина должен давать пищу и кров чужим детям? Ветхий и Новый Заветы требуют соблюдать целомудрие и супружескую верность.

В дальнейшем Томас Латимер неоднократно повторял эту проповедь, хотя невинность дочерей в большей степени гарантировалась тем фактом, что ни одна из них, включая Эдду, не горела желанием пуститься во все тяжкие.

Несмотря на все свои достоинства, Джек Терлоу не заставил Эдду потерять голову, как, впрочем, и любой другой мужчина из тех, кого она встречала раньше. Зная о своей способности покорять мужские сердца, она ждала, когда заговорит ее собственное. Но этого так и не произошло. Склонная во всем винить себя, Эдда решила, что просто не способна на

глубокие чувства. «Видно, я холодная натура, — рассуждала она, — раз никто меня не волнует. Все эти поцелуи для меня ничего не значат. А обжимания в темных углах, когда приходится бить по рукам, чтобы тебя не хватали за грудь? Ну что в этом хорошего?»

И все же она продолжала встречаться с Джеком Терлоу во время конных прогулок, мысленно благодаря его за сдержанность — он никогда не делал попыток обнять или поцеловать ее. Конечно, между ними существовало некое физическое притяжение, но они оба держали его под контролем.

Однако в январе 1926 года она сама поцеловала его.

В тот день, увидев Эдду, Джек пустил своего серого мерина в галоп и, быстро спешившись, дрожащими руками стащил ее с Фатимы.

Он весь трясся и не скрывал слез, что не помешало ему схватить Эдду в охапку и, оторвав от земли, закружить в безумном суматошном танце.

— Нарисовался новый наследник! — сообщил Джек, опуская Эдду на землю. — Старый Том спустил меня с поводка! Сегодня в десять утра я стал официальным владельцем Корундубара и подписал отказ от всех других владений Тома. Я свободен, Эдда! Свободен!

Она не смогла удержаться и поцеловала его в губы, поздравив таким образом с радостным событием, однако поцелуй этот длился несколько дольше, чем того требовали приличия, грозя перерасти в нечто более серьезное и глубокое. Но Джек вовремя отвернул залитое слезами лицо и сжал ее руки в ладонях.

— Я так за тебя рада, — хрипло сказала Эдда, и на лице у нее появилась улыбка.

— Эдда, сбылась моя мечта!

Джек вытащил платок и вытер глаза.

— Корундубар — превосходная собственность, и размер у нее в самый раз. Там нет проклятых рубинов, так что капиталы и власть мне больше не грозят. — Усмехнувшись, он взъерошил ее короткие волосы, чего она терпеть не могла. — А то я просто не знал, куда деваться — ведь ты через три месяца отправляешься в свою больницу, и наши прогулки придется прекратить. Я даже подумывал подать на развод, чтобы разводить мериносов. И вдруг такой сюрприз!

— Я смогу выезжать в свои выходные, — сообщила Эдда.

— Это меняет дело.

Старик Бердам наконец нашел подходящего наследника, и все с нетерпением ожидали, когда его привезет сиднейский или мельбурнский поезд. Но он так и не появился, а старина Том никак не комментировал его

отсутствие.

Сведения о нем были крайне скудны и отрывочны и никак не могли удовлетворить аппетиты местных сплетниц.

Самой предприимчивой из них оказалась Мод, у которой, по счастью, успели созреть ранние яблоки. Набрав целую корзину, она отправилась к Тому и Ханне Бердам. Там она пустила в ход все известные ей уловки, но результат оказался довольно скромным. Тем не менее она узнала достаточно, чтобы заморить червячка и пуститься на дальнейшие поиски информации.

От Тома и Ханны она узнала, что нового наследника зовут Чарлз Генри Бердам, ему тридцать два года, он родился и воспитывался в Англии и продолжает жить там сейчас. Наследство Тома для него не такое уж большое приобретение, поскольку он и сам достаточно богат. Том с гордостью сообщил, что парень хорошо известен на лондонской бирже, а Лондон, как известно, — мировая финансовая столица!

Вооружившись этими сведениями. Мод отправилась на станцию, чтобы сесть на ночной поезд Мельбурн — Сидней, куда она и прибыла в шесть часов утра. Позавтракав на Центральном вокзале, она устремилась в публичную библиотеку и стала дожидаться ее открытия. Там, в читальном зале, она наконец выяснила массу подробностей о Чарлзе Генри Бердаме. Да, в предприимчивости этой даме было не отказать!

Чарлз Бердам был богат, но не лишен альтруизма — он посвятил себя медицине и занимал должность заместителя главного врача Манчестерского королевского лазарета. Очень престижное место! Похоже, в его медицинской карьере не последнее место сыграли деньги. Мод перерыла все что можно: биографические словари (Итон, Бейллиол, Гайс), толстые подшивки газет, желтую бульварную прессу, журналы светских новостей, журналы поскромнее и совсем уж сомнительные журнальчики, которые балансировали на грани нарушения закона о диффамации. Все они дали неплохой навар — доктор Чарлз Бердам был весьма заметной фигурой.

В 1925 году он обручился с единственной дочерью герцога. Это скандальное событие подробно обсуждалось всеми бульварными газетами по обе стороны Атлантики, поскольку доктор Бердам, несмотря на все свои деньги и обширные поместья в Ланкашире, был, с точки зрения герцога, неподходящей партией для его дочери. Когда на первой странице News of the World появилась фотография Сибиллы, отплясывающей чарльстон с Чарлзом Бердамом на какой-то подозрительной вечеринке, герцог срочно изъясил свою дочь из жизни Чарлза. Заинтригованная Мод быстро выяснила,

что Сибилле было всего семнадцать и она во всем зависела от отца. Но любовь была так сильна, что парочка пустилась в бега, но была поймана, после чего Сибилла исчезла с лица земли. Пронырливый французский фотограф ухитрился сфотографировать дочь герцога, печально сидящую на лоджии их виллы на Ривьере. На следующей фотографии она уже была в подвенечном наряде и сочеталась законным браком с женихом, которого подыскал для нее герцог: потомок Вильгельма Завоевателя по женской линии, рост шесть футов четыре дюйма, владелец чуть ли не всего Камберленда и Нортумберленда, а со стороны отца — в близком родстве с Ганноверским королевским домом.

Единственное, чего не нашла Мод, так это приличной фотографии денежного доктора. Черно-белые снимки не давали ответа на самый животрепещущий вопрос — хорош он собой или нет; на них лишь было видно, что у него есть нос, рот, глаза и копна светлых волос. Фотографии в компании других мужчин давали понять, что он не слишком высок... Ну и прекрасно, подумала Мод, долговязый парень для Китти не подойдет.

Мод с удовольствием разнесла на хвосте нарытые сведения, благоразумно умолчав о своих планах относительно Китти. Рано или поздно Чарлз Бердам явится проинспектировать свое колониальное наследство, причем наверняка в холостом качестве — после сокрушительного фиаско с дочерью герцога полученные раны заживут не скоро. Китти же, целиком поглощенная медицинской практикой, к этому моменту сохранится в нетронутom виде. Все складывается как нельзя лучше! Эдда выйдет замуж за Джека Терлоу, Грейс выскочит за какого-нибудь жалкого неудачника, зарабатывающего на жизнь своим собственным трудом, а Тафтс станет для них главной помощницей, незамужней сестрой, помогающей растить родившихся детей.

Мод ничуть не сомневалась, что все произойдет именно так. Бог поможет осуществить все ее замыслы — ведь им руководит прежде всего разум, иначе зачем он тогда сотворил Мод?

* * *

В любом новом деле труднее всего даются первые полгода. Эту мантру сестры Латимер повторяли вплоть до самого конца 1926 года, когда с удивлением обнаружили, что вся их компания сумела выжить, не исключая слабую духом Грейс.

«Жаль только, что мы находимся в полной изоляции, — часто думала

Тафтс. — Здесь все разделены на касты: нам не разрешают общаться с докторами или обслугой, а сестры внушили сиделкам, что мы не их поля ягода, а лишь предвестницы новых больничных порядков. Я не могу подружиться с санитарями Гарри и Эрни, не могу сидеть в столовой в компании сиделок, а если в палате появляется доктор, меня срочно отсылают разбирать грязное белье или драить судна. Я нахожусь на определенном уровне, выше или ниже которого мне доступ запрещен. О каком товариществе может быть речь, если персонал больницы не может общаться между собой просто по-дружески? А ведь наши яростные враги могли бы извлечь пользу от общения с нами. Я бы с удовольствием поделилась с Линой Корриган, Нэнси Уилсон и Морин О'Брайен своими знаниями по химии и физике, чтобы они были в курсе, что вода имеет три состояния, а йод является химическим элементом. Но они не желают учиться, ведь признаться в своем невежестве для них означает потерпеть поражение в той нелепой войне, которую они нам объявили. И как прикажете им вдолбить, что только знания могут вывести их из нищеты и жалкого подчинения?»

— Сиделки убеждены, что если мы будем вариться в собственном соку, то рано или поздно располземся по всем швам, — сказала Эдда. — И когда они наконец очнутся?

В канун Рождества сестры одевались, чтобы пойти в церковь. За всю их практику это было первое воскресенье, когда все четверо были свободны. После службы они собирались пойти домой, где их ждал праздничный обед. В августе Тафтс и Китти исполнилось девятнадцать, а в ноябре Эдде и Грейс — двадцать один. Это никак не отмечалось, и поэтому сегодняшний обед был особенным.

Проверив швы на своих шелковых чулках, Грейс подняла глаза на Эдду.

— Сиделки не знают, что мы родные сестры, и не перестают удивляться нашим теплым отношениям.

«Какая она эффектная! — думала Грейс, глядя на сестру. — Почему я не могу так выглядеть? Все дело в манере двигаться, плавно и волнующе, посадке головы, чуть заметной загадочной улыбке. И красный цвет ей очень идет, причем любого оттенка».

Сегодня Эдда была в ярко-красном платье из плотного крепа, которое свободно ниспадало вниз, подчеркивая все достоинства ее фигуры. Голову украшала плоская шляпка с волнистыми полями, кокетливо сдвинутая набок. Наряд дополняли черные туфли, сумочка и перчатки.

— Ты отлично выглядишь, Грейс, — вдруг сказала Эдда, словно

прочитав мысли сестры. — Кружева просто потрясающие. На кремовом крепе они смотрятся как рисунок на крыльях бабочки. Прямо в стиле Обри Бердслея.

Грейс просияла. Натягивая длинные лайковые перчатки, она спросила:

— А как тебе моя шляпка?

— Само совершенство. Словно сложенные крылышки с черной каймой.

Группа сиделок с недовольством наблюдала, как сестры Латимер выходят на Виктория-стрит. Лина Корриган нахмурилась. Просто непостижимо, как после восьми месяцев полной изоляции девушки не переругались друг с другом. Выглядят на миллион долларов, смеются, шутят, сразу видно, что всем довольны и счастливы, а это уже совсем непонятно.

— Неужели все дело в образовании? — недоумевала Лина.

— А при чем здесь оно?

— Не знаю. Нэнси, но что-то в них такое есть, — вздохнула Лина. — И мне они начинают нравиться. Особенно эта Латимер. Прямо королева, но ничуть не задается.

— Да они все не задирают нос, — уточнила Морин. — Даже эта белобрысая Тридби.

Сиделка Корриган отошла от окна.

— Знаете что, девочки? Я сыта по горло этой войной. Им и двадцати нет, но не успеешь оглянуться, как они получают официальное свидетельство. Сдается мне, нам пора нажать на наших мужиков — вместо того чтобы дуть пиво, пусть потратят денежки на дочек, чтобы они выучились как следует. Это не я, это Скоуби так говорит.

Для Эдды, Тафтс и Китти больничная практика была всего лишь нелегким испытанием, но для Грейс она стала непрерывной мукой. Все дипломированные медсестры считались государственными служащими со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вест-эндские сиделки считались «наемными работниками» без каких-либо привилегий и стояли вровень с санитарями, уборщицами, посудомойками, машинистками и тому подобным подручным персоналом. Они могли быть замужними и считались относительно свободными. Государственные служащие женского пола не имели права выходить замуж, поэтому все медсестры были одинокими. Исключение составляли вдовы и разведенные, хотя у последних практически не было шансов быть допущенными к собеседованию. Поэтому разведенки выдавали себя за вдов и старались не

показываться в компании мужчин. Многие медсестры жили на съемных квартирах, чаще всего парами, однако некоторым из них больница предоставляла казенное жилье на своей территории. Фрэнк Кэмпбелл предпочитал, чтобы бараки, оставшиеся со времен войны, не стояли пустыми, а приносили доход, пусть и очень скромный. Ведь медсестры были отличными квартирантками — ни детей, ни мужей, регулярно накачивающихся пивом.

О жертвах, принесенных на алтарь профессиональной карьеры, никто, кроме самих медсестер, никогда не задумывался: нерожденные дети, холодная постель, отсутствие стимулов в чисто женском окружении, нищая одинокая старость. Лишенные человеческих радостей, они с головой уходили в работу, пытались дружить с соседками по комнате, заводили случайные интрижки на стороне или в кругу себе подобных. Все это не лучшим образом отражалось на их характерах. Но что делать, приходилось играть по правилам. Если бы в те времена существовали женщины-судьи, получавшие жалованье от государства, их бы тоже ждала участь старых дев.

Больничные сутки делились на три смены — с шести утра до двух пополудни, с двух до десяти вечера и с десяти до шести утра. В каждой палате должна была постоянно дежурить медсестра, а в детском отделении — двое. Всего их было пятьдесят, если считать вместе с психиатрической лечебницей и домом для инвалидов и престарелых.

Некоторые медсестры, такие как Уна Робертсон из мужского отделения и Мэг Мултон из детского, дали о себе знать, едва практикантки переступили порог больницы. Другие же, как, например, заместительница старшей медсестры Энн Хардинг, долгое время оставались в тени. Сестра Мултон была просто лапочка, в то время как сестра Робертсон могла с легкостью перецеголять любую мегеру. Обе они были женщинами средних лет с намечавшейся порослью на подбородках, расплывшимися талиями и увядшей кожей, но на этом их сходство кончалось. Всю свою любовь сестра Робертсон отдавала пациентам мужского пола, которые боялись ее, как огня, и те же чувства испытывали к ней доктора. Для Грейс она была страшнее самого дьявола.

— Фолдинг, куда вы несетесь? — осаживала сестра Робертсон суемящуюся Грейс. — Немедленно прекратите! Сиделка может бегать только в двух случаях — при пожаре или кровотечении.

«Но как тогда справляться со всей этой бесконечной мороккой? — думала Грейс. — И зачем каждый день брить пациентов? Пятьдесят физиономий за смену, даже если это умирающие».

Надо сказать, большинство больных мужского пола полностью разделяли это мнение. Грейс как-то раз услышала, как возмущался один из пациентов:

— Сами попробуйте побриться, сестричка. Стаскивайте свою косынку, а я поскребу вас этой проклятой бритвой. Узнаете, каково это. Вы прямо хуже кайзера Вилли!

— Бедняга! — посочувствовала ему чуть позже Грейс, рассказывая об этом случае Китти. — Через пять минут сестра собственноручно засунула ему в зад громадную свечу, и он все утро провел в туалете. Еще хорошо, что он ходячий.

В их практике было множество забавных моментов, но и горестных было не меньше, так что весь 1926 год сестры привыкали держать себя в руках. Одни пациенты поражали своим мужеством, другие, наоборот, трусили и скулили. Но все они старались не задерживаться в больнице, даже если их никто оттуда не выставлял. И причиной тому была патологическая скупость главного врача, от которой страдали и врачи, и пациенты. Старые продавленные матрасы, ветхие заштопанные простыни, вытертые до дыр полотенца, кустарное едкое мыло, резанные газеты вместо туалетной бумаги и отвратительная еда, годящаяся разве что для скотного двора.

Более всего сестер поражало, как может их отец, наведывавшийся к своим подопечным ежедневно, не замечать того, что творит Фрэнк Кэмпбелл. Но нет, папочка с видом святого фланировал по палатам, улыбался, ободрял страждущих, оказывая им посильную духовную поддержку и совершенно не замечая их жалкого физического состояния. А между тем пребывание в больнице не было бесплатным. Даже самым бедным пациентам выписывали счета, что существенно затрудняло работу местных социальных учреждений: им приходилось изобретать различные поводы, чтобы освободить людей от платы, а это не всегда удавалось. Доктора были люди порядочные и консультировали бесплатно, но Фрэнк Кэмпбелл стремился содрать с пациентов за каждый клочок туалетной газеты.

Китти просто расцвела в больнице, особенно после того, как ее направили в детское отделение, где было множество ребятишек с различными костными проблемами: переломы, врожденные искривления бедренных костей, нагноения, нарушение плотности костей и рахит — болезни детей из бедных семей. Прикованные к постели, они, несмотря на

боль, сохраняли детскую живость, а встав на ноги, и вовсе становились неуправляемыми. Но Китти это не смущало — она любила детей и наслаждалась общением с ними.

Мальчики и девочки до шести лет содержались вместе, а те, кто был старше, лежали в разных палатах. После четырнадцати их определяли во взрослые отделения. Зимой чаще встречались переломы, летом — желудочно-кишечные расстройства, но все пятьдесят коек были заняты круглый год, поскольку детям требовалось более длительное лечение. Здесь преподобный Томас Латимер был более чуток к нуждам пациентов — детей завалили игрушками и книжками, а палаты бесперебойно отапливались паровыми батареями, что не всегда соблюдалось в других местах. Бюджет больницы предусматривал единственного сантехника, который мог только мечтать о напарнике.

Китти была так поглощена работой, что совершенно не заметила, в какой момент исчезла ее депрессия. Возможно, она покидала ее тихо и незаметно, а в детском отделении окончательно сдала позиции. Возня с детишками мнилась тем благодатным покровом, который согревал, успокаивал, придавал силы и отгораживал от суетных желаний. Она поняла, что мир полон страданий, по сравнению с которыми ее собственные кажутся просто смешными. Девятнадцать лет она была центром всеобщего внимания, а теперь вдруг очутилась на самой его периферии — здесь она никто и ничто. Китти так понравилось это перемещение, что она и думать забыла о своей красоте, о Мод и прежней жизни под родительским кровом. Даже самый несносный ребенок не мог нарушить ее внутренней гармонии. Китти наконец обрела свободу.

Она совершенно не замечала, что подобное преобразование только добавило ее красоте притягательности. Пытаясь изолировать практикантку от назойливого внимания мужчин, старшая медсестра прибегла к последнему средству, отправив Китти в детское отделение.

— Проблема в том, что эта Тридби такая хорошая сиделка, что я просто не имею права ее потерять, — заявила старшая сестра Лиаму Финакану. — И надо сказать, она ни капли не кичится своей внешностью. Но мужчины при виде ее теряют головы, а женщины ее просто ненавидят и за красивое личико, и за ангельскую доброту.

— К счастью, в нашей больнице нет Париса, который мог бы похитить Прекрасную Елену, — усмехнулся Лиам.

— А ты почему к ней равнодушен, Лиам?

Доктор отбросил со лба волосы, которые обычно падали ему на глаза.

— Не знаю. Вероятно, мне не нравятся крашенные блондинки.

— К величайшему сожалению, волосы у нее натуральные! Возможно, чернота у корней несколько охладила бы наших молодых докторов.

— Тридби вполне устраивают дети, — примирительно сказал Лиам.

— Да, но она не может оставаться в детском отделении вечно.

— Ты права. Тогда сведи до минимума ее общение со взрослыми пациентами.

— Мэг Мултон просто обожает ее, она мне все уши прожужжала, как Тридби замечательно ухаживает за детьми. Эта девица просто светится от счастья в детских палатах и работает там, как лошадь.

— У каждого свои недостатки, Герти, — подытожил доктор Финакан.

Дрейфуя по палатам с улыбками, прыжками и танцевальными па, которыми она пыталась развеселить детишек, Китти продолжала делать открытия, удивляясь своей прежней слепоте. Раньше в глазах людей она была всего лишь красивой пустышкой, неспособной ни на что путное, но в больнице, и в особенности в детском отделении, все стало на свои места. Теперь у нее появилась цель, и она наконец почувствовала себя нужной.

Дети просто не оставляли времени для внутренних рефлексий. Только успевай поворачиваться: то Джимми Коллинз расковыряет незажившую болячку, то Джинни Джакометти расшалится так, что свалится с кровати, то вечно голодный Элф Смизерс съест целую коробочку цветных мелков.

— У него могла бы быть потрясающе радужная улыбка, но последними он съел черные — и все испортил! — сообщила Китти сестре Мултон.

Их разговор прервал громкий вопль — это был Барри Симпсон:

— Сестра, сестра! Я сделал каку в кровати!

— Прощай, простыня! — заметила Китти. — У Барри грандиозное пищеварение.

Но даже в детском отделении Китти доставали мужчины. Особенно настойчивым был врач-ординатор Нейл Крэншоу, который беззастенчиво пользовался своим служебным положением. Китти терпеть его не могла, но приходилось соблюдать внешние приличия.

— Как насчет ужина в «Парфеноне»? — поинтересовался он, наблюдая, как сестра Тридби справляется с последствиями детской неожиданности.

— Извините, сэр, но я занята.

— Но вы же не можете быть заняты каждый вечер, сестра.

— До июня двадцать девятого года могу.

— И что произойдет потом? — спросил доктор, прикидывая, как лучше к ней подъехать. Такая красotka! Он принял смиренно-восхищенный

вид, несколько подпорченный откровенным вождением, сквозившим в его взгляде.

— Я получу официальный диплом медсестры и смогу принимать приглашения на ужин, — с притворной скромностью ответила Китти. — А до тех пор я вынуждена все свободное время посвящать занятиям.

Он попытался настаивать, но тут появилась сестра Мултон, причем в полной боевой готовности, и доктор Крэншоу срочно ретировался.

— Спасибо, сестра, — поблагодарила Китти. — Неженатые доктора — такая головная боль, — заявила она сестрам чуть позже.

— Ты мне это говоришь, — фыркнула Эдда.

— Нейл Крэншоу и к тебе пристаёт? — спросила Тафтс, сгибаясь от смеха. — Он на днях пригласил меня отужинать в «Парфеноне». Так я уставилась на него, как ненормальная, скосила глаза и стала чмокать губами. Его как ветром сдуло.

— Имейте в виду, что в нашей лечебнице сливки Сиднейской медицинской школы не оседают. Они предпочитают столичные больницы, — заметила Эдда. — Я не хочу сказать, что у нас здесь полный отстой, но все они оставляют желать лучшего.

— Ну, где еще человек с внешностью Стэна Лорела сможет приобрести репутацию сердцеда? — вздохнула Тафтс.

— Крэншоу и вправду вылитый Лорел, — согласилась Китти.

— От него вечно несет дешевыми сигарами, — внесла свою лепту Грейс. — И потом он же рыжий. Мне вообще здесь никто из врачей не нравится. Воображают о себе бог знает что.

К счастью, доктор Крэншоу не слышал всех этих ремарок и не подозревал, что сестра Тридби, похожая на ангела с картины Боттичелли, обладает острым как бритва язычком. Поэтому он продолжал являться в детское отделение и досаждать Китти, тем более что в данный момент он работал посменно с доктором Деннисом Фарадеем, детским врачом, которого любила и уважала вся Корунда.

В городе свирепствовала дифтерия, борьба с которой осложнялась нехваткой резиновых трубочек, которые использовались для облегчения дыхания заболевших детей. И все из-за пресловутой экономии Фрэнка Кэмпбелла. Заместительница старшей медсестры Хардинг была вынуждена поехать в Сидней и закупить трубочки по совершенно немыслимой цене. Вернувшись ночным поездом, она обнаружила, что Лиам Финакан нашел этим приспособлениям замену, нарезав на куски обычные медицинские трубки, и тем самым спас двоих детишек от неминуемой смерти. Как это всегда бывало с детскими инфекционными болезнями, в больницу

попадали только самые тяжелые больные — более ста детей от двух до двенадцати лет с дифтерией гортани. Их распухшие носоглотки забивались пленками, а маленький кусочек резины позволял им дышать. Эпидемия была нешуточной — семнадцать детей умерли, а у четверых болезнь дала осложнения, требовавшие многомесячного лечения.

На случай эпидемий в больнице существовали специальные палаты, находившиеся на отшибе и всегда готовые принять больных. Последний раз они использовались вскоре после Первой мировой войны, когда разразилась эпидемия инфлюэнцы, унесшая больше жизней, чем боевые действия. Во время эпидемий больше всего страдали дети и молодежь. У Эдды было на то свое объяснение: до преклонных лет доживают самые крепкие и здоровые, которых не так-то просто свалить.

В отличие от своих сестричек, Китти в дифтерийных палатах не работала. Сестра Мэг Мултон предпочитала держать ее в детском отделении. Для Китти это означало двойные смены и отмену выходных, но в больнице была острая нехватка рук. Положение спасали волонтеры — бывшие сиделки из Вест-Энда, вышедшие на пенсию.

Эпидемия дифтерии помогла Китти одержать маленькую победу, которой она поделилась лишь с сестрами.

— Как насчет ужина в «Парфеноне»? — в очередной раз поинтересовался доктор Крэншоу, когда Китти заправляла постели. — В любой удобный для вас вечер.

Это переполнило чашу девичьего терпения — эпидемия дифтерии, отсутствие приличного белья, да еще этот Крэншоу со своим мокрым ртом!..

— Засунь свои приглашения себе в зад, чертов болван! И катись отсюда подальше!

Доктор был так изумлен, словно во время прогулки по саду на него напала бабочка. Он даже не нашелся что ответить. Фиолетовый огонь, блеснувший в кротких голубых глазах, обратил его в бегство, словно он был мышью, удирающей от метлы.

* * *

Сестры Латимер, уже больше года трудившиеся в больнице, существенно укрепили свой дух. Все страхи и слабости были успешно преодолены. Как сумела продержаться Грейс, остальные три так и не

поняли, разве что ей помогла ее природная изворотливость — теперь, когда она более или менее привыкла к «грязи», из нее получилась образцовая сиделка, тем более что «грязь» приходилось убирать не каждый день.

Девушки успели поработать во всех палатах. В июне Китти опять трудилась в детском отделении, но на этот раз вместе с Тафтс. Эдда опасалась, что теперь их сходство будет больше бросаться в глаза, но никто ничего не заметил, даже сестра Мултон. Форма скрывала очертания их тел, а разный цвет глаз придавал лицам определенное несходство. К тому же Китти любила возиться с мальчиками, а Тафтс предпочитала девочек, так что их редко видели рядом.

— Зайдите ко мне в кабинет после обеда, — распорядилась сестра Мултон с необычной резкостью в голосе.

— Что там могло стрястись? — недоумевала Тафтс, когда они подкреплялись сэндвичами с ветчиной у себя на кухне. — У меня лично совесть чиста.

— Это было произнесено с усмешкой, святая сестра. Я лучше знаю сестру Мултон и могу предположить, что нас хотят озадачить какой-нибудь особой миссией.

Через полчаса догадка в полной степени подтвердилась. В кабинете Мултон присутствовал также доктор Деннис Фарадей, и оба они были на редкость мрачны.

— Старшая сестра предложила прикрепить к нашему новому пациенту практиканток, тем более что его пребывание в больнице будет недолгим, — произнес доктор своим низким красивым голосом.

В юности Деннис Фарадей был известным регбистом и всем своим видом напоминал добродушного бурого медведя — смуглая кожа, темно-русые волосы, карие глаза и редкий талант обращаться с детьми.

— Обычно умирающие дети остаются в общих палатах, — продолжал он. — Но ребенок, за которым будете ухаживать вы, должен содержаться подальше от любопытных глаз. Детей навещают родители, а в Корунде любят посплетничать. Поэтому ваш пациент будет изолирован от посторонних. Ребенка зовут Майкл Веспер, но откликается он на имя Мики. У него саркома с метастазами, и он страдает от боли. Но после небольшой дозы опиума мальчик оживает — и тогда вы видите перед собой на редкость милое и веселое существо! Он чувствует, что умирает, но ведет себя как маленький герой.

На глаза доктора навернулись слезы, и сестра Мултон предостерегающе посмотрела на практиканток.

— Со временем я представлю вам полицейские отчеты и сведения из

социальной службы, — справившись с эмоциями, произнес доктор. — Мики два годика, но выглядит он как годовалый. До сегодняшнего дня он не получал никакого лечения. Если бы не настойчивость нашей патронажной сестры, он бы так и не попал в больницу. Жить ему осталось две-три недели, но я надеюсь, что они станут самыми счастливыми в его жизни. — Доктор Фарадей направился к двери. — Сестра, остальное вы объясните сами.

И чуть улыбнувшись, удалился.

После его ухода в кабинете повисло тягостное молчание, которое, казалось, длилось целую вечность, на самом же деле всего несколько минут, пока не пришли Грейс с Эддой. За все четырнадцать месяцев сестры Латимер никогда не работали все вместе, да и сейчас они разделились на смены, хотя Мики Веспер был их единственным пациентом. Китти и Тафтс решили выходить с шести утра до десяти вечера, Грейс предпочла ночную смену, а Эдда выбрала скользящий график.

— Старшая сестра остановила свой выбор на вас, поскольку вы умеете молчать и не будете разносить сплетни, — объявила сестра Мултон. — Не знаю, откуда у нее такая уверенность, но я ее полностью разделяю. А от себя хочу добавить, что вам потребуется все ваше самообладание. Мики Веспер — на редкость тяжелый случай, но если вы будете раскисать, то никогда не получите диплом.

— Мы постараемся, сестра, — заверила ее Эдда.

Но сестра Мултон еще не закончила.

— Мики страдает от истощения, и мы не можем сказать, что послужило этому причиной — раковые метастазы или регулярное недоедание. Возможно, и то и другое. Самое печальное, что этот мальчик практически никому не нужен — к нему всегда относились как к досадной обузе. Его мать работает прачкой и трудится с утра до ночи. Патронажная медсестра так и не поняла, то ли она тупая, то ли просто не знает языка — они немцы и живут в Корунде всего полтора года. Она рождает и выкармливает детей, пока они не начинают есть и пить самостоятельно. На этом ее заботы о них заканчиваются. В семье трое мальчиков от тринадцати до шестнадцати лет и три девочки от шести до девяти. И еще этот двухлетний Мики.

— А чем вызвана пауза в рождении детей? — поинтересовалась Тафтс. — Папаша Веспер сидел в тюрьме?

Мэг Мултон округлила голубые глаза.

— Хороший вопрос, Скоуби. Сержант Кэмерон обязательно наведет справки.

— Мальчики ходят в школу? — спросила Китти.

— Естественно, нет, — вздохнула сестра Мултон. — Мало того, папаша и братья регулярно насилюют всех трех девочек. Директор школы в Корби уже сообщил об этом в полицию.

— Но ведь младшей только шесть, да и остальные немногим старше, — пересохшими губами произнесла Эдда.

— Папашу Веспера надо повесить, — решительно заявила Грейс.

— Ну, вряд ли ему это грозит, — возразила Тафтс. — А вот в тюрьму он точно загремит. И теперь уже надолго.

В дверь заглянула одна из сиделок.

— Майкл Веспер уже здесь, — сообщила она.

Палата номер 1 была такой крохотной, что в ней вряд ли уместилась бы взрослая койка, но для детской кроватки Мики Веспера она была в самый раз. На вид малыш явно недотягивал до своего возраста, и только вздутый от недоедания живот несколько полнил его тщедушное тельце. У него была светлая тонкая кожа и темные кудрявые волосенки. На старческом личике выделялись огромные черные глаза, в которых читалась вся его печальная история. Взгляд у него был спокойный и смиренный, но в нем чувствовалось страдание. В общем, не слишком красивый ребенок с необыкновенными глазами. Один из тех детей, которые, по мнению многоопытной сестры Мэг Мултон, вечно преследуют вас во сне и даже наяву. Пожиравшая его тело саркома пощадила его мозг, в чем очень скоро убедились дежурившие у его постели сестры. Чтобы унять непрерывную боль, ему давали опиаты, причем без всякого ограничения. Умиравшему пациенту наркотическая зависимость уже не грозила. А как он был благодарен за каждую капельку опиума! Можно было только догадываться, сколько мучений пришлось перенести малышу за те месяцы, когда рак расползлся по его телу и никто не хотел ему помочь. После морфия он просто расцветал — к счастью, его никогда не тошнило. Но мальчик не выпрашивал обезболивающее, он терпеливо ждал, когда оно понадобится по-настоящему. Бессонными ночами он объяснял Грейс, что если все время спать, то не увидишь своих добрых сиделок. Китти танцевала для него чарльстон, а он смеялся и хлопал в ладоши. Тафтс исполняла танец с покрывалами, используя для этого ветхие простыни Фрэнка Кэмпбелла, а Эдда пела, аккомпанируя себе на металлических мисках и тазах. Мики от всего этого приходил в восторг.

Из всей семьи его навещала только Мэри, средняя из сестер, которая появлялась, как привидение, и молча стояла в ногах его кроватки, слушая,

как он, задыхаясь, лепечет про все чудеса, которые устраивают для него сиделки — от уколов, после которых ничего не болит, до развеселых плясок и песен в исполнении Китти. Мария появлялась нечасто, в лучшем случае раз в пять дней, и каждый раз убеждалась, что больше всех ее братик любит Китти. Ему нравились все четыре сиделки, но свое сердечко он отдал именно ей. Что происходило между детьми, оставалось для всех тайной. Китти, всегда дежурившая, когда приходила Мэри, деликатно оставляла их наедине, уходя куда-нибудь минут на пятнадцать. После посещений Мэри Мики всегда чувствовал себя лучше.

Сержант полиции Джим Кэмерон заинтересовался Биллом Веспером по трем причинам: во-первых, вся эта история с Мики, во-вторых, жалобы учителей, что папаша и его сыновья находятся в половой связи с девочками Веспер, и, в-третьих, его собственное глубокое убеждение, что глава семьи постоянно крадет соседских овец. Как начальник полицейского участка Корунды, Кэмерон был обязан сообщить обо всем этом в Сидней, но он с чисто шотландским упрямством не желал вовлекать в свои дела чужаков. Семейство Веспер было его собственной проблемой, и он надеялся решить ее самостоятельно.

Патронажная медсестра Полина Дункан невольно сыграла роль катализатора. В тот день, когда Мики Веспер попал в больницу, ее рано утром вызвали в цыганский табор, раскинувший свои шатры у железнодорожного моста, чтобы помочь в ликвидации последствий драки. Сделав примочки на синяки и зашив пару ножевых ран, она поехала обратно в город. Проезжая мимо халупы Весперов, она решила остановиться и зайти, поскольку это семейство всегда вызывало у нее смутное подозрение. «Почему бы и нет? — подумала она. — Я уже здесь, так, может, заглянуть? Мужская половина сейчас наверняка отсутствует, и я смогу поговорить с этой несчастной женщиной...»

Миссис Веспер кипятила белье в медном баке на заднем дворе. Ей помогали вернувшиеся из школы дочери. Под ногами у них крутился плачущий малыш, которого они время от времени отшвыривали прочь. Одного взгляда было достаточно, чтобы все понять. Подхватив ребенка на руки, Полина Дункан устремила к своей машине. Усадив мальчика на заднее сиденье, она отправилась напрямик к доктору Фарадею. Через час Мики Веспер был уже в больнице, а сержант Кэмерон получил разнос от доктора.

Призыв к сиделкам сохранять хладнокровие так и не достиг цели.

— Как можно так бесчеловечно относиться к ребенку? — возмущалась

Китти.

— Типы вроде Билла Веспера понятия не имеют, что такое человечность, — всхлипнула Грейс, вытирая глаза. — Если людям не нужны их дети, зачем они вообще их заводят?

— Ха! — фыркнула Эдда. — А как они могут этого избежать?

— Я выйду замуж только за того, кто сможет содержать моих детей, — вздернув подбородок, заявила Китти.

— Не искушай судьбу, Китс, — предостерегла ее Эдда. — Если люди смогут прозревать будущее, гадалки останутся без куска хлеба. Посмотри на кинозвезд, которых так любит наша Грейс. Все они ходят к ясновидцам. Хотя, если подумать, какие проблемы могут быть у кинозвезд?

— Нежелательные дети, — усмехнулась Тафтс.

Попав в атмосферу любви и заботы, Мики немного задержался на этом свете. Доктор Фарадей старался по возможности облегчать его боль, не погружая малыша в кому. Самым любимым развлечением мальчика было катание в ярко-желтой деревянной тележке, в которую по очереди впрягались его сиделки. Грейс, работавшая в ночную смену, была лишена возможности изображать из себя резвого пони, но зато она часто беседовала с малышом, когда того мучила бессонница.

Боль и пренебрежение в семье заставили его раньше времени повзрослеть, но все же он оставался ребенком, мыслящим и рассуждающим совершенно по-детски. Его чудный характер заслужил ему всеобщую любовь, а мужество неизменно вызывало восхищение.

— Ты знаешь, он никогда не жалуется, — сообщила Грейс Эдде, передавая ей утром смену. — И это внушает уважение. Хороший урок для меня. И как ужасно, что его преподносит умирающий двухлетний ребенок.

Эдда благоразумно промолчала.

С приближением отмеренного для Мики срока боли становились все сильнее, а инъекции опиатов все чаще. Мальчик уже не мог есть, и его поили молочными коктейлями с шоколадом, ячменным сахаром или сливочными ирисками.

— Мики устал, — сказал он Китти ровно через месяц своего пребывания в больнице. — Очень-очень.

— Тогда поспи, милый.

— Не хочу. А то не проснусь.

— Фу, Мики! Что за глупости! Все всегда просыпаются.

— А я нет. Очень устал.

Когда Мария пришла навестить брата, сестра Мултон велела ей

передать родителям, что Мики при смерти. Кивнув, девочка ушла. После обеда в больницу заявился пьяный Билл Веспер со своими сынками и стал требовать, чтобы ему отдали Мики. Фрэнк Кэмпбелл вызвал полицию, и всю четверку отправили в камеру проспать. На следующее утро страдающие от похмелья, но уже вполне вменяемые Весперы погрузились в свой древний грузовик и отбыли домой. О Мики они больше не заикались.

На рассвете того же дня у Мики сломался изъеденный саркомой позвоночник, и он стал громко кричать. Испуганная Китти позвала Мэг Мултон, а та, в свою очередь, вытащила из постели сладко спавшего доктора Фарадея. Внезапно крики прекратились. Китти держала Мики на руках, а доктор готовился сделать ему укол. Ребенок открыл глаза и улыбнулся, потом слегка выдохнул, словно хотел что-то сказать. Китти улыбнулась ему в ответ и стала ждать, что он скажет. Но Мики уже не дышал.

— Положите шприц, сэр, — сказала Китти доктору. — Мики нас покинул.

— Благодарю вас, сестра. Вы знаете, что делать дальше, — бросил доктор, выходя из палаты.

Китти обмыла маленькое тельце, с тоской отметив, как быстро оно остывает. К тому времени, когда она полностью подготовила его к погребению, Мики был уже совсем холодным...

Никто не видел, как Китти побежала в свое тайное убежище, в котором она частенько укрывалась после появления Мики в больнице. Зимнее небо было затянуто низкими тучами, дул резкий ветер и на дорожках было пусто. Она забилась под мостик, перекинутый через ручей, и, нащупав там пень, села, стиснув на груди руки. По лицу катились слезы.

«Мики, Мики! И зачем ты только появился на свет? Чтобы два года испытывать страдания, которых ты не заслужил? Надеюсь, на небесах для тебя припасли много желтеньких тележек с пони и целое море молочных коктейлей с шоколадом!»

Но долго горевать было некогда. Успокоившись, Китти вернулась в детское отделение, чтобы сообщить сестре Мултон, что Майкл Веспер отошел в мир иной. Она почему-то была уверена, что доктор Фарадей этого сделать не смог.

Мики Веспер был погребен на средства города; его семейство на похороны не явилось. Люди слышали, как Билл Веспер распространялся в пивной в том духе, что раз власти имеют наглость похищать детей из родительского дома, то пусть сами раскошеляются на их похороны. На

похоронной церемонии, совершенной преподобным Латимером, присутствовал лишь больничный персонал, причем в изрядном количестве. Были собраны пожертвования на памятник из серого гранита с золочеными буквами. Всем хотелось, чтобы у Мики Веспера была приличная могилка.

История несчастного мальчика стала достоянием гласности, что вызвало всеобщую ненависть к Биллу Весперу и его отпрыскам. Сержант Кэмерон так и не сумел убедить девочек подать заявление о сексуальных домогательствах со стороны отца и братьев, и все потекло по-старому, а со временем и вообще изгладилось из памяти обитателей Корунды.

В конце июня на Корунду обрушилась свирепая зимняя буря, которая подобралась к ней уже три недели.

Был поздний вечер, и из всех сестер Латимер в больнице находилась одна Тафтс. Она дежурила в мужской палате номер 1, самой запущенной из всех.

Между Фрэнком Кэмпбеллом и больничным персоналом, имевшим отношение к этой палате, шла затяжная и непримиримая борьба, в которую оказалась втянутой и старшая медсестра. Мужская палата номер 2 была поменьше и зимой не так страдала от холода. Убедившись, что паровое отопление не справляется со слишком большой нагрузкой, старшая медсестра уговорила главврача установить в палате номер 1 две угольные печи. Соблазнившись дешевизной топлива, Кэмпбелл купил печи, однако на угле стал отчаянно экономить, сведя на нет всю пользу от дополнительного отопления. В холодные ночи, когда бушевали бури, одних печек не хватало и к ним следовало добавлять паровое отопление.

Придя в палату ровно в девять, старшая медсестра обнаружила, что печи не топят, а в ведрах нет угля.

— Скоуби, — позвала она Тафтс, возмущенно шурша накрахмаленным халатом. — Ступайте к доктору Кэмпбеллу домой, вытаскивайте его из постели и немедленно тащите сюда. Хватит стоять и хлопать глазами — шагом марш!

И Тафтс в точности выполнила распоряжение. Конвоируя главврача в направлении больницы, она размышляла, как далеко может зайти изобретательная сиделка, когда ей командуют шагом марш.

— Так вы говорите, что старшая медсестра сошла с ума? — попытался уточнить главврач.

— Совершенно обезумела, сэр. Прошу вас, поторопитесь!

И действительно, придя в палату номер 1, они обнаружили там разъяренную фурию со всеми признаками безумия. Крахмал наконец

сдался, и халат утерять свои четкие формы. Косынка валялась на полу, а толстые пальцы были сжаты, как когтистые лапы хищной птицы.

— Сквалыга! Скупердяй! Деспот! — рявкнула она и, схватив Фрэнка Кэмпбелла за шиворот, оторвала его от пола.

Тощий маленький человечек, который двадцать пять лет тиранил больницу, повис в руках старшей медсестры, как коровья туша в лавке мясника. Его просто парализовало от страха — это седое пугало явно помешалось!

— Я уже предупреждала вас, доктор Кэмпбелл, что не потерплю, чтобы больные умирали от пневмонии только потому, что вы не желаете отапливать палаты! Если здесь немедленно не затопят печи и не включат паровое отопление, я поеду в Сидней и расскажу министру здравоохранения, что творится в городской больнице Корунды! Я полтора года ждала этого назначения и вот наконец дождалась. И к министру я явлюсь не с пустыми руками — у меня есть целый список ваших преступных деяний в отношении больных: мужчин, женщин и детей!

И так далее в том же духе. Персонал просто потерял дар речи, а пациенты, забыв про холод, сидели в кроватях с горящими глазами, согретые жаром обличительных речей старшей медсестры.

— Вот это было зрелище! — воскликнула Тафтс, разбудив сестер, чтобы сообщить им потрясающие новости. — Старшая медсестра трясла Фрэнка, как терьер крысу. Он только ногами дергал от страха.

— Старшая медсестра выиграла битву за палату номер 1, теперь осталось одержать победу в войне, — прокомментировала Эдда.

Возможно, до полной победы было еще далеко, но определенные сдвиги наметились: палаты стали отапливать гораздо лучше, а сантехник наконец получил напарника. Старшая медсестра отменила свой визит к министру здравоохранения, не без основания решив, что мужчины всегда заодно. Впрочем, она и без того сделала достаточно, чтобы считать свое пребывание в больнице ненапряжным. Кроме спасения пациентов от холода, на ее счету был еще один поступок, на первый взгляд незначительный, но в перспективе способный привести к большим переменам. Когда цыгане вновь раскинули табор под железнодорожным мостом, она дала старухе-цыганке денег, чтобы та заговорила Фрэнка Кэмпбелла. Нет, речь, конечно, не шла о смерти! Просто он должен был собрать манатки и убраться куда-нибудь подальше. Хорошо бы в ад, но это не так уж обязательно. Достаточно будет Дарвина или Булламаканки.

Семейство Веспер покинуло Корунду. Когда патронажная медсестра Полина Дункан в октябре 1927 года наведальась в Корби, их ветхий

домишко оказался пуст. Билл Веспер и его домочадцы исчезли в неизвестном направлении. О них напоминал лишь серый могильный камень с золотой надписью, сообщавшей, что здесь нашел последний приют Майкл Веспер двух лет от роду. Дата его рождения была неизвестна — Весперы не считали нужным регистрировать детей.

Часть вторая

РЯДЫ РЕДЕЮТ

Грейс находилась в постоянном напряжении. Со временем у нее накопилось столько отрицательных эмоций, что они сводили на нет все ее усилия чему-нибудь научиться.

— Сестра Фолдинг, расскажите мне о графике жидкостного баланса, — распорядилась старшая медсестра, привлеченная в качестве последнего средства.

— График жидкостного баланса составляют, чтобы убедиться, что количество выделенной жидкости соответствует выпитой, — протараторила Грейс, как ученица, вызубрившая текст.

— А к чему этот график имеет отношение?

Грейс недоуменно подняла глаза.

— К балансу жидкости.

— Это и дураку ясно, Фолдинг. Я спрашиваю вас, кому он принадлежит?

Грейс была совсем сбита с толку.

— Я думаю, врачу.

— Чьи там показатели? — допытывалась старшая сестра.

— Больницы?

Старшая сестра поджала губы.

— Учитывая способности ваших сестер, я чего-то подобного ожидала и от вас, но, видимо, я ошибалась. График жидкостного баланса принадлежит лицу, которое называется «пациент», и показывает, сколько жидкости этот самый пациент потребляет и сколько производит в виде прежде всего мочи, а также других выделений — каких?

— Экскрементов? — с надеждой предположила Грейс.

— Нет, если они сформировавшиеся. Ведь речь идет о жидкостях, не так ли? График учитывает такие выделения, как кровь, слюна, мокрота и рвотные массы, — недовольно пояснила старшая сестра. Больнице срочно нужна сестра-инструктор, а она уже сыта по горло. — Зачем нужно составлять график жидкостного баланса?

— Ну, это ясно! — простодушно заявила Грейс. — Чтобы распознать водянку!

Накрахмаленные доспехи медсестры угрожающе заскрежетали.

— Водянка — это всего лишь один из симптомов почечной недостаточности, Фолдинг. Вы мне так и не ответили, зачем нужен этот график, а лишь упомянули, что он может указывать на заболевание почек. А как насчет болезней печени? Или язвы? А если график показывает, что пациент выделяет больше жидкости с рвотой, чем с мочой? Идите в библиотеку и читайте учебники, а потом напишите мне реферат на пяти страницах о графике жидкостного баланса.

На лице Грейс появилось смятение.

— Да, медсестра. Прошу прощения, медсестра.

— Ваши извинения неискренни и никому не нужны.

Старшая медсестра посмотрела на свои короткие ухоженные ногти, венчавшие пальцы, словно пирамидальные крыши.

— От меня не укрылось, что вы работаете спустя рукава. Где вы витеаете, Фолдинг? Я не потерплю здесь расхлябанности и бестолковости, а ваши мысли мечутся столь же беспорядочно, как коровий хвост, отгоняющий мух — туда-сюда, неизвестно куда. Пора положить этому конец, вы слышите меня? А вас вообще интересует медицина? Или вы пришли сюда просто за компанию с сестрами?

Как давно Грейс ждала этого вопроса, надеясь излить все свои сомнения и тревоги. Но вопрос этот прозвучал из уст старшей сестры, а как ничтожному червю делиться своими маленькими горестями со столь важной особой? Грейс судорожно сглотнула и, сжав руки, опустила на них глаза.

— Уверяю вас, мне очень нравится быть сиделкой, — солгала она. — Но вы правы, мне не хватает организованности. Я немного рассеянна и плохо контролирую свои мысли.

— Так научитесь это делать. Вы свободны.

Могло быть и хуже, думала Грейс, торопясь к своему жилищу. Ее ждут три дня отдыха — какое счастье! А тут еще этот дурацкий реферат. Грейс презрительно фыркнула. Нет уж, она не будет тратить драгоценный отпуск на всякую писанину! Для этого есть дежурства, тем более что никаких сроков установлено не было.

Через год после новоселья их дом уже вполне мог сойти за приличный коттедж, поскольку все четыре имели тягу к обустройству жизненного пространства. Поэтому они покрасили стены, повесили картины, «принарядили фасад», как выразилась Китти, и даже разбили небольшой садик. У сестры Бейнбридж не было оснований жаловаться. Жить стало намного веселее.

Но Грейс не собиралась сидеть дома. Чуть слышно насвистывая, она

извлекла свое старое рыжевато-красное платье, которое обычно надевала, когда собиралась предаться любимому занятию — смотреть на паровозы. Она одевалась попроще, потому что в депо было грязно, и, кроме того, ей не хотелось выделяться — в такой неподходящей обстановке женщине лучше не привлекать к себе внимания. Грейс влюбилась в паровозы, когда ей было десять лет. Они приводили ее в восторг, который пересиливал любые насмешки сестер.

Надев шляпку и перчатки, Грейс вышла через боковые ворота в парк и зашагала по Виктория-стрит. По дороге ее мысли крутились вокруг модного в те времена оккультизма, такого притягательного на страницах журналов, где известные ясновидцы предсказывали всегда сбывающиеся несчастья с прозрачными намеками на личную жизнь кинозвезд. Грейс не без основания подозревала, что слава и богатство, приходящие к молодым и красивым, толкали некоторых из них на гедонистические излишества, которые столь огорчали их поклонников.

В конце Виктория-стрит возвышалась остроконечная металлическая ограда, за которой находился маневровый парк. Протиснувшись через самодельный турникет, Грейс поспешила к составам.

Ее никто не заметил. Все пути были заняты товарными вагонами: здесь стояли открытые вагонетки с углем для газовых заводов и электростанций, решетчатые двухъярусные вагоны с мясными овцами для боен Сиднея и Мельбурна, открытые платформы для машин, вагоны для перевозки руды и прочий подвижной состав. Грейс страшно нравились местные запахи — пахло машинным маслом, ржавым железом, угольным дымом, сухим овечьим навозом, мешковиной, эвкалиптами и пожухлой травой.

Приблизившись к паровозному депо, Грейс замедлила шаг, выбирая место, где лучше видно. Такое место быстро нашлось — на верхней платформе вагона для скота. Забраться туда не представляло труда — удобно устроившись на досках, Грейс приготовилась насладиться захватывающим зрелищем.

Она приходила сюда, чтобы любоваться паровозами, могучими паровыми тягачами, таскавшими за собой вагоны по всему Новому Южному Уэльсу. Сегодня в депо было пять паровозов, обычная средняя цифра. В Корунде железнодорожные пути шли в гору, поэтому к составам прицепляли дополнительный паровоз. Ближе к Сиднею, в пятидесяти километрах отсюда, находился еще один терминал, но в Корунде были мастерские и крытые депо, в общем, целый промышленный узел.

Грейс вряд ли могла объяснить, почему ее так притягивают паровозы.

Впервые увидев один из них, она была потрясена этим огромным железным конем, тонувшим в клубах пара и дыма. Она могла часами наблюдать за этими удивительными машинами, восхищаясь их мощностью и огромными колесами, которые могли превратить ее в котлету. Грохот, лязг железа, свист пара и пронзительные гудки воодушевляли ее, а вид паровоза, изрыгающего черный дым, вызывал у нее сильнейшее желание слиться с ним в одно целое, чтобы ощутить его всепобеждающий напор.

Сегодня ее ждало особое развлечение. В Корунде был поворотный круг, массивная круглая платформа с рельсами, на которой целиком умещался паровоз с тендером. Чтобы развернуться и пойти в обратном направлении, паровозу требовалось сделать крюк длиной в несколько миль. Поворотный круг позволял значительно упростить этот процесс. Паровоз с тендером заезжал на вращающуюся платформу, которая разворачивала его в нужную сторону.

Вдруг кто-то вскочил на платформу совсем рядом с Грейс. Чуть скосив глаза, она увидела мужчину в костюме-тройке и сразу же потеряла к нему интерес, целиком захваченная зрелищем того, как опытный машинист блокирует колеса огромного паровоза на рельсах поворотного круга.

— Когда я был мальцом, то мечтал стать таким, как он, — сказал человек, расположившийся рядом с Грейс.

— Так почему же не стали? — без особого интереса спросила Грейс, поглощенная созерцанием поворачивающейся платформы.

— Да с профсоюзом вышла промашка.

— Ах так.

Разговор увял, оба были слишком увлечены магией происходящего. Но все когда-то кончается. Грейс соскользнула с платформы, прежде чем молодой человек успел ей помочь.

— Высший класс, — произнес он, балансируя на рельсе и крутя в руках свою шляпу. — Спасибо за компанию.

— И вам тоже. Вдвоем смотреть интереснее.

— Странное увлечение для молодой девушки.

— Я знаю. Мои сестры вечно надо мной подтрунивают.

Он засмеялся:

— Окажите любезность, мисс.

— Какую именно? — поинтересовалась Грейс, отметив про себя, что мужчина явно не получил хорошего образования.

— Можно посмотреть на ваше личико?

— Можно, — со смехом ответила Грейс, поворачиваясь к нему лицом.

— Нет, я хотел, чтобы вы сняли эту дурацкую шляпку.

Удивленная и слегка взволнованная, она стащила с головы свой «колокол», одновременно рассматривая незнакомца: представительный, но слишком уж белесый, словно его посыпали сахарной пудрой, кожа, правда, смуглая и без веснушек. Наверное, его предки жили под ярким солнцем, стала фантазировать Грейс, которое заставило потемнеть их эпидермис. «Все-таки я чему-то научилась», — поздравила она себя. Кое-что в голове осело.

— Вы прелесть, — констатировал незнакомец. — А куда вы сейчас идете? Можно я вас провожу? А то на путях орудуют грабители.

Никто никогда не называл ее «прелестью», ей доставались только сомнительные комплименты типа «свой парень» или «плакса». Может, он и не слишком образован, но натура у него тонкая. Вряд ли Китти или Эдду можно назвать «прелестью», самодовольно подумала Грейс. Поверив в его искренность, она улыбнулась и приветливо кивнула:

— Благодарю вас, мистер...

— Бьорн Ольсен. Но вы можете называть меня просто Бер. Все так делают. Бьорн по-шведски означает медведь. А как вас зовут?

— Грейс Латимер. Я работаю медсестрой в больнице, там меня называют Фолдинг, чтобы не было путаницы — нас там четверо с фамилией Латимер.

Грейс словно парила в воздухе, не замечая ничего кругом. Все в ней сосредоточилось на том, что она идет рядом с Бером Ольсеном, высоким и стройным молодым человеком, о котором ей хочется знать абсолютно все. На сердце стало как-то по-особому тепло. Сколько ему лет? Чем он занимается? Он находит ее милой, и его ярко-голубые глаза смотрят на нее с нескрываемым восхищением.

Через турникет они вышли в парк и устроились на лавочке в дальнем его конце. В будние дни в парке было пусто, и казалось, весь мир принадлежит им, его единственным обитателям.

— Вы не возражаете, если мы здесь немного посидим? — волнуясь, спросила Грейс.

— Я бы предпочел посидеть там, где я смогу угостить вас чаем с булочкой, — ответил молодой человек, сверкнув улыбкой.

Грейс заметила, что передний зуб у него был со сколом. Как симпатично!

— Разве в больнице нет кафетерия?

Грейс с ужасом посмотрела на него.

— Нет, нет! Я не могу приводить в больницу своих знакомых. Это запрещено. У меня будут неприятности, а мне их и так хватает. Я прохожу

там практику, чтобы стать медсестрой, и у нас просто железная дисциплина. Железная!

Бер с сочувствием посмотрел на нее. Вот бедняжка!

— Больше похоже на тюрьму, чем на больницу.

— Да, там очень строго, — грустно согласилась Грейс.

— А если мы встретимся в «Парфеноне» или «Олимпе», у вас тоже будут неприятности?

— Нет, что вы! Вне больницы мы можем делать что хотим, старшая сестра не возражает. Конечно, если мы не нарушаем общественный порядок.

— Тогда это больше похоже на монастырь.

Грейс прыснула:

— В какой-то степени да, только без молитв.

— Вы католичка?

— Нет, мой отец пастор в англиканской церкви Святого Марка. Он протестант.

К действительности Грейс вернули только длинные закатные тени. Договорившись встретиться на следующий день в добром старом «Парфеноне», Грейс стрелой понеслась домой, так и не надев шляпу. Сердце ее ликовало.

Бер Ольсен! Наплевать, что он ниже ее по положению. У него, конечно, было полно подружек и даже несколько интрижек с замужними женщинами, он сам сказал. Ну и что? Он ведь коммивояжер, да-да, представитель этой довольно сомнительной профессии. Они постоянно разъезжают, знакомятся с женщинами, какое уж тут постоянство. Коммивояжеры умеют говорить, очаровывать женщин и даже в аду ухитрятся продать огонь. Папочка, конечно, поднимет шум, если узнает про Бера, но Грейс не собиралась ему сообщать, не говоря уже о мачехе. Вот на сестер положиться можно: девчонки не промолвят ни словечка, что бы они там ни думали в глубине души. Эдда уж точно не одобрит ее выбор. Но Грейс это ничуть не смущало — Бер Ольсен был ее судьбой. Она влюбилась в него с первого взгляда и выйдет за него замуж. Не сразу, конечно, и не без сопротивления со стороны близких. Но он все равно станет ее мужем!

Он работает у «Перкинса», а это что-нибудь да значит. Бер Ольсен не какой-то там хлыщ с прилизанными волосами и усами щеткой, пытающийся всучить шелковые чулки фермерским женам! «Перкинс» производит и продает бальзамы, тоники, мази, притирания, смягчительные средства, слабительные, антисептики, эликсиры, пилюли для печени и

почек, мыло и газированный солевой раствор, который вызывает или успокаивает рвоту. Продукцию «Перкинса» покупают все. Она не продается в магазинах, а развозится по стране коммивояжерами. Лошадиная мазь и притирания «Перкинса» не сходят с уст, а в каждом доме обязательно есть баночка с его солями. Детям очень нравится слабительная микстура от «Перкинса», потому что альтернативой ей является касторка. Бабушки безгранично верят в розовые пилюли от почек, дедушки принимают голубые от печени, и все без исключения увлекаются тонизирующим напитком на спирту и креозоте. Имея кое-какой медицинский опыт, Грейс знала, как важно вовремя обратиться к врачу. Люди же предпочитают заниматься самолечением, принимая снадобья с этикеткой «Перкинса». Это обходится дешевле, чем поход к врачу, и почти всегда столь же эффективно.

Бер сообщил, что родился под Сиднеем, в местечке под названием Клайд, где находилось паровозное депо. Все детство он провел, слушая гудки, свист пара и пыхтенье паровозов, но его отец, непросыхающий пьяница, не жаловал профсоюз железнодорожников, поэтому весь его выводок сыновей стал неквалифицированной рабочей силой, ничего общего не имеющей с железной дорогой. Бер, самый младший из всех, мечтал уехать из Сиднея и поэтому сразу же откликнулся на газетное объявление о наборе коммивояжеров в компанию «Перкинс продактс».

Собеседование с ним проводил весьма опытный и проницательный менеджер. Он сразу же заинтересовался Бером, несмотря на прорехи в его образовании. У парня было честное лицо без жгучего итальянско-испанского налета, который мог бы отпугнуть домохозяек, достаточно самоуверенности и в меру великодушия — он был явно из тех, кто никогда не откажет даме наколоть дров для ее печки. Решающим фактором стало то, что Бер не только водил машину, но мог ее при случае починить. В итоге Бер получил место.

И ни разу не пожалел об этом. Ему нравилось продавать товары, а природное благоразумие удерживало его от ненужных трат. Он стал быстро подниматься по служебной лестнице: ему регулярно повышали жалованье, оплачивали расходы по повышенному тарифу и первому давали новую машину. Через пять лет он уже был лучшим коммивояжером «Перкинса» в Новом Южном Уэльсе, а еще через четыре стал считаться одним из лучших в Австралии и Новой Зеландии. К тридцати годам он достиг совсем неплохих результатов: успешная карьера плюс приличный счет в банке, о чем он не без гордости сообщил Грейс.

Она ему явно приглянулась, тем более что оба были одержимы

страстью к паровозам. Бер тоже забросил невод в поток ее жизни и с удовольствием убедился, что на социальной лестнице она стоит на несколько ступенек выше него. Это означало, что из нее выйдет прекрасная жена, которая позаботится, чтобы их дети получили отличное образование и стали настоящими леди и джентльменами. Вот только как убедить ее семью, что и он для нее лучшая партия?

Бер поспешил объясниться, как только они оказались в отдельном кабинетике в самом конце «Парфенона». Грейс заказала сандвичи с омлетом и карри, а ее кавалер — бифштекс с жареным картофелем, помидорами и шампиньонами. Их никто не заметил — какое счастье! И никаких чересчур любопытных официанток — хозяин кафе Кон Декопулос сам подавал на стол.

— Ясное дело, я вам неровня, Грейс, — честно признался Бер за чаем с десертом. — Но я все равно женюсь на вас. Я вот услышал, как вы вскрикнули от восторга, когда этот С-38 выделял свои штуки, и сразу понял, что вы моя женщина. А потом увидел ваше лицо — такое милое! Мы должны пожениться, и никаких отказов я не приму. — Он сжал ее руку. — И чем раньше, тем лучше, дорогая. Я вас люблю.

Ее глаза потемнели от нахлынувших эмоций, таких новых и неизведанных. Грейс впиалась глазами в белобрысое лицо Бера, не веря своим ушам. Он сказал пожениться?

Бер продолжал говорить, поглаживая большим пальцем ее руку:

— Я могу продать все что угодно, дорогая. Мне не грозит потерять работу. Мне нравится продавать товары «Перкинса», потому что они и вправду хорошие, честно вам говорю. В моей работе главное — честность, я никогда не обманываю покупателей. У меня две тысячи фунтов в банке, на эти деньги в Корунде можно купить приличный дом и еще много чего останется. Ну, не такой шикарный, как у вас, и слуг мы не сможем нанять, разве что приходящую уборщицу, но я обязательно поднимусь, Грейс, даю вам слово! И тогда вы заживете, как королева.

Грейс трясущимися пальцами обхватила его руку.

— О, Бер! Да с вами я готова жить хоть в шалаше! Встретив вас, я больше не могу думать ни о ком другом!

Лицо Бера, залитое светом, струившимся из его восторженных глаз, показалось Грейс необычайно привлекательным. Еще вчера он казался ей не слишком интересным, каким-то бесцветным и белобрысым, а сегодня стал частью ее самой. Брови у него словно покрыты инеем, ресницы сверкают, как хрусталь, — а кожа смуглая, интересно, откуда вдруг? А таких голубых глаз она не видела ни у кого, просто дух захватывает... Нос

у него такой же, как у них с Эддой, значит, дети получатся красивыми и уж точно будут высокими. Но только не близнецы! Просто мальчик и девочка, сначала сын, потом дочка...

— Так вы выйдете за меня замуж?

— Да, мой милый Бер, конечно, выйду.

Лицо его осветилось радостью.

— Пошли в парк на нашу скамейку! Я хочу тебя поцеловать!

Бер шел быстрым шагом, но Грейс этого не замечала. Голова у нее кружилась от счастья, сердце радостно трепетало. Первый раз в жизни она была по-настоящему счастлива и боялась, как бы эта идиллия вдруг не закончилась. Бер ее любит, он хочет на ней жениться! Все внутри просто пело от радости. Будущее казалось восходящим солнцем, заливающим небо розовой позолотой, от красоты которой перехватывало дыхание. Она больше никогда не будет одинокой — ее любят, и она отвечает взаимностью. Что в жизни может с этим сравниться?

В парке никого не было. Они сели на скамейку, чуть повернувшись друг к другу. Бер дрожащими руками сжал голову Грейс, глядя сверху вниз на ее улыбающееся лицо.

Потом его лицо приблизилось и стало неразличимым. Закрыв глаза, Грейс ждала прикосновения его губ — оно было прохладным, нежным и легким, как перышко. Она ответила движением губ, наслаждаясь фантастическим ощущением, которое дает поцелуй двух любящих существ; казалось, это происходит с ней в первый раз, такой упоительной взаимности она не испытывала никогда раньше. Бер не пытался разомкнуть ей губы, пока она сама не сделала этого, не демонстрировал свою искушенность, как это практиковали другие молодые люди, стараясь произвести впечатление. И только когда Грейс всем существом откликнулась на его призыв, их поцелуй стал по-настоящему глубоким и страстным. И когда он прикоснулся к ее груди, скрытой под платьем, ей показалось, что ее ударило током.

— Все остальное только после того, как я надену тебе на пальчик обручальное кольцо, — заявил Бер, отталкивая ее от себя через несколько минут. — Ты слишком хороша, чтобы я мог воспользоваться случаем.

Когда Грейс вернулась, все ее сестры сидели в гостиной. По странному совпадению ни у кого из них не было дневного дежурства. Взглянув на сестру, Эдда, насторожившись, сказала:

— Похоже, Грейс у нас в растрепанных чувствах.

Та, не мешкая, сообщила им новость:

— Я выхожу замуж.
Эдда и Китти поперхнулись, и даже Тафтс оторвалась от книг.
— Что за вздор! — фыркнула она.
— И кто же этот счастливец? — полушутя спросила Эдда.
— Его зовут Бер Ольсен, я познакомилась с ним вчера, когда смотрела, как поворачивается паровоз, — объяснила Грейс. Ее восторг почему-то начал спадать.
— Вчера? — с подчеркнутым изумлением переспросила Китти.
— Да, вчера! Это любовь с первого взгляда.
Сестры простонали.
— Грейс, но так не бывает! — воскликнула Эдда.
— Очень даже бывает. Для меня он единственный и неповторимый, я хочу выйти за него замуж, и чем скорее, тем лучше!
— А как насчет того, чтобы закончить обучение? — поинтересовалась Тафтс. — Надо же иметь профессию на всякий случай.
— Ненавижу больницу! Я выхожу замуж за Бера!
— Мама не позволит тебе выскочить замуж без ее согласия, а все твоё поведение просто вопиет о том, что парень этот совсем неподходящая партия, — заметила Китти.
— Мне двадцать один год, и никто не может запретить мне выйти замуж за кого я хочу.
— Но ты же у нас мягкотелая, — поставила диагноз Эдда.
— Только не в этом случае! — объявила Грейс, и голос ее зазвенел: — Я встретила родственную душу, Эдда! Мы одинаково смотрим на мир, и я собираюсь разделить с ним судьбу! Зарубите себе на носу: я выхожу замуж за Бера Ольсена, и никто меня не остановит!
— Как, ты говоришь, его зовут? — спросила Тафтс.
— Бьорн Ольсен. Но все зовут его Бер. У него шведские корни. Он работает у «Перкинса» коммивояжером, причем на ведущих ролях. Может, он мне и неровня, но он добился успеха. И я выйду за него замуж!
— Но только после того, как мы с ним познакомимся, — вполне доброжелательно сказала Китти. — Дай нам шанс — и этому Бери тоже! Я понимаю, ты боишься, что мама не одобрит твой выбор, но не сбрасывай со счетов отца. Он вовсе не сноб, и если ему понравится твой молодой человек, ты приобретешь союзника. Пригласи Бера завтра к чаю, после обеда все мы свободны.
— Но мы же не можем пригласить его сюда! — испуганно произнесла Тафтс.
— Почему? Я поговорю со старшей сестрой, — сказала Эдда,

поднимаясь.

— Эдда, не надо! — взмолилась Грейс.

Но было уже поздно: Эдда направилась к старшей сестре.

— В чем дело, Латимер?

— Можно мы пригласим к себе на чай молодого человека, мэм? Мы все будем при этом присутствовать.

Никаких гневных отповедей не последовало. Вместо этого старшая сестра бесстрастно указала на стул:

— Садитесь, Латимер, и объясните эту в высшей степени необычную просьбу.

— Это касается моей сестры Фолдинг.

— Вам известно, что ей не нравится быть сиделкой?

— Да, — ответила Эдда, слегка вздохнув.

— У нее опять проблемы?

— Пока нет, но если не найти к ней правильного подхода, они обязательно появятся. Я хочу сказать, что мы, сестры, должны помочь ей в весьма затруднительном положении, — сказала Эдда, тщательно подбирая слова. — Наша мачеха имеет весьма твердые убеждения — исходя из самых благих намерений, конечно, — а в сложившейся ситуации мы бы хотели все выяснить заранее, а потом уже сообщить ей. Видите ли, Грейс встретила молодого человека, за которого намерена выйти замуж, но, к сожалению, он не местный житель и к тому же коммивояжер. Работает у «Перкинса», вполне респектабельный, но мы хотим знать о нем больше. Разговор за чаем у нас в коттедже будет идеальным вариантом.

— Считайте, что разрешение получено, — сказала старшая медсестра, уяснив причину сложностей, возникающих при общении с Грейс. — Я предупрежу сестру Бейнбридж.

— Какая разумная девушка, эта Латимер! — сказала ей старшая медсестра за ужином. — Сама пришла ко мне и попросила разрешения. Конечно, сиделок надо держать в страхе божием, но мы же тоже живые люди. Какая умница! Ни одного дурного слова в адрес Мод Латимер, но я и без того все поняла. Ясное дело, этот парень придется Мод не по вкусу. Мы должны помочь им, Марджори, в крайнем случае как-то повлиять на пастора. Наш повар сможет испечь булочки и сделать крем?

Проведя два часа в компании Бера Ольсена, сестры примирились с крутым поворотом в судьбе Грейс и перестали волноваться относительно ее будущего благополучия. То, что он ее любит, было вполне очевидно, и к тому же — что не менее важно — парень не был заурядным

коммивояжером без всяких перспектив. Он работал у «Перкинса», считался лучшим продавцом в Австралии, уверенно поднимался по карьерной лестнице, имел две тысячи фунтов на счету и друзей в высшем руководстве компании. С таким багажом, да еще непьющий — вполне подходящий муж для Грейс. Таков был вывод, сделанный сестрами после подробной беседы с претендентом.

— Я собираюсь поехать еще лет пять, — начал объяснять Бер, отдав должное булочкам с джемом и сливочным кремом, испеченным по распоряжению старшей медсестры — потрясающее великодушие! Возможно, под ледяной броней скрывается живой человек? — Мне бы не хотелось отрывать Грейс от семьи, поэтому я планирую осесть в Корунде. Я присмотрел отличный дом на Трелони-уэй с водопроводом и канализацией. Мне уступают его за тысячу сто фунтов наличными.

— Хорошая цена за дом со всеми удобствами, — заметила Эдда.

— Да и сам дом неплохой, ей-богу! Крыша покрыта толем, внутри штукатурка и санузел раздельный. Полы эвкалиптовые, окна большие и на них можно приладить москитную сетку.

— Все это замечательно, — согласилась Эдда. — А что с мебелью? Сколько там комнат?

— Там три спальни, и после покупки дома у меня еще останется куча денег, чтобы Грейс могла купить мебель по своему вкусу, — заверил Эдду Бер, полный решимости успешно пройти собеседование и заполучить свою ненаглядную Грейс.

Та внимательно слушала, не произнося ни слова. Боится, наверное, решил Бер. Он заметил, что сестры подтрунивают над его невестой.

— Еще один плюс — по Трелони-уэй ездит развозчик льда, так что Грейс сможет завести погреб. Это очень важно, когда в доме есть детишки.

Детишки? В Бера впились три пары глаз.

— Надеюсь, вы будете соизмерять количество детей с возможностью дать им хорошее образование, — грозно произнесла Тафтс.

— Уж мои-то дети будут образованными, можете быть уверены, — торжественно пообещал Бер.

Грейс пошла его провожать, оставив сестер наедине с реальностью.

— Мама ни за что не благословит этот союз, — печально произнесла Китти.

— Ерунда! — отрезала Эдда. — Надо просто ее нейтрализовать, то есть действовать через отца. Мод в первую голову волнует положение жениха, и она будет пыхтеть именно по этому поводу. Поэтому мы должны представить его в наиболее выгодном свете: солидный служащий

«Перкинса», а не какой-нибудь сомнительный тип, торгующий шарлатанскими снадобьями и женским нижним бельем. Короче, надо максимально приукрасить Бера, и в этом нам должен помочь наш папочка. Во всяком случае, Бер не итальяшка, и в нем нет ничего от пресловутого «комми». Вид у него респектабельный, да и поведение тоже. Он водит новенький «форд», и в банке на него смотрят с уважением. Я лично считаю, что Грейс сделала удачный выбор.

— Согласна, — отозвалась Китти. — И я постараюсь втолковать это маме.

— Я тоже, — поддержала ее Тафтс. — Бер идеально подходит для Грейс. Они ведь встретились в паровозном депо и вместе обмирали там от восторга. Неплохое совпадение. Их дети будут грызть уголь и гудеть, как паровозы.

— Ну и что в этом плохого? — спросила Грейс, входя в комнату.

— Ничего, дорогая, — успокоила ее Китти. — Так как мы будем праздновать свадьбу?

— Я не хочу никакой свадьбы, — решительно заявила Грейс. — Нет, конечно, я не возражаю против белого платья и букета, но только без всех этих торжеств и глупых речей. У Бера нет родственников и близких друзей, чтобы заполнить половину церкви, и он будет этого стесняться. Папочка обвенчает нас без шума, а потом мы вместе с Бером поедem по его обычному маршруту.

Грейс была так переполнена счастьем, что ее не страшили никакие Мод.

Все четверо согласились, что о свадьбе Грейс преподобному Латимеру с супругой сообщит Эдда, причем сделает это в свой первый же выходной.

Чета Латимер была несколько удивлена ее визитом, но, не подав виду, пригласила Эдду к обеду.

— Не понимаю, что хорошего быть сиделкой, — с ходу заявила Мод.

Инстинкт самосохранения подсказывал ей, что с Эддой надо быть осторожнее. Теперь она вряд ли стерпит пренебрежительный тон и саркастические замечания. Перед ней была самостоятельная молодая женщина, полностью уверенная в себе. Мод стало как-то не по себе — она вдруг поняла, что, набравшись в больнице жизненного опыта, девушки больше не станут плясать под ее дудку. Теперь они решительны, сильны духом и способны вызывать восхищение. А все эти качества Мод привыкла относить только к своей персоне.

— Это дает возможность приносить реальную пользу, — ответила

Эдда.

Она наслаждалась домашней едой, так не похожей на больничную.

— Как вашей поварихе удастся так вкусно готовить? Пастуший пирог просто божественный, не то что у нас в больнице.

— Понятия не имею, — надменно заявила Мод. — Я лишь составляю меню на неделю.

— То же самое делает и наша сестра-хозяйка, но результаты совершенно разные.

Эдда поймала взгляд отца и более его не отпускала.

— Грейс так и не стала хорошей сиделкой. Ей не нравится это занятие.

— Ха! Чему тут удивляться? — фыркнула Мод. — Твоя сестрица классическая неудачница.

Эдда рассмеялась:

— Если ты метила в меня, то стрела пролетела мимо цели. Значит, ты не будешь возражать, если Грейс бросит больницу и выйдет замуж за такого же неудачника.

Мод одеревенела.

— Что ты сказала?

— Ты слышала, дорогая. Грейс собирается замуж за служащего «Перкинса» — чудесный парень, очень любит ее. Они прямо созданы друг для друга, отец.

— Грейс не сделает ничего подобного! — взвизгнула Мод, поворачиваясь к мужу, который пока никак не среагировал на сообщение Эдды. Лицо его было непроницаемо. — Том, не сиди как истукан! Грейс не выйдет замуж за жалкого неудачника!

— Я склонен прислушаться к Эдде, — спокойно ответил пастор, вытирая губы салфеткой. — Ты слишком строга к людям, Мод, в особенности к своим близким. Должен признаться, меня это тревожит. Я лично считаю, что человек, работающий на этой фирме, не такой уж неудачник. Твой шкаф набит товарами от «Перкинса», включая тот новый крем для лица, от которого ты в таком восторге.

Пастор улыбнулся Эдде:

— Ты, конечно, всячески этому способствуешь?

— Да, папочка. Жениха зовут Бьорн Ольсен, но для нас он просто Бер. В компании он на хорошем счету, имеет солидный счет в банке и просто обожает Грейс. Он бы хотел поскорее с тобой познакомиться, потому что они не хотят тянуть со свадьбой.

— Она беременна! — воскликнула Мод со злорадством.

— Вовсе нет! Вечно у тебя грязные мысли!

Пастор со звоном бросил вилку с ножом на тарелку. Глаза его негодуяюще сверкнули.

— Прекрати немедленно, Мод! Чем говорить гадости, лучше помолчи! Почему ты такая бессердечная?

Эдда с изумлением посмотрела на отца, потом перевела взгляд на мачеху. Металл в его голосе был чем-то совершенно новым — неужели жизнь наедине с Мод так его достала?

— Я встречусь со своим будущим зятем завтра в полдень, — сказал пастор Эдде. — А Грейс может прийти в половине первого. Мод, у нас будет торжественный обед.

— Она не беременна, папочка, но могу гарантировать, что внуков тебе долго ждать не придется, — заверила отца Эдда. Глаза ее сияли. — Я так рада за нее: Бер будет о ней заботиться и никогда не бросит в беде.

Не в силах поверить, что муж мог так бесчеловечно обойтись с ней — и это при Эдде! — Мод Латимер просидела весь обед в молчании, будучи уверена в одном: Грейс еще поплатится за это, да и все прочие тоже.

Сиделка Грейс Латимер продержалась в больнице год и три месяца, после чего рассталась с медициной, чтобы выйти замуж.

Свадьба была очень скромной — со стороны жениха присутствовали трое, все из фирмы «Перкинс», невеста ограничилась семьей и несколькими близкими друзьями. Заключив брак в июле 1927 года, счастливая пара провела медовый месяц несколько необычным образом — Грейс сопровождала Бера в его коммивояжерской поездке по Новому Южному Уэльсу. К концу путешествия она пришла к выводу, что судьбе ее мужа не позавидуешь. Вернувшись в Корунду, они поселились в купленном Бером доме. К этому времени Грейс была уже беременна.

За все двадцать два года своей жизни Эдда никогда не расставалась с Грейс и даже не представляла, насколько это будет тяжело. Они были похожи только внешне, а характер и темперамент у них были разные. Эдда вспоминала, как часто она ругала Грейс за инертность — бойкой, деятельной Эдде хотелось живого и интересного общения. В их тандеме она всегда была ведущей, а Грейс покорно тянулась следом. Теперь же, когда Грейс не было рядом, Эдда с удивлением обнаружила, как ей не хватает сестры.

— Должна признать, что постоянное присутствие Грейс было сродни опухоли, хотя я никогда не считала ее злокачественной, — призналась Эдда Тафтс, которая понимала ее лучше, чем Китти. — Теперь же Гименей, как

безжалостный хирург, избавил меня от нее.

— Ты в растерянности, дорогая, — посочувствовала ей Тафтс. — К отсутствию Грейс придется долго привыкать.

— Нет, ты не понимаешь! Я всегда думала, что буду счастлива избавиться от Грейс.

— Я чувствую то же самое по отношению к Китти, однако здравый смысл подсказывает мне, что я буду оплакивать ее уход. Ты ведь тоже руководишься разумом. Вот и подумай, легко ли потерять свою вторую половину?

Эдда вздохнула:

— Вижу, что нет.

— По крайней мере мы с Китти это понимаем. Вот и бери с нас пример.

Эдда попыталась, но вид этой сплоченной парочки лишь усугубил ее потерю. Правда, были и позитивные моменты, и самым важным из них оказался внезапный бунт отца против тирании Мод, причем такой заметный, что окружающие только качали головами. Нет, он по-прежнему относился к своей второй жене с уважением, но ей больше не удавалось держать его под каблуком. Мод не хватало мозгов, чтобы понять, что виной всему ее поведение, поэтому перемену в отношении мужа она приписала своей увядающей внешности и срочно отправилась на три месяца в санаторий, где сидела на диете, занималась физкультурой и изливала душу психоаналитикам. Более неудачного шага нельзя было представить, поскольку она исчезла из жизни пастора как раз в тот момент, когда замужество дочери напомнило ему о том, что он тоже стареет. Он быстро обнаружил, что жизнь без Мод сулит ему массу удовольствий: можно есть все что угодно на завтрак, самостоятельно выбирать псалмы для церковного хора, готовить проповеди и посещать своих бедных, а потому малозначительных прихожан так часто, как он считал нужным. Все это он отказался менять, когда Мод возвратилась после курса омоложения. Теперь он стал абсолютно глух к ее речам.

— Так ей и надо! — торжествующе заявила Эдда Джеку Терлоу, когда, встретившись на тропе, они спешили, чтобы, как выражался Джек, «от души потрепаться».

Теперь они виделись нечасто; раньше сестры занимались лишь собой и помогали по дому, но больница основательно сократила их досуг. К тому же они так уставали, что даже поход в кино, не говоря уже о конной прогулке, требовал огромных усилий.

Джек был не в восторге от такой перемены, о чем не преминул

сообщить:

— Ты ко мне относишься как к вещи, которую держат в шкафу и вынимают, когда возникает необходимость. Не знаю, почему я все это терплю.

Эдда расхохоталась:

— Джек, когда же ты повзрослеешь? Ты на одиннадцать лет старше меня, а ведешь себя, как маленький мальчик, у которого сестра отняла любимую игрушку. Я теперь сама зарабатываю на жизнь, и работа для меня не пустое слово. Я обожаю наши совместные прогулки, но у меня нет времени, а подчас и сил — неужели непонятно?

— Поступая в больницу, ты надеялась, что лошадь поможет тебе поддерживать форму, но получается все наоборот: ты выезжаешь все реже и реже. Твой отец впрягает Фатиму в коляску, на которой ездит Мод, чтобы бедная животина хоть как-то разминалась.

Эдда с грустью кивнула:

— Папа правильно делает, но ты ведь, кажется, не одобряешь, когда скаковых лошадей запрягают в повозки. Мне очень жаль, что так получается.

Она постаралась придать лицу обольстительное выражение.

— Я так люблю на ней ездить, а если ты заберешь ее, у меня не останется шансов. Неужели Фатиме так вредно тянуть легкую коляску? Я знаю, почему ты мне ее отдал — она не слишком умная, но со спокойным темпераментом. Мод даже приучила ее облеγχаться в компостную кучу.

Джек вяло усмехнулся, но потом улыбнулся во весь рот.

— Жаль, что ты женщина, Эдда. Из тебя бы вышел отличный политик.

— Но я могу выйти за политика замуж, — пошутила она.

— Поехали ко мне, выпьем чаю с лепешками. Все лучше, чем сидеть на берегу.

Эдда сразу же поднялась.

— И не так бросается в глаза, — добавила она, взбираясь на Фатиму, которая и в самом деле годилась для чего угодно. Ее глупость была в этом большим подспорьем.

— Что слышно о наследнике Бердама? — спросила Эдда, намазывая масло на еще не остывшую лепешку. Джек пек их виртуозно.

— Ты об этом помми? Из старины Тома много не вытянешь, но сдается мне, этот наследничек к нам не торопится. У него и своих игрушек в Англии хватает, особенно в Лондоне.

— Почему у нас англичан называют помми?

— Кто его знает, — пожал плечами Джек. — Они там небось и не

знают, что мы их так зовем. Вот явится сюда, тогда и прозреет. Старина Том говорит, что он врач.

— Мод нам сообщила то же самое, но мы ей не очень-то доверяем, — сделала гримасу Эдда. — И еще она утверждает, что он финансовый магнат.

— Брехня. Одно исключает другое — альтруист и эксплуататор. Это как святой и дьявол в одном флаконе.

— Да я знаю десятки таких людей, — усмехнулась Эдда. — Молятся, на коленях елозят, а сами форменные негодяи.

— Вот за что я тебя люблю. Ты видишь то, что скрыто за фасадом.

— Профессия помогает. Когда человек болен, раскрывается его истинная натура. Про богатых этого не скажешь.

— Может, поэтому наследник Бердама стал врачом. Одни деньги жизни не научат, — резюмировал Джек, убирая со стола тарелки и чашки. — Пошли, я отвезу тебя в больницу на машине.

Когда Эдда ехала в больницу в потрепанном грузовике Джека, сердце ее пело от радости. Неужели Джек Терлоу и есть ее единственный мужчина? Вообще-то она всегда симпатизировала ему, считая лучшим другом. Но два часа, проведенные на его кухне за чаем с лепешками, вдруг заставили ее понять, что она его любит! Как это случилось? И почему вдруг? Она вовсе не хотела замуж и надеялась, что и он не имеет подобных намерений, но ее к нему страшно тянуло...

«Я хочу путешествовать, мечтаю уехать из Корунды, но ведь путешествовать вдвоем с любимым человеком гораздо приятнее. И за это открытие я должна быть благодарна Джеку. Быть вместе и поддерживать друг друга, сохраняя при этом полную свободу. Я чувствую, что влюбилась в Джека, но может ли он ответить мне тем же? А вот этого я не знаю. Он еще не подал мне сигнала. Мы оба соблюдаем дистанцию. Это взаимное доверие? Вздор! Его не существует».

Китти сразу заметила перемену в сестре.

— Я вижу, ты наконец оправилась от потери Грейс.

— Да, верно, — согласилась Эдда, стягивая сапоги и брюки для верховой езды.

У нее на языке уже вертелось имя Джека, но она вовремя спохватилась. Это никого не касается. Вместо этого она спросила:

— Ты слышала, что Мод болтала о наследнике Бердама?

— Только то, что он врач. Интересно, в какой клинике?

— Понятия не имею. Достаточно того, что он наследник Бердама,

потеснивший Джека Терлоу.

В комнату вихрем ворвалась Тафтс.

— Эдда, поменялось расписание дежурств. После выходных ты начинаешь работать в операционной. — Ее хорошенькое личико скривилось. — Повезло тебе! Я-то надеялась, что буду там первой.

— Тебя доктор Финакан не отпустит, пока вы не закончите свои дела, — без всякого сочувствия отозвалась Китти. — Нельзя иметь все сразу, Тафтс.

— Ладно, ладно, все равно моя очередь наступит.

«Интересно, почему я не сказала им про Джека? — думала Эдда, направляясь в ванную, чтобы смыть с себя лошадиный запах. — Они же мои сестры! Но ведь он не делал мне никаких авансов, только дружба и ничего больше. А влюбиться он может, к примеру, в Китти. Нет, я этого не допущу! Китти мне, конечно, дорога, но стоять и смотреть, как она рушит мою жизнь, я уж точно не буду».

Весьма неосторожная мысль, как выяснилось позже, когда они по странной случайности наткнулись на Китти, бредущую по конной тропе. Они с Джеком вежливо поздоровались, но лошади гарцевали, готовые пуститься в легкий галоп, и пешая Китти быстро ретировалась, желая быть подальше от столь опасных животных.

— Красивая девочка, — отметил Джек, когда они сели на поваленный ствол.

— Редкая красавица, — совершенно искренне уточнила Эдда.

Джек ухмыльнулся:

— Для тех, кто предпочитает такой тип женщин. Но я не любитель пышных азалий. Мне больше по душе стройные благородные тополя.

— Вот уж не знала, что ты умеешь говорить метафорами, — засмеялась Эдда.

— Ты еще многого обо мне не знаешь, — загадочно ответил Джек.

В травматическом отделении больницы была небольшая операционная, где пациентам оказывали первую помощь, останавливая кровотечение или накладывая шины при переломах. Более серьезные операции проводились в главной операционной, находившейся между мужским и женским отделениями. В больнице было два хирурга, одновременно имевших частную практику: доктор Иен Гордон делал полостные операции, а доктор Эрих Герцен специализировался на ортопедии, причем оба считались превосходными хирургами. Анестезиолог Тони Уотсон отлично управлялся с хлороформом, эфиром, закисью азота и

вводил обезболивающее, инстинктивно чувствуя, когда дать пациенту глоточек кислорода, чтобы несколько ослабить силу наркоза.

Войдя в двустворчатые двери, Эдда увидела несколько помещений, одно из которых было операционной, а в остальных мыли, дезинфицировали, стерилизовали, хранили инструменты, переодевались и держали вспомогательное оборудование. Еще там было шесть отдельных боксов для пациентов, где они лежали до перевода в общие палаты. Родильное отделение находилось в другом месте. В операционной роженицам делали только кесарево сечение. Акушер Нед Мэсон был своего рода достопримечательностью Корунды: всех, кто родился там за последние сорок лет, принимал доктор Мэсон, который и сейчас не собирался уходить на покой.

Операционная сестра Дороти Маршалл имела под своим началом двух младших медсестер и десяток сиделок из Вест-Энда. Все они были прикомандированы к операционной, но появление здесь Эдды предвещало начало перемен, что вовсе не радовало операционную сестру. Однако от ее умения передать свой опыт практиканткам зависело и ее собственное благополучие, чего она не могла не понимать. Поэтому она была полна решимости сделать из Латимер образцовую операционную сестру.

Эдде предстояло начать с грязной работы. В ее обязанности входило убирать использованные инструменты, отмывать их от крови, помещать в стерилизатор, где они двадцать минут кипятились, потом вынимать стерильными щипцами и класть на стерильные же, покрытые салфетками лотки, которые отправлялись в паровой автоклав. Тяжелая и опасная работа, где в любую минуту можно ошпариться или обжечься. Поэтому она была строго ограничена по времени и занимала лишь небольшую часть дежурства.

Операционная сестра ассистировала хирургу и часто сама зашивала раны. В случае дорогостоящих операций операционную сестру сменял врач, от чего хирург бывал не в восторге, потому что сестра была опытнее и от нее было больше толку. Но, к несчастью, у нее не было докторского диплома, так что богатые, как это ни парадоксально, получали за свои деньги менее квалифицированную помощь, чем бедняки, которые довольствовались тем, что дают. Проходя практику, Эдда частенько посмеивалась, видя, что деньги и положение не всегда гарантируют наилучшее лечение. Слишком придирчивые пациенты тоже оказывались в проигрыше. У пострадавшей сиделки была масса способов отомстить зловредному больному, от устрашающих доз слабительного до зудящей сыпи. Сиделки ведь тоже люди!

Еще Эдда узнала, что одна из сестер, стоящих вокруг операционного стола, подает стерильные инструменты хирургу или операционной сестре, а использованные бросает в лоток, который уносит санитарка. Другая считает количество салфеток, закладываемых в рану. При полостных операциях салфетки могут быть величиной с женский носовой платок и их требуется не меньше дюжины. Перед наложением швов все их обязательно убирают. Если оставить салфетку внутри тела, начнется воспаление и пациент может умереть.

Еще одна сестра ассистирует анестезиологу, выполняя любую его команду. Короче, каждый стоящий у операционного стола имеет определенные обязанности и не должен ничего упускать. Операционная сестра, ее помощница и еще пять медсестер образуют операционную бригаду. Таких бригад две, и при длительных и сложных операциях они могут сменять друг друга. В остальное время они тоже не сидят сложа руки — проходящие в себя пациенты требуют особого ухода.

К счастью, операции не вызывали у Эдды ни тошноты, ни отвращения — ей было просто интересно. Уверенные руки в резиновых перчатках осушали кровоточащую рану, устанавливали металлическую трубку, чтобы отсосать кровь, накладывали зажимы на упрямо кровоточившие сосуды, умело пользуясь всем арсеналом кровоостанавливающих средств — просто восхитительно! Правда, хруст кости под пилой привел ее в шок — развеялись как дым все романтические представления о деликатных руках хирурга! Руки у них должны быть крепкими и сильными, как у простых механиков.

Доктор Гордон был рад новой аудитории: удаляя аппендикс, он оживленно наставлял практикантку, к большому неудовольствию помощницы операционной сестры.

— Как видите, мы не углубляемся в брюшную полость, потому что это довольно опасно. Но толстая кишка и так хорошо видна, вот она лежит поперек других кишок. Видите ее? Вот и отлично! Обратите внимание, что брюшная полость имеет ярко-розовый цвет — это первый признак начинающегося сепсиса, но мы успели как раз вовремя и предотвратили перитонит. Операция достаточно простая, потому что слепая кишка расположена рядом с брюшной стенкой, а червеобразный отросток отходит как раз от нее. Такой маленький, а проблем с ним много — он часто воспаляется. В него набивается всякая дрянь, что-то вроде твердых маленьких фекальных катышков.

— Это как бы запор? — спросила Эдда, не совсем уверенная, что она может задавать вопросы.

Хирург загоготал:

— Запор бывает с другой стороны, милая.

— А вы вскрываете саму кишку, сэр?

— Хотелось бы! Нет, в кишках находятся фекальные массы с огромным количеством микробов. Если вскрыть кишку, они окажутся в брюшной полости и тогда неизбежен перитонит, сепсис и смерть пациента. У нас нет средств, убивающих микробы. Если я удаляю часть желудка или привратника в случае язвы или раковой опухоли, очень важно зажать края оставшейся ткани, чтобы содержимое не попало наружу, пока не наложены швы. То же самое при удалении части кишки в случае рака, когда соединяют два ее конца, но это очень рискованная операция. С желчным пузырем попроще, там можно убить микробы, принимая внутрь лекарства или делая инъекции. Вопросы есть?

Самый главный вопрос Эдда задать не решилась: почему все хирурги имеют шотландские корни? И инженеры тоже. Есть ли в этом какая-то закономерность?

Правда, доктор Герцен родился и вырос в Германии, и жителям Корунды сильно повезло, что у них в городе обосновался столь известный ортопед. К нему приезжали даже из Сиднея. Самая драматичная история в жизни доктора произошла во время Первой мировой войны, когда, несмотря на энергичные протесты местного населения, федеральные власти в шовинистическом угаре интернировали его как подданного вражеского государства, лишив права на медицинскую практику. Поскольку диплом он получил в Сиднейском университете, этот запрет имел не больше смысла, чем его двухгодичная изоляция. Корунда отчаянно боролась за своего доктора, и, освободившись, он продолжал преданно ей служить. Недавний житель Сиднея предпочел вести практику в городе, который сумел добыть ему британский паспорт.

В отличие от доктора Гордона, который не всегда был занят, Герцен оперировал практически каждый день. При необходимости они могли заменять друг друга.

Эдду вскоре сняли с грязной работы — теперь она подавала инструменты во время операций и одновременно узнавала массу интересных вещей. Операционная сестра ее полюбила — это означало, что ей дадут возможность попробовать свои силы в разных областях.

В тот день Гордон с Герценом оперировали вместе, но без анестезиолога.

— Пациент находится в коме, — объяснила Эдде сестра Маршалл, когда они мыли и дезинфицировали руки перед операцией. — Доктор

Герцен попытается удалить внутричерепную гематому, сгусток крови, образовавшийся над мозговой оболочкой, который на нее давит. Такие гематомы, поглощая жидкость, увеличиваются в размерах. Но пространство внутри черепной коробки ограничено, и для разбухающей гематомы там просто нет места. Она начинает давить на мозг, причем все больше и больше, что может привести к смерти пациента. Наши хирурги попытаются удалить сгусток и тем самым убрать давление на мозг.

— А как определяют, что у пациента внутричерепная гематома? — спросила Эдда. — Разве есть такой анализ?

— Кома, эпилептические припадки одной половины тела и разная величина зрачков — классические симптомы внутричерепной гематомы. Рентген не показывает сгустков крови, но доктор Герцен уверен, что у пациента огромная гематома в височной части головы. На это указывает потеря речи. Доктор Гордон с ним согласен.

— Может быть, лучше поставить на инструменты сестру Тримбл?

— Честно говоря, я бы этого не хотела. Кое-какие инструменты пришлось позаимствовать в Сиднее, и Тримбл их не знает. А вы проходили курс обучения и должны быть с ними знакомы хотя бы теоретически. Если повезет, они нам вообще не понадобятся, но...

Богиня закончила речь, и Эдда заняла место у операционного стола, чтобы доказать, что она кое-чему научилась.

Сделав небольшой разрез на коже головы и обнажив кость, доктор Герцен взял в руки нечто похожее на обычный коловорот. Круглый полый резец был диаметром с полпенса. Хирург повернул ручку, и резец стал вгрызаться в кость, а доктор Гордон осторожно собирать стружку.

— Внимание, я достиг оболочки, — предупредил доктор Герцен.

Через мгновение он поднял резец с кружочком кости. Хирурги наклонились над раной. Эдде ничего не было видно.

— Да там все черно от крови. Эрих, ты оказался прав! — воскликнул доктор Гордон.

— Отсос готов?

— Да.

— Я надрежу мозговую оболочку. Сестра, ваши ассистентки смогут справиться с пациентом, если он придет в себя и начнет паниковать?

— Да, сэр.

Взяв небольшие кривые ножницы с острыми концами, доктор Герцен сделал крестообразный разрез, в котором сразу же показалось черноватое желе. Гордон быстро вставил трубку отсоса.

Гематома больше не давила на мозг, но коматозный пациент очнулся не

сразу. Хирурги ждали, пока прекратится кровотечение. Наконец доктор Герцен облегченно вздохнул:

— Думаю, теперь мы можем закрыть отверстие, Иен.

Костяной кружок был аккуратно возвращен на место и обложен собранными стружками. На кожу наложили швы, и операция благополучно завершилась. Пациент зашевелился.

— Почему ты не стал делать трепанацию, Эрих? — спросил доктор Гордон.

— Не люблю я их. Большой риск забраться слишком глубоко. Для парней из Сиднея, которые только этим и занимаются, это не проблема, но мне-то редко приходится дырять черепа. С резцом как-то надежнее.

— Что ж, примем к сведению.

Когда через неделю пациент как ни в чем не бывало отправился домой, Эдде это показалось маленьким чудом. Она поклялась, что обязательно увидит, как оперируют настоящие нейрохирурги в Лондоне. Возможно, к этому времени Виктор Хорсли уже не будет кататься на велосипеде по Блумсбери, но там останутся другие, ведь в этом районе Лондона полно хороших больниц.

Через два года практики сестры Латимер вполне вписались в больничный пейзаж, а их личики под смешно торчащими косынками были знакомы всем и каждому, начиная от старшей медсестры Ньюдигейт и главного врача Кэмпбелла до сиделок, уборщиц и санитаров. Каждая из сестер имела свои приоритеты, за исключением разве что психиатрической лечебницы, где дежурить не любил никто.

Для Эдды самыми притягательными были операционная и травматологическое отделение. Причина была достаточно очевидна: здесь царила атмосфера драматизма, чрезвычайных ситуаций и опасности для жизни. Пройдет ли все гладко или случится что-то непредвиденное, ставящее пациента на грань жизни и смерти? Заранее сказать невозможно. После войны хирургия развивалась быстрыми темпами, но и теперь была далеко не всесильна. Эдда решила, что после окончания практики обязательно станет операционной сестрой.

Ее высокая стройная фигура вызывала недвусмысленный интерес у мужчин, к которому она была совершенно равнодушна. Казалось, она не замечала устремленных на нее взглядов, в ответ на комплименты лишь пожимала плечами и в корне пресекала любые попытки пригласить ее на свидание. Исключение делалось лишь для Джека Терлоу, с которым она поддерживала чисто дружеские отношения. Несмотря на проснувшуюся в

ней любовь, она была не готова пожертвовать больницей ради романтических увлечений. Нет, Джеку Терлоу придется подождать, пока она сама не сделает шаг в его направлении... Но вот насчет замужества у нее уверенности не было. Пример Мод несколько пошатнул ее веру в супружество, а возможно, ей просто не хотелось играть подчиненную роль, которая неизменно ждет женщину в браке.

— Думаю, вполне логично, что замужняя женщина находится в зависимом положении, — заявила она сестрам, когда они вернулись с дежурства. — Она рождает и воспитывает детей, и здесь никакие няньки не заменят родную мать. Но все равно это несправедливо.

— Тогда не выходи замуж, — усмехнулась Тафтс. — Я лично не собираюсь.

— Бросьте болтать глупости! — воскликнула Китти. — Карьера — это, конечно, прекрасно, но без любви и взаимопонимания она ничего не значит.

— А при чем здесь взаимопонимание? — удивилась Эдда.

— При том! Не прикидывайся! Разве неясно, что любовь без взаимопонимания обречена на провал? Они не могут существовать друг без друга.

— Но мужчины, с которыми у меня взаимопонимание, почему-то не вызывают у меня любви, — заявила Эдда, и в глазах у нее вспыхнул огонек.

— Ну да, ты же у нас такая опытная! Кого ты хочешь обмануть, Эдда Латимер? — вознегодовала Китти.

Эдда едва сдержалась, чтобы не сболтнуть о Джеке Терлоу. Но нет, пусть это будет ее тайной. Особенно сейчас, когда они стали встречаться регулярно. Как друзья, конечно, не выходя за рамки тех отношений, которые Эдда установила с самого начала. Ибо она была горда и не собиралась признаваться Джеку в своих чувствах. Пусть считает, что любовь ее совершенно не интересует, так же как и любой, даже самый невинный флирт. Его пол просто данность, никак не влияющая на характер их отношений. Никакой томности и призывных взглядов.

— Ты же собираешься уехать, когда получишь диплом, — с упреком сказала Китти.

— Естественно. Только не говори мне, Китти, что ты терпела три года только ради того, чтобы получить место младшей медсестры в захолустной больнице!

— Но я люблю Корунду! — запротестовала Китти. — Зачем куда-то ехать, чтобы увидеть точно таких же жалких больных?

— Не говори так, Китти! — оборвала ее Тафтс.

— Нет, нет, я ничего плохого не имела в виду, ей-богу, Тафтс! Но я действительно люблю Корунду и хочу выйти замуж за местного парня, с которым у меня будет любовь и взаимопонимание.

— Ну и дурочка же ты, — сказала Эдда, разливая чай.

— А я ее понимаю, — заявила Тафтс, глядя на свою сестру-двойняшку. — Но мне тоже хочется уехать и поработать в других местах.

— Но мы же никогда не расставались, — всхлипнула Китти.

— Эдда с Грейс тоже, но теперь мы стали взрослыми и наши пути расходятся. Эдда хочет стать медсестрой, а Грейс предпочитает быть женой. У нас с тобой точно так же. Я пойду в медицину, а ты — замуж.

— Да хватит вам! — прикрикнула на них Эдда, стукнув по столу.

Когда Эдда в очередной раз повстречалась с Джеком Терлоу на конной тропе, она сделала нечто такое, чего так никогда и не смогла объяснить себе, причем даже много лет спустя, когда обрела способность рассуждать вполне хладнокровно, — предложила ему познакомиться с ее сестрой Грейс.

Они сидели на бревне, и Джек сворачивал себе папиросу, заволакивая Эдду видом загорелых рук, под тонкой кожей которых ходили мускулы. Руки хозяина, не изуродованные физической работой, хотя он и утверждал, что работает на земле.

Движение пальцев прекратилось, Джек исподлобья взглянул на Эдду. Так он обычно смотрел на нее, когда она чем-то его удивляла.

— Познакомиться с твоей сестрой Грейс? — переспросил он.

— Да, но только если ты этого хочешь, — быстро проговорила Эдда. — Мы же с тобой никуда не ходим вместе. — Она небрежно пожала плечами. — Можешь отказаться, я не обижусь. — Потом придала лицу скучающее выражение. — Правда, там будет не слишком весело. Грейс через три месяца должна родить и вся в преддверии такого важного и уникального события.

Джек насмешливо улыбнулся:

— Бедная Эдда! Тебе не хочется идти одной. Скучная обязанность?

— Какой догадливый! Так ты пойдешь? Скажи «нет»!

— Я буду рад познакомиться с твоей сестрой. Две Эдды сразу — прямо дух захватывает! Вы точная копия друг друга?

— Были, когда родились, потом сходства стало меньше. Внешне Грейс очень на меня похожа, но по характеру она совсем другая, не такая решительная. Вовсе не копия Эдды.

— Какая удача!

— Прекрати! Моя решительность никак на тебе не отражается.
— Это верно. Иногда я об этом жалею.
— Грейс живет на Трелони-уэй, — сообщила Эдда, меняя тему. — Дом десять. Так когда идем?

Джек зажег папиросу.

— Когда у тебя следующий выходной?

— Во вторник.

— Я заеду за тобой в больницу в три.

— Нет, встретимся у муниципалитета.

И это было все. Вместо того чтобы проводить ее, Джек вскочил в седло и, чуть кивнув на прощание, пустил лошадь в галоп.

Эдда огорченно посмотрела вслед удалявшейся фигуре. Вот дурак! Менять что-то в их отношениях было опасно, но она все равно это сделает! Зачем? По той же самой причине, что побудила ее опустить ножку стула на голову ядовитой змее. Желание испытать себя. И почему надо вечно лезть на рожон? Когда другие в страхе разбегаются, она обязательно остается и проводит эксперимент.

Джек Терлоу поскакал домой, размышляя, зачем он согласился знакомиться с Грейс Ольсен, урожденной Латимер, хотя подозревал, что сделал это только ради Эдды, которая ему нравилась. Если бы не она, он ни за что не стал бы каждый божий день галопировать в седле. Его сильно тянуло к ней, но он умел справляться со своими вожделениями и вовсе не собирался поддаваться ее чарам. Элегантная и уверенная в себе, она, казалось, источала чувственность, столь редкую у воспитанных в строгости женщин. Она сохраняла девственность, но это был ее собственный выбор. Просто эта маленькая задавака еще не встретила никого достойного себя. Джек чувствовал, что он ей нравится, но считал это всего лишь прихотью скучающей девицы. Такой женщине нужна совсем другая жизнь, и Корунда в этом смысле мало что могла ей предложить.

Замужество в данный момент не входит в ее планы, а он и вообще не собирается ни на ком жениться. Так стоит ли начинать то, что может закончиться нежелательной беременностью? Сворачивая к дому, Джек утешил себя мыслью, что, приняв приглашение Эдды, он лишь подчеркнет заурядность всего происходящего: посиделки в компании двух сестричек, одна из которых нетронутая, а другая беременная, — что может быть скучнее?

Когда Том Бердам отдал Джеку ферму, тот почувствовал себя совершенно счастливым. Он был сыном дочери Тома и в детстве пережил

немало финансовых и семейных передраг, от которых не оправился до сих пор. В результате он стал испытывать стойкий ужас перед двумя зловещими близнецами — деньгами и властью. Этот ужас побудил его отказаться от наследства старого Тома, и тому пришлось найти другого наследника — этого помми-доктора из Лондона. Ну и Бог ему в помощь!

Ферма Корундубар с ее пятью тысячами акров земли была не самой значительной частью состояния Бердама. Природа здесь была щедра, и для успешного фермерства не требовалось много земли. Почва была плодородной, дожди шли чаще, чем в других местах, а возвышенное положение смягчало климат, во всяком случае, в летний период.

Окончив в восемнадцать лет частный лицей в Сиднее, Джек сразу же обосновался в Корундубаре. Он получил прекрасное образование, но старался этого не афишировать, предпочитая изображать из себя простого скотовода, разводившего овец и чуть позже арабских скакунов. Последние были слишком субтильны для крупных мужчин, но идеально подходили дамам, которые, как известно, обожают ездить верхом. Старый Том весьма пренебрежительно отнесся к этому увлечению, но потом, когда дело неожиданно пошло и скакуны Джека стали пользоваться поразительным успехом, был вынужден прикусить язык. Сейчас Джек возил своих лошадок на все крупные провинциальные ярмарки и мечтал принять участие в Королевской пасхальной ярмарке в Сиднее, которая считалась самой престижной в Австралии.

Ферма Корундубар располагалась на пологом холме, занимая все его склоны и спускаясь к реке, которая в этом месте никогда не пересыхала, превращаясь в пунктир из мелких лужиц. Вода для скота подавалась в желоба посредством водяного колеса, приводимого в движение ветром, а сад и огород находились в излучине реки, так что для полива хватало водонапорной башни и подачи воды самотеком. Для питья и бытовых нужд использовалась дождевая вода, стекающая с крыш, которую хранили в подземных резервуарах.

Дом был построен из известняковых блоков и имел четырехскатную крышу из рифленого железа и широкую веранду, опоясывающую его по всему периметру. Сад с сентября по апрель утопал в зелени и пестрел цветами. Сейчас был разгар весны, и все, что могло цвести, буйствовало в полную силу. Каждый раз когда Джек подъезжал к холму и перед ним открывался вид на ферму, у него перехватывало дыхание и сердце начинало биться так, как никогда не билось при виде женщины. Самое прекрасное место на земле, теперь уже безраздельно принадлежащее ему!

Его холостяцкий дом был чист и опрятен, хотя и без того уюта,

который способны создать только женские руки. Как и многие другие мужчины, Джек Терлоу умел готовить, пришивать пуговицы, подшивать брюки, штопать носки, мыть пол и отстирывать белье до первозданной белизны. В детстве ему часто приходилось делать это самому, и сейчас он гордился приобретенными навыками. Но как и свое образование, Джек предпочитал их скрывать: он был человеком долга, и все его действия подчинялись именно этому чувству, а оно было весьма суровым наставником. Но он терпеть не мог, когда этим пользовались окружающие, не давая взамен ни крупицы любви. Посему он держал свои секреты при себе, надеясь прожить одиночкой до конца своих дней — никаких тебе обязательств и моральных долгов. Эдда Латимер привлекала его по той же причине: при любом жизненном раскладе эта женщина не предъявит ему никаких счетов. А вот ее сестрица, по-видимому, считает, что ей все чего-то должны.

«Но это проблема Эдды, уж никак не моя», — усмехнулся он мысленно.

Когда Джек подкатил к муниципалитету на своем «даймлере», Эдда ахнула от изумления.

— Неплохо выглядишь, — сказала она, когда он открыл перед ней дверцу машины.

— Том одалживает мне свой костюм, когда есть нужда выйти в свет.

— Вообще-то мы могли бы пройтись пешком, это совсем недалеко.

Джек скроил гримасу:

— Как-то не по-джентльменски, Эдда. Почему ты не разрешила мне подхватить тебя у больницы?

— Чтобы все чесали языки? Нет уж, спасибо!

Джек, облаченный в строгий костюм-тройку, выглядел каким-то недоступным. Она пожалела о своем приглашении еще тогда на берегу, а теперь, увидев его в шикарном костюме, расстроилась окончательно и всю дорогу молчала. Наконец они свернули на Трелони-уэй, один из лучших районов города. Отсюда до Вест-Энда было не меньше двух миль.

— Вон тот желтый коттедж под зеленой крышей, — проговорила Эдда.

Потом опять повисло молчание. Джек помог ей выйти из машины, и она с ужасом подумала, что из всех окрестных окон за ними наверняка следят любопытные глаза. Ох, уж эти соседи! Джек открыл калитку в заборе из штакетника и повел ее к входу в дом. Эдда заметила, что в саду кто-то работает, что было совсем не в обычае Корунды. Розы цвели кое-как, листья, все в черных точках, были изъедены красным клещиком. Но ведь

Грейс никогда не занималась садом. «Какая же я эгоистка, — подумала Эдда. — В следующий выходной надо будет ей помочь. От Бера в саду толку мало, даже когда он дома. А где же азалии и рододендроны? И анютиных глазок с лобелиями тоже не видно».

К ним уже подходила Грейс, даже не пытающаяся скрыть свое удивление.

— Эдда сказала, что придет не одна, но вас я никак не ожидала увидеть, мистер Терлоу, — жеманно проговорила она в лучших традициях Мод. — Проходите и садитесь, пожалуйста.

«Бедняжка! — думал Джек, неловко спускаясь на стул. — Так похожа на Эдду, но в то же время совсем другая! Очень хорошенькая, беременность ей даже к лицу, но вся какая-то безжизненная».

— Зовите меня просто Джек, — с улыбкой сказал он.

Лед был растоплен, и вскоре Джек и Грейс уже весело болтали, не чувствуя никакой скованности. Он искусно скрывал жалость, которую вызывала у него эта женщина, проводящая дни в печальном одиночестве и так расцветшая от его формальных знаков внимания.

Пока они беседовали, Эдда обошла дом. Там все полностью изменилось! Когда она была здесь в последний раз? Месяц назад? Нет, уже все три. Они встречались с Грейс в «Парфеноне», чтобы та хоть чуть-чуть отдохнула от домашних забот. И к тому же Эдда терпеть не могла этот район. «Нет, вы только посмотрите на это! О Господи! И почему я оставила ее без присмотра?»

Дом был обставлен как богатый особняк! Огромный персидский ковер на полу в гостиной. Роскошная индийская ширма. Стулья, обитые настоящим гобеленом. Грейс, Грейс, что же ты наделала?

— Джек, посиди немного один, а мы с Грейс соберем чай, — сказала Эдда, входя в гостиную.

Как только дверь на кухню закрылась, Эдда, схватив сестру за плечо, бесцеремонно потрянула ее.

— Грейс, когда ты успела купить всю эту мебель?

— Красивая, правда? — расцвела улыбкой та. — Четыре месяца назад я случайно встретила с Мод и миссис Энид Тридби, и они взяли меня в этот чудесный магазин на Мельбурн-роуд. Там столько потрясающих вещей! За ними приезжают даже из Канберры.

Эдда, чуть остыв, в отчаянии посмотрела на сестру.

— Грейс, ты просто идиотка! Надо срочно вернуть все эти вещи. Ведь ты потратила больше своих пятисот фунтов, правда? Только не говори, что Бер позволил тебе растратжирить и его деньги!

— Конечно, позволил, я же его жена, — обиженно протянула Грейс. — Это шикарная мебель, и со временем она будет только дорожать!

— Есть известная поговорка: «По одежке протягивай ножки», — устало сказала Эдда. — Ты подражаешь миссис Тридби, которая может позволить себе любую мебель. Ну и дура же ты! Я знаю, это мачеха втянула тебя в эту авантюру, чертова сука! Миссис Тридби здесь ни при чем, это все Мод.

Грейс разревелась.

— Я не могу ее вернуть, я ее купила! — заскулила она. — Мне она жутко нравится и Беру тоже! Он говорит, что у меня потрясающий вкус.

— Ставь чайник на свою новую газовую плиту, а то мы совсем забыли про гостя, — вздохнув, сказала Эдда. — А в будущем, будь добра, приходи ко мне посоветоваться, прежде чем истратишь хоть пенни на что-либо кроме содержимого кладовки или ящика со льдом. Ты слышишь меня?

Визит быстро подошел к концу, и Эдда молча опустила на переднее сиденье «даймлера».

— Что-то случилось? — поинтересовался Джек.

— Да уж.

— Поделиться не хочешь?

— Это чисто семейное, Джек. Будем считать, что я просто недооценила глупость своей сестры.

— Бедняжка Грейс! Согласен, она глупа. Но такой уж она уродилась, так ведь? Проблема в том, что умом, сообразительностью и здравым смыслом обладают далеко не все, а у некоторых вообще нет ничего из перечисленного. Но она милое любящее существо. Держу пари, она частенько напрягает мужа, но он, вероятно, считает, что ее любовь окупает все. Это вечная проблема таких женщин, как ты. Каждая лишняя унция мозгов отнимает у вас столько же любви.

Это было как удар кинжала, но Эдда скорее бы умерла, чем показала этому умнику, как ее задела его слова.

— Какая чушь! — презрительно произнесла она. — Ты рассуждаешь на уровне женских журналов.

— Нет, скорее это бухгалтерский учет. Дебет должен сходиться с кредитом, таков закон природы. Кредит Грейс исчисляется в единицах любви, твой — в единицах интеллекта. Нет, не только, — добавил он, и в глазах его сверкнул огонек. — Но тебе всегда будет мало одной любви. Ее дары для тебя слишком эфемерны, что-то вроде водяных испарений, которые нельзя увидеть.

— А для тебя достаточно одной любви? — холодно спросила Эдда.

— К сожалению, нет. Ты знаешь, сегодня я разгадал одну загадку, которая не давала мне покоя. Это касается близнецов.

Эдда решила не клевать на эту наживку. Но быстро изменила план, справедливо предположив, что тогда она вряд ли узнает, что у него на уме.

— И что же это за мудреная загадка?

— Зачем вообще существуют близнецы? Ведь если разделить на двоих все, чем набит человек, получается как-то жидковато.

— Значит, близнецы — неполноценные человеческие существа?

— Скорее несколько иные.

— Ты считаешь, что Грейс заполучила всю любовь, а я — ум?

— Не совсем так. Просто ей не хватает твоего здравого смысла, а тебе — ее способности любить.

— Ничуть не жалею, что мне достались мозги. Грейс в этой жизни придется нелегко.

— С хорошим мужем она этого избежит.

Перед Эддой возникла белобрысая физиономия Бера. Улыбнувшись, она сжала руку Джека, лежащую на руле.

— Ну, тогда я за нее спокойна. Бер Ольсен отличный парень, он всегда будет о ней заботиться. Но ему надо остановить ее мотовство. Как странно! Я и не подозревала, что она такая транжирка, до тех пор, пока не увидела всю эту дорожную мебель. Она сняла со счета все до последнего пенса.

— Девочка просто не умеет распоряжаться деньгами.

— Конечно, дома у нас всем заправляла мачеха. Именно она посоветовала Грейс купить эту мебель.

Машина остановилась у муниципалитета.

— Давай я довезу тебя до больницы, — предложил Джек.

Но Эдда уже выпорхнула из машины, одарив его ослепительной улыбкой.

— Нет, спасибо. Увидимся на конной тропе, как обычно.

Джек загадочно усмехнулся:

— С этим пока подождем, Эдда. Теперь мы будем встречаться у Грейс — надо помочь ей по саду. Ей с животом трудно справляться с посадками, а Бер вечно в разъездах. Когда у тебя следующий выходной?

— Завтра.

— Значит, встречаемся здесь в одиннадцать утра. А до этого я постараюсь выщипать у Ханны и Энид саженцы и черенки, чтобы заполнить пустые клумбы. Какой же сад без азалий и рододендронов? Посадим пару слив и еще нарциссы.

Продолжая говорить, Джек нажал на газ и исчез, как джинн из

арабской сказки, оставив Эдду в полном недоумении.

Чуть придя в себя, она побрела к больничным воротам. В голове у нее был полный сумбур. Приглашая Джека к Грейс на чашку чая, Эдда и представить не могла, к чему это приведет. Конечно, существовала опасность, что он западет на ее более податливую сестру. Но он вдруг проникся жалостью к ней — так почему это так ее беспокоит?

Но Эдда быстро справилась с собой, поставив под жесткий контроль все свои эмоции. Перед ее внутренним взором возникла сегодняшняя Грейс, отмеченная той особой миловидностью, которой отличаются беременные женщины — с небольшим семимесячным животиком, который не слишком ее портил, и огромными серыми глазами, лучащимися любовью — к кому? — да ко всем без исключения! Странно, что не слишком искушенный Джек сразу же почувствовал этот неумный любовный аппетит Грейс. Она не делала попыток покорить его, но он оказался беззащитен перед ее особой прелестью и трогательной беспомощностью. Эдда, лишенная этого качества, презирала его в других и считала, что Джек настроен так же. Убедиться, что это не так, было довольно болезненно.

Тафтс сидела в гостиной в окружении книжек, Китти была на дежурстве — как обычно, в детском отделении. Она хотела работать только там, и старшая медсестра, как ни странно, шла у нее на поводу.

— Тафтс! — окликнула сестру Эдда, ставя на плиту чайник. — Тебе никогда не надоедало быть умной и одаренной?

— Будем пить чай? Хорошая идея, — откликнулась Тафтс, подняв от книги свои золотистые глаза. — Ты хочешь сказать, лучшей половиной двойни?

— Ты так это понимаешь? — нахмурилась Эдда.

Если не сравнивать с Китти, которая ее затмевала, Тафтс вполне могла претендовать на звание красавицы. Такое же безупречное лицо, прямой нос, огромные глаза, высокий круглый лоб. Правда, Китти была поярче, и ее ямочки на щеках были более заметны, но в отсутствие сестры Тафтс выглядела потрясающе. И почему этого никто не замечает?

— Но ты же не будешь утверждать, что Грейс с Китти глупы и бездарны, — озадаченно произнесла Тафтс. — Потому что это совсем не так. Просто они хотят совсем другого, чем мы с тобой.

— Ну да, они хотят любви, — фыркнула Эдда, вложив в слово «любовь» все свое презрение. — Любовь! Подчинение мужчине и ничего больше.

— Мне понятен твой скептицизм, Эдс, но наша больничная практика

лишний раз доказывает, что мужчины и женщины устроены по-разному — и физически, и ментально. Я уже устала от уравниловки, с которой выступают поборники равноправия. Мужчины вовсе не одинаковы, так же как и женщины. Каждый из нас индивидуален.

— Bravo, Тафтс! — со смехом воскликнула Эдда. — Но возвращаясь к любви, могу сказать, что я скорее умру, чем стану ее рабой.

— А возвращаясь к нашей практике, я могу сделать вывод, что порождает привычка, а в нее может превратиться и любовь, — заявила Тафтс, заваривая чай. — Привычки почти невозможно изменить.

— Ну, Тафтс, ты даже умней меня! Доктор Финакан говорил нам о гормонах. Возможно, мы с тобой отличаемся от Грейс и Китти только степенью их концентрации? Или наши мозги развивались как-то по-другому? А что такое вообще привычка?

Эдда налила в чашки молоко, и Тафтс стала размешивать чай, чтобы он быстрее заварился. Потом они сели за стол, чтобы насладиться этой панацеей от всех скорбей.

— А почему ты завела этот разговор? — спросила Тафтс, прихлебывая чай.

— Я была сегодня у Грейс вместе с Джеком Терлоу — безумная идея! Он сделал вид, что хочет познакомиться только из любопытства, и я считала, что раз увидев, он и думать про нее забудет, — проговорила Эдда с кривой улыбкой. — Как же я ошибалась! Теперь вместо конных прогулок по выходным я вынуждена ездить с ним к Грейс, чтобы исполнять роль бесплатной садовницы и прислуги.

— Но ты ведь сердись совсем не из-за этого, Эдда.

— Ты видела этот дом?

— Да, там все с таким вкусом. Я даже удивилась.

— А тебе не приходило в голову, что она потратила на это все до последнего пенни — и сбережения Бера, и свои собственные пятьсот фунтов? Это Мод подбила ее обставить дом мебелью, которую она просто не может себе позволить!

— Я как-то не подумала... Моя мать ужасная женщина, — тихо сказала Тафтс. — Мы обе это знаем. А зачем она это сделала?

— Чтобы рассорить Грейс с Бером. Когда Мод транжирит деньги на мебель, чтобы пустить всем пыль в глаза, наш добрый папочка насупливает брови и заставляет ее вернуть покупку в магазин. Она вообразила, что Бер, как человек простой, будет менее деликатен и покажет Грейс где раки зимуют. Но она просчиталась. Бер готов простить Грейс все что угодно.

— И слава Богу! Ее влияние на Китти сошло на нет, она жаждет

реванша и готовит новые происки. Грейс с Бером только разминка. Берегись, Эдда. Главная цель — это ты, я в этом не сомневаюсь.

— Согласна, дорогая, но только я уже давно не завишу от Мод. Как она может мне навредить?

— Думаю, она будет действовать через Джека Терлоу, если Грейс о нем разболтает. Она попытается подмочить твою репутацию.

Эдда рассмеялась:

— Если начнут сплетничать обо мне с Джеком, на тебя с докторами у них уже пороку не хватит.

«Бедная Эдда», — думала Тафтс, направляясь в отделение патологии, располагавшееся в просторном здании, похожем на сарай. Там же находилась библиотека и новый рентгеновский аппарат, огромная установка, такая тяжелая, что ее пришлось ставить на специальный постамент. Как менее привлекательная половина пары, Хизер/Тафтс была избавлена от многих коллизий, которые приходилось переживать Китти, и то же самое можно было сказать о Грейс и Эдде, которая пронзала змей ножкой стула, ничего не боялась, да к тому же была обаятельной и привлекательной. Но свою любовь встретила все-таки Грейс — настоящую любовь, которая никогда не проходит, никого не осуждает и прощает все грехи. Что бы ни натворила бедная глупая Грейс, Бер всегда будет рядом, чтобы собрать осколки. А теперь, в отсутствие Бера, осколки вызвался собирать другой мужчина, причем из самых лучших побуждений. Возможно, Эдда и хороводится с Джеком, но его готовность прийти Грейс на помощь говорит о том, что он желал бы видеть Эдду не столь самостоятельной и хоть немного нуждающейся в нем.

Но Эдда этого не замечала, да и не желала замечать. Она гордилась своей независимостью и способностью постоять за себя. Это не значит, что она менее достойна любви. Просто некоторых женщин любить непросто. Бедняжка Эдда!

Когда Тафтс вошла в отделение, было уже совсем темно. Она двинулась по длинному коридору, в конце которого была красная дверь в берлогу доктора Лиамы Финакана, то есть в его кабинет. Там тоже было темно. Патолог ушел домой, и теперь хозяйничать здесь будет она. Чашки с культурами тканевых клеток, срезы грудной ткани, пробы для гистологического анализа — все это ей предстояло подготовить для доктора. Простые рутинные процедуры типа анализов мочи были уже проведены лаборантом. Доктор Финакан обходился без второго лаборанта только благодаря ей, Тафтс Скоуби, которая любила эту скрупулезную

работу и выполняла ее гораздо лучше, чем молодой человек, специально нанятый для этой цели.

Не включая свет, она прошла через боковую дверь в лабораторию, где повернула несколько выключателей, залив помещение ярким желтым светом. Там стоял микротом с уже вставленным и заточенным ножом, и Тафтс занялась приготовлением срезов того, что раньше было женской грудью. Она была так увлечена этим занятием, что не замечала ничего вокруг.

— Благодарю вас, Хизер, — вдруг послышался голос доктора Финакана.

Тафтс подскочила от неожиданности и широко улыбнулась:

— Все будет готово вовремя.

— Бьюсь об заклад, это раковая опухоль, — проговорил доктор.

— Бедная женщина! Ей всего лишь за тридцать, и у нее маленькие дети.

Тафтс слезла с высокого стула и прошла в кабинет, чтобы доктор Финакан мог запереть лабораторию.

Подобно своим коллегам-хирургам, Лиам Финакан был весьма ценным приобретением для провинциальной больницы. Он тоже мог сделать успешную карьеру в Сиднее или Мельбурне. Но его жена была уроженкой Корунды, и он с первого взгляда полюбил это место: его патриархальную атмосферу, зеленую траву и пышные европейские кустарники и цветы. Он родился в Ольстере в протестантской семье, учился в Лондоне и мог получить должность патолога практически в любой больнице. Ведь он работал со знаменитым сэром Бернардом Спилсбери! Но для того, кто вырос среди религиозных распрей Ольстера, Корунда казалась сущим раем.

Возможно, это было единственное, за что он был благодарен Эрис — она скучала по дому и подтолкнула его к этому выбору. Красивая девушка, привлекательная женщина, Эрис никогда не довольствовалась тем, что у нее было. Его род занятий не требовал разъездов или постоянного отсутствия, хотя порой Лиам об этом жалел — тогда бы он не знал о постоянных изменах жены, о которых судачила вся Корунда.

Ему почти всегда удавалось не замечать ее интрижек, за исключением тех случаев, когда она требовала развода. Его отказы объяснялись не религиозными убеждениями, а лишь состраданием к этой женщине. Если уж такова ее натура, пусть и дальше флиртует с мужчинами, но публичного унижения Эрис не вынесет, как бы горячо она ни желала развода. Скандал будет для нее катастрофой. Во всех ее романах была одна общая особенность: мужчины, в которых она безумно влюблялась, исчезали

быстро, как дым. Если ее оставит и собственный муж, она просто пропадет в этом суровом мире. Будь у нее дети, все могло бы сложиться по-другому, но она была бесплодна — ее бесчисленные адюльтеры и полное пренебрежение противозачаточными средствами так и не привели ни к единой беременности. Доктор Финакан был склонен думать, что все ее похождения были не чем иным, как отчаянными попытками обрести ребенка.

К настоящему моменту дела обстояли как никогда плохо. Количество мужчин в Корунде было ограничено, и Эрис уже перебрала всех возможных кандидатов. Месяц назад она тайком собрала чемодан и укатила в Сидней, не оставив Лиаму возможности последовать за ней. Технически это давало ему прекрасный повод для развода. Частный детектив, нанятый доктором, разыскал ее в Ливерпуле, где она жила с владельцем молочной фермы, и Лиама отказался от дальнейшей борьбы.

— Я сегодня встретил Дона Тридби, — сообщил он Тафтс.

— Чай пить будем?

— В доме, где исцеляют людей, чай лучшая замена крепких напитков, — улыбнулся доктор.

— Да, там полно кофеина и всего такого, особенно в таком крепком, как пьем мы. Садитесь, закройте глаза и считайте. Я мигом — не успеет овца хвостом махнуть.

— Хорошая метафора для Корунды.

Через минуту Тафтс появилась с подносом в руках.

— Так что сказал Дон Тридби? — спросила она, разливая чай.

— Что пора поставить точку и развестись с Эрис.

— Это зависит только от вас? Конечно, вы пострадавшая сторона, — заметила Тафтс, дуя на чай. — Но мне кажется странным, что на развод не может подать любой из супругов.

Доктор приподнял брови.

— Хизер! Вы считаете, что женщина, нарушающая супружескую верность, имеет право подавать на развод?

— Какой же вздор могут нести мужчины! — возмутилась Тафтс. — Вы сказали это так, словно измена равнозначна убийству — но только для женщины! А я считаю ее всего лишь свидетельством того, что брачный партнер не оправдал ожиданий. Мне кажется, ваша жена просто больна. А если бы изменили вы, ваша вина была бы минимальной и наверняка нашлись бы смягчающие обстоятельства.

Тафтс наклонилась к доктору, ее насмешливые глаза сверкнули в полумраке яркой позолотой.

— Вот вы, например, сидите у себя в кабинете поздно вечером в компании двадцатилетней сиделки! Как вы думаете, что об этом будут сплетничать в Корунде?

Доктор засмеялся, сверкнув зубами, особенно белыми на фоне смуглой кожи.

— Не мечите бисер перед свиньями!

— В Корунде более актуальны рубины.

Они засмеялись, радуясь, что понимают друг друга с полуслова.

— Вы думаете, Хизер, я должен развестись с Эрис?

— Да, я так считаю. Вы же можете назначить ей содержание, ну, не такое большое, как ей хотелось бы, но ведь по закону вы ей вообще ничего не должны, раз это ее вина? Этим миром правят мужчины.

— Но ведь вы мой друг? — спросил Лиам, внезапно посерьезнев.

— Конечно, глупый вы человек! Поэтому мы и зовем друг друга по имени, как принято между друзьями.

Дверь открылась, и на пороге возникла старшая медсестра. Двое с самым невинным видом повернулись в ее сторону.

— Работаете допоздна, доктор Финакан?

— Не совсем так, сестра. Я действительно пришел, чтобы поработать, но оказалось, что сестра Скоуби уже все сделала.

— Скоуби не только прекрасная сиделка, но и отличная лаборантка, доктор Финакан, но завтра она с шести утра дежурит в женском отделении. Вам пора спать, милая, спокойной ночи.

Тафтс сразу же поднялась:

— Да, сестра. Спокойной ночи, сэр.

Доктор заговорил только после того, как Тафтс закрыла за собой дверь:

— Это безжалостно, Герти.

— Иногда жестокость лучше доброты, Лиам. Дон Тридби говорит, ты приходил к нему сегодня.

— Господи, ну почему все сразу становится известно?

— В Корунде нет тайн.

Пошарив в своем жестком от крахмала кармане, старшая медсестра вытащила сигареты и зажигалку.

— Учитывая сложившуюся ситуацию, Лиам, тебе лучше не общаться с практикантками в такое позднее время. Если адвокат Эрис об этом пронюхает, ты здорово влипнешь, да и Скоуби тоже.

— Да мне и в голову не приходило.

Старшая медсестра сочувственно взглянула на доктора:

— Да, действительно, бывают случаи, когда у мужчин отключается

голова. Но я не допущу, чтобы твое легкомыслие лишило девушку всяких перспектив. А она с ее способностями вполне может сделать блестящую карьеру. Отныне ты больше не будешь оставаться наедине с сестрой Скоуби и давать ей персональные задания.

— Да я и не предполагал...

— Меньше слов, больше дела, старина. Сейчас твоя главная задача — получить развод. Тебе следовало сделать это давно, когда ты был молод и мог рассчитывать на более удачную партию с кем-нибудь вроде Хизер Скоуби-Латимер. А теперь тебе сорок три и ты уже весьма потертый мужчина. — Она затушила сигарету и поднялась. — Так я могу рассчитывать на твое благоразумие, Лиам?

— Разумеется.

Когда сестра скрылась за дверью, перед глазами доктора возникла Тафтс, и у него впервые за много лет защемило сердце.

— Черт бы тебя побрал, Герти! — громко произнес он. — Ты разрушила то, о чем я даже не успел помечтать.

Потертый мужчина за сорок вряд ли имеет шанс покорить юную Хизер — теперь это предельно ясно.

Несколько недель работы в саду у Грейс примирили Эдду с переменой в их отношениях с Джеком Терлоу, но не с потерей конных прогулок. Во многих смыслах труд на земле был сродни дежурствам в больнице — та же физическая нагрузка, постоянная усталость и невозможность расслабиться. Спина отчаянно ныла, а бесконечное ползание по земле только усугубляло эту боль. Душа здесь тоже не отдыхала, что убедительно подтверждало копание дыр для сотен луковиц нарциссов — какое уж тут наслаждение природой. И потом, это же был сад Грейс, в котором она восседала, как толстая жаба на навозной куче. Так, по крайней мере, Эдда называла это про себя.

Джек с энергией и энтузиазмом отдавался благотворительной деятельности, ничуть не заботясь о чувствах Эдды. После двух их посещений Грейс прониклась уверенностью, что эта парочка будет приезжать к ней всякий раз, когда у Эдды выдается выходной. Что еще хуже, Джек решил, что они будут заниматься только этим. Стало быть, прощай Фатима, дружба с Джеком, чудесные прогулки и вообще любое свободное время. О Грейс начали сплетничать, что весьма забавляло Джека. Господи, когда же все это кончится!

В тех редких случаях, когда Бер бывал дома, они с Джеком легко находили общий язык, обсуждая темы, которые в мире мужчин считаются

важными: неполадки в машинах, виды на урожай, как найти хороших собак для охраны стада, нечестность судей на выставках скота. Во всех этих сельскохозяйственных вопросах постоянно разъезжающий Бер разбирался не хуже любого фермера.

Как всякий недавно женившийся человек, он был счастлив и с трепетом ждал рождения ребенка.

— Вообще-то мне без разницы, кто родится, мальчик или девочка, — заявил он Джеку и своим свояченицам за обедом. — Потому что мы собираемся завести и тех и других. Лучше, конечно, чтобы первым был мальчик, тогда он сможет помогать Грейс по хозяйству.

— Но сначала ему надо немного подрасти, — сказала Китти, которой очень нравился Бер.

— За этим дело не станет! Я расщеплял лучину и разжигал печь для мамы, когда мне было немногим больше года, — весело сообщил Бер.

— Но ты же не станешь тиранить своих детей, как твой отец, — предположила Тафтс.

— Надеюсь, что нет! Поэтому я и дал себе зарок не пить — виски превращает человека в чудовище. Но в большой семье детишки обязательно должны помогать по дому. Им это только на пользу пойдет, а то избалуются.

— Ну, им вряд ли это грозит, любовь моя, — возразила Грейс, тяжело поднимаясь со стула. — Вообще-то я не очень хорошая хозяйка.

Эдда быстро взглянула на нее, но Грейс уже отвернулась. Ну, что ты еще натворила, сестричка? Эдда пошла за Грейс на кухню.

— Почему ты не очень хорошая хозяйка?

— Честное слово, Эдда, ты придираешься к каждой мелочи. Это такой пустяк — просто я увидела роскошный материал для штор в гостиную и залезла в деньги на хозяйство. Но Бер все возместил.

Эдда с трудом сдержала возмущение:

— Господи, Грейс! Ну, что ты вытворяешь! Тем более сейчас, когда должен родиться ребенок. Дом у тебя и так красивый, зачем еще менять шторы в гостиную? Если из-за твоих глупых трат Бер залезет в долги, ему придется поместить в «Пост» объявление, что мистер Бьорн Ольсен не несет ответственности за долги своей жены. Потому что если ты и дальше будешь тратить деньги, которых у тебя нет, у него останется только две возможности выйти из положения — снять с себя ответственность за твои долги или объявить себя банкротом. В последнем случае всю твою замечательную мебель выставят вместе с домом на торги. Ты разве не помнишь, что произошло с миссис Джоди Мензис в прошлом году?

Грейс залилась слезами.

— Не вижу никакой связи, — запричитала она, вытирая глаза платком. — В гостиной нужно поменять шторы!

— Грейс, поменяться надо тебе. Больше никаких трат — и никаких жалоб Бера. По одежке протягивай ножки, ну, сколько тебе можно говорить. Ты видишься с Мод?

— Иногда, — прошептала Грейс.

— Прекрати. Оставь это мне, я ей устрою веселую жизнь!

«Надо изолировать мою доверчивую сестрицу от мачехи, — думала Эдда, когда они все вместе возвращались в больницу в машине Джека. — Она пытается рассорить Бера с Грейс, потому и подбивает ее на эти безумные траты».

Джек сразу почувствовал, что что-то неладно. Удивительно, как быстро он обо всем догадывается... Когда Китти с Тафтс вышли из машины, он немного притормозил Эдду.

— Идите, девушки, а мы с Эддой немного пощебечем у речки.

— Пощебечем! — с отвращением произнесла она, когда Джек остановил машину на берегу. — Тоже мне, нашел предлог. Когда я знакомила тебя с Грейс, мне и в голову не могло прийти, во что это выльется.

— Не будем об этом сейчас. Посмотри, какая ночь, разумница!

Ему явно хотелось, чтобы она поделила его восхищение. Эдда, какая же ты дура! Когда они сели на свое поваленное дерево, ее обступили чарующие ночные запахи и звуки. Ночь была прекрасна — серебряный диск луны лил на холмы волшебный свет, погружая все вокруг в мерцающую синеву.

— Ну как, обстановка успокаивает? — спросил Джек, скручивая папиросу.

— Да, спасибо тебе. Но вообще-то ты вредитель, Джек, тебе ничего не стоит все поломать. Я так и думала, что встреча с Грейс не пройдет для тебя даром, и я оказалась права, — начала свой монолог Эдда, удивляясь, почему ее так раздражает эта папироса. — Грейс такая безвольная. Когда мы жили дома, я дергала ее за ниточки, как марионетку, хотя в то время мне так не казалось. Но тогда, по крайней мере, ей ничего не грозило, чего никак не скажешь сейчас. Ты помогаешь удерживать ее на рельсах. Знаешь, раньше она все свободное время проводила в депо. Она и Бера там встретила, они влюбились друг в друга, наблюдая за паровозами. Смешно, правда? Короче, Грейс, как и паровоз, должна двигаться по рельсам, а без них ее занесет черт знает куда. А наша мачеха по какой-то непонятной мне

причине пытается пустить семейную жизнь Грейс под откос.

— Каким образом? — спросил Джек, пуская дым кольцами и стараясь поймать в них луну.

— Прекрати немедленно! — прикрикнула на него Эдда. — Только весь вид портишь. Неужели ты совсем не чувствуешь красоту?

Кольца дыма были лишь прелюдией — Джек обнял Эдду и попытался поцеловать, чтобы она наконец забыла про Грейс. Но его порыв был принят столь холодно, что желание сразу пропало. Недаром ее прозвали Медузой Горгоной. До Джека часто долетали слухи, что пациенты влюбляются в Китти и Тафтс, но об Эдде ничего подобного не говорили. Она была прекрасной сиделкой, заботилась о больных, но мужчины не испытывали к ней нежных чувств. Джека сильно тянуло к ней, но он не испытывал никаких иллюзий относительно взаимности. Эдда была похожа на прекрасную статую на пьедестале, и Джек подозревал, что там она и останется.

— Так каким же образом? — повторил он вопрос.

— Грейс совершенно не умеет тратить деньги. Она уже залезла в долги.

— Ясно. А при чем здесь твоя мачеха?

— Она всячески поощряет ее. Я должна положить этому конец!

Они пошли назад к машине.

— Не сомневаюсь, что у тебя получится, Эдда.

Они ехали молча, пока вдали не показались ворота больницы.

— Не изображай джентльмена, Джек, я дойду до ворот сама. Ты поедешь завтра к Грейс?

— Да, я собирался. Мы с Бером хотели повозиться с этим деревом, пока он не уехал.

Эдда выскользнула из машины.

— Желаю удачи. Теперь будешь ездить без меня. Я сыта по горло, а Фатима зря простаивает в конюшне и толстеет. Я возвращаюсь к своим конным прогулкам, они полезны для моего здоровья. Спокойной ночи.

И она ушла.

Джек ждал Эдду долгие пять минут, уверенный, что она вернется, чтобы договориться о завтрашней встрече. Но вместо нее в машину заглянул Лиам Финакан.

— Подбросишь до дома?

— Запрыгивай. Теперь, когда ты подал на развод, что будет с домом? Для одного он слишком велик.

— Я его продаю. На территории больницы есть маленький домик, как

раз для меня. Я сниму его и приведу в порядок.

— Разумно. Но я-то вижу тебя насквозь, — улыбнулся Джек. — Ты хочешь назначить Эрис кое-какое содержание.

Длинное лицо доктора слегка омрачилось.

— Несчастное создание! Она не виновата, что такая, Джек, а мне на жизнь вполне хватит.

— Она и ко мне клеилась, Лиам. Но я ее отшил.

— Она клеится ко всем, у кого есть пенис, Джек.

— Но теперь тебе на это начихать.

Больше всего от развода доктора Финакана пострадала Тафтс, которая так и не узнала, что говорила старшая медсестра Лиаму, когда ее усадили спать в ту памятную ночь. Когда она в следующий раз пришла в лабораторию за очередной порцией знаний, доктор Финакан встретил ее за своим письменным столом. Ее что, вызвали на ковер?

Похоже, что нет. Доктор выглядел неважно, и это насторожило Тафтс. Растрепанные волосы, явно не дружившие с расческой, падали ему на лоб, почти закрывая глаза, лицо осунулось и потемнело. Что, черт возьми, произошло? Куда пропала складочка в углу рта, придававшая лицу столь добродушное выражение? И мягкой улыбки сегодня тоже почему-то нет.

— Садитесь, сестра Скоуби, — произнес Финакан каким-то деревянным голосом.

Тафтс села, сложив руки на коленях, и недоуменно посмотрела на доктора.

— Все это очень неприятно, — начал он после паузы. — Возможно, старшая медсестра меня и осудит, но я просто не в силах отказаться от занятий с такой способной и прилежной ученицей, ничего ей не объяснив. Поверьте мне, она действует в ваших же интересах.

Доктор осекся, но все так же продолжал смотреть Тафтс в глаза. Судорожно глотнув, он взял себя в руки и, чуть запинаясь, продолжил:

— Я уже говорил вам, что развожусь с женой по причине ее постоянных измен. Это означает, что я пострадавшая сторона и суд отнесется ко мне соответствующим образом. Однако адвокаты моей жены сделают все возможное, чтобы бросить на меня тень. Если она сможет доказать, что я был ей неверен, мы в глазах судей окажемся на равных. Но поскольку я никогда ей не изменял, мне следует и впредь соблюдать осторожность.

Доктор замолчал, страдальчески глядя на Тафтс.

Та решила, что пора прийти к нему на помощь.

— Вы хотите сказать, доктор Финакан, что мы с вами никогда не должны оставаться наедине, чтобы не давать миссис Финакан повода обвинить вас в неверности? — невозмутимо спросила она.

— Так считает старшая медсестра.

— Я с ней совершенно согласна, — сказала Тафтс, вставая. — С сегодняшнего дня мы больше не будем оставаться наедине и называть друг друга по имени. — Лицо ее стало строгим. — Поэтому я предлагаю, чтобы к нашим занятиям присоединился Билл. Я знаю, вы были против, потому что он хуже соображает, но это несправедливо по отношению к парню. Все инструкции, которые вы даете мне, можно с таким же успехом давать и другим.

В глазах доктора сверкнуло отчаяние.

— Мне искренне жаль, дорогая моя, можете мне поверить.

— Какие пустяки! Как долго вас будут разводить?

— Года два, не меньше. Суды перегружены такими делами, мне придется ждать своей очереди.

— Какая жалость! Я-то надеялась, что мы сумеем вернуться к прежним занятиям еще до того, как я получу диплом. Но, видно, не судьба, — грустно сказала Тафтс.

— Боюсь, что так.

— Я могу идти, сэр?

— Да, конечно. Я составлю новое расписание для вас с Биллом.

«Какая скверная женщина, — думала Тафтс, с неприступным видом шагая по дорожке. — Всю жизнь изводила приличного человека, а теперь лишает его последних невинных радостей. Ему ведь нравились наши посиделки, я точно знаю! Но теперь у нас лишь строго формальное общение, прямо выть хочется от тоски. Больше никаких ночных чаепитий и понимающих взглядов. Меня отправили в духовную ссылку. Понятно, почему вмешалась старшая медсестра, я на ее месте поступила бы точно так же. Иначе Лиам мог здорово пострадать, да и я тоже, и нам обоим пришлось бы уйти из больницы. Мы не сделали ничего плохого, но теперь должны шарахаться друг от друга. Но вот причесывать Лиаму я ни за что не брошу — для этого необязательно приходить в его кабинет. Не зря же я потратилась на щетку от „Мэсона Пирсона“ — надо что-то делать с его волосами, вечно падающими на глаза. Если дважды в день безжалостно массировать голову щеткой, волосы начнут расти в правильном направлении. И к черту развод — я все равно буду это делать!»

Эдда не стала упрекать Мод за ее происки в отношении Грейс, а

прямоком направилась к отцу, что было гораздо разумнее.

После переселения дочерей в больницу преподобный Томас Латимер почувствовал себя гораздо свободнее и стал постепенно избавляться от ига жены. Теперь он сам выбирал псалмы и темы для проповедей и всячески пресекал ее попытки руководить взрослыми дочерьми. И хотя он был небогат, состояние, унаследованное от матери, которая была из рода Тридби, позволяло ему вести безбедное существование. По натуре он был весьма бережлив и умел ограничивать аппетиты Мод. Несмотря на любовь ко второй жене, он отлично видел ее недостатки. Вмешиваясь в семейный бюджет Грейс, Мод, как он справедливо считал, стремится компенсировать свои собственные вожделения, которые она не могла удовлетворить из-за отсутствия финансирования. Всякий раз, посещая Грейс, мачеха поздравляла себя с успехом, убеждаясь в своей способности манипулировать неприятными ей людьми, нанося им нешуточный ущерб.

Но когда рассерженный пастор топнул ногой, Мод пришлось умерить свой пыл — муж ледяным тоном потребовал, чтобы она прекратила вводить Грейс в расходы, в противном случае ее собственное денежное довольствие будет существенно урезано.

Гораздо сложнее оказалось отговорить пастора от идеи возместить Грейс и Бери потраченное в размере 500 и 900 фунтов стерлингов.

— Не делай этого, папочка, прошу тебя, — умоляла его Эдда. — Бер, конечно, не удержится и сообщит Грейс о полученных деньгах, а она немедленно растратит их снова. Она по натуре мотовка, и пусть с ней разбирается ее муж. Если уж ты хочешь помочь семейству Ольсен, оплати образование их детей. Пусть учатся в приличной школе, как мы в свое время.

На том и порешили.

Затаив обиду на Грейс, которая, по существу, сыграла роль разлучницы, Эдда почти перестала к ней приезжать. Хотя, если уж на то пошло, виноват был Джек Терлоу, а вовсе не ее сестра. Поддавшись на нытье Грейс, он проявил слабость и мягкотелость, что никак не украшало его в глазах Эдды. Разве о таком мужчине она мечтала? Брр!

Когда в апреле 1928 года у Грейс начались схватки, она была толстой, как бочка, и, по расчетам врачей, переходила все сроки. Бер пораньше вернулся в Корунду, чтобы успеть к рождению ребенка, но тот не желал считаться с планами взрослых.

Поскольку родильное отделение пустовало, доктор Нед Мэсон положил туда Грейс еще до наступления схваток. Очевидно, больничная

обстановка подстегнула роженицу: не успела Грейс распаковать свой чемоданчик и сесть на кровать, как у нее сразу же отошли воды. Все ее сестры находились на дежурстве в других отделениях, и ею занялась акушерка. Воду быстро вытерли, Грейс облачили в красивую ночную рубашку и приставили к ней симпатичную сиделку для сопровождения.

— Но я не хочу никуда ходить, мне лучше полежать в кровати! — запротестовала Грейс, увидев Эдду, пришедшую из операционного отделения с двумя масками на шее. — Почему мне не разрешают лечь?

— Доктор Мэсон считает, что роды будут длительными, так что еще успеешь налегаться. А пока ты в состоянии, больше ходи!

Появившиеся Китти и Тафтс после объятий и поцелуев тоже стали урезонивать бунтующую Грейс.

— Ты же сама была сиделкой, — напомнила ей Китти.

— Да, но не в родильном отделении! Ой, ой, как больно!

— Конечно, больно, — согласилась Тафтс, подталкивая Грейс к выходу из палаты. — Ты же изучала анатомию и физиологию, Грейс, и должна помнить, что говорил доктор Финакан: чтобы ребенок мог выйти, кости таза должны сильно разойтись, поэтому тебе так больно. Придется помучиться, дорогая, без этого не родишь. Просто помни, что все эти муки не напрасны — в награду получишь здорового выношенного ребенка.

— У меня непременно будет мальчик! — тяжело дыша, сообщила Грейс спустя несколько часов.

— Чепуха! — отрезала Китти, вытирая ей лицо. — Почему обязательно мальчик?

— Все мужчины хотят сына. А если родится девочка, считают, что не повезло.

— А мнение их жен не учитывается? В конце концов, это они рожают детей.

Грейс презрительно фыркнула:

— Ну, какая нормальная женщина захочет девочку? У женщин в этой жизни нет никаких перспектив. Только подчинение, бесправие и полная зависимость. Будь Эдда мальчиком, наш папочка отдал бы последние деньги, чтобы послать ее в университет и сделать врачом. Но Эдда родилась девочкой, так что...

— Мы не вольны выбирать себе пол, дорогая. Но кто бы ни родился, это будет твой ребенок. На, выпей воды. Тебе надо потреблять больше жидкости.

Беру, который привез Грейс в больницу, разрешили навестить стенающую жену в палате, а потом выставили в приемную, где будущий

папаша мерил пол шагами, непрерывно курил и старался не думать о происходящем. В компании других папаш ему было бы легче, но Грейс рожала намного позже сентябрьского бума, когда на свет появляются дети, зачатые в новогодние праздники, во время которых люди злоупотребляют спиртными напитками и начисто забывают об осторожности. Поэтому Бер ждал в одиночестве, нарушаемом лишь эпизодическими визитами отца и сестер Грейс.

Через двадцать семь часов после начала родов Беру сообщили, что он стал счастливым отцом абсолютно здорового мальчика, потянувшего на девять фунтов.

Грейс была измучена родами, осложненными разрывом промежности. Но у нее были все причины ликовать. Мальчик! С льняными волосами, бровями и ресницами и длинным сильным телом.

— Ну, Грейс, тебе пришлось изрядно потрудиться, — сказала новоиспеченная тетя Тафтс, с профессиональной уверенностью держащая ребенка. — Какой чудный парень! Как думаешь назвать, Бер?

— Брайан, — быстро ответил Бер, не дав возможности Грейс открыть рот.

— Брайан? Хорошее имя, но ты никогда его не упоминал.

— Так звали моего любимого братишку. Его убили в пьяной драке.

Тетя Тафтс, на данный момент единственная представительница семьи Латимер, была весьма шокирована таким выбором, но виду не подала. Что за дикая идея назвать ребенка именем человека, убитого в пьяной потасовке! Она с улыбкой передала сверток Беру.

— Настоящее мужское имя. По крайней мере его никто не будет дразнить.

— Точно, — подтвердил Бер, с умилением глядя на своего отпрыска. — Грейс предлагала какие-то диковинные имена, но я не хочу, чтобы моего парня звали по-дурацки. Брайан Ольсен звучит что надо.

— Но Бер! Я же хотела какое-нибудь рыцарское имя. Сэр Максимилиан Ольсен, разве плохо?

— Максимилиан слишком помпезно, — возразила вошедшая Эдда. — Брайан? Идеально! Слава богу, хоть кто-то в семье Ольсен имеет здравый смысл.

Пастор, очень довольный, что ему подарили внука, нашел, как помочь Грейс, не давая ей в руки денег. Он нанял женщину, которая еженедельно убирала дом на Трелони-уэй и три раза в неделю занималась самой неприятной работой — стирала многочисленные пеленки из махровой

ткани. Грейс лишь смывала с них кал и складывала в бак. А уборщица их кипятила, полоскала и развешивала на веревках, которые висели по всему двору, словно лианы в джунглях. Обычное белье теперь стиралось в сарае на заднем дворе, а там, где его стирали прежде, теперь замачивались пеленки.

Бер, как заметила Эдда, стал меньше разъезжать. Ему не хотелось расставаться с сыном, но главным было не это. Гораздо больше беспокойства ему внушала Грейс, которая, несмотря на прислугу, плохо справлялась с новорожденным сыном. Молока у нее было предостаточно, но уже через неделю она стала кормить сына из бутылочки, посчитав сцеживание меньшим злом, чем постоянно сосущий младенец. Доктор Мэсон был в ярости, и столь же энергично негодовала патронажная сестра, но Грейс была глуха к их критике. Менять пеленки ей тоже не нравилось, поэтому она старалась делать это как можно реже. В результате у ребенка появились опрелости, причем такие сильные, что ее сестрам пришлось устроить ей взбучку. В конце концов, Грейс добилась, чего хотела: пастор нанял для ребенка няньку.

— Наша ушлая сестрица ухитряется избегать любой неприятной работы! — гневно воскликнула Эдда, разговаривая с Китти и Тафтс. Малышу Брайану к тому времени уже исполнилось три месяца. — И к чему это приводит? Да к чистому грабежу средь бела дня! Теперь ей наняли няню, которая пеленает ребенка и следит, чтобы он был сухим и не имел опрелостей! С ума сойти можно!

— Но она ведь и за больными терпеть не могла ухаживать, — вспомнила Китти. — Мод любила, чтобы в доме был порядок, и нас тоже приучила к этому. Она, конечно, не подарок, но в Золушках нас не держала. Доставала психологически. А теперь принялась за Грейс.

— Грейс ненавидит грязную работу и ее материнство лишнее тому подтверждение, — строго сказала Тафтс. — В больнице она всегда шарахалась от грязи, и если пересиливала себя, то только из страха перед медсестрами — их она боялась еще больше, чем грязи. Сейчас у нее ребенок, который постоянно пачкает пеленки, но теперь ей некого бояться, поэтому она их не стирает.

— И не забудьте про ее беспомощность, — добавила Китти. — Все мы знаем, что Грейс у нас мышей не ловит, но при наличии матери и трех сестер она могла ни о чем не заботиться. Теперь ей надо вести домашнее хозяйство и смотреть за ребенком, а она понятия не имеет, как это делать. Отец бросился ей на помощь и хуже ничего не мог придумать. А что она будет делать без отца и сестер?

— Пропадет, — мрачно буркнула Эдда.

— Вряд ли, — возразила Тафтс. — Всегда найдется какой-нибудь простак, который бросится на амбразуру и спасет Грейс.

— Но почему? — недоумевала Эдда.

— Она мечта любого мужчины — беспомощная и беззащитная женщина, неспособная выжить без мужской опоры, — фыркнула Тафтс. — Да брось, Эдда, ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать! Грейс чувствует себя собственностью, готовой отдаться на милость высшего существа — мужчины. Все, что она делает, красноречиво говорит о том, что без мужской опеки она пропадет. А мужчины это страшно любят! По крайней мере определенный тип мужчин вроде Бера, а их в мире тьма.

— Но я-то не Бер! — зло сказала Эдда. — Как она не понимает, что, организовав свою жизнь, она только выигрывает? Никто не любит отстирывать пеленки, но если это нужно, делай, черт тебя подери! Дом набит дорогой мебелью, а воняет там, как в выгребной яме!

— Чего ты так завелась, Эдда? — удивилась Китти.

— Грейс опять беременна. Не прошло и полугода.

Лавандово-голубые глаза Китти встретились с янтарными глазами Тафтс: они обменялись сочувственными взглядами. Понятно, что Эдда так переживает. Ведь они с Грейс близнецы, даром что находятся на разных полюсах и никогда не поймут друг друга.

Если бы Тафтс и Китти знали, какую роль играет здесь некий Джек Терлоу, негодование Эдды приобрело бы в их глазах совсем другой смысл.

Часть третья

НОВЫЙ ГЛАВНЫЙ ВРАЧ

В апреле 1929 года трехлетняя практика закончилась. Эдда Латимер, Хизер Скоуби-Латимер и Кэтрин Тридби-Латимер стали дипломированными младшими медсестрами. Эдда получила несколько наград и все три — дипломы с отличием.

К этому времени они успели поработать на всех мыслимых участках и знали о больнице все. О кошмаре психиатрического отделения они постарались поскорее забыть — его несчастным пациентам, запертым в клетушках с обитыми войлоком стенами или общих палатах, уже ничто не могло помочь. Там бродили люди-призраки и опасные маньяки, оглашая воздух криками и бессвязным бормотанием.

Все это время они были единственными практикантками, но в 1929 году в больнице появилось еще восемь — все из Вест-Энда и со средним образованием. Сестры Латимер во главе с Эддой просто костями ложились, чтобы убедить обитательниц Вест-Энда, что старая система мертва и им не следует упускать открывающиеся перед ними возможности. Сиделки должны учиться и получать дипломы. А без этого они так и останутся низкооплачиваемыми санитарками без всякого шанса на интересную работу. Мыть, убирать грязь, поднимать и переворачивать пациентов, подавать им еду — вот все, на что они могут рассчитывать. Лина Корриган, лидер оппозиции и поначалу злейший враг «этих выскочек», первой сложила оружие и примкнула к их троице. Результатом было появление восьми новых практиканток и грант от департамента здравоохранения на постройку нового дома для сиделок и сестер. Для Эдды, Тафтс и Китти это стало весомой победой, ведь девушки из низших слоев получали возможность иметь достойную работу, не конкурируя с мужчинами в школе и не пресмыкаясь в качестве секретарш. Медсестры всегда пользовались уважением. Пациенты, балансировавшие на грани жизни и смерти, испытывали к ним самую искреннюю благодарность, вне зависимости от того, в каком облике — огнедышащего дракона или милосердного ангела — они представляли у постели страждущего. Образ медсестры, реальный или воображаемый, навсегда оставался у них в памяти.

Три новоиспеченные медсестры создавали определенные трудности. Как найти им всем применение в единственной городской больнице?

Помогло стечение обстоятельств: к этому времени вышли на пенсию семь сиделок старой закваски. Правда, их жалованье никак не соответствовало статусу дипломированной медсестры. К тому же в начале июня больница пережила неожиданный катаклизм, грозящий перерасти в непредсказуемый хаос.

Главный врач, доктор Фрэнсис Кэмпбелл, занимал эту должность в течение двадцати пяти лет и надеялся продержаться на ней еще лет десять. Но именно в тот момент, когда сестры получили по почте свои дипломы, главврач умер от сердечного приступа, сидя в своем рабочем кресле, с которым, по мнению больничного персонала, он сросся в одно целое, ибо в других местах больницы его никто никогда не видел. Для Фрэнка Кэмпбелла больница ограничивалась лишь его письменным столом, а о печальных последствиях своего руководства он попросту не подозревал, поскольку их не видел. В момент приступа он был совершенно один, и никто не пришел ему на помощь — в больнице отсутствовала внутренняя связь, установить которую главврач отказался, посчитав, что это слишком дорого. В конечном итоге это дорого обошлось ему самому.

Больницы находились под крылом департамента здравоохранения, но во многих вопросах были совершенно самостоятельны. Попечительский совет решал все вопросы, связанные с персоналом, определял политику больницы и управлял ее фондами. Городская больница Корунды обладала значительными средствами, находившимися под контролем совета. Это были пожертвования, скопившиеся за семьдесят пять лет ее существования, плюс деньги, сэкономленные на больных.

Решение относительно трех младших медсестер было отложено до назначения нового главного врача, и они находились в подвешенном состоянии. Девушки получили право носить накрахмаленные марлевые косынки, но фартуков снимать им не разрешили. Эдда старалась быть поближе к операционной и поэтому работала в травматологическом отделении. Китти осталась с детьми, а Тафтс осела в родильном отделении и работала ночной медсестрой, обходя палаты с керосиновой лампой. Электрические фонарики доктор Кэмпбелл считал непозволительной роскошью, поскольку для них надо было покупать батарейки!

Неожиданно Тафтс вызвала к себе старшая медсестра.

— Думаю, вы можете снять фартук, сестра Скоуби.

— Пока рано, мэм. Он еще может пригодиться. Наши обязанности не вполне определены, и я не исключаю грязной работы.

— Как хотите.

Лицо старшей медсестры было, как обычно, холодно, непроницаемо и бесстрастно.

— Хотя ваша будущая должность еще под вопросом, у меня есть соображения на этот счет, которыми я хочу поделиться с вами, несмотря на наши печальные обстоятельства.

— Да, сестра.

— Через два с половиной месяца у нас появится еще восемь практиканток и я, как старшая медсестра, должна позаботиться об их обучении. План, предложенный доктором Кэмпбеллом, я считаю полностью непригодным, и сейчас, после его смерти, приняла решение от него отказаться. Надеюсь, мне не надо объяснять вам почему.

— Не надо, сестра. Я все понимаю и очень этому рада.

— Вот и прекрасно! — с облегчением произнесла старшая медсестра, чуточку расслабившись. — Как вы смотрите на должность сестры-инструктора?

Тафтс напряженно глотнула:

— Это зависит от обстоятельств, мэм.

— Каких же? — ледяным тоном поинтересовалась старшая медсестра.

— Ну, прежде всего от степени моей самостоятельности на этой должности. Если мне позволят создать систему обучения, которая устроит сестринский совет, но будет основана на моих собственных идеях и опыте, тогда я согласна. Я намерена составить совершенно новый учебный план с расширенной программой. Естественно, перед тем как отсылать свои соображения в Сидней, я представлю их вам и новому главврачу. Единственное, на что я не согласна, так это быть послушным автоматом, выполняющим чужие указания.

В золотистых глазах Тафтс сверкнул упрямый огонек.

— Как видите, мэм, у меня полно собственных идей.

Какое-то время сестра Ньюдигейт молчала, громче обычного шурша накрахмаленным халатом — верный признак того, что она тяжело дышит. Наконец она обрела дар речи и заговорила, как всегда, бесстрастно и размеренно:

— Видите ли, сестра Скоуби, если бы у вас не было собственных идей, я бы вряд ли предложила вам эту должность. Она равнозначна заместительнице старшей медсестры, и я имею право вытребовать сестру-инструктора из Сиднея или Мельбурна. Тем не менее местная кандидатура кажется мне более приемлемой, а у вас есть все данные для этой должности. Я принимаю ваши условия.

— В таком случае я согласна, — выпалила Тафтс, поднимаясь со

стула. — Благодарю вас, сестра. Но... есть еще один момент.

— Просветите меня, сестра.

— Мне придется постоянно совещаться с доктором Лиамом Финаканом. Если только вы не планируете сменить лектора для практиканток.

— Им останется доктор Финакан, и вы можете общаться с ним сколько угодно, у меня нет никаких возражений. Теперь он вполне респектабельный неженатый мужчина и к тому же ваш коллега, — пояснила старшая медсестра, чувствуя необъяснимую симпатию к этой умной и немного опасной молодой женщине.

— Отлично, — просияла Тафтс и удалилась.

Придя домой, она обнаружила там своих сестер, пьющих чай с Линой Корриган. Сестра Бейнбридж, получив должность сестры-хозяйки, переехала в новый дом для персонала, оставив в распоряжении девиц Латимер весь коттедж, где они обосновались с таким комфортом, какой не снился обитательницам нового дома. Заслуженная награда для первооткрывателей.

— Мне предложили работу, — сообщила Тафтс, принимая чашку с чаем.

— Какую? — первой поинтересовалась Китти.

— Сестра-инструктор со статусом заместительницы старшей медсестры.

— Вот это номер, черт побери! — поперхнувшись, воскликнула Лина. — Ну, ты даешь, Тафтс! С ума сойти!

Под аккомпанемент восторженных возгласов и поздравлений Тафтс стала рассказывать, как все было. Эдда сразу притихла и только молча улыбалась — нет, то была не зависть или недовольство, и все отлично это понимали. Просто ее переполняла радость: Эдду всегда волновало положение женщин в обществе.

— Лина, я понимаю, что наше печенье вкуснее, чем лепешки из маранты, но ведь ты пришла не для того, чтобы его есть или смотреть, какого цвета помада у Эдды. У тебя ведь тоже есть новости, — сказала Тафтс, приступая ко второй чашке чая.

— Ты, как всегда, права, мисс Мирна Лой. Кстати, пациенты из мужского отделения решили, что Эдда на нее похожа. А Китти вылитая Марион Дэвис.

— Ладно, давай выкладывай, не томи, — проворчала Тафтс.

Лина вскинула руки, словно сдаваясь на милость победителя.

— Хорошо, хорошо! Я тоже получила повышение. После двадцати лет работы сиделкой...

— Надеюсь, Фрэнк Кэмпбелл будет гореть в адском огне, — процедила Китти.

— Я с подачи старшей медсестры получила официальную регистрацию и стала сестрой Корриган. Теперь меня назначили ее заместительницей в психиатрическом отделении — у меня всегда лежала душа к шизикам.

Это сообщение вызвало новый всплеск торжествующих возгласов. Еще одна женская победа, да к тому же такая заслуженная! Правда, на этот раз ликование было несколько омрачено беспокойством.

— Лина, я знаю, тебе нравится работать в психушке, но теперь, когда у тебя есть официальная регистрация плюс огромный опыт, ты сама можешь выбирать себе пациентов, — заявила Эдда, глядя на бывшую сиделку потемневшими от волнения глазами. — Ты не боишься, что постоянное пребывание в обществе умалишенных отразится на твоём психическом здоровье? Ведь их уже не вылечишь, и никакие психиатры тут не помогут. Они могут лишь наблюдать и систематизировать виды слабоумия. Уход за сумасшедшими опасен не только для тела, но и для души. Только подумай, какая это нагрузка для психики!

Лина Корриган, изможденная женщина за тридцать, с шапкой огненных курчавых волос и такими же рыжими глазами, была бездетной вдовой пьяницы, любившего бутылку гораздо больше, чем жену. Больше о ней не знали ничего. Она была изрядно побита жизнью, но сохранила гордость.

— Господь с тобой, Эдда, да я там все подвохи знаю, — терпеливо объяснила она, понимая, что Эддой движет самое искреннее участие. — Мне их страсть как жалко, психов этих. А теперь, когда Фрэнк Кэмпбелл отправился к праотцам, у них есть шанс заполучить психиатра и хоть какое-то лечение. Уход за сумасшедшими не такое уж безнадежное дело. Я знаю, порой ими занимаются такие же сдвинутые, но это вовсе не обязательно. Если ничего другого не получится, я хотя бы буду наблюдать и делать записи по каждому случаю — в один прекрасный день они очень даже пригодятся.

Глаза ее загорелись красноватым огнем.

— Я теперь поднялась повыше и все из-за вас, девочки. Эдда и Тафтс классные училки.

— Заместительница старшей медсестры! Я так за тебя рада! — подала голос Китти. — Наконец-то тебе будут прилично платить. Ой, девочки,

мама вчера мне кое о чем насплетничала.

— О чем же? — без всякого интереса спросила Эдда.

— О нашем новом главвраче.

— Ну да, конечно! Ведь папочка член попечительского совета! — воскликнула Тафтс.

— Кто он? Откуда? Когда появится? — забросала ее вопросами Лина.

— Я знала, что вы сразу наострите уши, — усмехнулась Китти. — Нет, Эдда, это не Джек Терлоу.

— Не тяни, Китс. Кто?

— Мод говорит, он из известной семьи, но это не Тридби. Его зовут Чарлз Генри Бердам, ему тридцать три, и раньше он был главным врачом большого отделения Манчестерской королевской больницы.

— Ой, не смешите меня! — бросила Эдда. — Все это вздор, Китти. «Главный врач большого отделения», ни больше ни меньше! То есть один из полудюжины заместителей, подвигающийся в одной из престижных больниц Европы. Главный начальник над суднами и утками!

— Мама сказала, что он большая шишка.

Лина замахала руками:

— Подожди, Эдда! Меня больше интересует, из каких он Бердамов? Из тех, что живут в Корунде, или просто однофамилец из Англии? Насколько я знаю, у старика Бердама нет наследников, кроме нашего доброго самаритянина, который опекает Грейс и ездит верхом вместе с Эддой.

От сладостного предвкушения у Китти по коже побежали мурашки — аудитория умирала от любопытства, а у нее в запасе целый ворох новостей.

— Представляете, он родной внук старого Тома от его сына Генри. Все здесь знают, что шестьдесят лет назад Том рассорился с сыном, тот уехал в Англию и никогда не общался с отцом. Лет двадцать назад старому Тому сообщили, что Генри погиб и железнодорожной катастрофе — в Шотландии столкнулись два поезда, и пострадала куча народа. В письме также говорилось, что Генри умер холостяком и не имел потомства.

— Да, Том жутко переживал по этому поводу, особенно после того, как Джек Терлоу так его подвел, — дополнила Лина.

— Ну, так вот, письмо из Шотландии оказалось неверным! — с торжеством провозгласила Китти. — Вскоре после приезда в Англию Генри женился на богатой вдове и мог начихать на денюжки старого Тома. Он основал преуспевающую страховую компанию, а семья его жены делала большие деньги на производстве хлопчатобумажных тканей. Тридцать три года назад у Генри родился сын. Жена умерла во время родов, и Генри чуть с ума не сошел от горя. Мальчика, которого назвали Чарлзом, забрала семья

жены.

— Но разве после смерти Генри Том не навел справки? — удивилась Эдда. — Это просто смешно.

— Во время крушения была страшная неразбериха. Тело Генри опознали, но о его жене и сыне ничего не было известно. Поскольку она умерла, а ее семья отдалилась от Генри, никто не знал, что он ехал в этом поезде. В детстве фамилия мальчика нигде не всплывала. Поскольку никто о нем не спохватился, власти решили, что, кроме старика Тома, у Генри родственников нет, и известили его о смерти сына. Тем временем сын Генри Чарлз жил и процветал в Ланкашире. Он учился в Итоне и Оксфорде, а потом получил диплом врача в Гае. Похоже, мама знает о нем все. Когда пару лет назад она узнала о его существовании, то немедленно выяснила все подробности.

— Все это сказки! — усомнилась Тафтс. — Иначе Мод растрепала бы это по всему городу.

— Нет, она решила никому не рассказывать — угадайте почему?

— Угадать несложно, — ехидно улыбнулась Эдда. — Мод прочит богатого доктора тебе в мужья, Китс.

— Если бы давали призы за проницательность, все были бы твои, — вздохнула Китти. — Ты абсолютно права. В любом случае у нас еще уйма времени. Хотя телеграммы долетают к нам за час, но чтобы доплыть от Саутгемптона до восточного побережья Австралии, по-прежнему требуется шесть недель. И если бы не имя, у помми вряд ли был бы шанс стать нашим главным врачом.

Когда Эдда на следующий день навестила Грейс, ее реакция была такой же. Эдду прикомандировали к операционной, которая была не слишком загружена, и, созвонившись с Грейс, она решила ее проведать. Недавно родившая сестра жаждала общения. И что за судьба у нее такая — беременеть всякий раз, когда Бер снимает штаны?

Та часть Эдды, которая любила Грейс, была счастлива убедиться, что скоропалительный брак Грейс оказался вполне удачным: они с Бером были прекрасной парой, преданно любили друг друга, тосковали в разлуке и обожали своих сыновей, Брайана и Джона. Брайан родился 2 апреля 1928 года, а Джон на год и два месяца позже — 1 мая 1929 года. Хотя они не были близнецами, разница в возрасте была незначительной, что давало надежду на их близость в будущем. И действительно, Брайан, светловолосый малыш, который рано начал ходить и говорить, был очень привязан к своему брату, двухмесячному крохе, такому же белобрысому и

скороспелому. Правда, кое-кто пророчествовал, что погодки будут всю жизнь недолюбливать друг друга, но таковы уж люди.

Патронажную сестру Полину Дункан сменил настоящий дракон в юбке — сестра Моника Хард, которая патронировала местных инвалидов и молодых матерей. Приехавшая из Сиднея медсестра усердно разъезжала по всей округе и была тем пугалом, в котором так нуждалась Грейс. Сестра Хард наводила на нее такой ужас, что она моментально убирала за малышом Джоном, не доводя ситуацию с пеленками до критического уровня, как частенько случалось во времена младенчества Брайана. Усилия медсестры увенчались блистательным успехом: в девять месяцев ребенок уже ходил на горшок. Грейс с лихорадочным рвением добивалась этой победы, насмерть перепуганная визитами безжалостной мегеры с ее ядовитым языком, по силе воздействия сравнимым с кнутом, вымоченным в кислоте.

— Беру опять повышают зарплату, — сообщила Грейс, когда они с Эддой пили чай, намазывая на булочки джем и взбитые сливки. — Честно говоря, мне здорово повезло! Мальчишки у меня сто очков дадут любому ребенку, я живу в прекрасном доме, у меня отличный непьющий муж — а ведь это такая редкость! Вот только деньги на хозяйство утекают, как пивная моча.

Эдда рассеянно кивнула — она уже привыкла к этим вульгарным выражениям. Но вот перед племянниками она просто таяла, тайно надеясь, что хоть один из них унаследует ее здравый смысл и сможет разбавить весь этот сироп. Пока все в порядке, Грейс с Бером парят в небесах, но что они будут делать, случись какая-нибудь катастрофа? Эдда признавала, что та часть ее натуры, которая недолюбливала Грейс, была бы не прочь, если бы у них с Бером случилась какая-нибудь временная неприятность. Нет, «недолюбливала» не то слово. Она любила Грейс, но с некоторыми оговорками, которые усугублялись всякий раз, когда она в очередной раз убеждалась, как не приспособлена к жизни и глупа ее сестра. И как этот дурак Бер балует ее.

Взять хотя бы рождение детей! Бер как-то разоткровенничался, сказав, что у них с Грейс получается ребенок всякий раз, когда они занимаются этим.

— Поэтому я решил завязать, пока мы не сможем позволить себе еще одного и, главное, пока Грейс как следует не отдохнет. Значит, нам придется воздерживаться, пока малыш Джон не подрастет. Когда ему стукнет два, мы снова займемся этим.

— А ты обсуждал этот вопрос с Грейс?

— Она одобряет. Грейс меня любит, и это ей тоже нравится, но несколько минут удовольствия кончаются двумя годами мороки, а Грейс не очень-то уважает беспорядок.

— Беспорядок по большей мере создает она сама! Но вы вольны поступать как вам угодно.

Эдда больше не возвращалась к этому предмету, но если эта парочка и вправду завязала, хаоса в их жизни не стало меньше.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — спросила Эдда Брайана, сидевшего у нее на коленях.

— Машинистом, — серьезно ответил малыш, жуя булочку с джемом. — На большом паровозе.

Эдда расхохоталась:

— Меня это не слишком удивляет.

— Когда Бер бывает дома, мы берем их с собой в депо. А как у вас дела с Джеком? — поинтересовалась Грейс, отводя взгляд.

— У нас?

Эдда сделала вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Но вы же встречаетесь уже несколько лет. А ты, похоже, не делаешь никаких шагов.

— Я не собираюсь, как ты выражаешься, «делать шаги». Я не хочу замуж и детей тоже не хочу.

— Но ты должна! — сердито сказала Грейс. — Разве ты не понимаешь, что осложняешь мне жизнь?

Глаза Эдды, всегда чуть странноватые, иногда таили в себе угрозу, как, например, сейчас, когда она впиалась взглядом в сестру.

— Каким же образом я осложняю тебе жизнь, дорогая? — сладким голосом проворковала она.

Грейс вздрогнула, но решила не отступать и пустила по сестре пулеметную очередь.

— Обо мне и Джеке Терлоу ходят всяческие сплетни, и мне это совсем не нравится, — решительно начала она. — Между нами ничего нет, потому что он твой дружок, а не мой. А теперь люди говорят, что ваш роман — это всего лишь моя выдумка, чтобы скрыть наши с ним шашни.

Поцеловав Брайана в щечку, Эдда спустила его на пол и поднялась со стула.

— Черта с два, Грейс! Если ты думаешь, что я выйду замуж за Джека Терлоу, чтобы доставить тебе удовольствие, ты жестоко ошибаешься! Не будь такой рохлей, тогда и Джек тебе не понадобится.

Выйдя на Трелони-уэй, разъяренная Эдда выскочила на дорогу, чуть не

угодив под колеса автомобиля.

— Господи, Эдда, я тебя чуть не сбил! — ахнул побелевший Джек Терлоу. — Прыгай в машину, женщина!

— Едешь проведать Грейс? — спросила странно спокойная Эдда.

— Вообще-то я собирался, но предпочел бы пообщаться с тобой. Ты как, занята?

— Я должна быть рядом с телефоном, как насчет того, чтобы поехать к нам в больницу? Подумать только, три года назад, когда мы начинали практику, старшая сестра следила за нами, как цербер. Никаких мужчин и все такое. А теперь, когда мы стали медсестрами, она молчит, как зарезанная, — засмеялась Эдда.

Они были любовниками уже год, и Эдда наслаждалась этими отношениями, поскольку, прежде чем ступить на путь греха, она основательно подготовилась. На основе полинезийских, индийских, китайских и ряда других источников она вычислила безопасный период для сексуальных контактов и твердо придерживалась его. К счастью, ее менструальный цикл был точным, как часы, и безопасный период получался достаточно большим. Все это время система безотказно работала, и Эдда поклялась себе, что никакие неземные удовольствия не заставят ее ей изменить. Она также запаслась эрготамином на случай, если придется избавляться от плода — и это было все, чем она могла себя обезопасить.

— Я немного нервничаю, — сказала Эдда, ставя на плиту чайник.

Джек подарил ей свою неотразимую улыбку.

— В чем причина?

— Думаешь, почему мы пьем такой крепкий чай?

— Привычка. Это наркотик, разрешенный законом.

— Точнее не скажешь!

— Так почему ты нервничаешь, Эдда?

— Мы так искусно маскируемся, что весь город убежден, что ты спишь с Грейс.

— Вот черт! — с досадой произнес Джек, выпрямляясь на стуле. — Мог бы и сам догадаться! Грейс? Да я просто выполняю свой долг! Как женщина она меня совершенно не волнует.

Закончив возиться с чаем, Эдда села за стол.

— Какой долг? Она ведь тебе не родственница.

— Такой здравомыслящей особе, как ты, это трудно объяснить.

Джек был явно растерян.

— Грейс такая беспомощная...

— Я это уже слышала, — раздраженно перебила его Эдда. — Но когда мы жили с родителями, Грейс была весьма сообразительной. Она всегда знала, чего хочет, и умела этого добиваться. Отец это прекрасно видел, а вот Мод не раз попадалась на ее удочку. Под личиной бестолковости скрывается весьма целеустремленная натура. Она притворяется беспомощной, чтобы получить желаемое, и умеет скрывать свою расчетливость. Как глубоко? Не знаю. Но она в ней есть, уж поверь мне. — Эдда пожала плечами. — Грейс сумела запудрить тебе мозги, убедив, что у тебя есть какие-то обязательства. На самом деле ты ей ничего не должен. Ты на нее работаешь, не получая платы. Иными словами, занимаешься благотворительностью. Ну что ж, флаг тебе в руки, друг мой.

— Да, ты права, это своего рода благотворительность. Но я не могу допустить, чтобы в Корунде трепали ее имя.

— У меня есть рецепт.

— Не сомневаюсь. Выкладывай!

— Прежде всего мы не должны скрывать наши отношения. Если Корунда будет знать, что ты спишь со мной, она пересмотрит свой взгляд на вас с Грейс. Да, я понимаю, что мы нарушаем приличия, но не вижу никаких оснований для скандала. Мы оба свободны и можем любить друг друга.

— Да, у нас прямо-таки невинные отношения, — насмешливо щурясь, согласился Джек. — Но если их выставить на всеобщее обозрение, люди непременно закидают нас грязью.

— Вероятно, в школе ты был отличником, Джек. Я оставлю твой номер телефона на больничном коммутаторе, — сказала Эдда, заливаясь смехом. — И тогда сразу поползут слухи!

Джек будет идеальным любовником, решила семнадцатилетняя Эдда, но убедиться в этом ей удалось лишь в конце 1928 года, причем полагаться приходилось только на собственные ощущения, поскольку сравнивать было не с кем. Но Джек знал, как доставить ей удовольствие.

Это случилось неожиданно, на берегу реки, при ярком свете дня, когда их могли увидеть! Но никто не появился, и новый этап их отношений начался без помех.

Привязав лошадей к дереву, они сидели рядом на траве, когда Джек вдруг поцеловал ее в качестве эксперимента, который она с неожиданным жаром поддержала. Поцелуй затянулся, и Эдду пронзило острое желание, которое побудило ее стащить рубашку с Джека, в то время как он делал то же самое с ее блузкой. Никаких протестов, прелюдий или колебаний.

Ощущать прикосновения обнаженного мужского тела было невыразимо приятно, совсем не то, что блуждание рук неопытных юнцов. Она почему-то вспомнила, как ее хлестала та змея. Из своего медицинского опыта она знала, что в психиатрии весьма популярно сравнение мужчины со змием. Это, однако, не испортило ей удовольствия, которое накрыло ее всепобеждающей волной.

Эдде повезло: их порыв пришелся на безопасный период, и она не забеременела. После нескольких исступленных соитий, которые происходили практически без перерыва, Джек в изнеможении откинулся на траву, в то время как Эдда, ничуть не утомленная, стала объяснять ему свою систему контроля над рождаемостью, тщательно разработанную, но до сегодняшнего дня не находившую применения. Джека несколько ошеломил ее напор и способность к логическим рассуждениям в такой неподходящий момент, но он внимательно все выслушал, после чего согласился ограничить их сексуальную активность безопасными периодами партнерши. Ему тоже ни к чему были дети. По правде говоря, он был удивлен, что Эдда оказалась девственницей — ей ведь было уже двадцать три, и она весьма правдоподобно изображала из себя опытную женщину. Маленькая обманщица! Правда, она тщательно подготовилась к этому событию, что совсем не характерно для девственниц.

Теперь, когда Джек узнал Эдду до конца, вполне логично было бы пойти у нее на поводу. Если для Грейс важно, чтобы их роман стал достоянием гласности, пусть будет так. Репутация Эдды, конечно, пострадает, но она знала, на что шла. Его же репутации это только пойдет на пользу. В общем, Джек охотно согласился довести до сведения Корунды, с кем из сестер Латимер он предается библейскому греху.

Эдда сразу же поделилась новостью с Грейс, причем с самой обезоруживающей откровенностью.

Она ожидала, что та с восторгом встретит это сообщение и заодно порадует за сестру, нашедшую свое женское счастье.

Но Грейс вдруг напряглась, и на ее маленьком личике появилось выражение неистовой ярости. Почему она вдруг так осунулась? Словно съежилась ее душа... И отчего так зло сверкают ее глаза?

— Ах ты, змея подколодная!

Эдда в замешательстве отшатнулась.

— Прости, не поняла?

— Сука! Предательница! Эгоистичная телка! — вне себя вопила Грейс. — Почему ты заграбастала именно Джека? Что, других тебе мало?

С трудом сдерживая возмущение, Эдда попыталась что-то объяснить:

— Когда мы в последний раз виделись, ты жаловалась, что в Корунде все считают Джека Терлоу твоим любовником, и просила меня пресечь эти слухи. Я выполнила твою просьбу. Теперь все будут знать, с кем на самом деле развлекается Джек.

— Сука! Ты украла его у меня!

— Ничего подобного, дурища тупая! — рявкнула Эдда, окончательно выходя из себя. — Джек всегда был моим, а не твоим! Это я познакомила вас, надеюсь, ты помнишь? Как я могла украсть то, что тебе никогда не принадлежало? У тебя есть муж, очень приличный человек, зачем тебе еще мой любовник?

— Дрянь! Воровка! Джек мой друг! Мой друг! Муж ничего не имеет против, а раз так, то кому какое дело? Оставь Джека в покое, змея!

Малыш Брайан стоял, обняв братишку, и в полной растерянности смотрел на мать и тетку. Его голубые глазенки были полны слез. Но Грейс с Эддой ничего не замечали.

— Мне все ясно, — бросила Эдда, натягивая красные замшевые перчатки. В алом платье, сшитом по последней моде — с длинной юбкой и подчеркнутой талией, — она выглядела необычайно привлекательно. Черные завитые волосы, не прикрытые шляпой, были уложены в самую современную прическу. Этот наряд вызвал у Грейс острую зависть: она почувствовала себя серой убогой домохозяйкой, безнадежно погрязшей в быту.

Зажав в руке черную лакированную сумочку, украшенную красным лайковым бантом, Эдда повернулась к двери:

— Давай прекратим этот идиотский разговор, Грейс. Твоя беда в том, что тебя слишком избаловали двое мужчин, на одного из которых ты не имеешь никаких прав. Им надо поменьше с тобой миндальничать, это только пойдет тебе на пользу.

Грейс от неожиданности открыла рот и тут же ударилась в слезы. К ней немедленно присоединился Брайан, ничуть не уступавший матери в громкости рыданий.

Открывая дверь, Эдда бросила:

— И вот еще что. Выбирай, перед кем выламываться. Все твои сопли вызывают у меня только одно желание — врезать тебе как следует!

И с этими словами она удалилась.

У ворот Эдду начало трясти. Но вспомнив о соседях, наверняка подглядывающих из-за занавесок, она быстро взяла себя в руки. Высоко вскинув голову, она с видом победительницы зашагала по улице, только сейчас вспомнив, что так и не сообщила Грейс о докторе Бердаме, который,

как утверждала молва, в скором будущем возглавит их больницу.

Тафтс с легкостью пережила тревожные недели между смертью Фрэнсиса Кэмпбелла и назначением нового главврача, ибо парила в переливчатых облаках неожиданно свалившегося на нее счастья. На первый взгляд ее новая должность сестры-инструктора не предполагала чрезмерной загруженности — под крылом у нее будет всего лишь восемь практиканток. Однако оставшиеся сиделки из Вест-Энда тоже требовали ее внимания, и она решила посвятить часть времени им — из кого-то наверняка выйдет толк. Старшая медсестра предоставила ей полную свободу действий, что было здорово само по себе и давало возможность навести порядок не только в обучении. Проведя три года в стенах больницы, Тафтс не могла не почувствовать, насколько равнодушно относится подсобный персонал к нуждам пациентов. Это тоже следовало изменить: объяснить санитаркам и уборщицам, что такое микробы и где они гнездятся, убедить поваров и всю кухонную прислугу, что пища для больных должна быть не только съедобной, но и вкусной, вызывая благодарность к тем, кто ее готовит. Уборка и кухня находились в ведении заместительницы старшей сестры Энн Хардинг, достигшей весьма преклонных лет и относящейся к тем пережиткам прошлого, которые до сих пор таятся в пыльных углах любого общественного института. В общем, все это надо менять. Больше никакого питания на шесть пенсов в день. Только вот как втащить эту публику в двадцатый век?

Сердце Тафтс согревало еще одно обстоятельство: она возобновила отношения с Лиамом Финаканом, который после шестнадцати месяцев бракоразводного процесса благополучно избавился от неверной жены и был освобожден от каких-либо алиментов. Однако он счел необходимым выплачивать Эрис небольшое содержание, причем двигало им сострадание, а не слабость натуры. Доктор просто не мог допустить, что его жена, с которой он прожил пятнадцать лет, будет брошена на произвол судьбы и окажется в полной зависимости от очередного сожителя.

— Я рада, что вы решили ее поддерживать, — сказала Тафтс, хлопотавшая в кабинете патолога. — Ой, Лиам, в какую же свалку превратился ваш кабинет! Раньше вы были аккуратнее.

— Но я же лишился своей главной помощницы, пусть даже неофициальной. Временами я был готов убить Герти Ньюдигейт, — ответил доктор, не спуская глаз с Тафтс.

Та захихикала.

— Герти! Это имя ей совсем не подходит!

— Согласен. Вероятно, это и сделало ее драконом.

— А что в лаборатории?

— Там полный порядок. После вашего ухода я хорошенько вымуштровал Билли. Теперь у меня есть еще один лаборант, Аллен, и он гораздо лучше подготовлен.

— Значит, мне остается только ваш кабинет.

Серые глаза доктора заблестели.

— Да, он в вашем распоряжении.

— Очень мило с вашей стороны. Ну, тогда приступим, и побыстрее! Разложим все эти папки в алфавитном порядке, проверим этикетки и расставим, как надо.

— Вы стали настоящим командиром, Хизер.

— Тафтс, а не Хизер. Само собой, ведь теперь я на должности. Нам с вами надо набросать программу обучения, а как это сделать, если у вас в кабинете полный кавардак?

Он ни чуточки не изменился, заключила Тафтс, когда хаос сдался под напором безжалостной систематизации, о которой доктор мог только мечтать. Теперь можно запросто найти любую бумажку. Больничный плотник, не слишком обремененный работой, вдруг получил небывало большой заказ: Тафтс поручила ему изготовить стеллажи для необъятных архивов Лиамы. Плотнику, который симпатизировал доктору, эта идея понравилась, и он в полной мере проявил свой талант краснодеревщика, увешав все стены кабинета впечатляющими стеллажами, расписанными под красное дерево.

— Когда я все закончу, ваш кабинет будет шикарнее, чем у главного врача, — с энтузиазмом заявила Тафтс. — Вам только придется раскошелиться на персидский ковер и несколько приличных гравюр. Книги я отдам хорошему переплетчику — пусть сделает кожаные корешки с золотыми буквами.

При каждом новом распоряжении доктор лишь молча качал головой и беспрекословно подчинялся. Сестра-инструктор явно имела на него влияние.

Сама она не скрывала своей симпатии к Лиаме Финакану, проявляя ее довольно забавным способом. Лиям с Тафтс так долго были коллегами и добрыми друзьями, что никому в больнице и в голову не приходило, что между ними могут возникнуть какие-то сомнительные отношения. Примером тому был пресловутый «эксперимент». Тафтс нашла еще двоих мужчин, у которых волосы падали на глаза, и купила каждому по щетке от «Мэсона Пирсона». Каждое утро она атаковала непокорные пряди, так

безжалостно массируя черепа, что спустя несколько месяцев волосы сдались и стали расти в противоположном направлении. Каждое первое число они измерялись кронциркулем, и результаты вместе с фотографиями вносились в тетрадь. К зиме 1929 года эксперимент увенчался успехом — волосы перестали падать мужчинам на глаза. Двоих подопытных кроликов сестра-инструктор отпустила с миром, однако Лиам продолжал подвергаться врачеванию. Тафтс наслаждалась этой процедурой, попутно обсуждая самые животрепещущие проблемы. Все вокруг воспринимали этот обряд как неотъемлемую часть их особых, чисто платонических отношений.

Любопытно, что имя Тафтс Скоуби никогда не становилось объектом сплетен, несмотря на ее бесспорную красоту. Ее внешность богини Дианы неизменно производила впечатление, но строгая неприступность не давала повода распускать языки.

Лучше всех ее понимал Лиам Финакан, любивший Хизер всеми фибрами своей души, не осмеливаясь называть ее Тафтс. Возможно, мудрость, приходящая с годами, мешала ему признаться в любви. А может быть, все объяснялось излишней деликатностью его натуры. Как бы там ни было, он любил безмолвно и старался не выдавать своего чувства ни случайным взглядом, ни слишком откровенным жестом. Лиам и Хизер были только друзьями.

Зимой 1929 года городская больница Корунды переживала нелегкие времена. Попечительский совет бомбардировал телеграммами Манчестер и лично доктора Бердама. Но новый главный врач все не показывался на горизонте.

Младшие медсестры, включая Тафтс, которой уже предложили работу, находились в подвешенном состоянии, ожидая благословения нового главврача.

Они постоянно гадали — будет ли новое начальство вторым Фрэнком Кэмпбеллом или, наоборот, его полной противоположностью? Порой Эдде казалось, что в мире все перевернулось. Это ощущение усугубляла ссора с Грейс, которая повела себя самым неожиданным образом — она наотрез отказалась встречаться с Эддой. Подумать только, родная сестра поносит ее как последнюю проститутку! Немыслимо! Ругается, как торговка, и готова сжечь ее на костре, как средневековую ведьму!

Главный врач Фрэнсис Кэмпбелл, закоснелый консерватор и ретроград, согласился обучать практиканток Латимер только потому, что на него надавили. И был очень недоволен, когда у них появились

последовательницы. Это грозило существенным увеличением расходов — ведь сестрам с дипломом придется больше платить. Да, практикантки получают мизерную стипендию, но ведь им надо предоставить жилье, кормить, обучать и опекать. А получив диплом и регистрацию, они будут обходиться больнице гораздо дороже, чем привычные сиделки без всяких там фокусов. Незадолго до смерти он сокрушался, что все новые практикантки родом из Вест-Энда, — значит, конец дешевой рабочей силе. И как они только смеют, эти бабы! Вот сучки! Он мог бы и дальше возмущаться, но смерть оборвала его на полуслове.

Доктора Кэмпбелла назначили главврачом задолго до Первой мировой войны, и многие достижения медицины благополучно прошли мимо него. Принимал он их только из-под палки, под яростным напором своих продвинутых хирургов, терапевтов, анестезиолога и этого зануды-акушера Неда Мэсона. Однако такие излишества, как современное рентгеновское оборудование, профессиональный рентгенолог и психиатр для бедных умалишенных, были им решительно отвергнуты. По мнению Фрэнка Кэмпбелла, главным назначением больницы было экономить средства и не допускать никаких лишних расходов, даже если того требовал медицинский прогресс. Вот еще! Ведь больница — это место, куда люди приходят умирать. А если не умирают, значит, им повезло. Лечение только немного отдалает конец.

С подачи новых дипломированных сестричек старшая медсестра и две ее заместительницы провели остаток зимы, готовя аргументы для предъявления новому главврачу. Пусть увидит, что обученный сестринский персонал способен сэкономить ему массу времени и энергии. Управляющий делами Уолтер Поулет заперся в бухгалтерии, где рвал на себе волосы, разбираясь в бессистемном бумаготворчестве Фрэнка Кэмпбелла. В итоге все было сведено к четким цифрам, и происки главврача, пытавшегося кормить больных на шесть пенсов в день, предстали во всей своей отталкивающей наготе.

Тем не менее городская больница Корунды с ее врачами, сестрами и обслуживающим персоналом продолжала работать по раз заведенным правилам, так что пациенты жили (или умирали) в полном неведении о драмах, происходящих на административном уровне. О том, что в больнице имеются управленцы, большинство из них даже не подозревало.

Получив трехдневный отпуск, Китти Латимер быстренько упаковала чемодан, помахала на прощание сестрам и укатила в Сидней. Там она поселилась в женском загородном клубе и предалась восхитительным занятиям — прочесывала магазины, ходила в кино и посетила все театры и выставки Сиднея. В Австралии появились первые звуковые фильмы, но Китти не была от них в восторге — теперь, когда актеры говорили, а не жестикулировали, изображая чувства, их игра казалась слишком аффектированной, лишенной естественности, а порой даже смешной. А этот женский грим на мужчинах-актерах? Зачем он? Если звуковые картины все же вытеснят немое кино, надо полностью менять режиссуру.

Три дня пролетело незаметно, и Китти пустилась в обратный путь, сев на дневной мельбурнский экспресс. В Корунде останавливались практически все поезда — там от них отцепляли второй паровоз. Ей предстояло трехчасовое путешествие в первом классе, которое всегда доставляло ей удовольствие, тем более что в шестиместном купе она почти всегда оказывалась одна.

Но на этот раз ей не повезло. Войдя в купе, она прежде всего опустила шторку на двери, сигнализируя, что мест нет, и, устроившись у окна, скинула новые розовые туфли — они чуть жали пятку — и раскрыла роман, который читала, чтобы отвлечься от суровой действительности, которой в жизни медсестер и так имелось предостаточно. Однако герой ее романа, которого она надеялась встретить в реальной жизни, будет из тех, кто прочно стоит на земле.

Дверь в коридор заскользила в сторону, и в проеме показался мужчина.

— Отлично, — сказал он, усаживаясь у окна.

Китти подняла голову.

— Это купе для некурящих, — ледяным тоном предупредила она.

— Я умею читать, — ответил мужчина, бесцеремонно разглядывая ее. — Да вы просто вылитая Марион Дэвис!

— Да пошел ты!.. Нечего тут хамить! — рявкнула Китти. — Раз уж вломился сюда, не смей садиться напротив меня! Сядь у двери и держи свои замечания при себе. А будешь приставать, позову кондуктора.

Пожав плечами, он положил свой чемоданчик на сетку и сел у двери по-прежнему напротив нее. Не имея возможности смотреть в окно, он стал разглядывать салфетки на спинках бархатных диванов.

Китти возобновила чтение. Внутри у нее все кипело. Да как он смеет? Резвый коротышка в темно-синей тройке в тонкую полоску, золотые часы с цепочкой, кольцо с огромным рубином на левой руке, рубиновые запонки и такая же булавка на галстукке выпускника Оксфорда. Ботинки ручной

работы с очень высокими каблуками — значит, он стыдится своего маленького роста, злорадно подумала Китти. Наверное, ходит с важным видом, как бентамский петух. Все это Китти успела заметить, искоса поглядывая на незнакомца. У нее было сильно развито боковое зрение — результат трехлетней работы сиделкой, которая не должна ничего упускать. Парень явно мнит себя Наполеоном и пыжится изо всех сил.

Густые жесткие волосы незнакомца были цвета червонного золота, и такими же были брови и ресницы. Вот только цвет глаз Китти не успела заметить. Но его загорелое, чисто выбритое лицо она сочла необычайно интересным. Оно все время менялось, становясь то красивым, то отталкивающим. В своем первом облике он был похож на киноартиста — из тех, кто обычно бывает на вторых ролях, оттеняя, а порой и затмевая главного героя. Будь он повыше, в этом облике он вполне мог претендовать на роль короля, президента или лидера религиозного движения. Но его второе лицо начисто лишало его такой возможности. Это было лицо горгульи или оскотенного сатира: уродливое и искаженное, оно превращало черты кинозвезды в зловещую безжалостную маску.

Китти почему-то почувствовала беспокойство и никак не могла сосредоточиться на своем чтении — книжный герой поблек в сравнении с реальным персонажем, будто сошедшим со страниц исторического романа. Похоже, этот человек сыграет в ее судьбе какую-то роль, даже если это будут лишь бесцеремонные домогательства. Судя по рубинам, золоту и дорогому костюму, он богат и имеет отношение к Корунде — ведь только здесь добывают рубины цвета голубиной крови, самые редкие и дорогие в мире. Этот позолоченный тип явно один из Бердамов.

Сердце у Китти екнуло. Она старалась не отрывать глаза от книги и ровно дышать. Скорее всего это и есть тот самый доктор Чарлз Генри Бердам из Манчестерской королевской больницы. Он ехал в Корунду, чтобы возглавить городскую лечебницу. Довольно скромный пост для такого светила! Он ведь мог выбрать любую престижную больницу в Великобритании, так что же заставило его тащиться в такую глухомань? Он родился в Англии, стало быть, помми, а не австралиец, и здесь будет выглядеть совсем неуместно. Маленький бентамский петушок...

Все три часа в дороге они промолчали. За пять минут до остановки кондуктор Сид по обыкновению явился в купе и, подхватив чемодан Китти, понес его по коридору. Остановившись у выхода, он стал болтать с Китти, которую хорошо знал по ее прежним поездкам. Щеголеватый незнакомец сам потащил свой чемодан к выходу и встал позади них. Два больших паровоза, пыхтя и лязгая железом, остановились у станции. Китти

встречала Эдда, болтавшая со стариком Бердамом.

— Где ты купила это платье? — немедленно спросила она, не обратив внимания на мужчину, к которому устремился старый Том.

— У «Марка Фоя». Я и для тебя приглядела стильную вещичку, женщина-змея.

Взяв сестру под руку, Китти повела ее прочь.

— Обернись и посмотри на парня, которого встречает старый Том.

— Господи! Ну, прямо маленький лорд Фаунтлерой!

— В самую точку, Эдда. Держу пари, что это доктор Чарлз Бердам, наш новый главврач.

— Но в больнице ничего не известно о его назначении.

— Возможно, он приехал осмотреться, чтобы потом дать деру. Мы ехали в одном купе, и мне пришлось поставить его на место.

— Ого! Он тебе нахамил, Китс?

— Нет. Он назвал меня Марион Дэвис.

— Это еще хуже. Ты, конечно, съязвила в ответ.

— Я просто послала его подальше. И потом мы всю дорогу молчали как убитые.

Обернувшись, Эдда бесцеремонно уставилась на прибывшего.

— Да, типичный Бердам, самоуверенный и тщеславный. Ну и физиономия! Прямо двуликий Янус.

— Бедняга!

— Ты его жалеешь? — изумилась Эдда.

— Очень. Посмотри на его ботинки. Двухдюймовые каблуки. Ходячий комплекс неполноценности. У него есть все, кроме роста, а мужчины страшно из-за этого переживают.

— Теперь понятно. Значит, он осядет в Корунде, если ему приглянется наша больница. Он знает, что ты медсестра?

— Нет, конечно.

— Вот будет умора, когда узнает!

Чарлз Бердам, неприятно поразивший Китти, старого Тома, всю жизнь прождавшего наследника, и вовсе ошарашил. Он пришел на вокзал, ожидая встретить человека, похожего на Джека Терлоу, а увидел барственного коротышку в костюме, сшитом на Сэвил-роу, и рубашке от «Гернбула и Асера». Ну и конечно, галстук с эмблемой Бейллиол-колледжа, что в Оксфорде, не меньше того! Последнее Том выяснил, задав вопрос и ожидая, что парень отшутится. Но тот был явно не склонен к шуткам. Он дышал самодовольством, ходил так, словно у него в задку была кочерга (как

выразился Том, рассказывая о нем Джеку Терлоу), и был весьма раздражен тем, что кондуктор не вынес его чемодан.

— В Австралии кондуктора этого не делают, — сообщил Том, стараясь его разочаровать. — Здесь вообще никому не прислуживают.

— Но какой-то дамочке он его поднес! Да еще как резво!

— Кому? Китти Латимер? Да надо быть покойником, чтобы не помочь такой красоте.

— Она послала меня подальше, да еще в таких выражениях! Довольно странно для леди.

— Ты сам виноват, Чарли, я в этом уверен.

— Не называйте меня Чарли, мое имя Чарлз.

— В Корунде ты всегда будешь Чарли. Или Чикер.

— Что?

— У нас здесь не церемонятся, внучек. И лучше тебе об этом скажу я, а не кто-нибудь другой, к примеру, твой кузен Джек Терлоу. Он тоже мой наследник, но не хочет ничего наследовать. Так что титул местного столпа общества перейдет к тебе — если ты, конечно, будешь правильно себя вести.

Том велел шоферу загрузить чемоданы в багажник своего «даймлера».

— У тебя есть что-нибудь в багажном вагоне? Да? Тогда отдай билеты Мерву, и он все принесет.

Чарлз нашел багажные квитанции и вручил их водителю вместе с пятифунтовой купюрой, на что тот удивленно хмыкнул:

— Что за глупости, Чарли! Никогда не давай на чай человеку, получающему жалованье. Я хорошо плачу Мерву, и он не нуждается в чужих подачках. А там, откуда ты приехал, он бы получал гораздо меньше и поэтому зависел бы от чаевых. Урок номер один.

Они уселись в открытый «даймлер».

— Моей жене Ханне тоже за девяносто, поэтому мы поселим тебя в «Гранд-отеле» на Фергюсон-стрит рядышком с больницей и большим универмагом. Но имей в виду: если захочешь хорошо поесть, иди в «Олимп» или «Парфенон». Их держат греки, и там отличные стейки!

Машина, подгоняемая сильным ветром, ехала по местности, напоминавшей английский сельский пейзаж, но в сильно непричесанном виде — вместо аккуратных ферм вокруг были разбросаны обветшалые сараи, каменные изгороди заменяла колючая проволока, натянутая между корявых столбов, а на покатых холмах вместо зеленых рощиц громоздились гранитные глыбы. Не та знойная полупустыня, которую ожидал увидеть Чарлз, но и не Европа, и даже не Греция или Мальорка.

На него откровенно глазели, но без малейшего восхищения. Некоторые ухмылялись, но большинство смотрели с интересом, как на зебру или жирафа. Чутье подсказало ему, что дело тут в одежде. Костюмы-тройки встречались и здесь, но весьма потрепанные и давно вышедшие из моды. Однако большинство, включая и старого Тома, предпочитали молескиновые брюки, твидовый пиджак с рубашкой, сапоги для верховой езды с эластичными голенищами и фетровые шляпы с низкой тульей и широкими полями. На женщинах были жуткие старомодные платья, а некоторые и вообще ходили по городу в мужских нарядах для верховой езды, вплоть до сапог и широкополых шляп — и никого это не удивляло! Но ведь девушка, с которой он ехал в купе, и та, что ее встречала, были одеты по самой последней моде! И где здесь такие женщины? Во всяком случае, по дороге он не встретил ни одной такой. Но ведь они не плод его воображения, они живут в этом богом забытом городишке.

Чарлзу показали все достопримечательности: городской совет, муниципальные службы, больницу, англиканскую церковь Святого Марка — Господи, когда это кончится?

Наконец показался его отель, похожий на уродливые пансионы в Борнмуте или Богноре, предназначенные для мелкой сошки, которая экономит весь год, чтобы поехать на неделю к морю. Внутри «Гранда» он увидел весьма неумело покрашенные багровые колонны, стены, обитые красным плюшем, деревянные двери, стук которых отзывался эхом под высоченными потолками, и ресторан, где все супы наверняка отдают картошкой, а мясо старое и жесткое. И ради этого он отмахал одиннадцать тысяч миль?

Нет, молодой Бердам, конечно, знал, что привело его сюда, а вот старина Том, вероятно, не догадывается. Чарлзу и в голову не приходило, что в Корунде имеются люди, мыслящие столь масштабно, как Мод, поэтому все усмешки в свой адрес он относил на счет своего щегольского наряда. Знай он, что вся Корунда в курсе его романа с дочкой герцога, он бы моментально унес отсюда ноги.

В августе 1929 года, когда Чарлз Бердам пожаловал в Корунду, он все еще страдал от перенесенного унижения. Боль была так сильна, что, казалось, ее невозможно перенести. За широкой улыбкой и внешней веселостью скрывалась смертельно раненная душа. Его корабль потерпел крушение, и спасти удалось лишь материальные ценности.

Его любовь к Сибилле была сильной и искренней, и те же чувства испытывала она. Они и думать не могли, что герцог не считает Чарлза Бердама достойным своей дочери. Все выяснилось, когда тот попросил ее

руки. Сибилла выйдет замуж только за человека с родословной, не уступающей ее собственной, а ее отец был герцогом в восьмом колене. Одних денег и мозгов тут явно недостаточно, особенно для такого непрезентабельного коротышки. Недостаток роста был самым болезненным моментом в их беседе с герцогом. Поставленная им планка — шесть футов три дюйма — была для Чарлза совершенно непреодолима, и он решил, что получил отказ именно по этой причине. А что касается родословной, то всегда найдутся исследователи, которые докажут, что ты ведешь свое генеалогическое древо от самого Вильгельма Завоевателя вкупе с Гарольдом Годвинсоном.

Его представление о самом себе было разбито вдребезги, а самолюбию нанесен столь сокрушительный удар, что он счел за благо похоронить себя в Манчестерской больнице, чтобы не видеть все эти ухмыляющиеся физиономии. Когда это не сработало, Чарлз закусил удила и стал играть на бирже, а потом и вовсе сбежал из Англии. Не слишком удачный вариант? Но в Австралии есть шанс стать сенсацией — конечно, масштабы здесь не те, но по местным меркам он может стать очень крупной фигурой, что весьма заманчиво для низкорослого мужчины. Например, премьер-министром — ради этого стоило тащиться в такую даль, даже если это всего лишь британская колония. Канада его не привлекала — там было слишком холодно, к тому же его французский оставлял желать лучшего. А в Новом Южном Уэльсе у него были поместья, рудники и семейный бизнес — с таким багажом ничего не стоит стать премьер-министром!

Поднявшись в номер, который напоминал пещеру, выдержанную в коричневато-бежевых тонах с противными горчично-желтыми вкраплениями, Чарлз принял ванну и надел халат. Как и следовало ожидать, обеды в номер здесь не носили, но, поговорив с коридорным, он сумел раздобыть кружку отвратительного кофе и тарелку бутербродов с ветчиной. Еда оказалась удивительно вкусной: хлеб был домашней выпечки, а ветчина сочной и нежной. Чарлз стал с жадностью есть, попутно размышляя о том, что он увидел в Корунде и услышал от старого Тома.

Теперь никаких костюмов с Сэвил-роу и рубиновых аксессуаров. Только рубашки с мягкими воротничками и манжетами. Следует также скорректировать свой классический английский выговор, чтобы он не резал чувствительные австралийские уши. После обеда он сходит в магазин и купит себе подходящую одежду, а завтра незаметно пройдет по городу, чтобы собрать кое-какие сведения. Если он хочет добиться здесь успеха, надо знать о Корунде все: каков ее удельный вес в австралийской системе ценностей, как она выглядит в собственных глазах и что ждут ее жители от

своих общественных и политических лидеров.

Чарлз ожидал, что эта обширная колония будет мало отличаться от Англии, но на деле все оказалось не так: разница была колоссальной и шокирующей. Жители называли Корунду «очень английским городом», но «очень английскому» Чарлзу она показалась грязной, обветшалой, безвкусной и вульгарной. Как он будет здесь жить, если все-таки согласится стать главврачом?

К тому времени, когда Том с Ханной заехали за ним на машине, чтобы вместе поужинать в «Пантеоне» — греческом кафе! — Чарлз уже принял ряд решений, первым из которых был отказ от смокинга. Он уже начал сомневаться, что в Корунде есть места, куда мужчина может надеть смокинг. Греческое кафе, похоже, разбилось в лепешку, стараясь компенсировать свое достаточно ограниченное меню — Тому с компанией подали великолепное белое и красное вино. Оно было австралийским, но ничуть не уступало лучшим мировым образцам!

— Закажи бифштекс с жареным картофелем, здесь все так делают, — посоветовала Ханна.

— Вообще-то я не ем бифштексов, — очаровательно улыбнувшись, сообщил Чарлз. — В Англии они считаются слишком тяжелой пищей. Но со своим уставом в чужой монастырь, как известно, не ходят, поэтому я попробую к ним привыкнуть, бабушка. Думаю, они непопулярны в Англии из-за астрономической цены.

— Ну, тогда закажи бараньи котлеты, это чисто местное блюдо, — предложил Том.

Чарлз склонился в пользу котлет, которые оказались слегка пережаренными, так же как и бифштексы, которые с явным удовольствием уплетали Том с Ханной. Похоже, о бифштексах с кровью здесь никто не слышал.

Прекрасное пережаренное мясо и столь же засушенный картофель, который подают абсолютно ко всему. Никаких соусов, на приготовление которых уходит три дня — такие вряд ли найдешь даже в лучших ресторанах Сиднея. Все жареное и никакой высокой кухни...

— Расскажите мне о той красотке в поезде, — попросил Чарлз, отказавшись от десерта в виде мороженого или банановой стружки. Кофе, сваренный по-гречески в медной турке и поданный с гущей, оказался вполне приличным. Интересно, где здесь можно достать хороший кофе? Хотя, судя по сегодняшнему ужину, никто в Корунде кофе не пил. Здесь употребляли крепчайший чай, и в «Парфеноне» подавали его с учетом местных вкусов. Чарлз терпеть не мог эту угольно-черную жидкость, но,

похоже, здесь от нее никуда не денешься.

— Китти Латимер, — задумчиво произнес Том. — Она одна из четырех дочерей нашего пастора Тома Латимера. Кстати, в Корунде полно Томов. А вот в Бардо, здесь неподалеку, сплошные Дэйвы, в Дубаре каждый второй — Билл, а в Корби — засилье Бобов. Не знаю, почему так.

— Так что там с Китти? — осторожно напомнил Чарлз.

— Ах да, Китти. У пастора было две жены. Первая умерла в родах, когда на свет появились близнецы, Эдда и Грейс. Это Эдда встречала Китти на станции — такая высокая стройная дама. Вторая жена пастора, Мод Скоуби, была у них прежде экономкой. — Том коротко хмыкнул. — Когда Аделаида умерла, Мод моментально охомутала пастора. У них родилась еще одна пара близнецов, Хизер и Китти. Забавно, правда? Всего два захода, и на тебе — четыре симпатичные девчонки с разницей в полтора года.

— Они богаты?

— Да нет, хотя у Китти побольше, чем у остальных. Мод ухитрилась изменить завещание.

— Не слишком порядочно по отношению к другим сестрам.

— Так оно и есть! Мод души не чает в Китти, а до остальных ей и дела нет. Это не мои домыслы, об этом все знают.

— Должно быть, сестры ненавидят Китти.

— А вот и нет! — засмеялась Ханна. — Таких дружных сестричек еще надо поискать. А Китти они просто обожают и всегда берут под защиту, не пойму только, почему.

Чарлз решил, что пора поговорить о делах:

— Дедушка, ты распорядился, чтобы мои счета из «Гранд-отеля» посылали тебе, но я этого не допущу. Я достаточно богат, чтобы оплачивать все свои расходы, и уже сказал в гостинице, что буду платить за все сам.

Он сделал паузу, испытующе посмотрев на старого Тома мутноватыми серо-зелено-карими глазами.

— Ты только порекомендуй мне банк. У меня есть аккредитив лондонского банка, и если я здесь останусь, мне потребуется перевести деньги, чтобы обеспечить себе прочную финансовую репутацию. Надеюсь, здешние банки могут осуществлять переводы больших сумм?

— Завтра же съездим к Лесу Кимбаллу в Сельскохозяйственный банк, — с теплотой в голосе ответил Том. — Все Бердамы держат деньги там и тебе советую. Это государственный банк Нового Южного Уэльса, вполне современная контора. Тебя устроит?

— Да, спасибо.

— Я всегда считал, что мой сын, уехав из Австралии, так ни в чем и не преуспел, — сказал старый Том, приступая к третьей чашке чая.

Чарлз пожал плечами:

— Совсем наоборот. Он создал страховую компанию, стал одним из страховщиков Ллойда и женился на женщине из очень богатой ланкаширской семьи. Когда он умер, я, как единственный сын, унаследовал весь его капитал, но к тому времени он, как ты, вероятно, знаешь, стал совершать странные поступки, отказался от семьи и денег и предпочел жить скитальцем.

— А твоя мать тоже умерла?

— Когда рожала меня, — неохотно ответил Чарлз, давая понять, что не намерен говорить о матери. Чтобы сменить тему, он, сверкнув неотразимой улыбкой, спросил:

— У кого я могу выяснить положение дел в больнице? Мне нужен человек, который хорошо знает ее изнутри, занимает определенное положение, не претендует на должность главврача и не побоится высказать свое мнение, даже прищемив кое-кому хвост.

— Лиам Финакан, — сразу же ответила Ханна.

Старый Том кивнул:

— Да, Чарли, он тот, кто тебе нужен. Мне уже девяносто шесть, и я давно не вхожу в попечительский совет, но могу поклясться: из всех врачей только он сможет помочь тебе. Он опытный патолог, не имеющий частной практики. К тому же протестант из Ольстера, получивший диплом в Лондоне — Корунда заполучила его только потому, что он женился на местной девчонке. Она оказалась потаскушкой, и он с ней развелся. Вообще-то по натуре он убежденный холостяк. Завтра я могу вас познакомить. Тебе нужна машина?

— Мой «паккард» утром прибывает из Сиднея.

— Ты предпочитаешь американские машины? А чем плохи английские?

— Насколько я успел заметить, сэр, вы сами ездите на немецкой. — Лицо Чарлза, столь причудливо сочетавшее привлекательность с уродством, ехидно скривилось. — Я купил ее из-за цвета — она красновато-коричневая, а не черная, как у всех.

— А я думала, что машина может быть только черной! — удивленно заметила Ханна.

— Скажите спасибо Генри Форду.

Чарлз допил свое красное вино и деликатно подавил зевок. Пора спать.

Когда на следующий день Чарлз встретился с Лиамом Финаканом, Китти вряд ли узнала бы его. На нем были молескиновые брюки из тех, что вполне бы сошли для верховой езды, белая рубашка с мягким воротничком, галстук с эмблемой Бейллиола, твидовый пиджак, ботинки с резинками по бокам (но на высоких каблуках!) и широкополая фетровая шляпа. Вот только вальжная походка никуда не делась, хотя он постарался убавить гонор. Эти неотесанные провинциалы не скрывали насмешек при любом проявлении манерности, особенно у мужчин. У них было свое представление о мужественности, твердое и непреклонное, как закаленная сталь.

Доктору Финакану, прожившему в Корунде восемнадцать лет, понравилось, что Чарлз Бердам выглядит как местный, но без свойственной здешним мужчинам брутальности. Вежливый джентльмен, как любой англичанин из привилегированных слоев. Но вот рубиновое кольцо на левом мизинце показалось ему неуместным. В этой части света подобные украшения считаются признаком женоподобности. Глаза у доктора Бердама были цвета английской военной формы — желтовато-зеленые с медным оттенком, а в его мужской красоте сквозило что-то отталкивающее. Однако Лиам нашел его необычайно приятным: патолог не претендовал на место главного врача и был свободен от предвзятых суждений.

— Прежде чем соглашаться на предложенную мне должность, я бы хотел получить объективную оценку здешних реалий, причем от человека, хорошо знающего все входы и выходы, — заявил Чарлз, когда они встретились с Лиамом в баре «Гранд-отеля». — Мой дед сказал, что вы как раз такой человек, и поэтому я здесь. Что, по вашему мнению, ждет меня на этом посту?

— Полный развал, — без колебаний ответил Лиам. — Фрэнк Кэмпбелл был редким скупердям, который экономил практически на всем. Единственное, что спасало больницу все эти двадцать пять лет, так это качество медицинских услуг и самоотверженность сестер и сиделок. Но больничному совету нравилась скаредность главного врача — и это просто позор! Его члены гордились тем, что Фрэнк кормит пациентов и персонал на шесть пенсов в день и заставляет сиделок штопать постельное белье. Я как патолог испытывал постоянный дефицит реагентов, химикатов, лабораторной посуды, красителей, оборудования — всего на свете! Приборы было доставать гораздо легче, потому что любой предприимчивый доктор мог расколоть какого-нибудь доброхота, чтобы тот оплатил автоматический микротом или хороший микроскоп. Нет, главной проблемой были бытовые мелочи — от туалетной бумаги до швабр и

электрических лампочек. Младенцев здесь пеленали в газеты! А ведь типографская краска ядовита. А все для того, чтобы сэкономить на пленках и белье, не говоря уж о стирке. А попечительский совет всячески превозносил Фрэнка с его тараканьей суетливостью!

— Им были известны эти детали? Или им давали только цифры?

— Естественно, только цифры. Преподобный Латимер пришел бы в ужас, знай он все детали. Но, с другой стороны, что мешало ему поинтересоваться?

— Люди не любят делать лишних усилий, Лиам.

— Питание здесь ужасное, хотя в Бардо имеется санаторий для выздоравливающих и ферма, которая должна поставлять в больницу молоко, сливки, яйца, ветчину и овощи. Санаторий Фрэнк превратил в платный пансион, а продукты, предназначенные для питания больных, он продавал в местные магазины или перекупщикам. Просто срам! — В голосе Лиамы зазвенел металл. — Вот что я вам скажу, Чарли: этот человек заслужил ада, который и не снился Люциферу. Он наживался на болезнях и смерти.

— Боже милостивый! — воскликнул Чарлз, не совсем уверенный, что в этих случаях говорят австралийцы. — А разве больница не субсидируется государством?

— Естественно, но бьюсь об заклад, что эти деньги тоже сэкономились. Фрэнк виртуозно составлял бухгалтерские отчеты, хотя себе при этом не брал ни фартинга. Больница получала массу пожертвований — здесь это любимый вид благотворительности. Но ничего из этого не тратилось, кроме тех денег, которые давались на целевые расходы.

— Потрясающе! — воскликнул Чарлз. — Я был готов потратить годы на борьбу с чиновниками, чтобы выбить из них деньги на современное оснащение больницы, а теперь узнаю, что у нее крупный счет в банке. Сколько там? Шестизначная цифра?

— Семизначная, — сердито бросил Лиам. — Четыре миллиона фунтов в нескольких крупных австралийских банках. Именно поэтому Фрэнка Кэмпбелла так люто ненавидели — он сидел на мешках денег и не желал их тратить.

Чарлз чуть не подавился.

— Четыре миллиона? Этого не может быть.

— Очень даже может. Возьмем, к примеру, наследство Тридби. Их рудники были выработаны в 1923 году, но деньги на счет больницы стали поступать еще в 1898-м. По 100 000 фунтов ежегодно, причем ни одного пенни из них не было потрачено, включая мизерные проценты. И все из-за

того, что Уолтер Тридби вконец рассорился с сыновьями. Он изменил завещание за два дня до смерти — его хватил апоплексический удар. В результате рубины Тридби двадцать пять лет попадали в загребушие руки Фрэнка Кэмпбелла. Проживи Уолтер еще пару дней, он наверняка убрал бы этот пункт из завещания.

Чарлз громко расхохотался:

— Да, апоплексический удар может расстроить любые планы! А теперь расскажите мне о попечительском совете.

— Он ничем не лучше Фрэнка. Все его члены — креатуры Кэмпбелла, он тщательно подбирал тех, кто будет беспрекословно подчиняться его диктату. Так они и делали. К примеру, все сиделки у нас из бедных семей — женщины без образования, не имеющие возможности получить регистрацию. И даже самым лучшим из них он платил какую-то мелочь. А ведь земля под больницей не облагается налогом, за электричество мы платим всего ничего, газ тоже очень дешевый.

— Ничего удивительного, что совет помалкивал. Да ваш Фрэнк просто гений, — восхитился Чарлз. — Насколько я понял, вы не претендуете на должность заместителя главврача? — хитро прищурившись, спросил он.

— Нет уж, спасибо! Я с удовольствием помогу вам, Чарлз, но мои амбиции не простираются дальше лучшего патологического отделения в штате — с самым современным оборудованием и широким спектром функций. И еще мне хотелось бы иметь рентгеновское отделение с хорошим рентгенологом, причем желательно, чтобы он входил в штат больницы, а не был частным практикующим врачом. Сейчас в этом качестве используют меня, но у меня нет ни времени, ни способностей — перелом я еще разгляжу, но вот трещины толщиной в волос? Тут я пасую. Эрик Герцен чуть получше меня, но и у него нет достаточного опыта. Нам позарез нужен настоящий рентгенолог, владеющий современными методиками, и к нему еще лаборант.

— Я вас понял, Лиам. Даю вам слово, когда пыль уляжется, вы получите самостоятельное рентгеновское отделение, никак не посягающее на патологию, — с улыбкой пообещал Чарлз. — От меня не укрылось, что в больнице имеется прекрасный патолог. А теперь расскажите мне о ваших дешевых сиделках.

Эта и еще несколько таких же бесед вооружили Чарлза Бердама всей необходимой информацией о городской больнице Корунды, абсолютно неизвестной тем, кто назначал нового главного врача. Чарлз приобрел репутацию человека, обладающего поразительной проницательностью, а

вместе с этим получил и должность. На следующий же день после утверждения его кандидатуры он приступил к работе. И сразу взял быка за рога!

С момента его приезда на мельбурнском экспрессе прошло ровно три недели. За это время старый Том Бердам успел подарить своему внуку Бердам-хаус, особняк, который родоначальник семьи Генри Бердам выстроил на Католическом холме, считающемся лучшим жилым районом Корунды. Чарлз немедленно укомплектовал его прислугой, снял с мебели чехлы и составил план разбивки сада в стиле Иниго Джонса. Его красновато-коричневый «паккард» прибыл из Сиднея вместе с двумя малолитражками, на которых Чарлз собирался ездить, когда надо будет выглядеть попроще. Сиднейский курьер доставил в Корунду десять огромных кофров, где находились вещи, без которых Чарлз решительно не мог обходиться. Его десять тысяч книг были упакованы и оставлены на хранение в Лондоне до тех времен, пока в его особняке не будет оборудована приличная библиотека.

— Надо признаться, что мой внучек Чарли оказался мне не по зубам, — заявил старый Том преподобному Латимеру. — Я всю жизнь ждал, когда наконец увижу английского внука, который не спешил показываться мне на глаза. Хотелось, конечно, чтобы он был покруче Джека Терлоу, и так оно и оказалось. Жаль только, что он такой типичный помми.

— Том, но он ведь и в самом деле помми, — возразил пастор. — Хотя сам он наверняка не знает, что это такое. Приезжать сюда надо в ранней молодости, пока не наберешься всех этих английских штучек. Но, мне кажется, он не безнадежен. Чарли не такой толстокожий, как все эти помми. Если ему объяснить, что не стоит задирать нос перед провинциалами, он быстро сбавит тон.

— Вы правы, пастор.

Старый Том откинулся на спинку кресла. Перед ним стояла чашка горячего чая и тарелка с пирожными, которые весьма искусно выпекала Мод.

— Поначалу он мне не понравился, но потом я в нем разобрался. Толковый парень! Джек выглядит и ведет себя, как принято в Корунде, но мне почему-то кажется, что в перспективе и Чарли отлично впишется сюда.

Старое морщинистое лицо Тома расплылось в улыбке.

— У него полно чисто английских закидонов, которые надо из него вытрясать, но он не считает себя лучше нас только потому, что он помми.

Надеюсь, он не будет здесь пыжиться, несмотря на все свои успехи.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, Том, но в голове у вас изрядная путаница. Итон, Бейллиол и Гайс вознесли его в высшие слои общества даже по меркам помми. У него достаточно денег, чтобы жить, как принц Уэльский, — вечеринки в Мейфэре, скачки в Аскоте, пляжи Лазурного берега, горнолыжные курорты и так далее. Несмотря на это, он получил степень доктора медицины и после Оксфорда работал не жалея сил. Мне кажется, у вашего внука Чарли есть альтруистическая жилка. И у Джека тоже, но только проявляются они по-разному. — Пастор нахмурился. — Одно их объединяет: оба не желают ходить в церковь.

Старый Том залился смехом:

— Джек — безнадежный случай, пастор, и вы это прекрасно знаете. А вот Чарлз, немного оглядевшись, наверняка станет захаживать в церковь Святого Марка. Если же он явится сейчас, прихожанам будет не до проповеди. Вся Корунда умирает от любопытства: а где еще можно поглазеть на парня, как не на семейной скамье Бердамов в храме Божиим? Спросите у своих дочек.

Здесь пастор не нашелся с ответом.

Весь персонал городской больницы Корунды сгорал от нетерпения увидеть нового главврача, который, не успев надеть белый халат и посидеть в своем кожаном кресле, уже развил бурную деятельность: он носился по дорожкам, заглядывал в палаты, сигналивая рукой, чтобы на него не обращали внимания, вторгался в святая святых старшей медсестры, требовал бухгалтерские книги, банковские книжки и реестры собственности и даже отважился попробовать бурду, которой кормили больных.

— Деловой парень, — заметила Тафтс, когда сестры заправлялись сэндвичами в своем жилище.

— Так он же успел поговорить по душам с твоим любимчиком Лиамом Финаканом, — отозвалась Эдда, блаженно наслаждаясь сэндвичем. — Что может быть лучше ломтика бекона на свежем белом хлебе!

— Я не скрываю, что Лиам мне симпатичен, — ничуть не обидевшись, ответила Тафтс. — Но с тех пор, как в наш курятник пожаловал бентамский петух, я практически его не вижу. Зато он постоянно общается с нашим новым начальством.

— Интересно, когда эта новая метла вспомнит о свежееиспеченных дипломированных сестрах? — спросила Китти, очень довольная, что послала великого человека куда подальше и к тому же обозвала хамом. Она уже успела поделиться со своими сестрами и кое с кем из сиделок, так что

этот инцидент стал достоянием всей больницы. Однако в ее стенах они с главврачом пока не встречались. То, что он приступил к своим обязанностям, так и не представившись персоналу, вызвало всеобщее осуждение, но он же был помми, а они всего лишь туземцами из колонии!

Китти вышла из задумчивости и стала слушать, что говорит Тафтс.

— Мне кажется, на его тотемном столбе мы занимаем довольно невысокое положение, — заявила та, облизывая пальцы. — Лиам говорит, что он строит множество планов и собирается здесь все изменить. Поэтому и рыщет по всем углам. Лиам называет его динамо-машиной, способной мыслить и логически рассуждать.

— Я знала, что сандвич с беконом разговорит тебя лучше, чем целый шприц какого-нибудь психотропного средства, — усмехнулась Китти. — Значит, бентамский петух считает каждое перышко в курятнике?

— Старшая сестра, должно быть, рвет и мечет.

— Да нет, он сумел покорить ее в первые же пять минут разговора, — сообщила Тафтс с видом оракула. — Похоже, они сошлись во взглядах, во всяком случае, во всем, что касается сиделок, питания и бытовых проблем.

— Я слышала, что в санатории полетели пух и перья, — сказала Китти.

— Мои дорогие сестрички, пух и перья летят повсюду, причем в таком количестве, что скоро засыпят всю больницу, — уточнила Тафтс, приберегая главную новость напоследок. — Мы встречаемся с доктором Бердамом завтра в восемь утра. И Лина тоже.

— Ну, наконец-то нас выпустят из чистилища! — воскликнула Эдда.

— Только вот куда: на небо в рай или в преисподнюю? — сделала гримасу, поинтересовалась Китти. — У меня дурное предчувствие.

— Да, у тебя будут проблемы. Вряд ли он воспылет к тебе любовью после того, как ты послала его подальше.

В голубых глазах Китти сверкнули фиолетовые молнии.

— Ха! Он сам напросился, мерзкое насекомое! Если опять пристанет, я пошлю его еще не туда!

На следующее утро без одной минуты восемь все четыре новые медсестры в марлевых косынках и фартуках уже стояли у кабинета главного врача, поскрипывая накрахмаленной формой. Они волновались, но страха не испытывали. Меньше всех тревожилась Лина Корриган. То, что она, получив регистрацию, вызвалась работать в психиатрическом отделении, было столь смело и необычно, что любой просвещенный главврач счел бы за благо взять ее на работу. Время Фрэнка Кэмпбелла безвозвратно ушло, а доктор Чарлз Бердам уже сумел проявить себя как

здравомыслящий и чуткий руководитель.

Синтия Норман, помощница больничного секретаря (что по статусу было чуть выше обычной машинистки), а ныне личная секретарша доктора Бердама, пригласила в кабинет всех четырех сразу. Когда они вошли, новый главврач не встал из-за стола и не предложил им сесть — три сестры встали у его стола, у которого, как заметила Эдда, были подпилены ножки, а четвертая, повернувшись к доктору спиной, стала рассматривать медицинские книги на полках. Присутствие в комнате сразу нескольких человек сгладило эту бестактность.

Сидя доктор выглядел достаточно высоким, как это обычно бывает с маленькими мужчинами, которые теряют в росте за счет коротких ног. «Да он еще и сложен непропорционально, — подумала Эдда, самая высокая из присутствующих. — Как здорово, что я на каблуках! Пусть не очень высоких, но они все равно добавляют роста, ха-ха. И почему мне так хочется его унижить? То, что он помми, здесь ни при чем. Просто у него слишком много гонора».

— Благодарю вас за пунктуальность, сестры, и простите, что не предложил вам сесть. Я вас не задержу.

Главврач чарующе улыбнулся и из горгульи превратился в кинозвезду.

— Итак, три практикантки и одна заслуженная сиделка получили регистрацию и стали дипломированными сестрами.

Снова сверкнула ослепительная улыбка.

— Можете не представляться. У меня имеется список. Сестра Лина Корриган?

— Это я. Заслуженная сиделка, — отозвалась она.

— Но на вид совсем молодая. Здесь указано, что вы хотите работать в психиатрическом отделении — это так?

— Да, сэр.

— Отлично, отлично! — с энтузиазмом воскликнул главврач. — Вы двадцать лет проработали сиделкой, и этот багаж дает вам неоценимое преимущество для такой работы, тем более что я намерен назначить нового психиатра. К сожалению, мы пока не можем помочь хроническим эпилептикам, слабоумным и прочим безнадежным пациентам, но я уверен, что в ближайшие годы медицина научится справляться с маниями и депрессиями. Вы будете заместительницей старшей медсестры больницы и старшей медсестрой психиатрического отделения. Оно будет расширено и переоборудовано, и с начала следующего года там будет работать психиатр. Вас это устроит, сестра Корриган?

— Да я просто ног под собой не чую! Спасибо, спасибо вам!

— Тогда я жду вас в два часа дня для последующей беседы.

С изменившимся лицом Лина выскочила из кабинета.

— Сестра Эдда Латимер?

— Да, сэр.

— Я здесь достаточно недавно и еще не разобрался во всем, поэтому на данный момент не могу с уверенностью сказать, потребуется ли нам вторая операционная. Сейчас дела обстоят так, что и одной более чем достаточно. Корунда всего в трех часах езды от Сиднея, и все сложные операции предпочтительно делать там, за исключением случаев, требующих немедленного вмешательства.

Глаза главврача сменили цвет с ярко-золотого на тусклое хаки; горгулья втянула язык и насупилась. Он продолжил:

— Я могу предложить вам место, сестра Латимер, но только не в операционной. В мужское отделение требуется вторая медсестра для работы с шести до двух. И в родильное отделение тоже. Что вы предпочтете?

— Благодарю вас, сэр. Я выбираю мужское отделение, — ответила Эдда и, резко повернувшись, вышла из кабинета.

— Сестра Хизер Скоуби?

— Это я, сэр.

— Вообще-то вас уже определили на должность сестры-инструктора плюс вы следите за содержанием и питанием больных. Я планирую отдать все хозяйственные вопросы заместительнице старшей медсестры, которая будет отвечать за уборщиц и санитаров. Теперь все они будут обязаны пройти учебный курс по санитарии и гигиене и посещать практические занятия. Вы, сестра Скоуби, разработаете для них все необходимые инструкции.

— Отличная идея! — просияла Тафтс.

— Питание — отдельная проблема, но там схожие требования. К примеру, все работники кухни должны иметь понятие о гигиене. Как все уже поняли, на питание каждого больного будет отпускаться гораздо больше, чем шесть пенсов в день, но главное — это качество пищи. Мы со старшей медсестрой решили, что кухня будет в ведении одной из ее заместительниц, специально назначенной для этой цели. Но вот только не знаю, с чего начать.

— С топора, сэр. Старшая сестра Ньюдигейт человек городской и не знает, что такое повар для стригалей, а ведь доктор Кэмпбелл нанимал именно их. Работа у стригалей очень тяжелая, и они не слишком разборчивы в еде. А у больных подчас вообще нет аппетита. Советую вам

уволить всех поваров и набрать новых, попрличнее.

— Я так и сделаю. Сестра Скоуби, вы, разумеется, назначаетесь на должность сестры-инструктора и отвечаете за все учебные программы больницы.

— Благодарю вас, сэр, — улыбнулась Тафтс и покинула кабинет.

Осталась последняя сестра, которая все еще рассматривала книги.

— Сестра Кэтрин Тридби?

Она повернулась, сделав почти танцевальное па, и главврач онемел от изумления.

— Это вы! — изумился он.

— Это зависит от того, что вы под этим «вы» подразумеваете, сэр. Я — сестра Кэтрин Тридби.

— Но вас же зовут Китти Латимер, вы дочь местного пастора!

— Да, и это тоже правда, — согласилась Китти, наслаждаясь ситуацией. — Моя официальная фамилия Латимер, но поскольку все четыре практикантки были родными сестрами и имели одну и ту же фамилию, здесь решили дать нам новые. Эдда так и осталась Латимер. Грейс, которая позже покинула больницу и вышла замуж, стала Фолдинг. Тафтс... ой, то есть Хизер, дали фамилию Скоуби, а я, самая младшая, стала именоваться Тридби.

Чарлз встал и вышел из-за стола, улыбаясь так, что у Китти захватило дух. Улыбались даже его глаза, которые могли менять цвет, как кожа хамелеона. Потрясение от столь неожиданной встречи с женщиной, образ которой преследовал его день и ночь с того самого момента, когда он увидел ее в поезде, было так велико, что Чарлз Бердам совсем потерял голову. Он протянул Китти руку, и на лице его появилась глуповатая улыбка.

— Сестра Тридби, могу предложить вам только одну должность — моей жены. С того самого момента, когда вы осадили меня в поезде, я не могу думать ни о ком другом! Мы с вами отличная пара! Вы подходите мне даже по росту, вы божественное создание и, клянусь могилой Гиневры, имя Марион Дэвис больше никогда не слетит с моих уст! Я обожаю вас и готов целовать землю, по которой вы ходите! Вы покорили меня, я ваш раб!

Остолбенев от удивления, Китти стояла и слушала, не веря своим ушам, пока Чарлз не замолк, захлестнутый бурей эмоций. Ее губы дрожали и кривились, она пыталась сохранить самообладание, впрочем, вполне безуспешно — ей показалось, что перед ней возникло лицо Фрэнсиса Бушмена, пытающегося молча выразить страсть еще до того, как титры донесут до зрителей те самые слова, которые сейчас говорил доктор

Бердам.

Она залилась звонким смехом:

— Ну, валяй дальше, весели публику, клоун! В жизни не слышала большей чуши — и не говорите мне, что у помми женщины клюют на подобную дешевку! От этого сиропа прямо с души воротит!

Чарлз побагровел от досады, несколько секунд он стоял молча, слушая тяжелые удары сердца и не зная, как поступить. Он мог бы назвать не меньше дюжины женщин, которые растеклись бы в лужу от счастья, если бы он сказал им нечто подобное, — а ведь сейчас он был совершенно искренен! И даже предложил руку и сердце! Но эта девица высмеяла его — и за что? Она ведь всего-навсего женщина, а дамы обожают комплименты!

Чарлз отошел к столу и сделал вид, что ничего не произошло. Он даже сумел беззаботно рассмеяться.

— Садитесь, сестра. После вашей суровой отповеди сделайте для меня хотя бы это.

— Ладно, — согласилась Китти, садясь.

— Что вас так возмутило в моем признании? — спросил он, присаживаясь на край своего низкого стола. Бедняга! Трудновато ему придется в колониях.

— Ваш вопрос говорит сам за себя — такой чопорный и манерный! Для австралийского уха все это звучит фальшиво и напыщенно. Словно какая-нибудь поэтическая ода. Мне это кажется ужасно смешным.

— Варварская страна.

— Возможно, вы правы. Австралия — крепкий орешек.

— А как тогда объясняются в любви в Корунде?

— Во всяком случае, не так, как во времена Ноя. Папуасские девушки, может, и проглотят вашу сладенькую наживку, но австралийки вряд ли. Тем более ни с того ни с сего! Во время беседы при приеме на работу! Так поступают только законченные прощелыги! Все женщины планеты прекрасно знают, что мужчины считают их ниже себя во всех отношениях, так что когда сильный пол рассыпается в комплиментах, он преследует определенную цель. Дайте ему то, что он хочет, и он немедленно вспомнит о своем превосходстве. Гвоздики и конфеты — это еще куда ни шло, но Теннисон и всякий романтический вздор? Здесь это не проходит! Местный мужчина, скорее всего, скажет, что я милашка, а остальное оставит до более подходящей обстановки. Вы же не хотите, чтобы над вами потешались, поэтому забудьте про поэтические образы и пустую болтовню. Ваши планы относительно больницы встречают самую горячую поддержку в здешнем обществе. Но если вас сочтут дешевым Ромео, ваша репутация

разлетится вдребезги.

Чувство унижения понемногу проходило. Чарлз Бердам был достаточно великодушен, чтобы простить женщине резкость. И все же след остался, хотя и в самом уголке сознания, где гнездились многие другие пережитые им обиды и оскорбления, подчас невольные, хотя он их таковыми не считал, поскольку по натуре был весьма раним и обидчив. У него была черта, о которой он не догадывался: злопамятность, которая не давала забыть ни одного укола судьбы. У Чарлза Бердама была на редкость нежная кожа, и даже самая незначительная ранка вызывала воспаление.

На этот раз уязвленное самолюбие мучило его недолго — Чарлз понял, что Китти высмеяла его не со зла. Его не слишком удачный любовный опыт подсказал ему, что она к нему равнодушна и пытается отгородиться от его магнетизма частоколом насмешек. В конце концов, она совершенно права! Черт его дернул распространяться о своих чувствах во время деловой встречи. Теперь их отношения ограничатся работой — и никаких личных привязанностей! С ухаживанием надо повременить. Он должен понравиться ей, но не как комический персонаж — он хоть и Чарли, но не Чаплин.

Сев за стол, доктор Бердам стал незаметно разглядывать Китти, стараясь быть беспристрастным, насколько это позволяла его страстная влюбленность. Сибилла? Очень молодое шардоне. А Китти — это винтажное шампанское вне всякой конкуренции. Даже при спрятанных под косынку белокурых волосах ее белые брови и ресницы эффектно контрастировали со смуглой кожей, а ярко-голубые глаза с фиолетовыми искорками чуть напоминали глаза сиамской кошки. В ее лице и вправду было что-то кошачье: высокий круглый лоб, широко поставленные глаза, чуть заметная усмешка на тонких губах. За всю свою жизнь он ни разу не встречал блондинок с такой смуглой кожей. И с такими сердитыми глазами. Но это же смешно! Что такого пережила эта красавица, чтобы так зло реагировать на комплименты? Он ведь просто хотел польстить ее самомнению, вполне естественному при такой внешности. Но вот его-то он и не увидел. Насмешливость, гнев, умение жалить, подобно скорпиону — все это он успел испытать на себе, но вот самомнение у этой женщины явно отсутствовало. Какова же ты на самом деле, Китти?

— У вас есть какие-то предпочтения в работе, сестра?

— Да, сэр. Дети.

Он постучал по папке с ее личным делом.

— Да, я заметил, что во время практики вас больше всего привлекала педиатрия. Сестра Мултон о вас очень высокого мнения.

— Я о ней тоже, сэр.

— Вы бы хотели и дальше работать с детьми?

— Да, сэр.

— Старшая медсестра рекомендовала вас в детское отделение на смену с двух до десяти. Вас это устраивает?

— Да, сэр.

Опять сверкнула улыбка кинозвезды, но Китти никак на нее не отреагировала.

— Тогда это место ваше, сестра Тридби.

— Благодарю вас.

С этими словами Китти повернулась и вышла из кабинета. В коридоре она в изнеможении прислонилась к стене, не зная, радоваться или огорчаться. Работа в детском отделении — большая удача, но вот с новым главврачом отношения явно не заладились.

Во время беседы она по-ястребиному наблюдала за ним, спрятав в отдельную шкатулку впечатление, которое произвел на нее нелепый павлиний хвост, так некстати развернутый перед ней, и плотно закрыв крышку до тех времен, когда у нее появится желание разобраться в своих эмоциях. Чутье подсказывало ей, что искренность в нем прекрасно уживается с хитростью, хотя и непонятно, в каких пропорциях они намешаны. И все же он чертовски привлекателен! И по росту ей вполне подходит — на каблуках он будет на пару дюймов выше ее. Но вот дети у них будут форменные лилипуты.

Китти была в полном смятении, и каждое произнесенное им слово только усугубляло ее дискомфорт. Каков он на самом деле? Умный, опытный, красноречивый. Она вдруг почувствовала гнев — из-за ее проклятой внешности он решил, что она самодовольная пустышка! Как он смел так подумать! Еще один коллекционер, желающий приобрести ее красоту, чтобы демонстрировать ее в обществе. Нет, лучше эту шкатулку совсем не открывать!

Но это вряд ли невозможно. Он предложил ей весь традиционный набор соблазнов: богатство, власть, жизненный комфорт — и только за одно ее лицо! Как же она ненавидела свою внешность! Он распространялся о своей любви, но что может знать о ней мужчина, который судит о женщине только по ее лицу? Это говорит о том, что он поверхностный и холодный человек. Не равнодушный, а именно холодный. Он сочувствует страданиям друг их, но сам по-настоящему никогда не страдает. Бесстрастный аналитик.

Китти оторвалась от стены и зашагала по коридору. Подробности

сегодняшней беседы с главврачом она оставит при себе. Если бы сестры только знали!

Тем временем Чарлз Бердам думал о том, насколько не похожи Китти и Хизер и дело тут прежде всего в раскраске. Черты лица и фигуры у них были одинаковые, но вот колер... Глядя на Тафтс, становилось ясно, какое значение имеет цветовая гамма: у Китти краски бушевали, у Тафтс — всего лишь вяло поблескивали. Чарлз, прежде никогда не видевший близнецов, был просто зачарован. А ведь есть и другая парочка — Эдда и Грейс, — которые, по слухам, гораздо более схожи, чем Тафтс и Китти.

Но какова Китти по натуре? Здесь для него сплошные загадки, за решением которых лучше обратиться к сведущим лицам.

Чарлз сразу же подумал об Эдде. Да, она должна знать все, ведь молва утверждает, что у сестричек она признанный лидер. Надо обратиться к ней, но с учетом урока, преподанного ему Китти. Как приблизиться к этой Медузе Горгоне? Ведь известно, что в глаза ей смотреть нельзя — тотчас же превратишься в камень. Ей он, конечно, вряд ли понравится, но для него важнее, как она отнесется к будущему сестры. Эдда не эгоистка, она не будет мешать счастью Китти. Да, придется идти к ней на поклон.

«Я жертва времени и национальности, — рассуждал Чарлз. — Англичанин, истинный сын величайшей империи мира. Стоит взглянуть на глобус, и вы увидите, что на всех континентах присутствует темно-розовый цвет, обозначающий владения Британской короны. Только Антарктида свободна от розовых пятен, а в случае с Австралией розовым румянцем залит весь континент. Но живущие здесь люди не любят этого цвета, они бы предпочли зеленый цвет независимости, как у США. Надо забыть о своем английском происхождении, как в Англии мы забываем о Шотландии и Уэльсе, которые тоже являются частью Великобритании. Однако в душе все признают, что истинные правители и хозяева все же англичане».

Чарлз вызвал секретаршу.

— Мисс Норман, сестры Латимер живут при больнице?

— Да, сэр.

— Как мне связаться с одной из них?

— Обычно это делается при помощи записки. Вы даете ее мне, а я кладу ее в персональную ячейку того или иного работника. Если это срочно, можно позвонить по телефону, хотя старшая сестра предпочитает в таких случаях посылать санитаря.

— Благодарю вас. Я напишу письмо.

Чарлз придвинул к себе стопку почтовой бумаги самого жалкого

свойства. Канцтовары были уже заказаны, но пока их пришлют из Сиднея, придется довольствоваться этой... этой туалетной бумагой. На следующей неделе он назначил заседание попечительского совета — там будет много интересного!

Эдда увидела записку, когда вернулась в больницу после конной прогулки с Джеком Терлоу — физически она чувствовала себя прекрасно, но на душе у нее было беспокойно. Она по-прежнему испытывала к Джеку сильные чувства, но его идиотская привязанность к Беру и Грейс стала ее раздражать — в конце концов, он всегда был ее другом, что бы там ни болтала Грейс. Эдда так и не рассказала об их ссоре ни Тафтс, ни Китти — по счастью, обе они в тот памятный день были на дежурстве. Подумать только, эта дурочка вообразила себе, что все соседи считают Джека ее любовником! Эдде это казалось до смешного нелепым. Грейс ведь жила не в вакууме, и к ней часто заходили соседи, когда Эдда с Джеком трудились в саду. Нетрудно догадаться, кому из близнецов Джек отдает предпочтение — они с Эддой приезжали и уезжали на его машине, и их отношения сразу же бросались в глаза. До Эдды никак не доходило, что всему виной двое детей и вечное отсутствие мужа. Грейс попросту завидовала Эдде: ее блеску, модной одежде, свободному образу жизни и дружескому общению с мужчинами — короче, всему тому, чего она была лишена сама. Зависть сделала свое дело — Грейс возненавидела свою веселую, беззаботную и ветреную сестру.

Фантазии Грейс о ее отношениях с Джеком Эдда поначалу не приняла всерьез, но узнав, что та на самом деле верит, что о них сплетничают соседи, была изумлена и, поразмыслив, выбрала самый простой выход из положения — сделала свой роман с Джеком достоянием гласности. Джек ничего не имел против. Грейс могла больше не напрягаться, ее репутация на Трелони-уэй была спасена. Именно так видела ситуацию Эдда в те редкие моменты, когда она возвращалась мыслями к Грейс.

Любой человек, имеющий хоть каплю здравого смысла и логики, вряд ли мог предположить, что все это приведет к такой свирепой ссоре. Грейс сорвалась с цепи и была готова растерзать сестру, точно так же, как озверевшая толпа расправляется с жертвой, попавшей ей под горячую руку. Когда ее собственный гнев утих, Эдда увидела Грейс совсем другими глазами, и будь у нее возможность, постаралась бы вычеркнуть ее из своей жизни. Логика подсказывала ей, что сама по себе она вряд ли могла вызвать у сестры такой взрыв злобы, но обида была так сильна, что забыть или простить ее она была не в силах. Несправедливость упреков, которыми ее

осыпала Грейс, как щелочь разъедала ее былую привязанность к сестре.

Прошедшая зима стала самым тяжелым временем в жизни Эдды: никогда прежде, даже в те годы, когда Китти пыталась наложить на себя руки, она не испытывала такого напряжения. Тафтс и Китти, несомненно, почувствовали, что между близнецами пробежала черная кошка, но все попытки выяснить, что произошло, неизменно натыкались на каменную стену. Ни Эдда, ни Грейс не желали говорить о ссоре и не делали попыток с ней покончить. Эдда считала себя несправедливо обиженной — чудовищность нанесенных ей оскорблений исключала всякую возможность примирения.

Китти отправилась к пастору, который воззвал к здравому смыслу Эдды, но не был услышан. Тогда он взялся за Грейс — ответом были лишь громкие рыдания и прочие неадекватные проявления. Когда Мод попыталась выступить на стороне Грейс, Эдда резко осадила ее и перестала появляться у пастора.

В конце концов на авансцене появилась сестра Ньюдигейт с боевым топором в руках, остро заточенным (как утверждали тайные агенты) на той самой машинке, где доктор Финакан вострил лезвия для микротомы. Стараниями Тафтс, увидевшей свет в конце туннеля Эдда — Грейс, Лиам был тоже вовлечен в конфликт воюющих сторон.

— Здесь не обойтись без Божьей помощи, — заявила она ему. — И желательно, чтобы божество было женского рода. Старшая медсестра подойдет как нельзя лучше.

— Но Грейс давно ушла из больницы, — возразил он.

— В Грейс вселился дьявол, а старшая медсестра у нас почище Люцифера. Ей по зубам любой дьявол.

Грейс вызвали к старшей медсестре, словно она по-прежнему была практиканткой, и едва она села, в комнату вошла Эдда. Ни одна из сестричек не заподозрила подвоха, выскочить же из кабинета старшей медсестры, гневно хлопнув дверью, у них не хватило духу.

— Садитесь, сестра Латимер, — очень приветливо сказала Гертруда Ньюдигейт. — И поздоровайтесь с родной сестрой.

У Эдды груз свалился с плеч.

— Доброе утро, Грейс, — пробормотала она, изобразив подобие улыбки.

Улыбка Грейс была гораздо шире. Она прекрасно знала, по чьей вине произошла эта ссора, и три месяца мучилась от бессонницы, размышляя, как выйти из тупика с наименьшими потерями. Проблема была в том, что в любом случае страдала ее уязвленная гордость. Ах, если бы в тот день Эдда

выглядела не так элегантно, не так стильно! Но она была само совершенство — и обидные слова так и потекли рекой, вернее, мутным грязным потоком. Как она потом о них сожалела! Но гордость, проклятая гордость не давала ей идти на попятную.

На этот раз Эдда была в форменном полосатом платье и марлевой косынке, а замужняя дама Грейс надела свой лучший воскресный наряд: ярко-розовое крепдешиновое платье, которое ей очень шло, изящная соломенная шляпка и темно-синие туфли и сумочка.

— Ты шикарно выглядишь, Грейс, — похвалила ее Эдда.

— А ты — настоящая медсестра, я тебя даже побаиваюсь.

— Надеюсь, ваша нелепая ссора наконец закончилась? — с улыбкой спросила старшая медсестра.

— Да... прости, Эдда, я была не права. Наговорила бог знает чего.

— Отлично! — просияла старшая медсестра. — Будем считать, что все быльем поросло. Но при этом не могу не вспомнить, что вы, Фолдинг, так и не представили мне реферат о графике жидкостного баланса.

Дверь открылась, и санитарка вкатила сервировочный столик с чаем.

— А вот и чай! Давайте забудем о формальностях и будем называть друг друга по именам.

— Как я могу, сестра! — поперхнулась Грейс.

— Ерунда! Вообще-то вы мне нужны, Грейс. При новом главвраче больнице необходимо иметь своего человека на Трелони-уэй, а я слышала, вас там очень уважают.

Польщенная Грейс зарделась.

— Всегда к вашим услугам, медсестра.

— Герти, — усмехнулась Эдда. — Ее зовут Герти.

На тонком запечатанном конверте, который Эдда обнаружила в своей ячейке, имелась надпись «Сестре Эдде Латимер», небрежно нацарапанная блеклыми чернилами. Эдда сразу догадалась, что письмо от главврача. Интересный почерк — четкий и с сильным нажимом. Она вскрыла конверт.

Короткое деловое послание: главврач приглашал Эдду в бар «Гранд-отеля» к шести часам вечера с последующим ужином в «Пантеоне». Ответа не требовалось. Если она согласна, он будет ждать ее в указанное время сегодня, завтра или в любой другой вечер.

Здесь отсутствовал чисто мужской интерес, в этом Эдда была уверена. Взгляды, которыми они обменялись сегодня утром, были того свойства, что бросают друг на друга воины из враждующих племен. Нет, его интересовала Китти, которая совершенно неожиданно оказалась медсестрой в его больнице. Это осложняло положение, как и то, что она

сразу встретила его в штыки. Он был чужаком, бесцеремонно вторгнувшимся в ее жизнь, однако ему хватило ума навести о ней справки, прежде чем начать решительную осаду. И Эдда Латимер была избрана в качестве осведомителя.

Надо встретиться сегодня, завтра она идет в театр, а следующий выходной у нее только через неделю. Главврачу это прекрасно известно, поэтому он предоставил ей выбрать день самой.

Имея в банке всего 500 фунтов, Эдда шила себе одежду сама и так экономила, что ухитрялась прилично одеваться на мизерную зарплату медсестры. Ткани, туфли, перчатки и сумочки приходилось покупать, а вот платья и шляпки были собственного изготовления, настолько искусного, что все в Корунде были уверены, что она покупает их в лучших магазинах Сиднея. Она только что пришила последнюю бусинку на моднейшее серовато-сиреневое платье — длина ниже колен, приталенное, с бисерной отделкой по краю юбки и на манжетах. Наряд дополняли черные замшевые туфли и такая же сумочка, голову украшала серая тюлевая повязка, расшитая тем же фиолетовым бисером. Шикарно! То что нужно для сегодняшнего выхода.

Чарлз ждал ее в баре за низким столиком в дальнем углу. Увидев подходившую Эдду, он моментально вскочил.

— Коктейль? — предложил он, усаживая ее в большое низкое кресло.

— Нет, спасибо. Стакан нильзенского пива, — ответила Эдда и начала медленно стягивать лайковые перчатки.

— В Австралии женщины пьют пиво? — удивился Чарлз, опускаясь в кресло и подзывая жестом официанта.

— И довольно часто. Видимо, дело в климате. Мы пьем светлое немецкое пиво, причем довольно крепкое и очень холодное. Здесь вы не найдете темного английского эля, который пьют теплым, — объяснила Эдда, покончив с перчатками. — В качестве бонуса могу сообщить вам, что Китти тоже пьет ледяное пиво.

— Вы очень любезны. А вам не приходило в голову, что я могу интересоваться именно вами?

— Ни на секунду. Я для вас высоковата.

— Туше. Вы довольно необычны для Корунды.

— Ну, кто-то должен выделяться. При более близком знакомстве с сестрами Латимер вы увидите, что у каждой пары близнецов сходство скорее внешнее, а их характеры похожи ровно в той степени, в какой отражение в кривом зеркале напоминает оригинал. Я действительно здесь белая ворона, а вот моя сестра-близнец абсолютно типична для этих мест

— жена, мать и домашняя хозяйка, вечно бьющаяся, чтобы свести концы с концами, и тем не менее гордая своим положением. Если взять вторую пару, то Китти, по современным понятиям, само воплощение женственности — губки, как розовый бутон, огромные голубые глаза, — а Тафтс типичная старая дева, приземленная и начисто лишенная романтики.

Эдда подняла высокий запотевший стакан и чуть качнула им в сторону Чарлза.

— Слишком неприятно для вас, да, Чарли?

— Почему все зовут меня Чарли? — раздраженно спросил он.

— Это лучше, чем Чикер. В этой части света настоящие мужчины считают, что Чарлз — это только для слабаков.

— Господи, да вы просто язва!

— В Англии вы бы остереглись так откровенно высказывать свое мнение.

— Вы за словом в карман не полезете!

— И горжусь этим.

— Я не собираюсь подстраиваться под местные мерки, но, может быть, вы все-таки объясните мне, Эдда, почему в Австралии так не любят все английское и что означает слово «помми»?

— Никто не знает, почему здесь так зовут англичан, а не любят их потому, что еще двадцать восемь лет назад этот континент был английской колонией и на местных жителей смотрели свысока. Даже сейчас, когда мы стали независимым Австралийским Союзом, у нас осталось ощущение, что нами по-прежнему владеет Банк Англии и английские компании. Теплые местечки достаются исключительно помми, а те, кто объясняется без местного акцента, имеют гораздо больше шансов подняться по социальной лестнице и преуспеть. В государственных школах детей наказывают, если они говорят, как принято у простых людей, — да-да, вы насадили у нас классовую систему, и она здесь прекрасно укоренилась! У нас вы всегда будете помми, кем бы вы ни считали себя сами.

В широко раскрытых глазах Эдды мелькнула неприязнь. Но она тотчас же взяла себя в руки и слегка пожала плечами:

— Если вы хотите, чтобы вас полюбили в Корунде, поскорее избавьтесь от всех признаков «помми».

— Сигарету? — предложил он, протягивая ей портсигар.

— Я не курю. Проработав несколько недель в мужском отделении, мы отказались от этой привычки.

— Насмотрелись на больных?

Ярко-красные губы Эдды насмешливо скривились:

— Нет! Просто доктора никогда не чистят плевательниц. А нам приходилось.

Чарлз представил себе их содержимое и быстро поставил на стол свое виски с содовой.

— Чем бы вам хотелось заняться в жизни?

— Путешествовать. Хочу сумасшедших приключений во всех уголках земли, кроме Антарктиды, конечно. Люди, живущие на макушке земного шара, почему-то всегда забывают об этом континенте. Надеюсь, в будущем меня повысят до старшей медсестры отделения — у них зарплата выше. Мое финансовое положение оставляет желать лучшего, я бедна как церковная мышь.

— Я постараюсь вам поспособствовать.

— В обмен на информацию о Китти?

— Угадали, — невозмутимо ответил Чарлз. — Буду признателен за любые сведения о ней.

Забыв о пиве, Эдда откинулась на спинку кресла и, положив ногу на ногу, уставилась своими волчьими глазами на нового главврача. Из них исчезло насмешливое выражение, а пренебрежение, с которым она отнеслась к нему поначалу, уступило место более взвешенной оценке. Он с напряженным вниманием выслушал развернутое повествование о Китти, прерванное только единожды, когда они с Эддой отправились в греческое кафе на ужин.

Так, значит, Китти не была заносчивой красоткой местного разлива, цеплявшей на пояс многочисленные мужские скальпы. Сколько же ей пришлось пережить! Чарлзу не терпелось увидеть эту ужасную мамашу, которую так откровенно ненавидела Эдда. Мод Скоуби Латимер... так обожала свою восхитительную дочурку, что не видела, как она калечит ее своими неумными восторгам, слишком ограниченная, чтобы понять, что не все красивые женщины хотят, чтобы их ценили только за личики и фигуры. Терка для сыра, подумать только, до чего довели десятилетнего ребенка! Даже подумать страшно. И эта попытка самоубийства, о которой знали только Эдда и пастор...

«О, моя бедная Китти! Теперь понятно, почему ты так стремилась к самостоятельности и так холодно отнеслась к моим признаниям в любви! Это то, от чего ты бежала всю свою жизнь, — как же я тебе, наверное, противен. Я влюбился в твою прекрасную внешность, о чем сразу же и объявил. Если бы я только знал! Как же ты сможешь полюбить меня после столь неудачного начала?»

— Если вы действительно любите Китти, постарайтесь убедить ее, что

женская внешность стоит для вас на одном из последних мест, — посоветовала Эдда, когда они прощались. — Главное для вас — завоевать ее доверие, причем очень и очень постепенно. И не забудьте про Тафтс. Ее доверие вам тоже придется завоевывать.

Но Тафтс была уже завоевана, причем стараниями Лиамы Финакана. Патолог был в восторге от нового главврача.

— Он сотворит чудо, Хизер, и эта больница наконец-то заработает в полную силу, — не уставал он повторять Тафтс.

Поэтому, когда Китти обратилась к сестре за моральной поддержкой, та была не готова ее оказать.

— Если он пытается за тобой ухаживать, а ты этого не хочешь, просто отшей его и все. Язычок у тебя острый. Но лично мне он нравится.

— Но я сама не знаю, чего хочу! — чуть не плача, пожаловалась Китти. — Сроду не встречала такого несносного и самоуверенного типа, но у него есть и хорошие стороны. Я уверена, он расшибется, чтобы вытащить нашу больницу из болота. Но стать его женой? И делить с ним все его помыслы и амбиции?

— Ты ставишь телегу впереди лошади, Китс. Восхищаться главврачом за его должностное рвение и вступать с ним в личные отношения — это совершенно разные вещи, никак не связанные друг с другом. Твои эмоциональные всплески наводят меня на мысль, что доктор Бердам тебе безразличен, — рассудительно заметила Тафтс.

— Значит, я должна уподобиться Эдде и пойти к нему на свидание?

— При чем здесь Эдда? Бердам пригласил ее, чтобы выудить как можно больше о тебе. Можешь спросить у нее самой! Она говорит, что он не проявил к ней никакого интереса — рост у нее слишком неподходящий.

— Вот и я не проявляю интереса к доктору Бердаму по той же самой причине — он слишком коротенький для меня. Мальчик с пальчик в качестве мужа, что может быть комичнее?

— Нет греха пуще гордыни, — усмехнулась Тафтс. — А вот и Эдда! Расскажи Китти о своих впечатлениях от свидания с главным.

— С превеликим удовольствием, — вздохнула Эдда, садясь в кресло. — С одной стороны, он мне немного подозрителен — этакий ловкач, искусно втирающийся в доверие. Как в той поговорке: продаст уголь даже шахтерам в Ньюкасле. Причем это свойство его натуры, от которого он никогда не избавится. Он о себе весьма высокого мнения и любит шумовые эффекты. Но кое-что в нем мне очень даже нравится, и прежде всего его искренняя любовь к тебе и самые благие намерения в

отношении нашей больницы. Будь у меня чуть побольше денег, я бы побилась об заклад, что помми Чарли Бердам отлично впишется в местный ландшафт.

Эдда поджала губы и нахмурилась:

— Но я совсем не уверена, что он подойдет тебе, милая сестричка. Намерения у него самые благие, но есть опасность, что главной любовью в жизни Чарли Бердама всегда будет он сам.

— Ты ничем не помогла мне, Эдда.

— Да кто же тебе сможет помочь, дурочка! Начни с ним встречаться! И не полагайся на чужие мнения.

— Она права, — согласилась Тафтс. — Начни с ним встречаться!

Корунда, живо обсуждавшая свидание доктора Бердама с Эддой, была совершенно сбита с толку, когда он пригласил в ресторан Китти. Он устраивает смотрины, чтобы выбрать себе невесту, или у него другие, более аморальные цели? В глазах всей округи «Чарлз» уступил место слегка беспутному «Чарли», а репутация доктора была несколько подмочена.

Китти одевалась совсем не так, как Эдда, хотя в баре «Гранд-отеля» при виде обеих поворачивали головы. Ее стиль был более легким и воздушным — никакого блестящего атласа и тканей с металлическим блеском. Шифоновое льдисто-зеленое платье с изумрудно-зеленой отделкой, темно-синие туфли и такая же сумочка. Китти была без шляпы, и ее льняные кудри пышным ореолом обрамляли обворожительное лицо. К концу вечера Чарлз сделал вывод, что Китти одевается по своим собственным канонам, и подивился, откуда у сестер Латимер такой изысканный вкус, ведь в Корунде это понятие отсутствовало напрочь.

— Почему вы такая колючая? — спросил он, когда они пили пиво.

— Из-за своей внешности, — с готовностью пояснила Китти. — Ко мне вечно липнут, а мой язык отпугивает бесцеремонную публику. Я поняла это довольно рано и не собираюсь отказываться от своих привычек.

— Надеюсь, вы не заставите меня долго за вами ухаживать.

— А я надеюсь, что вы вообще не будете за мной ухаживать, Чарли.

— Конечно же, буду!

Горгулья преобразилась в кинозвезду.

— Я же вам сказал, чего добиваюсь. Вы будете моей женой — и точка.

— С чего вы это взяли? И не говорите мне про свои чувства. Такая стремительная любовь — не более чем похоть, — заявила Китти, с удовольствием потягивая пиво. — Если говорить о любви в истинном значении этого слова, на свете есть только четыре человека, которых я

люблю.

— И кто же они?

— Мои сестры и мой отец.

— А ваша мать?

Китти сморщила свой безукоризненный носик.

— Я люблю свою мать, но я не загорожу ее своим телом от пули.

— Почему так?

Ее огромные глаза раскрылись еще шире, и в них мелькнул настороженный испуг. Потом она рассмеялась, причем так заразительно, что все вокруг заулыбались.

— По той простой причине, что она тоже никогда не спасет меня от пули. Все взаимно, Чарли.

Он поморщился:

— Для вас я тоже Чарли?

— Определенно. Так вы больше похожи на мужчину.

Он судорожно глотнул:

— Я так понимаю, что Чарлз никогда не загородит вас своим телом от пули?

— Он со всех ног бросится наутек.

— А Чарли не струсит под дулом пистолета?

— Скорее всего.

Пора было менять тему. Глаза Чарлза сверкнули золотом.

— Жаль, что в этом городишке нет приличного ресторана! И почему «Пантеон» считается лучше, чем «Олимп»? Они же ничем не отличаются, ни интерьером, ни кухней.

— Просто традиция. «Олимп» расположен ближе к шоссе Сидней — Мельбурн и туда заходят проезжающие и туристы. Вы не видели наших туристов? Сейчас сентябрь, и все цветет. Наш город знаменит своими садами. Люди приезжают, чтобы полюбоваться азиями и рододендронами.

— Но ведь они цветут в разное время.

— Здесь особый климат и земля, и они цветут одновременно, причем вдвое дольше, чем в других местах. Сейчас как раз самый пик цветения. Вы же знаете, у нас все вверх ногами.

— А я все удивлялся, почему отель набит битком. Возможно, мне удастся убедить владельцев открыть здесь первоклассный ресторан.

— Лучше сосредоточьтесь на больнице, — посоветовала Китти. — Вы уже переехали в Бердам-хаус, так что наймите себе хорошего повара. Тогда сможете давать званые обеды.

На его лице возникло выражение ужаса.

— Но я не могу принимать гостей без хозяйки дома!

— Почему бы и нет? Если у вас достаточно слуг, чтобы все проходило гладко, никому и в голову не придет осуждать вас. Здесь не в ходу английская чопорность, и женщины не оставляют за столом мужчин, чтобы те могли выпить пива и покурить в мужской компании. У нас выходят из-за стола все вместе, если вообще выходят. Мы предпочитаем заканчивать вечеринку, сидя за столом.

Китти снова заразительно рассмеялась.

— Как видите, у нас свои обычаи.

— Званный вечер без хозяйки дома... — медленно повторил Чарлз.

— Вполне допустимо в Корунде, если только вы не генерал-губернатор.

Чарлз проводил Китти до самых дверей ее коттеджа, ничуть не заботясь о том, что их могут увидеть. Прощаясь, он взял ее за руку, но поцеловать не решился.

— Следующей зимой вы уже будете миссис Чарлз Бердам, — тихо произнес он. — А пока я постараюсь умерить пыл, ведь вы все равно мне не верите. Вот что значит быть помми! Спокойной ночи.

Попечительский совет больницы, в отличие от сиделок и медсестер, быстро почувствовал на себе тяжелую руку доктора Бердама. Когда он объявил о собрании в первую неделю сентября, члены совета уже предчувствовали, что им предстоит нелегкое испытание, и ощущали легкую тревогу. Но то, что им пришлось вынести, более всего напоминало кровавую битву при Галлиполи.

Преподобный Томас Латимер так описал это побоище своей жене:

— Этот человек лишил нас последних остатков гордости, чести, общественного уважения и чувства собственного достоинства! Мод, нас выставили на поругание перед всей Корундой — он сделал собрание открытым, чтобы любой желающий мог на нем присутствовать, и потому туда явились все медицинские консультанты, которых Фрэнк и близко не подпускал к совету, а еще там был старый Том Бердам и папский прелат О'Флаерти!

Семидесятилетний прелат О'Флаерти из католической церкви Святого Антония называл попечительский совет больницы «двенадцатью подручными Фрэнка Кэмпбелла», и то, что он стал свидетелем их позора, было особенно досадно. Католики были не так состоятельны, как протестанты, но в Корунде брали числом.

Попечительский совет был укомплектован самим Фрэнком Кэмпбеллом и, кроме мэра, секретаря городского управления и пастора англиканской церкви, присутствие которых предусматривалось уставом, там были исключительно его выдвиженцы. Если они осмеливались подавать голос и требовать реформ, Фрэнк немедленно умирал их, наглядно демонстрируя, кто здесь хозяин. Знай его дочери, что происходит на собраниях совета, они бы решили, что их папочка там самый главный — никто не решался ему возражать.

Единственным медиком в совете был сам Фрэнк Кэмпбелл. Кроме уже упомянутых мэра, секретаря и пастора туда входили еще восемь человек, представлявших местный бизнес: мясник, пекарь, бакалейщик, торговец тканями, торговец скобяными товарами, кузнец/автомеханик, торговец овощами и поставщик яиц, владеющий сараем, набитым курами-орпингтонами с одним усталым петухом. Вся эта команда снабжала городскую больницу дешевыми и низкокачественными товарами, начиная с простыней и кончая престарелыми курами, которые уже не могли нестись. Капитала на этом снабжении никто не нажил, но это был надежный рынок сбыта.

Исследовав бухгалтерские книги, Чарлз Бердам укрепился в мысли, что денежные средства больницы должны работать, а не лежать мертвым грузом в банке. Но прежде следовало вырвать бразды правления из цепких рук членов попечительского совета. Со смертью доктора Кэмпбелла четыре миллиона фунтов остались практически беззащитными от посягательств кучки бесконтрольных дельцов. Они еще не пришли в себя от неожиданной кончины Фрэнка — все почему-то считали, что Господь не будет особо торопиться призывать его к себе. Но шок быстро пройдет, и некоторые наиболее предприимчивые подручные могут попытаться присвоить денежки себе, тем более что сделать это проще простого.

Поэтому деньги следовало изъять у совета сразу, пока его члены не успели сплотиться. Капиталом надо управлять, и этим должны заниматься финансисты, а не сомнительный попечительский совет. Никто из его членов, включая самого Фрэнка Кэмпбелла, не мог придумать ничего лучшего, кроме как разложить четыре миллиона фунтов по разным банкам под удручающе низкие проценты.

Чарлз же собирался сделать то, что напрашивалось само собой: вложить деньги в высокодоходные акции и другие активы, именуемые «голубыми фишками», то есть в такие компании, которые не разорятся ни при каких обстоятельствах. Деньги Корунды должны быть в безопасности, и им следует работать!

Первоочередные задачи были достаточно ясны: полностью перестроить больницу, оснастить ее самым современным оборудованием и привлечь наилучших врачей. Никаких лестниц, ступенек и лифтов. Чарлз повидал много больниц и вынес оттуда главный принцип организации больничного пространства: какими бы ни были здания, там всегда приходилось много ходить.

Вооружившись этими идеями, он объявил войну попечительскому совету, сделав ее достоянием гласности. На собрании присутствовал даже репортер из «Корунда пост», еженедельника, которым не следовало пренебрегать, а также практикующие врачи и хирурги, не говоря уже о докторе Лиаме Финакане и сестре Ньюдигейт. Чарлз также совершил несколько тайных поездок в Сидней, где сумел встретиться с министром здравоохранения и даже пригласить его на ужин. В результате он получил все необходимые полномочия, чтобы разогнать существующий попечительский совет и пересмотреть его устав. Узнав о внушительной материальной базе городской больницы Корунды, министр стал, на удивление, любезен, однако ему быстро дали понять, что его министерство, вечно нуждающееся в деньгах, вряд ли может рассчитывать, что ему что-то перепадет. Однако больница имеет все шансы стать образцовым медицинским учреждением, причем почти полностью за свой счет. На том и сошлись.

Был еще один фактор, который побуждал Чарлза торопиться с вызволением денег, но он был несколько расплывчатым и неопределенным. Скорее это было предчувствие (разделяемое лишь несколькими лондонскими коллегами) некой финансовой катастрофы, незаметно зреющей в мире. Ее характер был пока непонятен, но где-то в дремучих джунглях денежного рынка уже притаился чудовищный зверь, свирепо подстерегающий ничего не подозревающую жертву — всего лишь тень, фантом, — и все же Чарлз был уверен, что это не плод его воображения. Оно было здесь и было реальным, что означало, что он обязан позаботиться о сохранности средств вверенной ему больницы.

Метафорическая галлиполийская победа была одержана. Оказавшись перед лицом финансовой акулы, с которой ему было явно не по силам тягаться, и осознав, что Чарлз Бердам не остановится ни перед чем и может затаскать его по судам, попечительский совет сдался без боя. Одиннадцать его членов были распущены, и никого из них, включая пастора, не избрали в его новый состав. Но, как ни странно, это пошло только на пользу местному бизнесу, так как Чарлз Бердам объявил, что все закупки для больницы будут проводиться на основе тендеров и главным фактором будет

качество товаров, а не их дешевизна. Местных предпринимателей пригласили принять в них самое деятельное участие.

Попечительский совет должен быть свободен от религиозных влияний и предрассудков, не говоря уже о расовой или религиозной нетерпимости. Исходя из этих постулатов, единственным коммерсантом в новом составе совета оказался, к своему величайшему изумлению, Башир Мабуд, владелец универмага в Трелони, ливанец и к тому же католик. Но Чарлз, который подбирал членов совета весьма недемократичным путем, в чем полностью уподобился Фрэнку Кэмпбеллу, считал Башира австралийцем по праву рождения, который, как любой розничный торговец, хорошо осведомлен о нуждах простых людей Корунды.

В совет также вошли доктор Эрих Герцен, Иен Гордон, Деннис Фарадей и Нед Мэсон, имеющие в городе частную практику, а также доктор Лиам Финакан и старшая медсестра Гертруда Ньюдигейт. Немедицинское меньшинство составили управляющий местным отделением Западного союза розничной торговли, президент Общества овцеводов Корунды, старейший из сельскохозяйственных консультантов и глава Исторического общества Корунды, из чего можно было заключить, что никто из членов совета не имеет достаточных знаний, чтобы учить его председателя, доктора Чарлза Бердама, как распоряжаться больничными деньгами. При общем количестве в двенадцать человек отдельные члены совета могли заменяться в любой момент по личному распоряжению председателя.

Формальности, передающие фонды больницы новому попечительскому совету, были завершены в начале октября 1929 года, и Чарлз Бердам наконец вздохнул свободно. Четыре миллиона фунтов были выгодно вложены в надежные бумаги с максимальной осмотрительностью и консерватизмом, причем исключительно по выбору главврача, который собственноручно дергал за все финансовые нити. Все свои соображения он держал при себе, однако разумность его решений не подвергалась сомнению. Чарлз не подавлял чужие мнения, это был не его стиль. Вместо этого он подробнейшим образом объяснял каждое свое решение и всячески поощрял дискуссии, которые обычно не возникали. Ему просто доверяли. К середине октября новый совет уже имел свой устав, по которому его члены не платили членских взносов.

В том же октябре Чарлз устроил товарищеский ужин, куда были приглашены врачи, старшая медсестра и Башир Мабуд. Он снял небольшой зал в «Гранд-отеле» и заказал всю еду в Сиднее. С подобным оскорблением отель примирила только баснословно высокая плата за помещение —

управляющий был прагматиком и отдавал себе отчет, что его повара вряд ли осият столь изысканное меню: белужья икра, мороженое с ликером, запеченная камбала и розовый бифштекс в два пальца толщиной под соусом шатобриан, который готовится три дня. На десерт предлагалась клубника со взбитыми сливками.

Чарлз огласил свои планы во время аперитива, справедливо полагая, что их обсуждение займет весь ужин вплоть до заключительного кофе с коньяком. Герти Ньюдигейт, которая была здесь единственной дамой, не слишком рассчитывала на всеобщее внимание, однако покрасила губы и облачилась в платье, которое не поскрипывало от избытка крахмала. Лиам был в курсе планов главврача, остальные находились в неведении. Вся компания расположилась в удобных креслах и приготовилась внимать.

— Мы будем перестраивать больницу, — начал Чарлз. — И я пригласил вас на ужин, чтобы ознакомить со своими грандиозными планами на этот счет. Как вы понимаете, процесс этот будет длительным и постепенным и начнется не на следующей неделе и даже не в следующем году. Но я собрал вас именно сейчас, потому что мне прежде всего важно мнение врачей, а не архитектора. А вас, Башир, я пригласил, чтобы узнать точку зрения пациентов. Вы поддержите меня?

Присутствующие обменялись радостными взглядами и одобрительно зажужжали. Глаза восторженно засияли.

— Внешне новые здания будут не слишком отличаться от того, что мы имеем сейчас — длинные одноэтажные постройки с верандами, на которые можно будет выкатывать кровати с больными, чтобы они подышали воздухом, погрелись на солнышке и полюбовались садом. Здания будут соединены закрытыми переходами. Площадки будут выровнены, и мы будем избегать ступенек. Таким образом, дорожки станут длинными и пологими. Да, придется много ходить, но это полезно для здоровья, к тому же я планирую завести маленькие открытые машинки, работающие на аккумуляторах, для тех, кому трудно передвигаться самостоятельно, включая посетителей.

Чарлз поймал на себе взгляд Лиамы.

— Лиам?

— Здания будут деревянными на каменном фундаменте?

— Нет, кирпичными на любом подходящем фундаменте, но только не на известняковых блоках. Мне бы хотелось использовать пустотелый кирпич, который лучше держит тепло зимой и сохраняет прохладу летом, а крыши покрыть черепицей с толевой изоляцией, чтобы чердаки хорошо проветривались. К сожалению, дом для медсестер уже почти построен, но

чуть позже мы подумаем, что там можно изменить.

Увидев, что в дверях стоит официант, сигналивший, что ужин подан, Чарлз помог старшей сестре подняться с кресла.

— Мы продолжим за ужином, — сказал он, возглавив шествие в зал.

В конце ужина, когда подали кофе с коньяком и чай с ликером, главврач продолжил свою речь:

— Важно понять, что, несмотря на строительство, больница должна функционировать. Это означает, что перестройка займет длительное время и сохранит основные средства больницы. Мы по возможности будем расходовать проценты, а не основной капитал. Не стоит забывать и о государственном субсидировании — мы как городская больница имеем на него полное право. Насколько я понял из бухгалтерских книг, Фрэнк Кэмпбелл безжалостно выколачивал из пациентов деньги. Социальные работники вели с ним настоящую войну, чтобы освободить неимущих больных от оплаты лечения. Это просто позор. Если бы не усилия церкви и частная благотворительность, здешние больные были бы лишены одного из основных человеческих прав — права на лечение. Только не думайте, что подобные вещи не случаются в Англии! Там это тоже бывает.

Лиам Финакан улыбался во весь рот. Отлично, Чарли! Все на твоей стороне, и первый Башир Мабуд.

После ужина Лиам направился напрямик в больничный коттедж, который он теперь считал своим домом. Там его уже ждала Тафтс, горящая нетерпением узнать подробности и полная решимости не отпускать доктора, пока он не получит свою ежедневную порцию причесывания.

— Как ты догадалась, что мне нужен именно чай, чтобы утихомирить желудок после столь обильной трапезы? — спросил Лиам, дуя на горячий чай, который он пил очень крепким, без молока и сахара.

— А что было в меню?

— Черная икра, запеченная рыба, потрясающее говяжье филе с эстрагоновым соусом и клубника.

— Прямо сердце кровью обливается, — усмехнулась Тафтс, атакуя его волосы. — А я ела больничный пирог с водянистой капустой.

— Да полно тебе, Хизер, ты же знаешь, что Чарли расшибается в лепешку ради нашей больницы. Это была блестящая идея — поделиться своими планами за ужином, который обошелся ему в целое состояние. Все были просто в восторге, клянусь святым Патриком! Я думал, Герти упадет в обморок, попробовав эту говядину.

— Браво, Чарли! — прокомментировала Тафтс, продолжая терзать голову Лиаму.

Он схватился за щетку.

— Хватит, Хизер, прошу тебя! Ты просто снимаешь с меня скальп.

— Вздор! Ничего твоей голове не сделается. Так что же привело Герти в чувство?

— Клубника. Уверен, она готова жизнь отдать за Чарли. У него теперь свой клуб болельщиков.

— Да, фанатов у него хватает, — вздохнула Тафтс. — Хорошо бы к ним присоединилась и моя глупая сестрица, а то она уже всех нас достала своими терзаниями.

— Это ваша проблема, — отрезал Лиам, запуская пальцы в шевелюру. — Теперь, когда все позади, я вынужден признать, что очень здорово, когда волосы не падают на глаза.

— Рада за тебя, старый упрямый ирландец.

В дверь постучали, и на пороге возник доктор Нед Мэсон.

— Чую дивный запах чая! Тафтс, сердце мое, у тебя не найдется еще одной чашечки для старого объевшегося акушера?

Не успел он сесть, как чай уже стоял перед ним на столе.

— Я так и думал, что Тафтс поит тебя чаем. Почему ты всегда зовешь ее Хизер?

Лиам удивленно взглянул на него:

— Разве? У меня с ней ассоциируется именно это имя. Да, еда была знатная.

Нед Мэсон согласно кивнул:

— Нарушил режим, Лиам? Вы же с Тафтс такие педанты.

— А ты почему здесь, Нед?

— У Винни Джо отошли воды, когда мы ели клубнику, а Винни Берт, как всегда, ничего не заметила. Зато заметила Винни Джек и быстренько заболела ангиной.

— Почему у Джонстонов всех женщин зовут Винни? — спросил Лиам. Тафтс сделала гримасу:

— Отец говорит, что когда у Сайласа Джонстона рождались девочки, он предпочитал двигаться по наезженной колее и давал всем одно и то же имя — Винфрид. Когда они выросли и повыходили замуж, каждая прибавила к своему имени имя мужа, чтобы хоть как-то отличаться. Ты разобрался со своими Винни, Нед?

— Надеюсь, тем более что в ночной смене сегодня нет акушерки — у нее дома что-то стряслось. Я оставил Винни Джо на попечении перепуганных практиканток, положил Винни Джек в травматологию, а Винни Берт отправил прочесать все пабы, чтобы отловить Джо.

— Я могу заменить акушерку, Нед, — заявила Тафтс, поднимаясь из-за стола. — Вообще-то сегодня у меня педикюр, но ноги могут подождать. А вот младенец вряд ли. Если тебе нужна моя помощь, можешь на нее рассчитывать.

— Ты просто ангел, Тафтс! Разумеется, мне без тебя не обойтись, — обрадовался Нед, быстро допив чай. — Мне уже лучше. Не считая слабительного Перкинса, ничто так не облегчает желудок, как крепкий горячий чай. Черный как сажа, по выражению Чарли.

Тафтс с Недом растворились в ночи, оставив Лиаму мыть чашки. Хизер права: ноги могут подождать, а дети нет. И зачем только Чарли заказал такой обильный ужин?

Решение финансовых проблем заставило Чарлза забыть о времени и своих личных планах. Пока все не утряслось, он самым постыдным образом пренебрегал Китти. Посмотрев на календарь, он с ужасом убедился, что не встречался с ней уже две недели, ограничиваясь самыми поверхностными знаками внимания — случайной улыбкой, несколькими словами, брошенными на ходу, двумя упущенными возможностями поговорить.

— Позвольте пригласить вас на ужин ко мне домой, только, пожалуйста, без сопровождения, — наконец приступил к делу доктор Бердам.

Столь неожиданное предложение показалось Китти верхом самонадеянности.

— Да, конечно, — тем не менее согласилась она, стоя на пороге детской палаты с ребенком на руках. — Когда?

— Сегодня вечером?

— Да, сегодня меня вполне устраивает.

— Тогда я заеду за вами в шесть.

— Благодарю вас.

И Китти, улыбаясь, пошла в палату. Улыбка предназначалась ребенку, отнюдь не Чарлзу.

На этот раз на ней было платье из органди всех оттенков розового цвета и ярко-розовые аксессуары, что активно не понравилось Чарлзу.

— Вы похожи на ярмарочный леденец, — мрачно заявил он, бросив на Китти неодобрительный взгляд.

Она скривилась:

— Эдда сказала то же самое, только в более резких выражениях. Она считает, что на меня слишком сильное влияние оказывает мать.

— Почему бы вам не взять за основу стиль Эдды? — холодно спросил Чарлз.

— Гладкое и блестящее? — ничуть не обижевшись, уточнила она.

— Нет, просто более строгое. Для низкого роста не годятся оборочки и слишком подчеркнутая женственность.

Китти замолчала, и пока они поднимались по Католическому холму, не проронила ни слова. Опасаясь, что вечер будет испорчен, Чарлз первым нарушил молчание:

— Почему это место называется Католическим холмом, ведь церковь Святого Антония находится совсем не здесь?

— Потому что наши английские предки были яркими антикатоликами и выделяли участки в соответствии со своими убеждениями, — начала объяснять Китти, довольная тем, что может блеснуть своей эрудицией. — Англиканская церковь всегда получала лучшие земли, а католическая — что останется. Но города имеют обыкновение расти, и участки, выделенные англиканской церкви, становились тесными и застроенными, а католикам земли обычно давались на холмах, и со временем они только росли в цене. Идея была в том, чтобы заставить католиков карабкаться на гору, но отцы города не учли, что с холмов открывается восхитительный вид. Возьмем, к примеру, Сидней, — все более воодушевляясь, продолжала Китти. — Англиканский собор Святого Андрея ютится на крохотном клочке земли впритирку к гораздо более впечатляющему зданию муниципалитета и в окружении офисных зданий и транспорта, в то время как католический костел Святой Марии находится на естественной возвышенности в окружении парков и садов — там тишина и прекрасный вид. А когда выделяли землю, это был пригород с пастбищами и лачугами.

— Поучительная история, — засмеялся Чарлз. — Интересно, как человеческие предрассудки оборачиваются против их же приверженцев.

Он свернул к воротам особняка Бердамов.

— Значит, теперь это место католикам не принадлежит?

— Они сдают его в аренду и на эти деньги построили церковь Святого Антония, очень красивую и большую, и две католические школы. Старый Том арендует верхнюю часть холма без всякой надежды купить эту землю — надумай церковники этот холм продать, ему бы отказали в первую очередь.

— Вы знаете о моем доме гораздо больше, чем я!

Глядя на внушительный дорический портик, Китти подумала, как удачно старый Том выбрал место для своего дома в надежде, что его заполнит многочисленное потомство. Но у бедняги родились лишь сын и

дочь, причем оба, как считал Том, получились не слишком удачными. Дочь, совершенно отвязная девица, сбежала с каким-то никчемным красавчиком, едва ей исполнилось восемнадцать, и вцепилась в него, как репей. Сын, который был на несколько лет старше дочери, исчез в неизвестном направлении, когда его сестра, мать Джека Терлоу, только начинала ходить. Сын был от первого брака Тома, а девочку родила ему Ханна.

Так что этот чудовищный особняк в стиле викторианской готики с огромными окнами и покатой крышей так и не стал семейным гнездом. Он возвышался на плоской вершине Католического холма, отвернувшись от широкой плодородной долины, где расположилась Корунда, и глядя на север, где тянулась красноватая горная цепь и раскинулись бескрайние леса, окружавшие Сидней.

«Какая красота, — думала Китти. — Затянутые голубоватой дымкой дали, шум лесов, похожий на вздох гигантских легких, беспечно журчащие ручьи, багровые скалы, словно истекающие кровью. Все словно нарисовано художником».

— Жаль, что я не поэт, — сказала она, захваченная этим пейзажем. — Теперь я понимаю, почему вы пригласили меня так рано. На закате все это выглядит совершенно фантастически.

— Прямо дух захватывает, — умиротворенно произнес Чарлз. — Кажется, я осел здесь уже навсегда.

Внутри особняк выглядел еще более викторианским, что вряд ли могло порадовать любую хозяйку дома.

— Этот дом надо как следует распотрошить, — заметил Чарлз, проведя Китти в комнату, из которой он сделал некое подобие гостиной, хотя мебель была старой и неудобной, а туалет, как подозревала Китти, находился на заднем дворе. Насчет последнего Чарлз ее быстро успокоил.

— Здесь не было канализации, и прежде чем переехать, я установил самый современный септик и оборудовал туалеты и ванные комнаты. Из Сан-Франциско сюда плывет обогреватель, работающий на мазуте, а если он не справится, придется заказать еще один — я заметил, что в Австралии нет центрального отопления, а зимы здесь, видимо, холодные.

Сев чуть поодаль от Китти, чтобы видеть ее всю, он пригубил виски с содовой, и его глаза приобрели тот же золотистый оттенок.

— Я не собираюсь докучать вам своими планами на будущее, но надеюсь, когда мы поженимся, вы, в отличие от старушки Ханны, сумеете сделать из этого места по-настоящему уютный дом. Насколько я знаю, она мне не бабушка, и я буду вам весьма признателен, если вы расскажете мне о моей семье.

Китти улыбнулась, продемонстрировав свои ямочки.

— Вам нужна хорошая мебель, сэр, — сказала она, устраиваясь в кресле. — Что касается Тома с Ханной, то здесь говорят, что Бердамам вообще не везет с семейными гнездами. Но это скорее легенда, часть мифа, который о них создали. Все дело в рубинах. Двадцать семь лет назад их нашел здесь Тридби, который решил, что теперь весь мир у его ног. Название нашего города происходит от корунда, минерала, разновидностью которого являются рубины и сапфиры. Здешние рубины очень высокого качества — цвета голубиной крови, некоторые звездчатые и практически все без посторонних включений. Но вы, вероятно, и без меня это знаете.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил он, наливая ей херес. — Мне нравится звук вашего голоса, и к тому же вы умная женщина, что встречается не так уж часто. Впереди у нас целый вечер, который мы можем занять только беседой.

— Женщины не глупее мужчин, но их приучили думать, что ум для них — большой недостаток, поэтому они стараются его не демонстрировать. Но наш отец считал иначе. А вот мама пыталась придерживаться традиций, правда, без особого успеха.

— Так что там с рубинами? — мягко напомнил ей Чарлз.

— Ах да! Рубины... Тридби совершил типичную ошибку невежды. Сколотив состояние на рубинах, он стал почивать на лаврах. Его рубины встречались в камнях, вымываемых из гравийных пластов — в пещерах, на дне рек, в трещинах. Они не иссякали довольно долго. Но старый Том Бердам оказался умнее и стал искать основное месторождение. И он его нашел. Выработки Тридби со временем истощились, а Бердам продолжает находить рубины в неизменном количестве. Молва гласит, что они приносят ему прибыль порядка 100 000 фунтов в год, но вам, вероятно, известна более точная цифра.

— Хотите ее знать? — с улыбкой спросил Чарлз.

— Нет, — отрезала Китти, слегка удивившись вопросу. — Зачем столько денег? Даже не представляю, как можно их потратить.

Они перешли в столовую, где их уже ждали дворецкий и официантка. Были поданы кнели из омара, фруктовый салат и жаркое из телятины. Омара Китти восприняла с энтузиазмом, но вид телятины привел ее в ужас.

— Извините, но я не могу это есть, — заявила она, глядя в свою тарелку.

— Простите?

— Я не могу это есть. Из мяса сочится кровь.

— Но это же телятина.

— Она с кровью, — сказала Китти, отталкивая тарелку.

— Но телятину едят непрожаренной.

— Только не я, — с милой улыбкой возразила Китти. — Отправьте мясо на кухню и пусть его там как следует поджарят на сковородке. Иначе меня стошнит.

— Моя милая девочка, я не могу этого сделать. Мой повар немедленно попросит расчет!

— Тогда можно вместо этого мяса принести мне сэндвич с жареным беконом?

Ну и дела! Чарлз сидел, как громом пораженный. Как он мог не услышать все те звоночки, что звучали с момента его приезда, включая и тот безнадежно пережаренный бифштекс, за который он был вынужден принести извинения. Он был излишне розовым и, значит, пережаренным, а его гости решили, что он извиняется за то, что он слишком сырой! В Сиднее это блюдо готовили как полагается, но здешние провинциалы были слишком осведомлены о солитерах и прочих глистах.

Чарлз кивнул дворецкому, вывезенному из Сиднея:

— Даркс, попросите повара сделать для сестры Тридби яичницу с беконом.

— Только чтобы желтки были твердыми, как скала! — добавила Китти.

— Какие же у вас предпочтения в еде?

— Хрустящий жареный бекон со свежей белой булочкой. Сосиски с жареным картофелем. Рыба с ним же. Бараньи котлеты, хорошо прожаренные и с хрустящей корочкой. И мамины пирожные с кремом, — без колебания ответила Китти.

Она засмеялась, и в глазах ее вспыхнули фиолетовые искорки.

— Бедный Чарли! Такие грандиозные планы относительно женитьбы, а как вы собираетесь примирить жену со своим поваром? Они уж точно не уживутся.

— С такой диетой вы к тридцати годам превратитесь в бочку.

— Ерунда! Я же работаю как лошадь, мистер Бердам. Дело тут не в еде, а в том, как вы ее сжигаете.

— И за что я вас только люблю? — простонал Чарлз, обращаясь к старой уродливой люстре.

— За то, доктор Бердам, что я не вешаюсь вам на шею, как другие женщины. Вы слишком много о себе воображаете.

— Иногда самомнение вполне оправданно, тем более если оно основывается на реальных достижениях. Вы не слишком высокого мнения

о себе, потому что молоды и довольно зажаты. В Америке таких называют девушками из предместий.

— А вас бы там назвали маленьким Цезарем.

Подали яичницу, но два желтка в ней были жидковаты, и Китти отправила ее на кухню, распорядившись зажарить так, чтобы белки побурели. Чарлз в растерянности наблюдал, как его светский прием терпит катастрофу.

Но кофе, поданный в гостиную, был встречен вполне благосклонно.

— Сегодня вы совершили все мыслимые ошибки, — с улыбкой сказала Китти. — И это одна из причин, почему у нас так не любят помми. Вы не поинтересовались, что я люблю, потому что считаете меня невежественной провинциалкой, которую надо учить, что и как есть. Вы рассчитывали меня ошеломить и повергнуть в благоговейный трепет, чтобы я смиренно благодарила за преподанный урок хороших манер. Ваши гастрономические предпочтения имеют чисто финансовую основу: дорогое, значит, самое лучшее. А булочка с беконом — это так прозаично, не сравнить с кнелями из омаров. Я согласна, действительно не сравнить, потому что бекон гораздо вкуснее. А что касается вашего недожаренного мяса, то я вижу достаточно крови на своей работе, и мне вовсе не хочется, чтобы моя еда тоже кровоточила. Чем сырее мясо, тем больше в нем жира. Человек стал жарить мясо, чтобы вытапливался жир и хрящи становились заметнее. Во всяком случае, так учат медсестер. А врачей учат по-другому?

Лицо Чарлза вновь приобрело черты горгульи, но дело тут было не в уязвленном самолюбии. Просто он задумался, что такое надо сделать, чтобы заставить эту бесподобную женщину увидеть в нем человека, достойного стать ее мужем.

— Если бы я угостил вас хлебом с речной водой, вы, вероятно, отнеслись бы к ним благосклоннее, чем к этим дорогим деликатесам, которые я выбрал не с целью поразить вас или подчеркнуть вашу неискушенность, нет, я просто хотел показать, насколько высоко я вас ценю.

Чарлз старался говорить спокойно и обстоятельно, чтобы как-то развеять недоверие и подозрительность, которые по-прежнему владели Китти.

— Почему вы меня все время покусываете?

На лице Китти появилось усталое выражение.

— Чтобы вы перестали за мной ухаживать, Чарли. Вы... вы меня раздражаете. По-другому не скажешь. Я не испытываю к вам ни злости, ни отвращения, никаких сильных эмоций. Вы просто досаждаете мне, как

ресница, попавшая в глаз.

— Тогда зачем вы пришли ко мне сегодня?

— Еще одна попытка вынуть ресницу.

— Хотите уйти?

— Вы наконец оставите меня в покое?

Чарлз умоляюще вскинул руки:

— Но я не могу! Китти, вы не должны так просто сбрасывать меня со счетов! Что мне сделать, чтобы доказать свою любовь? Мы же созданы друг для друга. Можете смеяться, сколько угодно, но я вас безумно люблю и хочу, чтобы вы стали моей женой и самым близким другом. Я выну у вас из глаза эту ресницу, чтобы вы наконец увидели, что я тот человек, который вам нужен...

Чарлз стукнул кулаком по столу, и в его глазах полыхнуло пламя.

— Не говорите глупостей! И отвезите меня домой. Благодарю за просветительский ужин.

На этом все и закончилось. В молчании они вышли из дома и направились к красно-коричневому «паккарду». Чарлз открыл дверь и усадил Китти.

Всю дорогу до больницы они провели в ледяном отчуждении. Китти смотрела в окно, где фары выхватывали из темноты то огромный ствол дерева, то заросли кустов, то почтовые ящики у подножия холма. Потом замелькали уличные фонари на Виктория-стрит, и машина остановилась у больницы.

На этот раз Чарлз не успел открыть для Китти дверь. Выскочив из машины, она припустила по дорожке со скоростью медсестры, несущейся на помощь больному. Но это был не пожар и не кровотечение — просто она спасалась бегством от Чарлза Бердама.

Который вернулся домой и сидел среди руин того, что задумывалось как неотразимый соблазн, перед которым не может устоять ни одна женщина: внимание, забота и восхищение влюбленного мужчины. Самая изысканная еда, лучшие вина, вымуштрованные слуги — все это давало ей понять, что, выйдя замуж, она будет избавлена от любой домашней работы, кроме неограниченного средствами творчества, к которому взывала сама обстановка дома.

А он, оказывается, всего лишь досаждаст ей! Причем как что-то мелкое и неприятное — ресница, попавшая в глаз. Какая обидная метафора! Эта маленькая штучка доводит вас до исступления, пока вы не смоее ее водой или не поймаете на кончик марлевой салфетки. Наконец-то

вы избавились от этой гадости, какое счастье! И от него хотят отделаться столь же легко, банально и бездумно...

Уязвленный до глубины души, Чарлз в одиночестве переживал унижение — лишить его иллюзий относительно собственной персоны мог только лучший друг, а им-то он за всю жизнь и не обзавелся. Лишения, которые ему пришлось пережить в детстве — смерть матери и изоляция от не слишком надежного отца, — ожесточили его еще до поступления в школу. В Итоне, Бейллиоле и Гайсе он дружил только с самим собой. Его рост — а он всегда был самым маленьким среди одноклассников, сокурсников и коллег — мешал сблизиться с кем-нибудь из них. Он замкнулся в скорлупу высокомерия, непоколебимой самоуверенности и железной решимости превзойти всех своих высоких ровесников. Со временем он убедился, что ему вполне по силам блистать в обществе и поражать воображение окружающих. В окончательном варианте замкнутый одиночка трансформировался в приятного во всех отношениях мужчину с острым умом и железной волей. Если бы только не рост! Зная, что эта мысль приходит в голову каждому, кто его видит, Чарлз, как мог, скрывал свою досаду и чувство ущербности.

Он прекрасно отдавал себе отчет, что его страстная любовь к Китти в какой-то мере обусловлена ее ростом: над такой парой никто не будет смеяться — они оба маленькие, но все же не карлики, а Китти к тому же красива, как Прекрасная Елена, и может выйти замуж за любого, кто ей понравится, какого бы роста он ни был. Корунда ведь не Париж, и если Китти выберет его, он будет спокоен за свое реноме.

Подобные размышления приносили облегчение, и Чарлз предавался им весь вечер, медленно потягивая виски. То, что его любовная увертюра была с презрением отвергнута, повергло его в уныние, но не заставило напиться. Постепенно он переключился на другую напасть, которая беспокоила его даже больше, поскольку здесь от него не зависело ничего.

Надвигалась катастрофа, и Чарлза уже больше года терзало ее предчувствие, разделяемое очень немногими. Банк Англии нестабилен, на бирже тревожно. Ходят разные слухи. Государственный долг слишком велик, безработица растет — и в Австралии тоже. В стране экономические затруднения, вину за которые Чарлз возлагал на правительство. Австралийскому Союзу меньше тридцати лет, и его правительство не слишком опытно.

И тому есть яркие примеры. Например, локаут на северных угольных шахтах — там застрелили пятнадцатилетнего подростка! Федеральное правительство передало штатам слишком много полномочий, а они даже не

могут собрать подоходный налог. В основе государственного финансирования лежит политика, а не здравый смысл.

Это симптомы того, что Мельбурн ужесточает политику? Федеральное правительство сидит в Мельбурне уже двадцать пять лет, а за дело взялось только сейчас? Новый Южный Уэльс, где должны собираться налоги, размерами не уступает США и так же поделен на штаты, но вот плотность населения здесь совсем другая. Население сосредоточено в полудюжине больших городов, а в сельской местности народу мало. Корунда в этом смысле исключение. Непонятно, куда смотрят австралийцы. В их школах изучают британскую, а не австралийскую историю, и здесь просто не знаешь, к кому обратиться. Корунда изолирована от центральных властей так же, как Шотландия от Лондона!

В трубе завыл ветер, и Чарлз вздрогнул от неожиданности.

Сколько времени он уже здесь? Три месяца? Но местные жители уже смотрят на него, как на лидера. У него здесь родственные связи и деньги, именно поэтому он приехал в Корунду, когда решил начать новую жизнь. Вообще-то он собирался оставаться англичанином, ведь Австралия — это не Северная Америка. Американцы завоевали независимость в 1776 году, но в Канаде до сих пор сильно французское влияние, а в Южной Африке — голландское. В Австралии он сможет сделать политическую карьеру и даже стать премьер-министром.

В конце концов, отсюда до Канберры всего два часа езды. Но как туда попасть?

Прежде всего жениться на Китти.

Второе гораздо труднее и болезненнее: отказаться от своих английских замашек. Здесь они будут ему только мешать.

Часть четвертая

Катастрофа

30 октября сиднейские газеты сообщили, что акции на Нью-Йоркской фондовой бирже упали до минимальных значений, что привело к серии самоубийств — на Уолл-стрит люди выбрасывались из окон небоскребов. Захватывающая история! Но Нью-Йорк был далеко, и американские финансовые структуры вряд ли могли повлиять на Австралию в той степени, в какой это делали британские и европейские. Америка была иностранным государством с изоляционистской политикой и своими собственными проблемами.

Но Чарлз Бердам увидел события в истинном свете и вздохнул с облегчением. Да, это наконец случилось, но его капитал, так же как и больничные деньги, находится в безопасности. Лучше уж суровая реальность, чем месяцы мучительных ожиданий, когда упадет топор. Трудности побуждают к действию. И вряд ли все рухнет в одночасье. Чарлз и представить не мог, чем обернутся эти тревожные симптомы. Да, в Америке многие потеряют работу, а тем, кто ее сохранит, существенно урежут зарплату. Имущество станут продавать, но желающих купить его будет все меньше. В тот момент никто не подозревал, что случившееся на американском финансовом рынке обратит в прах все рынки мира.

Обед у пастора в компании Грейс Ольсен окончательно довершил картину, сложившуюся в голове у Чарлза; Грейс была последней из сестер, с кем он имел честь познакомиться. Но она лишь внесла очередную неясность в его представление о семействе Латимер. Тот же рост и сложение, что и у Эдды, но вот лицо и характер совершенно другие. Красивые серые глаза, с грустью смотрящие на мир, опущенные уголки часто кривящегося рта, стильное платье в серую диагональную полоску и склонность к постоянной болтовне, не идущей дальше детей, семьи — и Джека Терлоу. Когда Грейс говорила о Джеке, ее унылое лицо оживало, однако, как заметил Чарлз, пастор с женой ничуть не беспокоились по поводу этой дружбы.

— Бер был бы рад прийти, но он сейчас в Вагге и вернется только через месяц, — сообщила Грейс Чарлзу. — Он работает у «Перкинса».

— Ходит по домам и продает всякие мази и лосьоны, — с ехидной

улыбкой пояснила Мод.

Грейс вспыхнула.

— Он поставщик и занимает на фирме высокое положение, — резко бросила она.

— Ничуть не сомневаюсь, — поспешил ей на помощь Чарлз, пустив в ход одну из своих неотразимых улыбок.

Бедная женщина! Влюблена в своего коммивояжера и с трудом обходится без него. Джек Терлоу вряд ли претендует на ее супружеское ложе, он просто колет дрова и следит, чтобы она не покалечила себя или ребенка, занимаясь домашним хозяйством. Ведь Грейс так беспомощна.

В общем, она безобидна, чего нельзя сказать о Мод, этой сучке, которую совершенно не интересуют ни старшие близнецы, ни своя собственная дочь Тафтс. В ее миниатюрной фигуре проглядывались знакомые черты. Очень хорошенькая даже в своем возрасте, но одета безвкусно и не по годам — все эти рюшечки и оборочки говорят о том, что она тратит массу времени и денег на свою внешность. Какое счастье, что первый ужин у пастора пройдет в столь небольшой компании, у него будет время и возможность извлечь из встречи с этими дамами максимум пользы.

Глядя на эту слащавую горе-мамашу, Чарлз видел в ней некое подобие Китти, но сходство это было чисто внешним. По натуре они были полной противоположностью. Он с интересом отметил, что в этой семье верховодит пастор, а не его жена. Как ему это удалось?

Ужин был отличный: нечто среднее между парижскими деликатесами, которые готовил повар Чарлза, и меню ресторана «Парфенон» — копченый лосось с тонкими ломтиками хлеба с маслом, нежная жареная индейка, сырная тарелка и белый виноград без косточек.

— Мод такая практичная! — восхитилась Грейс, когда был подан кофе. — Она покупает индюшат и жарит сразу двух. Мне нравится, как она их готовит: кладет внутрь кислые фрукты и делает подливку.

Услышав этот комплимент, Мод расплылась от удовольствия — это она надоумила Грейс похвалить ее. Она сэкономила на мясе и выходила из положения, подавая индейку.

Чарлз терпеливо выслушал, какой у Грейс изумительный дом и замечательные сыновья — полуторогодовалый и пятимесячный.

— Жаль, что вы не привезли их с собой, — вежливо заметил он. — Кто же из нас не любит детей?

Ответ Грейс так и не прозвучал, потому что в разговор немедленно встряла Мод:

— Ее сестра Эдда не любит. Я сто раз тебе говорила, Грейс, чтобы ты

не подпускала ее к своим мальчикам! Она на них дурно влияет.

Теперь уже не только Грейс, но и Томас Латимер застыл от возмущения, а Чарлз так и не понял, что заставило Мод выносить сор из избы в присутствии постороннего человека.

— Эдда — просто Медуза! — прошипела Мод.

Пастор рассмеялся, и в его серых глазах зажегся огонек.

— Медуза Горгона! Это прозвище Эдда получила несколько лет назад, в тот день, когда мы с Мод устроили чаепитие для наших девочек по случаю начала их практики в больнице. Эдда спокойно и хладнокровно поставила ножку своего стула на голову семифутовой змее и сидела на нем, пока Китти не отрубила этой гадине голову каминным томагавком. Змея в предсмертной судороге исколотила Эдду хвостом, да так, что она вся была в синяках. Мод билась в истерике, и я был вынужден заниматься ею.

— А змея была ядовитая? — любопытствовал Чарлз.

— Смертельно ядовитая, учитывая ее размер.

— Тогда Эдда просто герой, — заключил Чарлз, улыбнувшись Грейс. — Прекрасный пример для ваших сыновей.

— И я так думаю, — согласилась Грейс.

— Мод тоже так считает. Правда, иногда она путает собственных дочерей с домашними работницами, — нахмурившись, сказал Томас Латимер.

— Так, значит, Китти тоже участвовала в битве со змием?

— Да. Каминные принадлежности были с другой стороны, поэтому Эдде пришлось обходиться ножкой стула. А Китти сидела с ними рядом и быстро сообразила, что делать.

— А вот я, как и Мод, ударилась в слезы, — печально сказала Грейс.

— Здесь нечего стыдиться, — возразил Чарлз. — Слезы вполне естественная реакция на испуг. Но только не для Эдды с Китти. У вас храбрые дочки, пастор.

— Да, такие уж уродились, — с гордостью ответил тот.

— Я собираюсь жениться на Китти, — будничным тоном сообщил Чарлз. — Но мне никак не удастся убедить ее, что я буду хорошим мужем.

На его лице мелькнуло грустное выражение, сменившееся ослепительной улыбкой киногероя.

— Но, будьте уверены, я ее завоюю!

Это заявление повергло всех в шок, как того и ожидал Чарлз. Интересно, как они среагируют? Грейс искренне обрадовалась; Мод не могла скрыть торжества — ее надежды блестяще оправдались; пастор был доволен, но с некоторой оговоркой — Китти должна решить сама. Он

слегка сомневался, и у него имелись вопросы.

— Грейс, пойдите с мамой в другую комнату и немного поболтайте, — распорядился пастор. — Нам с Чарли нужно поговорить.

Он взялся за графин:

— Еще портвейна?

— Благодарю вас, сэр.

— Почему же Китти упрямится? Вы для нее прекрасная партия.

— Насколько я понял, она мне не доверяет. А возможно, и себе тоже. Кстати, мне известны ее детские проблемы. Эдда мне все рассказала. Очень подробно и откровенно.

— Сколько вам лет?

— Тридцать три, немного больше, чем Китти. Ей ведь двадцать два?

— Муж должен быть старше жены, иначе он не сможет ею руководить, ведь женщины взрослеют раньше, — убежденно заявил духовный наставник обширной паствы. — Когда попираются традиции, это неизбежно сказывается на прочности брака. Если бы вы с Китти были одних лет, я бы возражал против этого брака, ведь молодые люди еще не готовы взять на себя ответственность за семью, а страдают от этого прежде всего дети. А ваши одиннадцать лет разницы придают вам авторитет, с которым жена будет считаться.

Говоря все это, пастор не переставал потягивать портвейн.

— Я рад, что вы выбрали мою дочь, но меня тревожит, что Китти вам не доверяет. Отчего?

— Если бы я знал, то легко устранил бы все ее опасения.

— Она боится, что вы будете ей изменять?

— Вряд ли, Том, тем более что я не давал ей ни малейшего повода заподозрить меня в донжуанстве. Она моя сотрудница и знает каждый мой шаг. Китти считает меня самоуверенным и высокомерным, что близко к истине, но я не считаю это недостатком. Мне кажется, она бы предпочла, чтобы я был притворно скромным и скрывал свои способности и таланты. А я не считаю это нужным.

— Вы верите в Бога?

— Я верю в Бога англиканской церкви, хотя не отношу себя к религиозным фанатикам, — объявил Чарлз. — Мне кажется, что любой человек, занимающий положение в обществе, должен регулярно ходить в церковь, так что по воскресеньям вы будете видеть меня на церковной скамье Бердамов.

Чарлз сделал паузу, а потом спросил уже совсем другим тоном:

— А что вы скажете о материальном положении здешней англиканской

церкви, пастор?

— Весьма неплохое. Корунда богаче других районов, потому что здесь не такой засушливый климат, и все состоятельные люди поддерживают свои церкви. А почему вас это интересует, Чарли?

— Потому что наступают тяжелые времена, Том. Благополучие этой страны во многом зависит от экспорта, главным образом пшеницы и шерсти. В Корунде нет ни того ни другого. Громадный спрос на форму и одеяла во время последней войны создал у австралийского правительства ложное чувство экспортного оптимизма. Но война закончилась десять лет назад, и теперь никому не нужно столько шерсти. К тому же засухи сильно сократили объем экспортируемой пшеницы. Правительство берег большие кредиты под экспорт. Но любой финансист скажет, чем грозит обвал американского фондового рынка. Кредиты нужно возвращать, а где взять на это деньги?

— А что же будет с больничными средствами? И с вашими собственными деньгами?

— Они в безопасности, хотя если австралийский фунт рухнет, средства больницы неизбежно пострадают. Но эту потерю можно будет восполнить. Мой капитал размещен в Англии.

Чарлз невесело рассмеялся:

— Возможно, я зря вас пугаю, Том. Пока рано говорить, насколько сильно разойдутся трещины. Но у меня предчувствие, что добром это не кончится, — вздохнул он.

— Я уважаю вашу интуицию, Чарли, но давайте вернемся к моей дочери. Вы хотите, чтобы я поговорил с ней?

— Нет, благодарю вас. Но мне бы хотелось, чтобы вы благословили наш брак.

— С радостью, мой дорогой!

— Теперь осталось уговорить Китти.

Мод, уставшая от ссылки, проскользнула обратно в столовую как раз вовремя, чтобы услышать последнюю фразу.

— Вы нравитесь Китти, Чарлз, — сказала она, первой назвав его как полагается. — Иначе она давно послала бы вас подальше, причем не стесняясь в выражениях. Вместо этого она приняла ваше приглашение на ужин. Ее оборона долго не продержится, уверяю вас. И тогда вы нанесете решающий удар!

Чарлз промолчал, но в душе его покорило.

Когда у власти было правительство консерваторов Стэнли Брюса, вся

его деятельность осуществлялась из Мельбурна. Через четверть века после появления Австралийского Союза столица страны Канберра все еще находилась не у дел. Но потом, за несколько дней до обвала Уолл-стрит, новое лейбористское правительство во главе с премьер-министром Джеймсом Скаллином на волне популярности решило обосноваться в Канберре. И на неопытных новичков свалились все последствия финансовой катастрофы.

После ужасов Первой мировой войны и двух последующих эпидемий инфлюэнцы, которые унесли больше человеческих жизней, чем военные действия, еще неоперившийся Австралийский Союз пустился в мотовство общественных работ. Большинство таких работ было организовано властями штатов по вполне понятным причинам: раньше каждый штат существовал как самостоятельная британская колония, и неискушенному центральному правительству было просто не по силам справиться с тремя миллионами квадратных миль пустыни. В конституции ничего не говорилось о людях, населяющих страну, и их правах. Это был документ о государственном устройстве, судебном праве, парламенте, штатах, Британском Содружестве, налогах, тарифах и торговле. Поэтому в те тридцать лет, что прошли с 1901 года, пока федеральное правительство копошилось в Мельбурне, каждый штат, образовав собственное правительство, делал то, в чем нуждались его жители, — открывал школы и больницы, строил автомобильные и железные дороги, мосты, дамбы и элеваторы. Был разработан грандиозный план адаптации военных, чтобы солдаты, вернувшиеся с войны, имели возможность заняться сельским хозяйством — главным источником национального благосостояния.

Все штаты брали кредиты, в основном на рынке капиталов в Лондоне, в колоссальных объемах и под высокие проценты. Падение мировых цен на зерно и шерсть привело к значительному спаду в австралийской промышленности и сельском хозяйстве. Занятость падала, а с ней и поступления в бюджет. И неожиданно для себя власти штатов поняли, что они больше не в состоянии платить проценты по своим лондонским кредитам. По времени это совпало с обвалом фондовой биржи на Уолл-стрит.

Экономисты, государственные чиновники и политики сошлись во мнении, что от катастрофы может спасти только жесткий контроль над денежными средствами путем сокращения расходов. Каждый сэкономленный пенс должен идти на выплату иностранных долгов. Премьер-министр Скаллин объявил, что федеральное правительство прекращает финансирование общественных работ и сокращает занятость.

Против был только Джек Ланг, лидер лейбористской партии Нового Южного Уэльса, который считал, что тратить надо больше, а не меньше, а количество рабочих мест увеличивать, а не сокращать.

Поначалу обвал на Уолл-стрит прошел в Корунде незамеченным и никто, кроме Чарлза Бердама, не придавал ему особого значения. Горожане читали в газетах, что происходит в больших городах, но Корунда долгое время оставалась своего рода башней из слоновой кости. Первые конвульсии Великой депрессии почти не повлияли на этот район. Работу теряли в Сиднее и Мельбурне, а здесь по-прежнему было безоблачно. Однако через несколько недель кто-то из местных выставил на шоссе Сидней — Мельбурн плакат, на котором крупным шрифтом было напечатано: «В Корунде работы нет».

Гораздо больший интерес вызывали отношения Чарлза Бердама и Китти Латимер. Если бы Китти знала, чего она хочет, все давно бы решилось так или иначе. Проблема была в том, что она все время колебалась и свое замешательство относила за счет нескольких факторов, включая и тот, что раньше ни один мужчина не домогался ее столь настойчиво. Чарлз привлекал ее, одновременно вызывая отвращение. И все же ее непонятным образом тянуло к нему. Подсознательно она чувствовала в нем нечто зловещее, но это никогда не выходило наружу. А чисто внешне это был превосходный, надежный и твердый, как скала, мужчина. И как ей было объяснить, что она пытается докопаться до его душевной боли? Найди она в нем нечто подобное, все стало бы на свои места, и она тотчас бы определилась. Ее собственное детство было омрачено нескончаемым страданием, которое причиняло ей то, чего она не в силах была изменить: ее внешность. Чутье подсказывало ей, что и он в детстве страдал — все его сверстники росли, а он оставался маленьким. И здесь причиной была внешность! Значит, он тоже испытывает душевную боль. Так почему он скрывает ее и не хочет поделиться с ней? Почему не пускает ее в свою душу? Она бы исцелила его, а он держит ее на расстоянии.

Поэтому, когда они встречались, что случалось довольно часто, Китти принимала оборонительную позицию, выпускала когти и была готова к бою. В ответ на любое не понравившееся ей замечание она шипела и огрызалась, словно кошка, к которой проявил интерес слишком общительный пес.

Эдда и Тафтс с бессильной тревогой наблюдали за их схватками.

— Они загрызут друг друга до смерти, — заметила Тафтс.

— Но почему они так ведут себя? Ведь они просто созданы друг для

друга.

— Это все Китти. Сначала я думала, что ее злит слишком деятельное участие Мод, но папочка уверил меня, что та ведет себя вполне пристойно. У Чарли есть черты, которых Китти не понимает, и это ее бесит.

— Похоже на то, — пожала плечами Эдда. — Я лично вмешиваться не собираюсь. Но Чарли мне жаль.

Тем временем Великая депрессия развивалась быстрее, чем роман Чарлза и Китти. Он еще не отважился поцеловать ее в губы, когда в Корунде закрылось несколько магазинов, оставив без работы и выходного пособия еще нескольких ее жителей. Найти новую работу было невозможно, даже в больнице не требовались люди. Федеральное правительство объявило, что выделяет штатам миллион фунтов для оказания помощи безработным, предоставив местным властям самим определять размер пособий. Это привело к массовым злоупотреблениям на муниципальном уровне, а возмущенные вопли пострадавших так и не были услышаны. Южная Австралия, находившаяся в отчаянном положении, получила больше других, что не вызвало особого гнева. Не меньший куш достался и Западной Австралии, но по причинам иного порядка: этот штат горел желанием выйти из Британского Содружества, поэтому Канберра решила умаслить его власти непомерно большими ассигнованиями. Она была полна решимости удержать в Содружестве весь континент.

— Двести семьдесят шесть тысяч фунтов — это огромные деньги, — сказала Китти, когда они с Чарлзом пили чай в коттедже. — И вероятно, большую часть получит Сидней. А Корунде что-нибудь перепадет?

— Скорее всего нет. Уровень безработицы здесь ниже, чем в других районах, даже с учетом недавних закрытий. Остаться без работы — хорошенький подарок к Рождеству!

— Отец сейчас все внимание уделяет сиротским приютам. Этот ужасный кризис в первую очередь ударит по детям. Но, надеюсь, у матерей детей не станут отбирать?

— Сейчас много самоубийств, Китти. И не только мужчины лишают себя жизни. Кроме того, некоторые женщины считают, что если они бросят своих детей, то в приюте их по крайней мере накормят, оденут и дадут крышу над головой.

Китти содрогнулась:

— Как жесток этот мир! Страшно подумать, как матери решаются оставлять своих детей. А ты, Чарли, когда-нибудь испытывал душевные страдания?

Он изумленно посмотрел на нее.

— Страдания? С чего бы это?

— Ну, может быть, в детстве? Ты ведь жил без родителей. — Ее голос упал до шепота: — И был не такой, как все.

Чарлз от души рассмеялся:

— Ох, Китти, а ты, оказывается, романтическая особа! Как я мог страдать из-за двух людей, которых никогда не видел? У меня было замечательное детство, ей-богу! У моей тетки — сестры моей матери — я жил, как в раю. Лучшего и пожелать нельзя! Они с мужем меня по-настоящему любили и относились ко мне, как к родному сыну.

— А то, что ты отличался от других? — продолжала настаивать Китти.

— Ты имеешь в виду мой рост?

— Да, и все остальное, что причиняло тебе страдания.

Подвинув стул, Чарлз взял руки Китти в свои — теплые, сильные и сухие.

— Мой дядя был еще ниже, чем я, и он воспитал меня в уверенности, что низкий рост — это не пожизненный крест, а вызов судьбы. И чтобы оправдать его доверие, я принял этот вызов. Что касается душевных терзаний, все это романтическая чушь. В основе греческих трагедий свойства человеческой натуры, а не физические особенности людей. Я Чарлз Генри Бердам, который в один прекрасный день станет сэром Чарлзом. Женщины обожают все драматизировать, для них это вполне естественно. А для мужчин нет. Я вовсе не страдал, а просто вырабатывал твердость духа и учился противостоять судьбе.

— Не понимаю, как это возможно. Человек не может не страдать.

— Вздор! — бросил Чарлз, постепенно раздражаясь от этого разговора. — Не испытывать горя, жалости и страха — вот это действительно не по-человечески. Я залил свою подушку слезами, когда умерла моя собака, до сих пор горюю по умершим дяде и тете, а когда какой-то головорез приставил к моей груди пистолет, я испытал неподдельный страх.

Его глаза потемнели и стали непроницаемыми.

— Ты, моя дорогая, уже три с половиной года работаешь сиделкой, и у меня есть все основания считать, что очень неплохой. Ты обожаешь детей — так почему бы тебе не завести своих собственных вместо того, чтобы наблюдать за ними сквозь мутное стекло?

У Китти перехватило дыхание, она в растерянности застыла. Здорово у него получается — ловко лишиться ее преимуществ и обратить все себе на пользу! В результате ее изыскания в области его психологии так ни к чему и не привели.

— Да, ты прав, — неохотно согласилась она. — Все это вздор.

Его лицо вновь стало неотразимым, на нем заиграла обольстительная улыбка.

— Прошу прощения, — мягко произнес он. — Я не хотел быть таким резким. Но ты сама напросилась! Я лично предпочел бы деликатное ухаживание, полное нежности и доброты, но у тебя безошибочный инстинкт убийцы, который мгновенно превращает тебя из очаровательной женщины в разъяренную дикую кошку. Каждый раз, когда это происходит, мне приходится эту кошку укрощать, а я по натуре не охотник.

Его лицо снова стало отталкивающим.

— Иногда я задумываюсь, так ли сильно я тебя люблю, чтобы и дальше терпеть все это. Честно говоря, не знаю.

— Возможно, дело тут в том, что Корунда слишком мала для тебя, и ты бы предпочел более значительное место. А я хочу жить только здесь и нигде больше.

— Да, у меня большие планы, но для их достижения вовсе не обязательно уезжать из Корунды. Я хочу выйти на политическую арену, лучше всего на федеральном уровне, а Корунда — прекрасная стартовая площадка. Отсюда всего два часа езды до Канберры.

Лицо Китти просветлело.

— Звучит вполне разумно.

— Так что, если ты выйдешь за меня, дорогая моя Китти, тебе не придется покидать насиженное место.

Взглянув на часы, Китти испуганно подскочила:

— Я уже опаздываю!

— Я провожу тебя до детского отделения, и тогда никто не осмелится возникать.

В самый последний момент Чарлз пригласил ее на очередной совместный ужин. И Китти, как всегда, согласилась.

Китти решила не спрашивать о судьбе личного повара Чарлза, поскольку на этот раз ее угощали мясной запеканкой с подливкой и картофельным пюре, но подозревала, что он по-прежнему обитает в Бердам-хаусе, поскольку запеканка была приготовлена из тщательно провернутой баранины с тмином, подливка напоминала соус, а пюре было нежным и легким. Она отослала его на кухню, заявив, что оно слишком водянистое, в нем нет перца и недостаточно масла. Чарлз был рад своей предусмотрительности — перед ужином он велел повару подготовить запасной вариант в виде жареной картошки. Поскольку повар, несмотря на

свои французские замашки, был все же австралийцем, он всерьез рассматривал возможность пройти обучение в «Парфеноне», чтобы овладеть тонкостями местной кухни.

— Мне понравилась запеканка, — снизошла Китти, когда они пили кофе в гостиной. — Правда, она немного резиновая и не крошится. Но на вкус совсем неплохая. Непонятно только, зачем превращать старую добрую картошку в какое-то молочное месиво?

— Если мы поженимся, мне, вероятно, придется расстаться с поваром.

— Вне всякого сомнения! В этом городе полно женщин, которые умеют вкусно готовить, причем так, как это принято здесь. Если мы поженимся, то будем есть местную еду, а не кровавое мясо и жиденькое пюре. И это даже не обсуждается.

— Ты сказала «если»?

— Сказала. Но «если» это еще не «да».

— И все же огромный шаг вперед. Значит, ты меня все-таки чуточку любишь.

— О любви пока рано говорить. Сначала надо понравиться.

— Я хочу тебя поцеловать, — заявил Чарлз, подходя к ее креслу и становясь на колени. — Люди начинают нравиться друг другу после какого-то общения, а я совершил ошибку, заявив, что люблю тебя, даже не узнав твоего имени. Я не уверен, что ты мне нравишься. Но одно я знаю наверняка: нам предназначено судьбой вступить в брак и прожить всю жизнь вместе. Здесь, в Корунде, питаюсь местной едой. Сложи оружие, прошу тебя! Не превращайся в дикую кошку у дверей будуара. Если ты и дальше будешь держать оборону, мы так и останемся на разных орбитах.

Китти улыбнулась:

— Это напоминает мне споры о существовании девятой планеты.

— Я верю в законы природы и в то, что люди являются ее частью, — серьезно сказал Чарлз.

Китти наклонилась к нему:

— Так поцелуй же меня, Чарли.

Прежде всего она ощутила его запах, неожиданно волнующий и даже пьянящий: аромат дорогого мыла и свежей мужской кожи без всякого намека на пот. Чуть сдвинув ее сжатые ноги в сторону, Чарлз осторожно обнял Китти и, поднимаясь с колен, повлек ее за собой. Стоять рядом с ним было очень комфортно — они были одного роста, и ей не пришлось тянуться вверх. Он был достаточно деликатен и не опускал рук ниже ее талии. «О, Чарли, почему у тебя всегда два лица? Порой Люцифер, порой Сатана, но оба — исчадия ада».

Он не стал подбираться к ее губам, бестолково тычась в щеку, а сразу поцеловал, легко и нежно, словно прикоснулся шелковистым перышком. И это было восхитительно! Она расслабилась, желание сопротивляться его напору исчезло, сменившись раскрепощенностью. Чарлз коварно вводил ее в соблазн, предоставляя возможность действовать самой. Когда она разомкнула губы, он сделал то же самое, и Китти обвила руками его шею.

Ей казалось, она парит в пространстве, полном воздуха и света, и когда рука Чарлза, соскользнув со спины, прикоснулась к ее груди, она, чуть застонав, прижалась к нему всем телом. Их поцелуй стал глубоким и страстным, чувства пришли в сладостное смятение, и Китти сдалась на милость победителя, который был и сам готов раствориться в ней без остатка.

А потом она вдруг оказалась на свободе. Чарлз стоял в противоположном конце комнаты и смотрел в окно.

— Тебе пора домой, — после долгого молчания сказал он.

Китти нашла перчатки и сумочку и пошла к выходу. Чарлз последовал за ней.

Когда на следующее утро Китти рассказала обо всем Грейс, та ничуть не удивилась.

— Ясно, что ты любишь его. Тогда чего же ты ждешь? — спросила она, поставив перед Брайаном тарелку с зеленым желе и сунув Джону в рот соску от бутылочки.

— Интересно, почему дети так любят желе? — удивилась Китти. — Стоит оно в десять раз дешевле сливочного крема, и там нет ничего, кроме сахара, который портит зубы. Но детишки его обожают, а от сливочного крема на яйцах воротят нос. Это просто абсурд!

Мать семейства взглянула на детскую медсестру с явным сожалением.

— Ей-богу, Китти, я иногда поражаюсь твоей глупости. Желе гораздо вкуснее, оно прохладное и не слишком сытное, а дети больше любят легкую еду. Им нравится, что оно тает у них на языке. И потом оно прозрачное и на солнце светится и блестит. И пожалуйста, не переводи разговор на другую тему. Говори прямо — ты выйдешь за Чарли или нет? Сколько можно тянуть?

Китти ушла от сестры с ощущением, что о желе она узнала гораздо больше, чем о замужестве, что было довольно забавно, но никак не помогало делу. Она не сомневалась, что Чарли любит ее, но вот любит ли его она? У нее не было ощущения, что без него она не сможет жить. Вот Грейс действительно не представляла своей жизни без Бера, что и

поддерживало эту глупую женщину на плаву.

Поцелуй открыл для Китти неведомые ранее удовольствия и сулил обрести возлюбленного, о котором мечтает каждая женщина.

Но брак — это не только плотские радости, и пример отца давал тому удручающее подтверждение. Отец никогда не говорил об этом, но дочери все видели и не переставали скорбеть. Это был поистине несчастный союз: четверть века пастор бы прикован к женщине, которую он не мог уважать, к жене, позорившей его своим поведением. Но для пастора брачные узы святы, и его дочь обязана столь же высоко держать планку. И дело здесь не только в слабости, просто Китти страшилась, что, дав обет верности, в один прекрасный день обнаружит, что связала свою жизнь с человеком, чье обаяние и внешние качества ввели ее в пагубное заблуждение.

Если бы он не был столь богат, если бы на нем не стояла печать успеха, самоуверенности и непогрешимости... Что же в нем было такого, что побуждало ее давать задний ход?

Она уже устала бороться. Но откуда в ней такая уверенность, что ей грозит опасность? Просто миллионер Чарли хочет подчинить ее себе, поймать и запереть в клетку дикую кошку — ее, в которой не было ничего кошачьего.

А потом Грейс пригласила Китти на утреннее чаепитие на новой веранде в компании Эдды и Тафтс.

— Ну, разве это не чудесно? — вопрошала она, с гордостью показывая сестрам веранду. — Бер с Джеком сделали мне подарок ко дню рождения.

Пустая прежде веранда приобрела застекленную крышу и была заставлена плетеными креслами и бесчисленными горшками с растениями — пышными папоротниками, цветущими бегониями и пальмами.

— Она выходит на юг, так что здесь никогда не бывает прямого солнца, — продолжала Грейс под одобрительные возгласы сестер. — Бер нашел в депо кусок стекла, и Джек помог ему вставить его в крышу, чтобы растениям хватало света и они могли цвести. Мне так нравится!

И она с видом королевы опустилась в большое плетеное кресло.

— У тебя действительно хороший вкус, Грейс, — доброжелательно заметила Эдда. — Твой дом — это что-то особенное.

— Рассаживайтесь скорее, — скомандовала Грейс. — Мы должны обсудить, что делать с Китти.

— Что тебя удерживает, Китс? — спросила Тафтс, устраиваясь в кресле.

— Боязнь потерять себя. У меня какое-то предчувствие, но я не могу его объяснить.

— Ты сомневаешься, что Чарли любит тебя? — спросила Грейс.

— Ни секунды.

Китти наклонилась вперед, как бы прося сестер проявить терпение и снисходительность.

— Мне кажется, все мои страхи основаны на том, что я просто не знаю, чего от него ждать... нет, дело не в этом. Просто я боюсь, что мы по-разному понимаем любовь. Я человек или собственность?

— Человек, — немедленно отозвалась Тафтс.

Остальные энергично закивали.

— Ты пойми, Китти, что Чарли никогда не выбрал бы себе невесту, как коллекционер выбирает русскую икону, — начала Эдда. — Он влюбился в тебя с первого взгляда, еще ничего о тебе не зная. Я бы назвала это зовом сердца. Если мне посчастливится встретить человека, который почувствует нечто подобное ко мне, я, вероятно, изменю своим принципам и выйду за него замуж. Химия вместо биологии, — усмехнулась она.

— От тебя никакой помощи, — протянула Китти.

— Как единственный здесь специалист по этому вопросу, могу предложить тебе мудрый совет, — с чувством превосходства сказала Грейс. — Брак — это совсем не то, что ты себе представляешь, Китти. Это полное единение и не только в физическом смысле. Поначалу муж и жена чужие друг другу — как же может быть иначе? А потом они объединяют свои идеи, мечты, деньги, разум и сердца. Я поначалу совершала ужасные ошибки, потому что была неопытна и слушала чужие советы. Брак — это нечто большее, чем совместное проживание двух людей. Ты должна поставить Чарли на первое место, а если не можешь, то лучше за него не выходи.

Эдда с изумлением посмотрела на сестру.

— Грейс, ты все-таки чему-то научилась!

Она повернулась к Китти:

— Дорогая сестренка, никто из нас не может решить за тебя. Ты должна сделать это сама. Но что бы ты ни решила и как бы ни обернулись дела, ты всегда можешь рассчитывать на нашу поддержку.

По щекам Китти покатались слезы.

— Спасибо, это как раз то, что мне нужно, — прошептала она.

Грейс дала ей кружевной платок.

— Какого цвета будут платья у подружек невесты? — с живым интересом спросила она.

Брайан решил воспользоваться моментом и вторгся к гостям с братишкой на руках, который стал уже тяжеловат для переноски, хотя его

старший брат не хотел этого признавать.

«Какие милые ребятишки, — подумала Эдда. — И у каждого уже свой характер. Такие же белобрысы, как их отец, те же светло-голубые широко поставленные глазки. А от Грейс совсем ничего нет».

Продолжая на них смотреть, Эдда заговорила:

— Китти, почему ты решила, что твое предназначение — быть детской медсестрой? Ты должна иметь своих детей! Целый выводок, дорогая моя! Ты же идеальная мать: разумная, в меру строгая и мягкая, олицетворение любви, теплоты и надежности. Подумай об этом.

— Согласна, — поддержала ее Тафтс, забирая у Брайана малыша Джона и усаживая его к себе на колени. — И за меня тебе тоже придется постараться.

— Итак, мы возвращаемся к вопросу о цвете платьев, — подытожила Грейс, вставая, чтобы идти на кухню.

Несмотря на уговоры сестер, в первое Рождество Великой депрессии Китти по-прежнему была далека от того, чтобы принять предложение Чарлза. Они продолжали регулярно встречаться, но в их взаимоотношениях наступила перемена: Китти остыла, перестала царапаться и замкнулась в себе. Чарлз, остро чувствующий любые нюансы ее поведения, впал в отчаяние, которое он тщательно скрывал. Он с железной решимостью стремился к успеху во всем, включая любовь, и не мог себе позволить проявить хоть малейшую слабость. Ввиду незначительного роста он ни при каких условиях не должен умять себя в глазах Китти — пусть остается в уверенности, что он ничем не хуже любого долговязого претендента.

Его действия на фоне экономических трудностей, начавшихся в конце октября, вызвали всеобщее одобрение, и его репутация в Корунде неуклонно росла. Чарлз не делал секрета из своих намерений использовать «больничный сундучок» для борьбы с безработицей, ведь для постройки новой больницы понадобятся рабочие. В качестве главного врача он посещал все публичные сборища в Корунде и не боялся высказывать свое мнение с галерки, даже если оно производило сенсацию.

Всем этим Китти не могла не восхищаться. Чарли не совершал промахов и вскоре стал весьма заметным и влиятельным гражданином Корунды, причем в сферах, не обязательно связанных с больницей. Это определенно указывало на то, что под обаятельной оболочкой скрывается железный характер бесстрашного, добропорядочного, умного и сильного человека.

Пастор с женой устроили рождественский семейный ужин, благо что

все три медсестры были свободны до второго дня Рождества. На него были приглашены Грейс с Бером, Эдда с Джеком Терлоу, Тафтс с Лиамом Финаканом и Китти с Чарлзом.

Зайдя в сестринский коттедж, чтобы забрать Китти, Чарлз застал ее в одиночестве — Тафтс и Эдда уже ушли.

Нежно поцеловав Китти, он вложил в ее правую руку небольшую кожаную коробочку.

— С Рождеством, дорогая, я надеюсь, ты будешь это носить. Война закончилась, я объявляю пожизненное перемирие. Здесь не может быть ни победы, ни поражения.

Китти догадалась, что там внутри, и, подобно Пандоре, сразу же открыла коробочку. В комнату словно заглянуло солнце — бриллиант сверкал всеми цветами радуги, преломляя свет своими многочисленными гранями.

— О! — потрясенно выдохнула Китти.

— В нем только два карата, но он абсолютно без дефектов и самой чистой воды. Я не нашел лучшего камня даже в Амстердаме.

Все сомнения исчезли. Китти протянула руку:

— Надень его, Чарли.

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Да.

— Мне прощается, что я имел наглость сам выбрать тебе кольцо?

— Конечно. Это же твое кольцо, которое ты даришь мне.

Венчание проходило в церкви Святого Марка в конце января 1930 года. Чарлз принял решение, которое расположило к нему всех мужчин, наблюдавших церемонию. Мод настаивала на смокинге или фраке, которые следовало выписать из Сиднея, но Чарлз твердо возразил, что костюм-тройка гораздо практичнее. Какое облегчение!

На Китти было белое атласное платье с веерным шлейфом, так искусно скроенным, что его не надо было нести. Платье было расшито мелким жемчугом и выглядело гораздо скромнее, чем того хотела Мод. Но Китти предпочла отдаться в руки Эдды.

Три подружки невесты были в светло-лиловом и с розовыми орхидеями в руках. Мод, как и следовало ожидать, утопала в рюшечках и оборочках, но больше никто не последовал ее примеру, что несколько подпортило ей настроение.

В церковь набилось полно народу — те, что не уместились, столпились у входа, и на них просыпался дождь из разноцветного конфетти, позже разнесенного ветром по всей округе.

Поскольку пышная свадьба была пастору не по средствам, а от помощи Чарлза он категорически отказался, публике пришлось удовлетвориться одним венчанием. Еще одно огорчение для Мод, которой не удалось в должной мере блеснуть своей розовой кисеей.

Ввиду тяжелых времен новобрачные отказались от свадебного путешествия. После скромного приема у пастора они отправились в Бердам-хаус, чтобы начать там супружескую жизнь.

Поначалу простые люди, не имевшие дела с биржами и акциями, пребывали в уверенности, что экономические трудности носят временный характер и вряд ли их сильно затронут. В частности, такое мнение превалировало в Корунде, жители которой позже других почувствовали всю тяжесть произошедших перемен. Увольнения не сыпались, как листья, срываемые порывистым ветром, хотя газеты утверждали, что в Сиднее и Мельбурне дело обстоит именно так. Защищенные от ужасов Великой депрессии либеральным подходом Чарлза Бердама к своему и больничному капиталу, жители Корунды сохраняли свои рабочие места и даже находили новые.

Чарлз решил перестраивать больницу в полном объеме и как можно скорее. Ему и в голову не приходило, что есть какие-то другие подходы, кроме создания рабочих мест и возвращения людей к активной деятельности, хотя ему, возвращенному в лоне лондонского Сити, следовало бы поостеречься. Только позже до него дошло, что классические экономические теории диктуют несколько иное.

В Корунде было полно плотников, водопроводчиков, столяров, каменщиков, электриков, штукатуров, квалифицированных рабочих и садовников. Когда Джек Терлоу сообщил Чарлзу, что в Корби можно добывать глину для кирпичей, тот воспринял это с большим энтузиазмом, ведь это означало, что главный строительный материал можно производить на месте, а не возить издалека. Сколько новых рабочих мест!

Многие, и прежде всего больничный персонал, были крайне недовольны, что за основу берется старая планировка с пресловутыми дорожками и переходами между зданиями. Чарлз не поскупился и заказал проект современной больницы в сиднейской фирме, которая занималась исключительно проектированием, так что у него имелась трехмерная модель, которую он мог продемонстрировать недовольным, чтобы они убедились, насколько удобными будут новые переходы. Но противники старого сарайного дизайна оставались непоколебимы. Они желали, чтобы для больницы выстроили современное многоэтажное здание. Но вскоре

жители Корунды убедились, что Чарлз такой же упертый, как все Бердамы, и не привык церемониться со своими оппонентами.

— Можете скулить и хныкать хоть до второго пришествия, — заявил он в муниципалитете, где собрались две сотни протестующих. — Это ничего не изменит. Городская больница Корунды будет образцовым учреждением. Я не могу допустить, чтобы мои пациенты подвергались риску, поднимаясь на лифтах, — здесь вам не Сидней! А если вы будете и дальше мутить воду, я заставлю вас подчиниться! Строительство больницы в том виде, который предполагает проект, дает людям работу, потому что стройматериалы можно производить здесь, а не тащить бог весть откуда! От этого зависит благополучие Корунды! Нравится вам это или нет, леди и джентльмены, но я, Чарлз Бердам, являюсь главной движущей силой этого предприятия! У меня в голове масса идей, как сделать проект функциональным даже для тех, кто не желает совершить лишний шаг, но я не намерен посвящать вас в свои планы ни сегодня, ни в будущем. Вы этого не заслуживаете. Скажите спасибо, что я даю людям работу! А теперь вы свободны!

— Не слишком дипломатично, Чарли, — сказала Китти, беря мужа под руку и со смешком целуя его в щеку. — Но я получила такое удовольствие! На всех не угодишь, есть люди, которые вечно недовольны.

— Думаю, твой отец будет доволен, когда узнает, что я потрачу часть больничных денег, чтобы организовать медпункт в сиротском приюте.

— О, Чарли, как это здорово! И главное, своевременно.

Смиранный член бывшего попечительского совета, преподобный Томас Латимер превращался в грозного льва, когда дело касалось сиротского приюта. Его огромное здание в викторианском стиле, чем-то напоминавшее особняк Бердамов, было построено в Корунде в те времена, когда в моде было течение, согласно которому сироты должны воспитываться в сельской местности, где они будут дышать свежим воздухом, приобретать сельскохозяйственные навыки и выращивать кое-какие продукты для собственного потребления. Это поветрие захватило всю страну, и судьбу сирот стали решать сиднейские чиновники. Большинство подобных учреждений существовало на частные пожертвования и управлялось церковью, но приют в Корунде был государственным. Теперь, когда над страной навис топор повсеместной экономии, который обтесывал полена государственных субсидий до тонких лучинок, приют оказался в отчаянном положении. Почти ежедневно из Сиднея туда посылали новых сирот, и несчастный приют уже трещал по всем швам.

Томас Латимер вплотную занялся этой проблемой, проявив редкий талант в деле объединения конфессий. В марте 1930 года пастор сумел встретиться с высшим командованием Армии спасения и собрал отряд из священнослужителей разных религий для благородного дела помощи сиротскому приюту, одиноким матерям, нищим старикам и другим нуждающимся. У монсеньора О'Флаерти имелся викарий, отец Боган, обладавший гениальными организаторскими способностями, и с подачи пастора Латимера он стал координатором всей благотворительной деятельности, что позволяло избегать ненужного дублирования и соперничества конфессий.

Мод Латимер поставили в жесткие финансовые рамки, а все ее жалобы игнорировались.

— Перестань ворчать, Мод, — твердо заявил пастор. — Ты ни в чем не нуждаешься, а бедные сироты лишены всего. И Билли Марсик будет играть у нас на пианино, потому что у него большой талант.

— Большой талант, чтоб ему провалиться! — возмущалась Мод, когда на следующий день ее пришла навестить Тафтс. — Этот грязный свиненок написал в мою хрустальную вазу!

— Хорошо, что не на ковер, — скривив губы, парировала Тафтс. — Это говорит о том, что у него тяга к прекрасному.

— Ты ничуть не лучше своего отца!

— Перестань, мама! За все эти годы ты так и не сумела его понять. Папа наскребает деньги, чтобы купить сиротам зимние ботинки. Они же не могут зимой ходить босиком. Хватит ворчать, мама.

— Я никогда не ворчу, — поморщилась Мод.

И вдруг как-то странно захихикала.

— Вы видели мою малышку Китти? Какой изумительно красивый ребенок, правда?

Тафтс от неожиданности поперхнулась, но быстро взяла себя в руки, опасаясь, что мать заметит ее реакцию. К счастью, Мод ничего не заметила. Что она такое несет?

Уходя, Тафтс столкнулась с отцом, выходящим из гаража.

Когда взаимные приветствия закончились, она спросила:

— Папа, у мамы все в порядке с головой? Я и раньше кое-что замечала, но сегодня...

Длинное красивое лицо пастора, такое же, как у Эдды, вдруг застыло, в глазах мелькнуло беспокойство.

— Твоя мама в полном порядке, дорогая.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Она говорила о Китти? Я так и думал. Замужество дочери выбило ее из колеи.

— Но она же всегда мечтала о богатом муже для Китти!

— Наши мечты эфемерны, Тафтс. Жизнь вносит в них свои поправки.

— Но, папа, при любом раскладе Китти не живет дома уже с апреля 1929 года. — Тафтс положила руку отцу на плечо. — Мама слегка повредила в уме, и ты об этом прекрасно знаешь.

У австралийских журналистов был только один способ оценить размеры безработицы, поскольку в правительстве считали, что это слишком незначительное явление, чтобы собирать по нему статистические данные. Но существовала группа людей, которая вела подобный учет — это были профсоюзы, для которых такие цифры были весьма значимы. Поначалу каждый отдельный профсоюз не слишком интересовался ситуацией у соседей, но, объединившись в федерацию, они быстро поняли, насколько важно иметь полную картину. Центральный совет регулярно сообщал тревожные показатели в процентном выражении, и на этой шаткой основе делались выводы о количестве безработных в Австралии.

Считалось, что в профсоюзах состоит лишь половина работающих, остальные не видели в этом необходимости, не хотели платить профсоюзные взносы или не находили для своей профессии подходящего профсоюза. Поэтому газеты и журналы, не имея другого выбора, прибегали к приближенному подсчету: безработица среди членов профсоюзов попросту умножалась на два.

К концу 1929 года из каждой сотни работающих по крайней мере пятнадцать потеряли работу.

Безработица сопровождалась страшными лишениями, поскольку людей повсеместно выкидывали из их домов. На окраинах больших городов появилось множество лачуг, в которых ютились жены и дети безработных. А сами они, завернув в одеяла свой нехитрый скарб, отправлялись за тысячи миль от дома в поисках того, что Австралия не могла им дать, — работы.

Правительство и финансисты единодушно считали, что преодолеть эти невзгоды можно только одним путем — введя режим строгой экономии. Это означало, что государственные, а вслед за ними и частные компании будут максимально урезать любые расходы: никакого нового строительства и рабочих мест, резкое сокращение занятости и снижение зарплат. Правда, раздавались отдельные голоса, утверждавшие, что для того, чтобы выйти из Великой депрессии, правительство должно тратить деньги на новые

инфраструктуры, но в 1930 году их никто не слышал.

Занятость, а не урезание расходов — вот ключ к выходу из кризиса. Так считал заклеянный ренегатом член Лейбористской партии Нового Южного Уэльса Джек Ланг, который также утверждал, что выплатить иностранные долги Австралия сможет лишь в том случае, если ее жителям будет на что жить. Но никто в обществе не понимал, что все предыдущее развитие происходило за счет иностранных займов, которые вдруг нечем стало отдавать. В результате правительство в качестве недвижимого имущества заложило собственный народ.

Рядовые домохозяйки вроде Грейс Ольсен не располагали достаточной информацией, чтобы делать выводы относительно финансовых неурядиц, а она была практически отрезана от мира. Проживая на Трелони-уэй в прекрасно обставленном доме, она постепенно приобретала положение в обществе благодаря сочетанию качеств, не характерных для здешних жителей. Грейс знала, как заботиться о женском и детском здоровье, умела заполнять анкеты и писать письма, требовательные, нежные или любые другие, имела представление о муниципальных учреждениях и службах и при этом не задирала нос.

К концу 1929 года Бер существенно ограничил расходы жены: с несчастным видом он объявил ей, что надо как-то компенсировать расходы на мебель, а значит, на хозяйство теперь будет выделяться меньше денег. Никакой новой одежды, штор и дорогого мяса, а Джон вполне может донашивать вещи Брайана. Потрясенная Грейс тем не менее кротко согласилась.

У Бера так и не хватило духа сообщить, что его доходы резко упали: люди перестали покупать товары у «Перкинса», за исключением тех, без которых они не могли обойтись — мазей, притираний и мозольных жидкостей.

Половину коммивояжеров уволили, и Бери приходилось вдвое больше ездить. Его путевые расходы были урезаны до уровня элементарного выживания, и он постоянно спал в машине, только раз в неделю ночуя в отеле, чтобы помыться и постирать.

В его глазах появилось затравленное выражение, он выглядел измученным, а его обычная веселость исчезла без следа. И это удерживало Грейс от протестов. Для Бера наступили тяжелые времена, но Грейс еще не понимала, насколько это серьезно.

Поэтому она обратилась к Джеку Терлоу, постоянному, как восход солнца:

— Ты не знаешь, что случилось с Бером?

Долгое общение с Грейс приучило его держать свои эмоции при себе, не показывая виду, что он чем-то озабочен.

— Не понимаю, о чем ты, Грейс.

Она пожала плечами:

— Он изменился. Потерял чувство юмора. Бер был такой весельчак, а сейчас даже не улыбается. Говорит, что дела идут неважно. Вероятно, так оно и есть, раз он урезал расходы на хозяйство. Но мне он ничего не рассказывает.

— Ну и правильно делает, — улыбнулся Джек. — У его компании трудности, это же ясно.

— Но он велел покупать Брайану одежду на вырост. Он хочет, чтобы наш сын выглядел как оборванец — в подвернутых штанах и с засученными рукавами? И в штопаных-перештопаных носках?

— Меня тоже так одевали в детстве, хотя мои родители были вполне обеспеченными. Не одежда красит человека. Грейс, — безапелляционно заявил Джек. — Брайан симпатичный парнишка и останется таким в любой одежде. А ему самому начихать на подвернутые штаны.

Обескураженная Грейс больше не задавала вопросов, но когда ее навестила Эдда, она не удержалась от жалоб:

— Приходится трястись над каждым пенни, а мне это как нож по горлу. Брайан выглядит как беспризорник — это просто скандал! А малыш Джон не вылезает из обносков. Что скажут люди?

— Твои сыновья ничем не отличаются от других детей. Ты рассуждаешь, как Мод, — без всякого сочувствия отрезала Эдда. — Могло быть и хуже, неужели ты не понимаешь? Пока «Перкинс» не разорится, у Бера будет работа. Он ведь помимо зарплаты получает комиссионные с продаж, неудивительно, что его доходы упали. Собери чай, Грейс. Я принесла от родителей сухое печенье.

— Ну, разве это не примета времени? — вздохнула Грейс. — Больше никаких сдобных булочек с джемом и кремом, только сухое печенье. Его хорошо макать в чай, оно не размокает.

— Поэтому я его и принесла. Брайану с Джоном это понравится.

После того как чай был выпит, а печенье съедено, Грейс вытерла белобрысые мордашки и вернулась к теме отсутствия денег.

— Как ты думаешь, когда Бер снова начнет зарабатывать нормально? — спросила она, вытирая кухонный стол.

— Послушай Грейс, хоть ты и нытик каких мало, но с домом справляешься отлично даже без прислуги.

— Все бы отдала, чтобы ее вернуть, но даже я понимаю, что прежнего

рая не воротишь, — кисло произнесла Грейс. Она не любила, когда ее называли нытиком. — Сколько еще нам терпеть?

— Чарли Бердам считает, что несколько лет.

— Ха! Он-то по-прежнему купается в деньгах!

— Верно, но он дает работу многим людям, да и Китти тоже. Ты же знаешь, сколько в Вест-Энде брошенных жен. О женщинах никогда не вспоминают, словно мы не существуем вовсе, или же смотрят на нас как на рабынь. В нашей отсталой стране есть только одно пособие для женщин моложе шестидесяти, да и то только в Новом Южном Уэльсе — социальная пенсия для вдов, причем совсем мизерная. Все остальные штаты осуждают нас за мотовство. Наш штат больше всех задолжал Лондону, но если бы федеральные средства делились по справедливости, нам бы не пришлось так много занимать. Виктория и Западная Австралия всегда получают больше других.

Наклонившись вперед, Эдда энергично тряхнула сестру.

— Не впадай в уныние! Это очень важно! Возможно, настанет день, когда тебе понадобится все твое мужество. Не раскисай и не вешай нос!

Во время конной прогулки вдоль берега реки Эдда, расстроенная апатией и недалекостью Грейс, не переставала думать о сестре. Но когда они с Джеком вошли в его спальню в Корундубаре, она выкинула из головы все проблемы, чтобы в полной мере насладиться близостью с ним. Несмотря на длительную связь, его тело, знакомое до мелочей, по-прежнему приводило ее в восторг. И столь же желанна была для него она.

— Почему мы до сих пор вместе? — спросила Эдда.

— О, это просто, — ответил Джек, с наслаждением затягиваясь сигаретой. — Ты утонченная соблазнительная женщина, не желающая связывать себя узами брака. Это просто счастье иметь любовницу столь высокого полета. Большинство мужчин довольствуются шлюхами, а ты, Эдда, никогда ею не станешь, даже если у тебя будет сотня любовников.

— Почему? — спросила Эдда, потягиваясь всем своим обнаженным телом.

— Проституция — это образ мыслей, при котором женщина требует платы за свои услуги. И не обязательно деньгами, это могут быть любые материальные и нематериальные блага, но в любом случае заключается сделка. Проституткой женщину делает не секс, а то, как она его расценивает. Мужчины тоже продают себя, но секс — это не их орудие.

— Весьма оригинальное и глубокое суждение для простого скотовода. Но надо признать, именно твой интеллект меня и привлекает. С тобой

всегда интересно. Ты отлично выращиваешь картошку, но это никак не отражается на твоём образе мыслей. — Эдда закинула руки за голову. — Значит, тебя ко мне тянет?

— Как обжору к шведскому столу.

— Правда, у меня маловато за пазухой, — шаловливо улыбнулась она.

— Все, что не помещается в рот, уже лишнее.

— Пойдем, потрешь мне спинку, лентяй.

Они обожали принимать душ вдвоем, после чего Эдда меняла одежду, пропахшую лошадиным потом, и садилась с Джеком на кухне, чтобы выпить холодного пива, которое он держал на собственноручно замороженном льду.

— Чарлз Бердам теперь местный герой, — заметил Джек.

— Мой достопочтенный зять действительно герой. Рим строился не за один день, и наша больница не исключение, но он по крайней мере начал что-то делать и вряд ли остановится, пока не доведет все до конца. Деньги на это есть. — Эдда с теплотой — почему не с любовью? — посмотрела на Джека. — Благодаря тебе у нас будут свои кирпичи. Никто и не подозревал, что в Корби есть глина.

— Старый Том знал об этом. В Корби земля неплодородная, поэтому он не расширял свои владения в ту сторону. Ее вообще никто не хотел брать.

— Как ты думаешь, Джек, куда метит Чарли?

— Не понял.

— Он вряд ли ограничится Корундой. Ты не заметил, что все его добрые дела имеют политическую подоплеку? Когда он узнал, что обитателям Вест-Энда не на чем добираться до Корби, чтобы делать там кирпичи, он поехал в Сидней и купил старый двухэтажный автобус. Наши местные механики будут счастливы поддерживать его в рабочем состоянии, если проезд станет бесплатным — неплохо придумано, правда? Чарли вполне по карману купить новый автобус и платить механику. Но если он надумает баллотироваться в парламент, за него проголосует весь Вест-Энд, к какой бы партии он ни примкнул. Он создал новые рабочие места и обеспечил к ним проезд. И все это обошлось ему в какую-то сотню фунтов.

— Тебе не кажется, что ты торопишься с выводами?

Эдда громко фыркнула:

— Ты только посмотри, что делается у нас в стране! В Сиднее митингуют безработные, и их разгоняет полиция, федеральное правительство, это скопище идиотов, перекладывает ответственность на штаты и не находит ничего лучше, чем объявить, что один из директоров

Банка Англии осчастливит нас своим приездом, чтобы дать совет, что делать с экономикой. Западная Австралия снова пытается отделиться, и я желаю им успеха — хуже, чем сейчас, им уже не будет. Австралийский фунт обесценивается, а Джимми Скаллин дал пинка государственному казначею, потому что тот оказался жуликом! И это правительство, я тебя спрашиваю? Нет, это нечто жалкое и ничего, кроме презрения, не вызывающее.

— Мне так нравится, когда ты негодуешь, — засмеялся Джек, целуя Эдде руку. — Насчет политики ты совершенно права, но как именно Чарли Бердам собирается вписаться в этот пейзаж?

— Не будь болваном, Джек. Я же тебе уже сказала. У него большие политические амбиции, мне кажется, он нацелился на федеральный парламент в Канберре. Дistinguished Чарлз Бердам, премьер-министр Австралии. Но пока я не вижу, к какой партии он примкнет. Учитывая происхождение и состояние, он должен быть тори, но у него духовное родство с рабочим классом, так что ему прямая дорога в правое крыло Лейбористской партии.

— Но он не может быть премьер-министром! — в ужасе воскликнул Джек. — Он ведь помми, а не местный!

Эдда насмешливо посмотрела на него:

— На этот счет в нашей конституции нет никаких ограничений, хотя их следовало бы ввести, как это сделали американцы. Амбициозного политика вряд ли остановит английское происхождение.

— Ты права. Об этом будут умалчивать или вообще замнут.

Возвращаясь домой в конце июля 1930 года, Бер Ольсен приехал в Корунду на дневном сиднейском поезде в вагоне второго класса, а потом три мили шел пешком к своему желто-зеленому домику на Трелони-уэй, с трудом таща чемодан, словно он весил не меньше тонны. Он низко надвинул шляпу, чтобы скрыть под полями красные, распухшие от слез глаза. Поезд шел пять часов, останавливаясь на каждой станции, и за это время он выплакался всласть. И что за дело, если его слезы видели попутчики? Их было не так уж много — в те дни мало кто мог позволить себе билет даже во второй класс. Теперь не мог позволить и он, но желание как можно скорее попасть домой пересилило соображения экономии. Еще успеет потаскаться по пыльным дорогам с убогим скарбом в руках.

Сыновья играли на заднем дворе — поднимаясь на веранду, Бер слышал их счастливые голоса и внутренне сжался от предстоящей встречи. Грейс была на зеленой веранде, он слышал, как она там напевает. Как же

она любит этот райский уголок!

— Грейс! — позвал он из гостиной, уронив на пол чемодан.

— Бер! О, Бер! — воскликнула она, вбегая.

Повиснув у него на шее, она чмокнула его в небритый подбородок.

— Я не слышала, как ты подъехал. Ты оставил машину на улице?

— Нет больше машины, — с трудом выговорил он, снимая шляпу.

Взглянув мужу в лицо, Грейс вздрогнула:

— Что случилось, Бер?

— «Перкинс» разорился, — безжизненным тоном сообщил он. — Теперь у меня нет ни работы, ни машины, ни выходного пособия. Только почетный диплом лучшего продавца в Австралии. Я больше не буду продавать вещи, без которых люди могут обойтись. Да мистер Перкинс меня и не просит. У них полный обвал.

Обняв мужа за талию, Грейс повела его в свой зеленый рай, усадила в плетеное кресло и, придвинув стул, села рядом, взяв его руки в свои.

— Ты найдешь другую работу, — сказала она, глядя в его заплаканные глаза.

— Нет, Грейс, не найду. Я десять дней бегал по Сиднею со своим дипломом в руках, но там вообще не требуются продавцы. Люди перестали покупать. Это просто кошмар, Грейс! Безработные на каждом шагу. Тысячные очереди за каждым рабочим местом. Полицейские вооружены, чтобы подавлять беспорядки, магазины заколочены досками, дома стоят пустые, там нет ничего, ни воды, ни света, чтобы их не занимали бездомные. Если бы Армия спасения и церковники не раздавали бесплатно еду, в Сиднее все бы уже повымерли. Во всяком случае, в тех местах, где я бывал. В некоторых районах дела обстоят получше, но безработные туда не ходят, потому что там нет заводов и фабрик. — Из глаз его снова потекли слезы. — Господи, я думал, что уже выплакал все, что мог.

Грейс втиснулась в кресло рядом с мужем и прижала его к груди, удивляясь своему хладнокровию.

— Успокойся, Бер. Ты уже дома, — сказала она, вкладывая в это короткое слово всю свою любовь. — У тебя здесь семья, хорошие знакомые. Чарли найдет тебе занятие, он уже дал работу многим людям.

— Но только не продавцам.

Вытащив платок, Грейс протянула его мужу.

— Но можно же заняться чем-нибудь другим, дорогой. Во всяком случае, временно. Пока не настанут лучшие времена, ты можешь, например... ну, много всяких вариантов!

— Грейс, ты же знаешь, что сейчас можно найти только тяжелую

физическую работу. Я стал продавцом, когда был еще безусым юнцом, и все, что я умею, это ходить, говорить и ездить на машине. Я не смогу таскать мешки с зерном или махать киркой и лопатой, чтобы заработать на пропитание. — Он замолчал и снова заплакал. — И потом я не собираюсь использовать свое знакомство с богатой шишкой, чтобы получить работу, за которую дерутся тысячи людей. Нет уж, я не пойду ни к Чарли Бердаму, ни к Джеку Терлоу, ни к твоему отцу.

Грейс в смятении посмотрела на мужа: уголки прежде всегда смеющегося рта уныло опустились вниз, щеки ввалились, на шее ходил острый кадык. Когда же он ел в последний раз?

— Пойдем на кухню, я тебя покормлю, — сказала она, поднимая его с кресла. — Мальчики уже пообедали, так что я не буду говорить им, что папа вернулся, пока ты не поешь, помоешься и переоденешься во все чистое. Поверь мне, ты почувствуешь себя совсем другим человеком.

В кухне она подвела его к своему рабочему столу и стала резать хлеб.

— Видишь? Никакой ветчины и консервированного лосося! — Она весело рассмеялась. — Только мой домашний джем, рыбный паштет или белковая паста, а ящик для льда я убрала в гараж. Эдда отдала мне свой старый, он маленький, и для него нужно меньше льда.

Почему он опять плачет? Будто ничего не замечая, Грейс наделала бутербродов с рыбным паштетом, и пока Бер их ел, запивая чаем, она налила ему горячую ванну. Поев, вымывшись и побрившись, Бер был готов предстать перед сыновьями.

«Только бы он не расплакался у них на глазах», — переживала Грейс.

Бер не расплакался. Он отсутствовал так долго, что едва узнал своих сыновей. Брайану исполнилось два с половиной года; высокий и стройный, как его родители, он по-прежнему был белобрыс, но волосы его стали чуть менее льняными. А Джон был копией Брайана, когда тому был год и два месяца — подвижный, говорливый, деловой, любопытный и очень милый. Бер нашел в себе силы вести себя, как обычно. Он смеялся, кружил сыновей, шутливо шлепал их и даже подарил Брайану головоломку, а Джону — поющего волчка. Разве отец может вернуться домой без подарков?

— Где в Корунде биржа труда? — спросил он у Грейс, когда ребята занялись игрушками.

— Там только тяжелая физическая работа. Они дадут тебе пособие, но для этого нужно вкалывать. Квалифицированные специалисты никому не нужны. Мало кто может так ишачить, но пособие все равно берут, а потом делают вид, что работают.

— Я не буду брать пособие! Ведь так работать я все равно не смогу.
— Чарли найдет для тебя что-нибудь достойное.
— Я не собираюсь пользоваться случаем и клянчить у Чарли. И не будем об этом.

К счастью, напряжение последних двух недель лишило его сил, и в пять он уже спал в их супружеской постели. Мальчишек Грейс тоже отправила в кровать.

В шесть вечера, когда на улице было совсем темно, Грейс зажгла фонарь и отправилась на перекресток Трелони-уэй и Уоллес-стрит, где стояла красная телефонная будка. Их собственный телефон отключили, когда в декабре Бер урезал домашние расходы.

Монетка провалилась, и в трубке послышался женский голос.

— Китти? Слава богу!
— Грейс? Это ты? У тебя какой-то странный голос!
— Ты можешь сейчас ко мне приехать? Я говорю из телефонной будки и сразу вернусь домой.
— Приеду, как только найду шофера.

После свадьбы Китти быстро поняла, что жизнь с Чарли с лихвой восполняет ее потери на медицинском фронте. Несмотря на всю любовь к нему, расставаться с больными детишками было тяжело, однако правила были неумолимы: медсестры должны быть незамужними! Но вскоре ее целиком поглотила отделка особняка, сопряженная с частыми поездками в Сидней, где она подбирала кафель, обои, ткани для штор, напольные покрытия, светильники, мебель и сантехнику. Призвав Эдду в качестве консультанта, она старалась подгадывать свои поездки к ее выходным, и они вместе отлично проводили время в Сиднее, останавливаясь в отеле «Австралия» и обедая в ресторанах, где повара предпочитали прожаривать мясо.

Ее собственные походы на кухню были не столь успешны. Она не находила ничего привлекательного в кипящих кастрюлях и дымящихся сковородках, поэтому когда Чарли предложил альтернативу, она отнеслась к ней вполне благосклонно. Они наймут повара, который будет достаточно искусен, чтобы угождать двум полярным вкусам, северному у Чарли и южному у Китти.

Жизнь Китти неожиданно превратилась в сказку. Чарли оказался восхитительным любовником, чего она никак не ожидала, подозревая, что комплекс неполноценности коротышки умаляет его мужские достоинства. Ей казалось, что маленький мужчина уцербен и никак не соответствует

девичьим грезам. Теперь же, влюбившись, Китти познала радость гармонии. Ее прежние отношения с мужчинами скорее пугали ее. Парни среднего роста были слишком высоки для нее, и ей приходилось вставать на цыпочки, чтобы поцеловаться, а высокие поклонники просто поднимали эту малышку, отрывая ее ноги от пола. Некоторые предпочитали носить ее на руках, словно «больную собачонку». Эта метафора, принадлежавшая самой Китти, приводила Чарли в безудержное веселье.

А вот Чарли в этом отношении был безупречен! Он интуитивно чувствовал, как разжечь ее чувства, и знал тысячи способов, как поцеловать ее, — и все они были восхитительны. Его прикосновения были нежны и полны страсти, и он всегда давал ей почувствовать, что наслаждается их близостью.

В ожидании такси Китти вся трепетала от радости. Сегодня утром доктор Нед Мэсон сказал ей, что у нее будет ребенок. Ребенок! Свой собственный!

Увидев друг друга, сестры были поражены.

Перед Грейс стояла совершенно преобразившаяся Китти, красивая и торжествующая, женщина, не ведающая ни забот, ни тревог, ни горестей.

А Китти увидела дрожащую, потерянную Грейс, поблекшую и осунувшуюся.

— Грейс, дорогая, что произошло?

Сжав руки, Грейс прошла мимо нее, потом повернулась и, собравшись с силами, объявила:

— Бер потерял работу.

— О, Грейс, как это ужасно! Пойдем посидим на кухне, там тепло от плиты, ведь Джек Терлоу исправно снабжает тебя дровами, — щебетала Китти, ставя на конфорку чайник. — Я сама заварю чай.

— Нет, здесь для тебя высоковато, — возразила Грейс, усаживая Китти на стул и споласкивая заварочный чайник горячей водой. — Крепкий горячий чай нам обоим не помешает.

И тут она увидела чуть округлившийся живот Китти.

— Ты ждешь ребенка! Как это здорово.

— Это подтвердилось только сегодня утром, но пока никому не говори, Чарли должен узнать первым.

— Молчу как рыба. Со мной все в порядке, но я беспокоюсь за Бера. Мне понадобилась вся моя выдержка, когда он сегодня вернулся домой, можешь себе представить? И знаешь что, Китти? Мне это удалось! Я почувствовала себя сильной, способной поддержать Бера и мальчиков. Он так плакал! Лучший продавец у «Перкинса»! Но фирма разорилась и всех

уволители. Проблема в том, что физически он довольно слаб и не способен к тяжелому физическому труду. И потом, он очень гордый. Очень! Прошу тебя, поговори с Чарли, объясни ему, что и как.

— Не волнуйся, обязательно поговорю. Насчет тяжелого труда я с тобой согласна, но ведь у Бера и голова неплохо варит, а это гораздо важнее. Чарли обязательно поможет.

— Не все так просто, — возразила Грейс, дуя на горячий чай. — Бер забрал себе в голову, что просить у Чарли помощи это не по-мужски. Он даже слышать об этом не хочет. Честно, Китс, я не преувеличиваю.

— Понимаю.

— О, Китти, ты всегда меня понимала!

В кухню вошел Чарлз Бердам, губы у него были недовольно поджаты.

— Хотя записку оставила, спасибо и на том, — буркнул он, садясь за стол и делая предупреждающий знак рукой в сторону Грейс. — Нет, чаю не надо. Не понимаю, как вы можете пить этот деготь и называть это чаем.

— У нас плохое настроение? — мягко поинтересовалась Грейс.

— Ты приехала на такси? Что за срочность? — продолжал в том же духе Чарлз.

— Это действительно серьезно, — ответила Китти, уязвленная его недовольством. — Бер только что вернулся домой. Он потерял работу. «Перкинс» разорился. Бедняга просто убит.

Эта метафорическая пощечина возымела эффект. Чарлз смутился:

— О, Грейс! Прости меня!

Потом он повернулся к жене:

— Извини, дорогая. У меня сегодня был ужасный день, но я не имел права вымещать свое настроение на тебе.

— Ближе к делу, Чарли, — сказала Китти, не обратив внимания на его извинения. — Бер очень упертый и не желает просить работу у тебя или у кого-то другого.

— Мне это понятно. Он всего добивался сам, и в нем сильна гордость рабочего человека. Я всегда преклонялся перед его успехами.

— А сейчас Грейс пришлось с фонариком идти в телефонную будку, чтобы позвонить мне. Ей надо установить телефон, и желательно не спаренный.

— Грейс его получит.

Китти наклонилась к Грейс:

— Ты объяснишь Бери, что это для папочкиного спокойствия. Без телефона ты и мальчики практически отрезаны от семьи.

— Целиком с тобой согласна, Китти. Если бы отец не был

священником, Бер прислушивался бы к его мнению, но церковников он терпеть не может. Он говорит, что все войны начинались из-за религиозных распрей.

До Грейс наконец дошло, что со всеми проблемами ей придется разбираться самой. И виновата во всем только она. Если бы не ее бездумное мотовство, у Бера на счету сейчас было бы не меньше тысячи фунтов. Хочешь не хочешь, а за прежнее легкомыслие придется платить.

— Ну что ж, мои новости вы узнали, и теперь нам остается только ждать до завтра, когда проснется Бер, — бодро произнесла Грейс. — Ты поговоришь с ним, Чарли?

— Ну, конечно. Я приеду в девять.

Он поднялся из-за стола.

— Жду тебя в машине, Китти.

— Когда он узнает о ребенке, у него сразу улучшится настроение, — улыбнулась Грейс. — Только не думай, что я не понимаю, кто во всем виноват. Это из-за меня у нас в банке ничего нет.

Китти изумленно взглянула на нее. Перед лицом этой ужасной катастрофы исчезли бесконечные сетования, нытье и жалость к себе. Грейс вовсе не собиралась становиться мученицей.

— Жаль, что ты так рано ушла из больницы. Сейчас тебе было бы легче найти работу.

Грейс улыбнулась и покачала головой:

— Нет, об этом не могло быть и речи. Когда мы встретились с Бером, я сразу поняла, что мне его Бог послал. Да я бы ползком проползла до самого Китая, лишь бы быть с ним. Ты чуть ли не год изводилась, выходить ли тебе за Чарли, а я не сомневалась ни одной минуты. Что-то мне подсказывало, что Бер — моя судьба.

Китти острым копьем кольнула зависть — почему глупая, пустоголовая Грейс сразу же разобралась в своем избраннике, а она, умная и тонкая, была так слепа к Чарли? Это значит, что Грейс любит мужа гораздо больше, чем она? Чарли тоже сразу влюбился в нее. Может, с ней что-то не в порядке, если ей потребовалось столько времени, чтобы проснулись чувства?

Китти села в машину вскоре после ухода Чарлза. В полумраке кабины ее лицо казалось измученным. Да, вот это удар. Теперь Грейс придется поддерживать.

— Тебе будет непросто уговорить Бера, — сказала она.

— У бедняков обостренное чувство собственного достоинства.

— Что плохого в том, что он не хочет использовать связи?

Чарлз коротко рассмеялся:

— Весь мир их использует, как только может, и прежде всего политики. Бедняга Бер слишком горд, чтобы тянуть за веревочки, и, значит, его сыновья никогда не получают теплых местечек, а я к тому времени буду слишком занят своими сыновьями и не смогу ему помочь. Так что он должен не упустить свой шанс сейчас.

Внутри у Китти что-то оборвалось, она чуть слышно простонала:

— Чарли, не искушай судьбу!

— А в чем дело, дорогая?

— Дома скажу.

Но сначала они сели ужинать, и Китти почувствовала, что на языке у нее свинцовая гиря. Утреннее настроение ушло, его омрачили печальные новости Грейс. Обескураженная Китти снова завела разговор о Грейс, не замечая растущего раздражения Чарли — столько переживаний из-за сводной сестры?

— Она собирается выращивать овощи и просто счастлива, что пару лет назад посадила яблоню и грушу. Ха! Это Джек Терлоу их посадил, а не она. И еще она хочет разводить птицу — это наша-то Грейс.

— Какую еще птицу?

— Да кур, конечно, что же еще.

— Куры рифмуются с дурами.

— Не остроумно.

— Я и не думаю острить.

Повисло молчание, тягучее, как патока.

— Чарлз?

— Ты наконец назвала меня нормальным именем?

— Да.

Глаза у Чарлза заблестели, он довольно вскинул голову:

— На Чарлза я отзываюсь с удовольствием.

— У меня будет ребенок.

Ее слова ошеломили его; он с изумлением уставился на жену, чуть приоткрыв рот. На лице отразилась вся палитра эмоций, в глазах вспыхнул огонь. Судорожно вскочив, Чарлз заключил Китти в объятия.

— Китти, моя дорогая Китти! Ребенок? Наш ребенок? Когда, любовь моя?

— Нед Мэсон думает, что в декабре. Я ходила к нему сегодня утром, чтобы окончательно удостовериться, и он сказал, что я на пятом месяце. — Китти рассмеялась, и ее смех показался Чарлзу победной песней. —

Вполне пристойный срок после свадьбы, мы с тобой плодоносная пара, как бы выразился мой отец.

Посадив Китти к себе на колени, Чарлз благоговейно положил ей руку на живот.

— Вот он, здесь, и ему уже четыре месяца! Ты хорошо себя чувствуешь? Нед доволен?

— Он в восхищении. Таз у меня достаточно широкий, все остальное в полном порядке, обмен веществ идеальный, короче говоря, глаза у меня блестят, нос влажный, хвост трубой.

— Это мальчик, — уверенно произнес Чарлз.

— Семейная статистика говорит в пользу девочек.

— Но у Грейс же мальчишки.

— Я об этом и говорю. У отца было четыре дочери, и Грейс, вероятно, уже исчерпала мужской лимит.

— Ничего не имею против девочек. На одной из них я, как известно, женился.

— Верно.

Внезапно Китти вздрогнула:

— Вот только день сегодня несчастливый — Бер потерял работу. Дурной знак.

— Несчастливый он только для Бера и Грейс. А нас это не касается.

Грейс решила ничего не скрывать, и когда утром Бер проснулся, она, подав тосты на завтрак, призналась, что обо всем рассказала Китти.

— Раньше я бы предпочла поделиться с Эддой, но обстоятельства изменились, Бер. Сейчас у Китти больше влияния, поэтому я позвонила ей, и она сразу же примчалась. Нет, нет, я не просила для тебя работу, это не наше с ней дело. Просто я хотела сообщить ей, что у нас случилось, и попросить, чтобы Чарли приехал с тобой поговорить. Он скоро будет здесь. Это уж ваше дело, о чем вы там будете беседовать и на чем порешите. Я просто свела вас вместе.

Бер с удивлением смотрел на жену, не понимая, как она могла так измениться. Прежняя вечно хнычущая Грейс исчезла без следа; вместо нее перед ним стояла решительная и целеустремленная женщина, полностью владевшая ситуацией.

— Что с тобой произошло? — в замешательстве спросил он.

Прежняя Грейс, вероятно, прикинулась бы дурочкой, но теперешняя этого делать не стала.

— Просто я повзрослела, — ответила она, наливая мужу чай. —

Больше никакого паровозного дыма. Мы уже не дети и должны думать о своей семье.

— Не читай мне мораль, — поморщился Бер.

Грейс погладила его по согнутой спине.

— Я не читаю, Бер. Все это случилось не по нашей вине, а расплачиваться приходится нам. Но и те, кто заварил эту кашу, тоже не отвертятся, помяни мое слово. Я только хочу, чтобы ты понял, что время иллюзий прошло. Да и для гордости, которую папа считает грехом, сейчас не самое подходящее время. Ты должен принять помощь от Чарли хотя бы ради своих сыновей.

Раздавленный произошедшим и полностью растерявшийся, Бер с трудом понимал, о чем говорит эта новая Грейс, а ее слова о гордости он вообще пропустил мимо ушей. Она сидит дома и понятия не имеет, что происходит в Сиднее, и как люди готовы пресмыкаться и лизать чужие ботинки, лишь бы получить работу. А он хочет, чтобы его сыновья выросли настоящими мужчинами, а не жалкими приспособленцами.

А Грейс все продолжала трещать о Чарлзе Бердаме, с которым Беру следовало вести себя повежливее...

И тут появился этот резвый коротышка и стал размахивать руками, изображая своего парня, которому раз плюнуть все уладить — не бери в голову, дружище, сейчас мигом все поправим!

— У меня есть для тебя идеальная работа, Бер, — горя энтузиазмом, заявил Чарлз. — Клянусь, это то, что нужно! Сейчас появился новый род занятий для людей с твоими навыками — надо уметь хорошо трепать языком, назовем это так. Это называется «связь с общественностью», потрясающее занятие, скажу я тебе! Поскольку население растет, а властные структуры и другие общественные институты становятся все более отчужденными, возникает необходимость разъяснять людям, что происходит вокруг них. Если население ничего не знает о тех, в чьих руках находится власть и влияние, между ними неизбежно возникает непонимание.

Серо-зеленые глаза Чарлза испытующе взглянули на Бера.

— Я понятно объясняю?

— Да, — коротко ответил тот.

Воодушевленный Чарлз продолжал:

— Я, по существу, предлагаю тебе работу продавца. Но вместо товаров ты будешь продавать идеи и услуги, о которых люди ничего не знают и не могут потрогать руками, как баночку с мазью или пузырек с притиранием. Ты возглавишь службу по связям с общественностью и будешь

рекламировать Корунду!

Грейс только ахнула.

— Прошу прощения, но я не могу согласиться на такую работу, — тихо сказал Бер.

Чарлз опешил:

— Что?

— Это не для меня.

— Чепуха! Ты отличный продавец и идеально подходишь на эту должность.

— Я не слишком грамотный.

— Достаточно грамотный, чтобы составлять отличные отчеты — я их читал, — возразил Чарлз, невольно выдав свою личную заинтересованность.

— Нет, спасибо. Связи с общественностью? Больше похоже на втирание в доверие. Не нужна мне такая работа, это сплошное мошенничество. Давай сразу определимся, Чарли. Я не приму от тебя никакой работы, потому что не желаю оттеснять никого от кормушки только потому, что я твой свояк. В списке безработных Корунды я в самом низу, так что я пойду в муниципалитет и зарегистрируюсь там на общих основаниях. И не буду позорить своих предков, выклянчивая пособие неизвестно за что!

Грейс вдруг как-то обмякла, как резиновая подушка, из которой выпустили воздух, и со слезами на глазах посмотрела на Бера.

Чарлз обернулся к ней:

— Грейс, образумь мужа!

И тут Грейс неожиданно для себя заявила, изумив их обоих, а больше всего саму себя:

— Нет, Чарли, я не буду этого делать. Если Бер не хочет, чтобы ему помогали, я не собираюсь на него давить. Он глава семьи и все решает сам.

— Вы из чистого упрямства вредите себе!

— Это лучше, чем быть попрошайками, — решительно произнесла Грейс.

Воздев руки к небу, Чарлз Бердам покинул территорию.

С высоко поднятой головой Бер Ольсен зарегистрировался на бирже труда, одновременно отказавшись от пособия. По Корунде со скоростью молнии разнеслась весть, что он человек с принципами, раз отказался от помощи своего могущественного свояка. Кое-кто, правда, посчитал это глупостью, но большинство превозносили его за неподкупность и

честность.

А он постепенно погружался в пучину безнадежности, бродя, как привидение, вокруг своего дома и стараясь не попадаться на глаза жене и детям, словно их общество его тяготило. Отчаяние заставляло его цепляться за свою изорванную в клочья гордость, подобно утопающему, хватающемуся за соломинку.

— Почему бы тебе не сделать хороший курятник? — спросил его Джек Терлоу во время одного из своих редких теперь визитов. Грейс попросила его приходить пореже, поскольку при его виде у Бера еще больше портилось настроение.

Для Джека трагедия Ольсенов обернулась чередой неожиданных открытий, одним из которых была невеста откуда взявшаяся самостоятельность Грейс. В растерянности он самоустранился, хотя при первом же зове Грейс немедленно бросался ей на помощь, отложив все свои дела. Он принял как должное реакцию Бера на хлопоты Чарлза, не оставлявшего своих попыток протянуть ему руку помощи, которую тот столь же упрямо отвергал. А Чарлзу было невдомек, что рабочий человек скорее умрет от голода, чем будет принимать подачки.

— Не хочет принимать помощь от Чарли — не надо. Это его личное дело, но по дому-то мог бы мне помочь, — как-то раз пожаловалась Грейс Джеку. — Я собираюсь завести кур-несушек, но для них нужен курятник. И еще я хочу выращивать овощи, хотя бы чайот, если ничего другого у меня не получится.

Чайот! Джек чуть не поперхнулся. Да, он растет как сорняк и его можно печь, варить, делать из него джем или приправу, но... Это же совсем никчемный овощ! На вкус чуть лучше мочи и никакой питательной ценности.

— Но я не могу все делать сама, а мальчики слишком малы и от них немного толку, — продолжала Грейс, в полном неведении, какую дрянь она собирается выращивать. — Бер мог бы взять на себя сад и кур.

Джек предоставил необходимый стройматериал, и под его строгим надзором был возведен курятник, в котором поселили род-айландских рыжих кур, позаимствованных у Мод. Кроме того, он ежедневно поставлял Ольсенам ведро овощей и фруктов с собственной фермы. Поскольку Бер понятия не имел, как выращивать картофель, морковь и репу, не говоря уже о капусте, фасоли или салате, Джек стал просвещать его, но без особого успеха — его сыновья оказались гораздо более способными учениками. Максимум, на что был способен Бер, — это закрыть курятник или не потоптать грядки с рассадой. Он был не в силах пошевелиться и

перекладывал всю работу на плечи других, оставаясь апатичным и бездеятельным и отказываясь от пособия, потому что не мог заниматься тяжелым физическим трудом.

Его мальчишки оказались потверже характером. После того как Грейс объяснила им, что папа «немного не в себе», Брайан и Джон старались всячески его опекать. Грейс, которая отважно бралась за любые занятия, призвала на помощь все свое воображение, чтобы втолковать малолетним сыновьям, что такое «быть не в себе». Тем не менее ей это удалось, и поведение сыновей было тому подтверждением. Они были добры и терпеливы, словно это не они, а Бер был беспомощным малышом.

В том страшном 1930 году было от чего свихнуться, хотя Беру повезло больше, чем другим, — он мог найти опору в своих детях и жене, которая не пилила и ни в чем не упрекала его. Чарлз Бердам, считая это своим святым долгом, несколько раз пытался вразумить его, но Бер только стоял и смущенно повторял, что не собирается использовать связи.

— При чем здесь связи! — кричал Чарлз. — Ты же должен содержать семью, а от тебя никакого толка!

Но Бер был непробиваем.

Китти проявила более практичный подход. Она презентовала Грейс ножную швейную машинку, которую та с радостью приняла. С помощью Эдды она научилась шить и выкраивала из старых костюмов Лиамы и Чарли курточки и штанишки для своих мальчишек, не забывая строчить одежду и для себя. Еще Эдда и Китти отдавали ей свои старые платья. День ее был заполнен до предела, и вечером она падала в постель, засыпая как убитая. Их супружеские отношения с Бером прекратились сразу же после рождения Джона и сейчас казались далекими и нереальными, как забытый сон.

В 1930 году относительное процветание Корунды было целиком отнесено на счет Чарлза Бердама. Мэр Николас Мидлмор и секретарь городского управления Уинфрид Тридби, будучи довольно бесцветными личностями, не снискали лавров за свою деятельность, несмотря на их искреннюю преданность делу и добросовестный труд на городском поприще. Будучи людьми здравомыслящими, они понимали, что любой выпад против молодого Бердама попадет мимо цели, и лишь молча улыбались, слушая, как горожане поют Чарлзу дифирамбы, прокладывая ему дорогу в городской совет.

Корунда имела в парламенте двух представителей: от штата Новый Южный Уэльс и от федерального правительства Австралии. Все знали, что политический вес имеют только крупные города; там мерялись силами

капитализм и социализм, стараясь привлечь на свою сторону несчастных избирателей, которые настолько свыклись с автократическим правлением колониальных губернаторов, что не ждали от новоиспеченного демократического правительства ничего, кроме нарушенных обещаний, коррупции и неумелого руководства.

Китти знала, что Чарли мечтает представлять Корунду в федеральном парламенте, но он все никак не мог сделать решительный шаг. С одной стороны, время диктовало необходимость нового стиля руководства и, возможно, создание новой политической партии, отвечающей интересам более широкого круга избирателей. Тори и лейбористы были слишком твердолобыми, бескомпромиссными и негибкими и не устраивали избирателей с более гибким мышлением и высокими запросами.

Чарлз никак не мог понять, почему его приверженность английским стандартам может стать непреодолимым препятствием для политической карьеры. Многие лейбористы имели еще более английскую ориентацию, но умели скрывать ее за ширмой социалистического интернационализма. И почему так позорно считаться английским джентльменом? До него все никак не доходило, что на этом континенте много лет господствовали именно английские джентльмены, что и привело к их повсеместному отторжению.

Как ни досадно, но Чарлзу пришлось померить политические амбиции, пока его не сочтут за своего, а за это еще надо побороться. Приехать в страну накануне мировой экономической катастрофы было не самым лучшим решением, как бы он ни расшибался, чтобы удержать Корунду на ногах и не дать ей превратиться в город трущоб, наводненный безработными. Конечно, у него были враги, которых раздражали его обаяние и либеральность, причем далеко не все из них были бедняками, а некоторые были весьма влиятельны. Чарлз посещал все политические собрания, куда его допускали, и присутствовал на любом мало-мальски важном сборище, не говоря уже о членстве в различных благотворительных организациях.

При всяком удобном случае он брал с собой жену, чья полнеющая талия и очевидная преданность мужу производили самое благоприятное впечатление. Китти была полна решимости стать надежной подругой этому фонтанирующему энергией, вечно занятому человеку. Когда он отправлялся в Сидней, Мельбурн или Канберру, чтобы послушать какие-то важные парламентские дебаты или лоббировать интересы Корунды, Китти всегда была рядом.

Поэтому она несколько удивилась, обнаружив, что Чарлз пакует чемоданы в середине августа, когда в Корунде стояли холода и весь город был припудрен белым инеем, который упорно не таял.

— Я еду в Мельбурн на конференцию премьер-министра, — объяснил он, рассматривая свой вечерний костюм. — Как ты думаешь, мне понадобится фрак?

— В Мельбурне? Пожалуй. Они там страшные снобы. Хорошо, что ты едешь слушать весь этот треп — по крайней мере в твоих костюмах не заведется моль. Я так понимаю, ты не берешь меня с собой?

— Не в этот раз. Там будет скучная мужская компания. Судя по программе, которую мне прислали, депрессия искоренила все празднества. Интересно, почему эти посиделки всегда устраивают в Мельбурне? — спросил Чарлз, укладывая в чемодан фрак.

— Подумай сам, — сказала Китти, помогая ему паковаться. — Там всегда полно важных персон из Англии, а им приходится добираться в Австралию морем. Перт для заседаний не годится, а следующий порт как раз Мельбурн. До Сиднея надо плыть лишнюю тысячу миль, а это доконает их вконец. Когда будут летать самолетами, Сидней окажется к Лондону ближе, чем Мельбурн, и тот потеряет свое значение. А пока в Австралию плывут морем, Мельбурн всегда будет на первых ролях.

— Ты совершенно права, — уныло согласился Чарлз. — Мельбурн — первый крупный порт, и поэтому сэр Отто Нимейер предпочтет сбежать с трапа именно там, чем тащиться лишнюю тысячу миль до Сиднея. Ты у меня умница, Китти!

Она потрясла стопкой носовых платков у него перед носом.

— Я, может, слегка расплылась в талии, но упаковывать чемоданы еще в состоянии. Правда, к твоим костюмам я притрагиваться не смею. Тебе надо брать с собой кофр: его можно поставить стоймя и там есть выдвижные ящички и отделение, где можно повесить одежду.

— Еще не хватало притащиться с пароходным кофром, я буду выглядеть как идиот.

— Не говори глупостей. Сэр Отто Нимейер привезет с собой несколько штук, можешь мне поверить. Вообще-то тебе нужен камердинер.

— Нужен, но бесклассовое общество Корунды этого не поймет.

— Но это же лишнее рабочее место, правда, не для местного жителя, включая беднягу Бера. Найди камердинера в Мельбурне и плевать тебе на Корунду!

— Я могу поставить кофр в багажный вагон.

— Хорошая идея. Где ты остановишься?

— В «Мензисе», как обычно.

— Отлично. Там есть лакеи, которые распаковывают чемоданы. А почему они пригласили тебя, Чарли? Ты же не член парламента.

— Люди моего положения обычно имеют друзей среди влиятельных политиков, что позволяет им посещать подобные мероприятия, хотя это не совсем мой случай. Меня лично пригласил сэр Отто.

Китти присела на краешек стула.

— А кто он, этот сэр Отто? Какой-нибудь немецкий колбасник?

— Сэр Отто Нимейер один из руководителей Банка Англии и мой старый приятель по Лондонской бирже. Больше я о нем ничего не знаю, моя прекрасная Китти, но умираю от любопытства, зачем он к нам пожаловал.

— Твой интерес вполне понятен. Он весьма важный господин и приехал совсем не зря. Иначе зачем тащиться пять недель в душной каюте, страдая от скуки и морской болезни? Правда, его каюта наверняка на верхней палубе, где дует ветерок, причем по левому борту, а обратно он поплывет на правом. Но все равно солнце на море безжалостное.

Чарлз с удивлением посмотрел на жену:

— Можно подумать, ты сама плавала в Англию. Левый борт сюда, правый борт обратно, откуда ты это взяла?

— Да все дело в солнце, дурачок! — улыбнулась Китти, показав ямочки. — Когда корабль идет в Австралию, оно светит в правый борт, а когда возвращается в Англию — в левый. Те, кто это знает, всегда заказывают кайлу с теневой стороны.

— Дорогая, ты просто кладезь полезных сведений!

— Не знаю, как я, а вот сэр Отто уж точно не промах.

Все хорошие отели в Мельбурне были битком забиты политиками и армией прихлебателей, которые, подобно хвосту кометы, следовали за ними повсюду. Чарлз Бердам, как обычно, занял двухкомнатные апартаменты в отеле «Мензис». Ему нравилась эта клубная атмосфера, персонал в традиционной форме «Мензиса», отделанной красно-белой шотландкой, наличие лакеев для мужчин и горничных для дам и прекрасная кухня. Принесли багаж, а с ним появилась и неизменная мисс Синтия Норман, которая сразу же зарезервировала для него машину с шофером. Китти оказалась права — кофр был вполне уместен. Чарлз не скупился на чаевые, что весьма располагало к нему персонал. Австралийцы, как он успел заметить, были в этом вопросе страшно прижимисты.

Назвав на стойке имя сэра Отто, Чарлз обнаружил, что приглашен на все заседания, но все это померкло в свете того, что он ужинает в компании сэра Отто на морском берегу, причем в первый же вечер по приезде. Похоже, у того имелись какие-то планы, и он выбрал Чарлза в качестве доверенного лица — вполне логично, если учесть их многолетние контакты на финансовом поприще и принадлежность к английскому обществу, чем не мог похвастаться никто другой в Мельбурне.

— Мой дорогой Чарлз, с тех пор как вы упаковали чемодан и покинули родные пенаты, Сити уже совсем не тот, — заявил лондонский гость, когда они пили аперитив.

Оба были в смокингах.

— Вы преувеличиваете, — улыбнулся Чарлз. — Я вел дела преимущественно в Манчестере.

— Возможно, но вы всегда были рядом и готовы помочь в любой непредвиденной ситуации. Вы ведь не из-за Сибиллы уехали, мой дорогой друг?

— Господи, конечно, нет! Честно говоря, мне все надоело, а тут как раз подвернулось мое австралийское наследство. Удивительно! Прошло всего два года, а кажется, целая вечность.

На его лице вдруг проступила горгулья.

— Внизу земного шара, как я заметил, время течет быстрее. Я уже женат на женщине, по сравнению с которой Сибилла выглядит как кусок стекла рядом с бриллиантом «Хоуп».

— Вы не взяли ее в Мельбурн?

— Нет. Она ждет ребенка.

— Как чудесно!

Сэр Отто откинулся на спинку кресла.

— Вы знаете, почему я здесь, Чарлз?

— Из-за депрессии, конечно, но кого вы представляете, я пока не знаю. Вряд ли вас пригласили наши местные идиоты. У них просто мозгов не хватит обратиться к мнению специалиста.

— Что касается идиотов, они присутствуют в любом правительстве, что достаточно четко обозначилось во время депрессии. Да, вы правы. Они меня не приглашали. Я приехал по поручению Банка Англии.

— И каковы же его намерения?

— Убедить власти этого континента, что они не должны объявлять дефолт по выплатам кредитов, и в особенности процентов.

Черты горгульи проявлялись все отчетливее; Чарлз тихонько присвистнул.

— Я слышал, как наши местные экстремисты бормотали об отказе от иностранных долгов, а более умеренные деятели заикались об отсрочке выплаты процентов, пока здесь все не утрясется, но не принимал этого всерьез. Вы считаете, что политический истеблишмент не горит желанием отдавать долги?

— Да.

Подали первое блюдо, и обсуждение серьезных проблем прервалось — мешали сновавшие официанты. Ужин поглощался в приятном молчании, изредка прерываемом ничего не значащими замечаниями, которое продолжалось до тех пор, пока официанты не подали рубиновый портвейн со стилтонским сыром, после чего удалились, дав возможность клиентам возобновить приватную дискуссию.

— Сейчас уже ясно, что независимость сыграла с Австралией злую шутку, — начал сэр Отто. — Без строгого контроля британских губернаторов и при заоблачном спросе на шерсть и золото федеральное правительство и власти штатов пустились во все тяжкие и стали бездумно расходовать средства. Вы знаете, как подскочил спрос на австралийскую шерсть во время войны? Овцы практически подняли страну на своих спинах! В 1925 году никто и думать не мог, что благоденствие когда-нибудь закончится, а следовало бы.

— Понимаю, — медленно произнес Чарлз. — Прошу вас, продолжайте, Отто.

— Власти штатов последние десять лет только и знали, что транжирить деньги — федеральному правительству хотелось быстрых успехов, но без всяких административных усилий. Ввиду того, что в Западной Австралии имеется золото и другие ископаемые, в Канберре решили всячески препятствовать ее отделению, невзирая на все ее телодвижения. В результате этому штату стали выделять непропорционально много денежных средств, чтобы хоть как-то его урезонить.

Сэр Отто сложил кончики пальцев и строго посмотрел на собеседника; он явно любовался собой.

— Естественно, что больше всего денег тратил самый густонаселенный штат. Новый Южный Уэльс, которому из-за гигантского финансового давления Перта и Мельбурна Канберра вечно недоплачивала. Поэтому он брал колоссальные кредиты в лондонском Сити, чтобы финансировать свои амбициозные программы общественных работ. И сейчас этот штат опасно близок к дефолту. Другие находятся в менее отчаянном положении, хотя тоже ходят по тонкому льду. Поэтому мои

коллеги в Банке Англии опасаются, что федеральное правительство может объявить дефолт.

— Вы должны знать, Отто, скажите мне, какова общая задолженность? — с замиранием сердца спросил Чарлз.

— Порядка тридцати миллионов фунтов в год.

— Черт! Представляю, сколько набежало процентов.

— Это зависит от того, когда был выдан кредит.

— Да, разумеется. Продолжайте, пожалуйста.

Сэр Отто пожал плечами:

— Вот почему я здесь. Пришлось совершить это кошмарное путешествие. Несколько месяцев только на одну дорогу. Однако я надеюсь припугнуть здешних политиков, чтобы вели себя прилично. Если получится, значит, время было потрачено не зря.

— А что вы думаете о стране в целом, если, конечно, можно делать какие-то выводы после столь кратковременного знакомства? Я знаю, некоторые федералы пришвартовались во Фримантле, чтобы начать действовать.

Сэр Отто поджал губы.

— Прежде всего я считаю, что Австралия слишком много о себе возомнила. И потом, здесь неприлично высокий уровень жизни. Работающий люд чересчур хорошо живет! Зарплаты у них явно завышены, и они слишком многого хотят от жизни. Короче, они должны знать свое место.

— Понятно. И что вы предлагаете?

— Безоговорочную выплату иностранных долгов, и прежде всего процентов. Режим строжайшей экономии. Власти всех уровней, вплоть до городских, должны немедленно прекратить финансирование общественных работ, сократить количество государственных служащих и урезать им зарплаты. И снизить все социальные выплаты — от пособий по безработице до пенсий. Австралийский фунт агонизирует и, по нашим предположениям, вскоре упадет на треть. Если уж не выплачивать проценты, так по государственным облигациям — насколько я понимаю, австралийские держатели получают по ним девять процентов. Внутренние заимствования не являются проблемой, речь идет только об иностранных.

Чарлз долго молчал, хмуро поглядывая на пальцы сэра Отто, и вдруг встряхнулся, как собака, вылезшая из воды.

— Ах, Отто! Боюсь, что, кроме улыбок, вы от них ничего не добьетесь. Вы предвестник апокалипсических несчастий — уже сейчас ясно, что Великая депрессия больше всех затронула именно Австралию.

— Вы ошибаетесь: Австралия на втором месте. Больше всех пострадала Германия. Военные репарации разорили ее вконец. Франция жаждет крови.

— Франция и Германия переругиваются через Рейн уже две тысячи лет, а чем виновата Австралия, всего-навсего пытающаяся улучшить жизнь рабочего человека? Но, видимо, Лондон считает это непростительным легкомыслием.

Разочарованный Чарлз решил не задерживаться в Мельбурне. На следующий день он затемно отправился на вокзал, где сел на дневной поезд до Сиднея. Он был так расстроен, что чуть не забыл пересест на другой поезд в Элбери-Вогонда, на границе штата. Виктория и Новый Южный Уэльс имели разную ширину рельсовой колеи. Во все времена и до обретения независимости, и после него австралийские штаты вели себя как самостоятельные государства. Сходя с поезда в Корунде, Чарлз подумал, что Австралия, подобно США, должна иметь население, соответствующее ее необъятным просторам. В реальности же все ее более чем скромное население было втиснуто в шесть огромных городов на побережье, оставляя пустынными миллионы квадратных миль внутренних территорий. Корунда считалась крупным городом, но там было всего 50 000 жителей.

«Но все же я чему-то научился», — подумал Чарлз, оглядывая по-прежнему заснеженную Корунду.

— Я так и не смог с этим разобраться, — сказал он Китти, удивленной и обрадованной его ранним возвращением.

Содержимое кофра осталось почти нетронутым, но Чарлз обзавелся камердинером, привезя с собой обходительного и невозмутимого субъекта по имени Коутс. Он просто переманил одного из лакеев «Мензиса».

— Коутс может поселиться в коттедже для прислуги на Бердам-роу и взять себе одну из старых машин. Он был просто счастлив поехать со мной.

— Еще бы, дорогой. У тебя он будет жить, как лорд. Расскажи мне о сэре Отто Колбаснике.

— А вот сэр Отто считает, что Коутс не должен жить, как лорд, — проговорил Чарлз, с наслаждением отпив немного виски. — Он настаивает на жесткой экономии на всех государственных уровнях, но поскольку у нашей больницы имеются собственные деньги, никакое правительство не заставит меня прекратить строительство. И лишить нас господдержки они тоже не смогут. Я буду получать ровно столько же, сколько другие больницы, ведь здравоохранение у нас финансируется государством.

— Но госбюджет пополняется за счет налогов, а если кругом

безработица, то кто будет их платить? — возразила Китти.

— Найдется кому платить. Вся эта жесткая экономия нужна для того, чтобы каждое пенни шло на выплату иностранных долгов. Если слишком много занимать, непременно окажешься банкротом. Жесткая экономия — это всего лишь синоним банкротства. Мы станем беднее, а иностранные ростовщики — богаче.

— Иногда я тебя не понимаю.

— Просто я переживаю за страну. Когда я уезжал из Мельбурна, перед глазами у меня стояла картина, как мы с Отто сидим в смокингах в ресторане «Мензиса» за столом, уставленным изысканной едой и винами, а вокруг крутятся услужливые официанты. И Отто искренне считает, что он заслуживает лучшей жизни, чем какой-нибудь еврейский портной, весь день корпящий над шитьем и зарабатывающий гроши. И не важно, что в них обоих течет кровь Авраама — классовые различия святы. Отто уверен, что рабочий класс надо держать в черном теле, потому что достойной жизни он не заслуживает. Для него социальные перегородки несокрушимы, как каменная стена. Я не верю в руководящую роль пролетариата, потому что она отрицает индивидуализм и дает возможность государственным управленцам считать, что они всемогущи, тогда как в действительности они ни на что не способны. Но мир сэра Отто Нимейера тоже меня не устраивает, черт побери!

— Должна быть золотая середина, — проницательно заметила Китти. — Джеку Лангу вряд ли придутся по вкусу советы сэра Отто.

— Джек Ланг находится в оппозиции и ничего не решает. Он не обладает реальной властью, дорогая моя. Дальше будет только хуже. Остается надеяться, что правительство Скаллина не прогнется под сэра Отто.

— Джимми Скаллина может испугать даже бабочка. Он типичный оппортунист.

Да, иметь такую пылкую поддержку в лице собственной жены было бальзамом на израненную душу, но это не помогало решить главную политическую дилемму. Чарлз разрывался между идеями тори, к которым его предрасполагало его положение в обществе, и собственной убежденностью, что трудящиеся заслуживают уважения, что склоняло его на сторону социалистов. Поэтому он колебался, не решаясь примкнуть ни к одной из партий.

В результате Чарлз пришел к заключению, что порок всех существующих партий заключается в том, что они создавались для старого мира — уставшей, измотанной войной и обнищавшей Европы.

Значит, он должен создать новую политическую партию, которая отвечала бы интересам Австралии и не была скована теориями и практикой старого мира. Она объединит труд и капитал на принципиально новых основах и устранил искусственные барьеры между людьми. К примеру, почему, ну почему Бер Ольсен швырнул ему в лицо работу по связям с общественностью? Что не так с его социальными взглядами, если он считает такое занятие мошенничеством? Что лежит в основе этих необъяснимых противоречий? Пока он этого не поймет, ему рано нацеливаться на парламент. Он чувствовал себя невеждой перед лицом говорящего загадками оракула, которого олицетворял Бер Ольсен. Больше никаких заседаний и конференций! Только исследовательская работа.

Чарлз завел школьную тетрадь, куда записывал свои наблюдения, умозаключения и теории. Когда она закончилась, он поставил ее на полку и приступил к заполнению следующей, надеясь со временем иметь целую библиотеку своих трудов. Но все это в будущем, лиха беда начало.

— Ты со мной, Китти? — спросил он жену, возвратившись из Мельбурна. — Ты всегда будешь рядом?

В ее глазах блеснули фиолетовые искорки любви и гордости.

— Всегда и навечно, Чарли.

Поначалу это действительно было так. Если бы Чарлз сосредоточил свои усилия на больнице, сиротском приюте и прочих нуждах Корунды, произнесенное «всегда» выдержало бы испытание временем. Но когда зима сменилась весной, принесшей с собой благоухающее море цветов, их разговоры за столом и в любом другом месте стали все больше ограничиваться лишь одной темой — политикой. И Китти вдруг почувствовала растущее отвращение и к ней, и к политикам, и к амбициям Чарли.

В конце октября у Китти случился выкидыш. Семимесячный, вполне сформировавшийся младенец мужского пола родился мертвым, причем умер он еще в утробе.

— Не понимаю, — шептала она на больничной койке, заливая подушку слезами. — Все шло так отлично, я чувствовала себя прекрасно! И вот, пожалуйста!

Несмотря на потрясение, Чарлз Бердам успешно скрывал свое горе, в особенности от жены. Свои слезы, не менее горькие, он проливал дома, в одиночестве и под покровом ночи. Ему бы поплакать вместе с Китти, открыто разделяя ее горе. А так Китти решила, что он горюет гораздо меньше ее, и отнесла подобную скудость эмоций на счет его мужской

толстокожести. В конце концов, у отца нет никаких контактов с еще не рожденным ребенком, так можно ли ожидать от него тех же чувств, что переживает мать, вынашивающая дитя?

— С первым ребенком это бывает, хотя и не на таком большом сроке, — объяснил ей доктор Нед Мэсон. — Возможно, ты немного анемична, поэтому ешь побольше шпината, даже если его не любишь.

— А у меня может быть снова выкидыш? — спросила Китти. — Это случилось так неожиданно, прямо ни с того ни с сего.

— У тебя еще будет куча детей, можешь мне поверить.

Этот же вердикт вынесла обеспокоенная Тафтс. В ее глазах появилось новое выражение — растерянность, граничившая с замешательством. Ну что за напасть! Ведь Китти и так в жизни досталось!

— Нед Мэсон прав. Женщины иногда теряют первого ребенка, — твердо заявила Тафтс. — Отдохни как следует, поешь шпината и попытайся снова. Я гарантирую тебе успех.

— Нед говорит, у меня может быть небольшая фиброма.

— Да у нас у всех что-нибудь да есть, — насмешливо фыркнула Тафтс. — Ты же медсестра с дипломом и должна это знать. Фибромы представляют опасность только в пожилом возрасте.

— Чарли воспринял это философски, — с ноткой осуждения произнесла Китти.

— Чарли тоже убит, гусыня ты этакая. Просто он не показывает виду, чтобы не расстраивать тебя еще больше. Не считай его бессердечным только потому, что он держит себя в руках. Он рыдал у меня на глазах.

— Но почему-то при мне он не рыдал.

— Я могу только преклоняться перед его самообладанием. Вполне естественно, что он скрывал от тебя свои слезы. Он тебя просто оберегал.

— Папа говорит, они с Чарли дали этому существу имя — Генри — и похоронили. Я при этом не присутствовала.

«Этому существу! — возмутилась про себя Тафтс. — Ах, Китти, не слишком ли мы щадили тебя в детстве? Да нет, вроде в меру. Но почему ты такая беспощадная и вечно придираешься к Чарли? Что-то у вас не так, и это явно не его вина».

Оставив Китти в родильном отделении, Тафтс поспешила в кабинет Чарльза Бердама. Мысли ее все еще были заняты Китти. Последнее время сестры виделись довольно редко, но связь между ними не ослабевала, и Тафтс была уверена, что они с Эддой станут для Китти главной опорой в эти нелегкие для нее времена. А эта тень неодобрения, когда она говорила о Чарли! Его выдержка и хладнокровие помми, похоже, сослужили ему

дурную службу.

Волновало ее и другое: зачем ее вызвал главный врач? Это явно не связано с Китти. Чарлз был слишком щепетилен, чтобы говорить о жене с ее сестрой в официальной обстановке. Тогда зачем она ему понадобилась?

Чарлз выглядел как человек, для которого все кончено. В какой-то степени так и было: вчера на его глазах гробик с мертворожденным сыном опустили в могилу в присутствии скорбящих теток и бабушки младенца. И Китти еще смеет упрекать его в черствости? Ну и дела!

— Я бы хотел поговорить с тобой о твоей будущей карьере, — сказал Чарлз.

Тафтс удивленно заморгала:

— А что тут говорить? У меня восемь практиканток, в апреле подтянутся еще пять и будет тринадцать, а еще через год, судя по всему, прибудет десяток новых. Это значит, что к 1934 году школа медсестер Корунды заработает в полную силу и прощайте неквалифицированные сиделки! Тут, конечно, сыграла свою роль война и экономическая депрессия — молодых мужчин не хватает, а безработные обычно не женятся. В качестве сестры-инструктора мне скучать не придется.

— Это верно. У тебя будет заместительница, которую ты сама себе подберешь.

— Пока не наберется человек пятьдесят, мне не нужна никакая заместительница — твердо произнесла Тафтс.

— Вот поэтому я и хочу немного перенаправить твою карьеру.

— Перенаправить? — насторожилась Тафтс.

— Твоя преданность больнице делает тебя подходящей кандидатурой, не говоря уже о твоих личных качествах и возможных перспективах.

Тафтс строго посмотрела на Чарлза.

— Звучит настораживающе.

— Ничего подобного. Я не собираюсь портить тебе карьеру, совсем наоборот. Она станет более весомой.

Горестное выражение на лице Чарлза сменилось улыбкой кинозвезды, и Тафтс почувствовала, что перед этим обаянием ей не устоять.

— Несмотря на депрессию, дела у нас в больнице обстоят неплохо, — пошел в атаку Чарлз. — Я знаю, что прежде больницы были местом, где люди просто переживали, пока Господь решал, забрать их к себе или дать им еще пожить. О настоящем лечении речь практически не шла. Но все меняется, и довольно быстро. В наши дни мы можем активно вмешаться и спасти многих пациентов, которые всего десять лет назад были обречены на смерть. Мы можем делать рентгеновские снимки переломов, удалять

кое-какие органы из брюшной полости, да и прямое переливание крови уже не за горами! Я вижу современную больницу как место, где людей не только спасают от смерти, но и сохраняют им здоровье. Уверен, ты думаешь точно так же.

— А разве не все так думают? Не теряй время, Чарли! Обойдемся без прекраснотушных речей. Ты пытаешься обратить в свою веру единомышленника.

Лицо Чарлза посветлело, он испытующе посмотрел на свояченицу.

— Тафтс, мне нужен заместитель, и я хочу, чтобы им стала ты. Ты!

Тафтс возмущенно вскочила, опрокинув стул; главврач тут же подошел к ней и, подняв стул с пола, усадил ее на место.

— Чарли Бердам, ты с ума сошел! Я даже не старшая медсестра и занимаюсь только обучением. Прекрати фантазировать!

Во рту у Тафтс пересохло. Как остановить этот паровой каток?

— И не думаю. Давай разберемся. Ты прекрасно знаешь, что у меня есть определенные политические амбиции. Я собираюсь баллотироваться в федеральный парламент от Корунды, но не раньше 1933-го или 1934 года, что дает мне дополнительное время. Став членом парламента, я уже не смогу работать в больнице. Как любой человек дела, я сумею блюсти свои коммерческие интересы, но в двух местах я работать не смогу.

— Медиков с дипломом везде полно, — резко бросила Тафтс. — Подбери себе замену сейчас и натааскай его.

— Я уже подобрал — тебя. В настоящее время и, смею надеяться, так будет и в будущем, главный врач больницы не обязательно должен иметь медицинский диплом. Правда, большинство из нас его имеют, но очень скоро убеждаются, что на этой должности требуются не медицинские, а чисто управленческие таланты. А ты блестящая медсестра, прекрасно знающая свое дело. Я немедленно делаю тебя своей заместительницей и обучаю всему, что знаю сам. Ты продолжишь исполнять обязанности сестры-инструктора, но при условии, что у тебя тоже будет заместительница.

Тафтс воздела руки к небу — ну как ему втолковать?

— Чарли, умоляю, послушай меня! Прежде всего я женщина. А женщины никогда не занимают руководящие должности, ни в бизнесе, ни в медицине, нигде. Кроме старших медсестер. Такое назначение будет встречено в штыки! Чиновники в Сиднее и Канберре этого просто не допустят. К тому же у меня нет университетского диплома — и вообще никакого. Власти штата просто уволят меня и все.

Чарлз внимательно выслушал, но ее доводы не показались ему

убедительными.

— Будь уверена, я все это предусмотрел. Согласен, тебе нужен медицинский диплом, поэтому я договорился с моим хорошим другом, профессором Хартфордом-Смитом, что ты его получишь. Ты пройдешь краткий интенсивный курс по медицинским предметам и через два года, в ноябре 1933 года, станешь дипломированным медиком. Еще ты подучишься бухгалтерскому делу, это тебе пригодится больше, чем медицинский диплом. Да, придется потрудиться, но дело того стоит. С медициной ты справишься легко, с бухгалтерией будет потруднее, поскольку для тебя это новая область. Хизер Скоуби-Латимер, можешь считать, что ты мое вложение в будущее.

У Тафтс перехватило дыхание, она с изумлением смотрела на своего зятя. Неужели такое возможно? И почему этот опытный и практичный человек решился на такую авантюру? Душа его кровоточила от потери ребенка, но он не опускал рук и делал все возможное для благополучия Корунды. Университетский диплом! Она, женщина, получит степень бакалавра и диплом бухгалтера! Будет ездить на конференции как представитель больницы. Учить практиканток, конечно, интересно, но надо признать, что перспективы, нарисованные Чарлзом, были гораздо более захватывающими.

— Чарли, ты хорошо подумал?

— Не волнуйся, все продумано до мелочей. Вперед, моя дорогая! Только представь: скоро ты будешь начальницей Лиама! — сказал он со смешком.

— Это такой консерватор! Но на эту должность он подошел бы лучше меня.

— Будь это так, я выбрал бы его. Нет, дорогая, Лиам немного староват. Мне нужен кто-нибудь помоложе.

— Я поняла. Лиам не любит живых пациентов, поэтому он и стал патологоанатомом.

Тафтс протянула руку Чарлзу:

— Хорошо, Чарли. Если ты настаиваешь на заместителе-женщине, я согласна. Надеюсь, ты меня не сразу уволишь.

— Тебя я не уволю никогда, Тафтс.

Тафтс помчалась к Лиаму Финакану в отделение патологии, где он сидел среди огромных светокопий, которыми было увешано его отделение, с недавних пор занимавшее новое двухэтажное здание. Чарлз считал, что наладить работу вспомогательных лабораторий гораздо важнее, чем

перестраивать палаты или строить новый операционный блок, по той простой причине, что раньше ими всегда пренебрегали, хотя их значение в диагностике и лечении больных трудно переоценить.

Поэтому он начал с рентгенологического отделения. Его тщательно подобранный глава, доктор Эдисон Мэлви, приступил к своим обязанностям еще до того, как в основание здания был уложен первый кирпич и закуплен новейший рентгеновский аппарат со свинцовым экраном. Ушли в прошлое нечеткие снимки и размытые изображения. Доктор Мэлви поклялся, что, когда все заработает, в Корунде будут те же рентгеновские исследования, что проводят августейшие нейрохирурги с Квинс-сквер.

В результате все здание было отдано в распоряжение патологии со всеми ее направлениями. Радости Лиам Финакана не было предела. Непосредственное переливание крови от донора пациенту существенно повысило значение гематологии. Впрочем, другие направления патологии тоже не отставали. Доктор Финакан был так погружен в светокопии, что совершенно не заметил очевидного: у Тафтс какие-то сногшибательные новости. Тем не менее она терпеливо выслушивала отчет о его сегодняшних достижениях, пока ее вялая реакция не заставила его замолчать.

Узнав наконец новости, Лиам откинулся на спинку стула и, забыв о снимках, уставился на Тафтс.

— Главная проблема Чарли в том, что у него постоянно чешутся руки что-нибудь поменять. Статус-кво — это не для него.

— Ты хочешь сказать, что мне надо было отказаться?

— Нет! Как можно отказываться от такой грандиозной перспективы. Надеюсь, ты согласилась?

— Да, но я в любой момент могу передумать — я же все-таки женщина!

— Ты по-прежнему хочешь посвятить свою жизнь работе в больнице, Хизер? А замуж ты не собираешься?

— Определенно нет, — отрезала Тафтс. — Глядя на Грейс и Китти, я всякий раз убеждаюсь, что замужество не для меня. А когда смотрю на Эдду, то прихожу к выводу, что любовные интрижки меня тоже не привлекают. Слишком рискованно, особенно для главврача.

— Тогда у тебя только два пути, Хизер. Остаться на насиженном месте или шагнуть в неведомую трясину больничного руководства. Мне кажется, быть сестрой-инструктором для тебя мелковато. Но я не даю тебе никаких советов — решай сама, — с необычным холодком в голосе

проговорил доктор Финакан.

Его терзали противоречивые чувства. Глядя на хорошенькое личико, он гадал, как бы могло все сложиться, если бы в их отношения не вмешалась Гerti Ньюдигейт, а ему не пришлось осторожничать, избавляясь от жены. Шестнадцать месяцев в разлуке погасили разгорающийся огонь. Ах, Хизер, мы упустили свой шанс!

Тафтс, глядя на Лиаму, думала совершенно о другом, хотя и она в глубине души считала, что меры, принятые старшей медсестрой, пришлись на крайне неудачное время. Но близких отношений у них не было, и Тафтс никогда не задумывалась, чем все могло закончиться, не будь на свете Эрис Финакан. Они с Лиамом были друзьями и коллегами. Ее продвижение по карьерной лестнице еще шире открывало дверь в мир Лиамы, а о большем она не мечтала.

Бер Ольсен жил по заведенному порядку, который позволял ему как можно меньше видеться с женой и сыновьями. С трудом проглотив тосты, полагавшиеся ему на завтрак, он надевал шляпу и пиджак и выходил за ворота. Потом спускался с холма, переходил Уоллес-роуд и продолжал идти, пока не оказывался на Джордж-стрит, главной улице, которая пересекала всю Корунду.

На углу находился магазинчик Мабуда, но Бер проходил мимо и устало тащился до главного торгового квартала, где витрины многих магазинов были крест-накрест заклеены коричневой бумажной лентой, чтобы показать, что они закрыты. Но Бера это не смущало. Он останавливался у каждого магазина, закрытого или работающего, и подолгу смотрел на витрины. Дойдя до конца, он разворачивался и шел по противоположной стороне. Так он возвращался к магазину Мабуда, где торговали газетами, комиксами, журналами, чаем, мужской и детской одеждой, чайниками и жестяными мисками. Башир Мабуд, симпатизировавший Беру, всегда пытался с ним заговорить, но тот не реагировал или отвечал односложно. Потом он поднимался на холм по Трелони-уэй и возвращался домой, отмахав десяток миль и потратив на это лучшую часть дня.

Бер сильно похудел, но пока не выглядел истощенным. Еда его больше не интересовала, так же как жена и дети. Возвратившись со своей безрадостной прогулки, которую он совершал с постоянством часового механизма, он садился на садовую скамейку, которую им в лучшие времена притащил Джек Терлоу, клал рядом с собой шляпу и, опустив подбородок на грудь, погружался в оцепенение. Скамейку он сразу же развернул так, чтобы сидеть спиной к дому и своей семье, чем крайне огорчил Грейс.

После нескольких неудачных попыток вовлечь Бера хоть в какую-то деятельность, Джек перестал приходить, когда тот сидел дома. Ему было невыносимо видеть, как под напором обстоятельств такой отличный парень полностью теряет себя. Теперь он наведывался к Грейс, когда Бер совершал свои прогулки.

На что же они жили? Грейс, стиснув зубы, принимала от Чарлза то небольшое, что помогало ее семье выживать. От большего она решительно отказалась, несмотря на все уговоры Чарли. Взамен она отправляла Китти незатейливые домашние лакомства, до которых вряд ли бы снизошел французский повар, — сухое печенье, лимонный крем и красное, зеленое и оранжевое желе.

Нельзя сказать, что сознание Бера увязло в топком болоте жалости к себе. В этом случае Грейс, Эдда, Джек и Чарлз смогли бы его расшевелить. Но то, что происходило в его мозгу, никак не укладывалось в рамки логики, здравого смысла или мучительных переживаний. Это была в буквальном смысле сумятица бессвязных мыслей, обрывки песенок и мелодий, которые мелькали так быстро, что даже сам Бер не мог понять, в чем их смысл и как они соотносятся с его теперешней жизнью. Его представление о себе находилось в стадии распада, и когда Грейс, не скрывая раздражения, кричала на него, призывая взять себя в руки, он искренне не понимал, чего она от него хочет и почему так кипит. Витрины магазинов, перечеркнутые бумажной лентой, были для него просто картинками, а Башир Мабуд — незнакомым человеком, произносящим какие-то слова. Его угасающее сознание относилось к телу как к некой машине, которая ходила и смотрела, ходила и смотрела, выполняя тем самым свою главную функцию... Когда Бер добирался до своей скамейки в саду, он был так измотан, что в голове у него вообще не оставалось мыслей.

Несколько раз Чарлз приводил к нему семейного врача Латимеров доктора Дэйва Харпера, и Грейс всегда ждала их мнения, как приговора.

— Боюсь, что мы бессильны, — признался ей Чарлз. — Хотя его состояние не становится хуже. Последний раз мы были здесь три недели назад, и за это время Бер несколько не изменился.

— Он пренебрегает своими обязанностями мужчины, мужа и отца, — с горечью сказала Грейс.

— Это всего лишь красивые слова, Грейс. Ругать его бесполезно, это ничего не изменит. Дорогая моя, ты такая мужественная и стойкая! Ни у кого язык не повернется упрекнуть тебя, даже если ты и поворчишь на Бера.

Чарлз потрепал ее по плечу:

— Выше голову, Грейс!

— Мы едим рыбный паштет и домашний джем, но во многих семьях вообще голодают, так что спасибо тебе за помощь, Чарли, — сказала Грейс, не терпевшая покровительственного тона, но не рискующая показывать это сейчас. — Я знаю, будь твоя воля, мы бы ели ветчину и бифштексы, но я их от тебя не приму. Я благодарна, что ты оплачиваешь счета от Башира Мабуда, но если бы у Бера не помутилось в голове, он был бы против. Мы не пиявки.

— Мне нравится твоя независимость, — искренне признался Чарлз.

— Высокомерный ублюдок, — проворчала Грейс, когда он ушел. — Весь мир страдает, а ему хоть бы что. Тоже мне, важная персона.

То же самое она повторила Эдде, которая тотчас же осадила ее, напомнив, что Чарли только что пережил смерть первенца.

— Может, твои ребята и не едят ветчины, но они здоровы, как кони, так что поубавь тон, Грейс.

По мнению раздавленной жизнью Грейс, Эдда выглядела великолепно. Им уже исполнилось двадцать пять, возраст, который по прежним меркам считался началом увядания женской привлекательности — но это было устаревшее мнение. Длинные приталенные платья, вошедшие в моду в начале 30-х годов, чрезвычайно шли Эдде, подчеркивая ее рост и стройность. Она была такая элегантная! Красный всегда был ее цветом, даже в том рискованном рыжеватом варианте, в котором она предстала перед Грейс сегодня. Платье из тонкого облегающего крепа было надето на голое тело без всяких там нижних юбок и комбинаций, но даже в таком виде Эдда ухитрилась выглядеть вполне приличной женщиной. И она отрастила волосы, густые и черные — зачем?

— Он просто становится в позу, а так вполне приличный парень, — возразила она Грейс, проведя рукой по шелковому чулку, чтобы удостовериться, что шов не съехал в сторону. — У него всегда благие намерения, просто он никак не может отделаться от своих английских замашек. Нам кажется, что он ведет себя покровительственно, а ему это и в голову не приходит. Посмотри, что он придумал для Тафтс — ты ведь за нее рада? — а ведь это все благодаря ему.

— Да, да, я просто счастлива.

Эдда опустила на стол плетеную сумку.

— Ты прекрасно знаешь, что я не занимаюсь благотворительностью, поэтому возьми все это и не обижайся, сестричка. Здесь ветчина, девонширская колбаса, бараньи отбивные и соленая рыба. Не все же вам на паштете сидеть.

Грейс вспыхнула, но сдержалась.

— Спасибо, дорогая, очень мило с твоей стороны.

Пошарив в сумке, она вытащила мясо и положила его на лед.

— Подумать только, женщина — заместитель главврача!

— Ты тоже могла бы продвинуться, если бы не бросила больницу, — безжалостно заявила Эдда. — Пол здесь ни при чем, наша Тафтс отлично справится. Чарлз поможет ей получить степень бакалавра медицины и диплом бухгалтера, так что никакие силы небесные не смогут упрекнуть ее в отсутствии образования. И пусть только кто-нибудь пикнет насчет ее пола. Не рад будет, что на свет родился.

— Ты права, — засмеялась Грейс. — Но ты и сама была бы не прочь стать заместительницей, а, Эдда?

— Да, у Барга или Гайса. Я бы хотела сменить обстановку.

— Ты все время это говоришь. А когда поедешь?

— Когда буду к этому готова.

25 октября 1930 года жители Нового Южного Уэльса отправились к урнам, чтобы выбрать новое правительство. Они проголосовали за Джека Ланга, и в результате к власти пришли лейбористы, чей премьер-министр был убежден, что программа жесткой экономии, предложенная сэром Отто Нимейером, была в корне неверной. Джек Ланг намеревался увеличить государственные расходы и дать работу максимальному количеству людей. Неожиданно возобновилось строительство сиднейского моста и подземки. Ланг был категорически против выплаты процентов по государственным займам штата, пока австралийцы находились в столь бедственном положении, причем именно из-за этих долгов.

Даже постоянно взвинченная Грейс забывала о своих невзгодах, когда углублялась в газеты, которые ежедневно оставлял для нее Башир Мабуд, комментируя прочитанное ни на что не реагирующему Беру, когда он сидел на скамейке после своей ежедневной прогулки.

— Джек Ланг совершенно прав, — заявила она незадолго до Рождества, махнув газетой в сторону Бера. — Посмотри на Корунду! Почти у всех есть работа, а значит, депрессия коснулась нас значительно меньше, чем всех остальных. И все благодаря строительству новой больницы! Милый мой Бер, тебе не повезло, что ты работал в сфере, которая пострадала больше всего. А потом ты посчитал ниже своего достоинства брать пособие за работу, которую ты не в состоянии выполнять. А вот другие не стесняются это делать!

Он, как обычно, не ответил. Вряд ли он вообще слушал жену или

сознавал, что она сидит рядом и, шелестя газетой, говорит, говорит, говорит...

Покончив с первыми двумя страницами «Корунда пост», ежедневной газеты с большими претензиями, Грейс стала читать третью, гораздо более занимательную.

— Ты только посмотри! В Корунде растет количество самоубийств! — беспечно сообщила она. — И почему люди вешаются? Это ведь ужасная смерть — висеть на веревке, постепенно задыхаясь, а так всегда бывает с теми, кто сам накладывает на себя руки. Здесь пишут, что когда вешают преступника, он падает в люк и веревка ломает ему шею, так что он почти не мучается. Нет, я никогда не повешусь и не сделаю ничего такого, за что меня могут приговорить к виселице...

Ее голос упал до шепота, но потом опять громко зазвенел:

— Женщины предпочитают травиться газом, а мужчины нет. Интересно, почему? У газа жуткий запах и от него опять-таки задыхаешься. Ядом травятся редко — наверное, потому что перед смертью людей выворачивает наизнанку, а убирать все это приходится их родным. Поэтому мужчины выбирают веревку, а женщины — газовую плиту.

Она со смешком поднялась.

— Интересно, хотя и жутко! Пора пить чай. У нас опять сосиски, но я сделаю карри для разнообразия. Эдда принесла мне пакет изюма.

Измельчив на кухне изюм, чтобы сделать карри чуть слаще — мальчики не любили слишком острую еду, — Грейс выварила из сосисок соль, потом порезала их кружочками и сбросила в кастрюлю. Смешав растопленное сало, муку и порошок карри, она разбавила все это водой, залила получившимся соусом сосиски и добавила в кастрюлю измельченный изюм. Теперь надо тушить на медленном огне... Готово! Брайану с Джоном наверняка понравится, а может быть, и Бер отведаст немного, особенно если она поджарит хлеб, чтобы намазывать на него соус. Рис становится противным, когда прокиснет, а вот несвежий хлеб можно нарезать кусочками и обжарить с двух сторон, тогда он идет на ура. А прокисший рис годится только в пудинг.

— Ребята, чай готов! — крикнула она, открыв заднюю дверь.

Брайан и Джон явились сразу. Брайан тянул за руку братишку, и оба сияли от радости в предвкушении еды. Они вечно были голодными, и им нравилось все, что готовила мать. Даже рыбный паштет или сэндвичи с белковой пастой, храни их Господь! Во всяком случае, до тех времен, когда на их стол вернется масло и крепкий мясной бульон.

— Бер! Иди пить чай! — позвала Грейс из окна зеленой веранды.

Ее муж сидел на садовой скамье, а его пиджак валялся рядом — весьма необычная небрежность, ведь Бер был очень аккуратен даже сейчас, когда у него помутилось в голове. Рукава его рубашки были засучены, руки лежали на коленях, и Грейс могла видеть только его локти — острые костлявые пирамидки, обтянутые сухой кожей.

— Бер! Чай на столе! — позвала она опять.

Но он не шевельнулся, и Грейс недовольно поджала губы. Новые фокусы. Неужели он не понимает, как это действует на мальчиков? Выйдя из дома через заднюю дверь, она подошла к мужу сбоку. Руки Бера бессильно лежали на коленях, где растекалось темно-красное пятно, захватывая брюки и рубашку и срываясь на землю частыми тяжелыми каплями. К пальцам словно приклеился перочинный нож, залитый загустевшей кровью. Лицо Бера было спокойно, глаза чуть прикрыты, а на губах застыла слабая улыбка.

Грейс не закричала. Подойдя поближе, она увидела на запястьях Бера несколько глубоких порезов. И все же он не сумел добраться до артерий, а перерезал себе лишь вены, из которых кровь сочилась медленно и неохотно, так что умер он не сразу, а расставался с жизнью все то время, пока она готовила карри.

Убедившись в непоправимом, Грейс повернулась и пошла к дому. Поставив перед детьми тарелки с сосисками, она позвонила в больницу:

— Соедините меня с доктором Бердамом и не смейте говорить, что его нет на месте.

— Да? — чуть раздраженно ответил он.

— Это Грейс. Пожалуйста, пришли машину «Скорой помощи» к моему дому. Бер перерезал себе вены.

— Он жив?

— Нет. Пусть кто-нибудь заберет Брайана и Джона.

— Ты поддержишься, пока не подоспеет помощь?

— Что за глупый вопрос. Если бы я не могла держаться, с тобой сейчас бы разговаривал кто-нибудь другой. Не суетись, Чарли. Если Лиам на месте, пришли его сюда. Он ведь коронер, а это самоубийство.

И Грейс повесила трубку.

На этот раз обитатели Трелони-уэй не прятались за занавесками. Они высыпали на улицу и стояли у своих домов, наблюдая, как к дому Ольсенов подъезжает машина «Скорой помощи». За ней следовал «паккард», в котором сидели Чарлз, Эдда и Тафтс; Лиам приехал на «скорой».

Тафтс занялась детьми и стала готовить их ко сну. Ну кто бы мог

подумать, что Грейс станет такой разумной и предусмотрительной? Мальчишки ни о чем не подозревали, их мать вела себя как обычно, а машины «Скорой помощи» и любопытных соседей они просто не видели: поплескавшись в ванне, они прямиком нырнули в постель.

Лиам Финакан и двое санитаров отнесли к останкам Бера в высшей степени уважительно, а один из санитаров даже смыл кровь со скамейки и земли, чтобы Грейс не пришлось делать это самой. После этого «скорая» тихо удалилась, а соседи бросились к телефонам, чтобы разнести по всей Корунде собственные версии того, что случилось с бедным безобидным Бером Ольсеном.

После того как «скорая» уехала, а мальчишки были отправлены спать, беспримерный стоицизм Грейс стал несколько угасать, и пальма первенства по части здравого смысла перешла к Чарлзу с Эддой. Самое страшное было позади.

— Хуже уже не будет, — сказала Грейс.

— Ты отлично держалась, — похвалила сестру Эдда, взяв ее за руки. — Я тобой горжусь.

— Просто я взяла себя в руки, — сказала Грейс. Лицо ее побелело, и на нем выразилось страдание. — Разве я могла допустить, чтобы мои дети увидели отца в таком состоянии? Теперь у них нет отца, но их по крайней мере не будут мучить ночные кошмары. Когда у тебя дети, все становится по-другому, Эдда. — Глаза Грейс наполнились слезами. — А я приготовила такой необычный полдник! Сосиски под соусом карри с твоим изюмом. Мальчишки съели все до последнего кусочка, и я отдала им порцию Бера, которую они тоже смели. Значит, я их недокармливаю. Буду и дальше готовить на четверых и отдавать им порцию отца. Там, где он сейчас, еда не нужна, — невесело усмехнулась она.

— Что-нибудь предвещало такой конец? — спросил Чарли.

— Абсолютно ничего, хотя я и обсуждала с ним статью о самоубийствах в сегодняшней «Пост». Но он даже не слышал, что я говорю, честное слово! — воскликнула Грейс, хватая предложенный ей носовой платок. — Ты думаешь, Эдда, это я натолкнула его на такую мысль? Я же просто хотела его хоть чем-нибудь заинтересовать! Я каждый день читала ему газеты, ей-богу!

— Ты не должна винить себя, Грейс, — решительно произнес Чарлз.

Она с изумлением взглянула на него:

— А я и не виню себя, Чарли. С какой стати? Если я и подала ему идею, так ведь не нарочно. Это все равно что винить женщину за духи, если ее укусила пчела. Странные вы все-таки, помми! Везде видите какой-

то скрытый смысл. Нет, во всем виноват сам Бер. Как же я его любила! Даже когда мне хотелось перерезать ему горло из-за его проклятой гордости, я все равно продолжала его любить. Господи, а что же я скажу детям? Папа должен мне помочь.

— Завтра, Грейс, не сегодня, — возразил Чарлз. — Твоя выдержка смягчит для них этот удар, а в школу они еще не ходят, так что дети не будут их дразнить.

— Нашел о чем думать! — воскликнула Эдда. — Ничего, Грейс, пусть поплачут по своему папочке. Это вполне естественно. И ты сама найдешь нужные слова.

— Но на что же я буду жить? Придется побираться.

Это доконало ее окончательно, и Грейс безутешно разрыдалась.

А Эдда мысленно удивлялась, как мало она знает о своей сестре, причудливо сочетавшей трезвый прагматизм с полным отсутствием предусмотрительности! Пока она жила, оторвавшись от реальности, ее сестра накапливала жизненный опыт. Когда жизнь была легка и беззаботна, это была эгоистичная пустоголовая курица, а когда времена изменились, она вдруг превратилась в героиню, ни в чем не уступавшую другим женщинам. Эти две Грейс существовали пообок, переругиваясь друг с другом, как узники в одной камере, но в конце концов новая сильная Грейс одержала верх.

Открыв черную сумку, Чарлз вынул шприц и ампулу и вонзил иглу в руку Грейс, прежде чем она успела протестовать.

— Сейчас тебе надо поспать, и я этому, как мог, поспособствовал. Эдда, уложи ее в кровать.

— Весьма разумно, Чарли, — сказала Эдда, возвратившись из спальни. — Тафтс читает мальчикам книжку и просила начинать без нее.

— Нам надо решить, что делать с Грейс, — вздохнул Чарлз, поморщившись, как от боли. — Я сам расскажу обо всем Китти — она будет потрясена. И сообщу вашему отцу.

— Китти ты можешь рассказать, а вот с отцом поговорю я, — заявила Эдда, недовольно вздернув губу. — И возьми с собой Тафтс, Китти понадобится ее поддержка.

Разозленный Чарлз набросился на Эдду:

— Черт бы вас побрал, сестрички вездесущие! Китти обойдется без вас! Она моя жена и вполне взрослая женщина, не нужны ей никакие сестры!

Хлопнула задняя дверь, и в комнату вошел Джек Терлоу.

— Это правда? Весь город гудит.

Вторжение Джека предотвратило битву гигантов.

«Самовлюбленный маленький диктатор!» — думала Эдда, заваривая чай, пока Чарлз рассказывал Джеку, что произошло, не забывая подчеркивать собственную значимость.

Но Джек не обладал терпением Эдды и не собирался оставаться на вторых ролях. Он ударил кулаком по столу:

— Грейс не твоя забота, Чарли. Я позабочусь о ней и мальчиках. Пусть пакует вещи и переезжает в Корунду-бар. Я собираюсь на ней жениться, но совсем не для того, чтобы заткнуть рты местным квочкам, которые блюдут у нас мораль. Просто ей нужен муж, иначе она не справится со своими ребятами. Моя глупая мамаша сваяла дурака, когда умер отец, и чуть не загубила своих детей. Пастором тогда был форменный мракобес, не чета Тому Латимеру. Он заморочил голову моей матери, запугал ее и заставил жить по чужим правилам. Главное, что люди скажут. С какой стати одинокая женщина с детьми должна слушать всяких досужих кумушек? Грейс переезжает ко мне, понятно? Я не допущу, чтобы она нуждалась! И я дам ее сыновьям образование, слово Терлоу! Том Бердам хотел для дочери совсем другого жениха, но мой отец был прекрасным мужем и отцом. Я заколочу этот дом досками до лучших времен, а потом Грейс продаст его, чтобы иметь собственные деньги.

Джек всхлипнул и замолчал, удивленный собственным красноречием. Он взглянул на Чарлза, потом перевел взгляд на Эдду и сгорбился, словно на плечи ему навалилась огромная тяжесть.

Чарлз был так поражен, что потерял дар речи.

В голове у Эдды завертелся вихрь мыслей. «И это говорит Джек Терлоу, ради которого я столько лет торчу здесь? Если бы на месте Грейс оказалась я, он бы бросился мне на помощь, как сэр Галаад за чашей Грааля? Джек не любит ни меня, ни Грейс, он предан долгу, словно сам Господь призывает его на святое служение. Он всегда пытался взять на себя обязанности Бера, а сейчас бросается на Грейс, как безумный на отражение луны в пруду».

— Мой дорогой друг! — начал Чарлз в лучших традициях помми. — Есть ли в этом необходимость? Уверю тебя, я буду счастлив поддержать Грейс и ее детей. Это мой долг, а не твой.

— Мы с Бером были приятелями, — резко возразил Джек. — Тебе мало, что ты печешься обо всей Корунде? У меня хватит места и времени для Грейс.

Когда в кухню вошла Тафтс, Чарлз Бердам что-то горячо и бессвязно говорил, а Эдда возилась с чаем с таким отрешенным видом, словно

находилась на другом континенте.

— Присядь, Эдда, я сама заварю чай, — сказала Тафтс.

— Джек говорит, что хочет забрать Грейс с мальчиками на свою ферму.

— Интересно. Сиди, Эдда, сиди! Чарли, ты прихватишь меня с собой, и мы вместе расскажем все Китти, — продолжала Тафтс. — А отцу сообщишь ты, Эдда? Отлично! И закрой рот, Чарли, ты наглотаешься мух, а они разносят инфекцию.

Это было не единственное самоубийство в Корунде. Дела не становились лучше, депрессия распространилась на всю Австралию, и Корунда не стала исключением. К растущей безработице прибавилось повсеместное сокращение зарплат. От режима жесткой экономии не пострадали только банкиры и председатели совета директоров, что было общемировой практикой — власти старались защитить своих жирных котов.

Благополучие Корунды продержалось дольше, чем у других, но в конце концов и оно стало стремительно распадаться, несмотря на строительство новой больницы. Масштабы жесткой экономии становились все более очевидными по мере того, как в газетах и журналах появлялось все больше статей, посвященных оздоровлению экономики. Депрессия продолжала перемалывать экономику, и темы, которые до 29 октября 1929 года были весьма далеки от рабочего человека, теперь широко обсуждались в пабах и бесплатных столовых.

Смерть Бера Ольсена, находящегося в кое-каком родстве с Бердами и Тридби, вызвала в Корунде массу пересудов, и самой животрепещущей темой стала проблема с захоронением — ведь самоубийц не положено хоронить в освященной земле. Незначительное, но очень активное меньшинство настаивало на том, чтобы грех самоубийства был наказан посредством погребальных санкций в виде отказа в благословении и последнем упокоении в освященной земле. Монсеньор О'Флаерти, как и ожидалось, занял самую жесткую позицию, несмотря на то что его викарии придерживались более умеренных взглядов. Такую же непримиримость продемонстрировали и некоторые протестантские священники. Полемика была оживленной и беспощадной и породила новый раскол в христианском мире: два самоубийства в Вест-Энде сопровождались массовым исходом прихожан из католической церкви, когда преподобный Томас Латимер заверил семьи погибших, что Бог Генриха VIII в вопросах погребения более уступчив, чем Ватикан, хотя один из его собственных викариев был иного мнения и, подобно монсеньору О'Флаерти, утверждал, что

самоубийство — это единственный грех, которого Господь не прощает.

Томас Латимер, представлявший в Корунде довольно грозную силу, гремел с кафедры во время поминальной службы, что ни один мужчина, женщина или ребенок, покусившийся на свою жизнь в таких условиях, как сейчас, не может находиться в здравом уме: сумасшествие тоже является даром Божиим, а самоубийство — это его неотъемлемая часть. Его компетентное мнение, высказанное в столь эмоциональной форме, в условиях 1931 года казалось разумным, логичным и вполне приемлемым, хоть и вызывало некоторый душевный протест.

Идя за Грейс с сыновьями, облаченная в черное Эдда оглянулась, чтобы оценить размер толпы, следовавшей за гробом на небольшое кладбище рядом с церковью Святого Марка, где хоронили членов пасторских семей, а также Бердамов и Тридби. Сплошной черный поток без единой светлой точки. В эти тяжелые времена в траурных одеждах не было недостатка.

Сейчас умирает гораздо больше, чем рождается. Мужья больше не спят со своими женами, потому что не знают другого способа избежать зачатия. А кто сейчас рискнет заводить детей? Дела становятся все хуже и хуже.

«А что происходит с нами, сестрами Латимер? Мы тоже не в лучшем положении.

И этот дурень Джек Терлоу! Трещит на всех углах, что готов приютить Грейс, и люди уже начинают шептаться, что моя сестра подцепила нового мужа, еще не похоронив прежнего. Какие злые языки! Да посмотрите на нее, дураки! Она же в отчаянии от своей утраты. И никто не сможет ей помочь, даже этот чертов Джек Терлоу! Воображает, что нашел свое предназначение в жизни. Но если мы ее не поддержим, она ляжет под Джека и будет полностью ему подчиняться. Она несамостоятельная и должна обязательно на кого-нибудь опираться. Грейс быстро найдет утешение.

Мы похожи на черных ворон. Я знала, что Китти придет. Я вонзаю шипы, Китти сразу сносит голову, Грейс приносит воду, а Тафтс опускает людей на землю. У каждой из нас свое предназначение.

После замужества Китти стала очень зависимой, Чарлз Бердам — собственник по натуре. Но ведь таковы все мужчины, у них звериные инстинкты. Он нарочно изолировал ее на Католическом холме. Без машины туда не доберешься, а мне не по средствам иметь машину. Китти водить не умеет, и он ее не учит. Как замужество все меняет! Появляется чужой

человек, и наша четверка распадается. Как же мне не хватает Китти!

Бедняжка Брайан. Ему ведь всего два годика, и он с трудом тащит свои маленькие ножки — штаны до колен, подтянуты чуть не до подмышек, слишком большой пиджачок, застегнутый на все пуговицы, чтобы как-то держаться на плечах, галстучек, черная повязка на рукаве. Левый носок спустился, из носа текут сопли, на голове торчат белобрысые вихры. Какой чудный мальчишка! Ведь в них обоих течет и моя кровь. И этот запах левкоев и гвоздик! Сладкий и одновременно горький. Теперь он всегда будет напоминать мне об этих ужасных похоронах».

Хотя поминки считались католической традицией, преподобный Томас Латимер решил устроить после похорон прием, на который собралось около сотни человек. Там были напитки на выбор и множество фуршетных закусок. Расходы оплатил Чарлз Бердам. Тафтс отвлекала Чарлза, пока Эдда говорила с Китти, затащив ее в маленькую комнатку, о которой знало только семейство пастора. Смерть Бера расстроила Китти, но не выбила ее из колеи, даже несмотря на ее собственную недавнюю потерю. Выглядела она прекрасно.

— Ты стала одеваться гораздо лучше, — заметила Эдда, садясь на стул напротив сестры. — Шляпа просто потрясающая, где ты ее купила?

— Это не я, — тихим медовым голосом ответила Китти. — Чарли обожает рыскать по магазинам, чтобы купить мне что-нибудь по своему вкусу. — Она еще больше понизила голос: — Он разбирается в одежде не хуже, чем женщина, и вкус у него гораздо лучше, чем у меня. Во мне в этом смысле слишком много от Мод.

Китти вздохнула и засмеялась своим мелодичным смехом — как чудесно слышать его снова!

— Чарли такой собственник, никак не может смириться, что я люблю и своих сестер тоже.

Она пожала плечами:

— Ему сложно это понять. Он ведь был единственным ребенком и не знал своих родителей. Поэтому он считает, что моя привязанность к сестрам умаляет мою любовь к нему, и я никак не могу втолковать ему, что это совершенно разные вещи, никак не связанные друг с другом. Как же мне надоело жить на этом проклятом холме! Из-за депрессии в Корунде пропали такси, и мне приходится нанимать частных, а это незаконно.

— Прости, но у вас же несколько машин, — сказала Эдда, стараясь не цедить сквозь зубы. Вот ублюдок!

— Но я не умею водить.

— Знаю, но ты же можешь научиться. Спросишь, зачем? А затем, чтобы по средам ездить к нам с Тафтс в больницу и там вместе обедать. Ты ведь не боишься Чарли? — спросила Эдда, строго посмотрев на Китти.

— Нет, нет! — вспыхнула та. — Просто у него относительно меня всякие идеи, и он четко представляет, как должна вести себя его жена. Он контролирует каждый мой шаг! Сестры должны уйти в прошлое вместе с детством. Можно подумать, что, выйдя за него замуж, я так высоко взлетела, что все, что я делала раньше, не имеет никакого значения! Одно я знаю наверняка — Чарли не позволит мне хоть как-то зависеть от сестер.

Эдда была потрясена: она никак не ожидала, что Китти таит обиду на мужа. Возможные перемены в судьбе Грейс сразу же отошли на второй план. Появившаяся Тафтс пришлась как нельзя кстати.

Когда поцелуи и объятия закончились, Китти продолжила тему:

— Если бы вы только знали, как я ненавижу этот дом на холме!

— Помнится, ты с большим удовольствием его обставляла, мы же вместе ездили за покупками, — сухо сказала Эдда.

— Да, по крайней мере у меня было какое-то занятие! А теперь — ну как вы не понимаете? У вас прекрасная работа, вы востребованы, пользуетесь уважением и всегда на виду. А я?

— О, Китс! — воскликнула Тафтс со слезами в голосе, но уже не по поводу несчастья Грейс. — Только не говори, что ты не любишь Чарли!

— Наверное, люблю, раз мирюсь со всем этим. Я не собираюсь уходить от него и вовсе не потому, что боюсь быть побитой или даже убитой, как это часто случается с женщинами. Но Чарли считает, что я должна быть все время при нем и являться по первому зову, а если я встречаюсь с сестрами, он страшно недоволен и дуется. Как будто я не имею права общаться с теми, кого люблю. Он никогда не поднимает на меня руку, даже если взбешен, но все равно заставляет меня страдать. На папу эти ограничения не распространяются, потому что видеться с ним я могу только в присутствии Мод, а Чарлз не такой дурак, чтобы не видеть, как я к ней отношусь. Но вот сестры — о, это совсем другое дело!

Тафтс нежно поцеловала сестру.

— Дражайшая Китти, Чарли тебя просто ревнует, и с этим ничего не сделаешь, такой уж у него характер. Ты должна с этим смириться, но в то же время не уступать. Будь посамостоятельней и начни с того, что теперь ты будешь встречаться со мной, Эддой и Грейс в любое время, когда сочтешь нужным. Если Чарли будет выступать, скажи ему, чтобы заткнулся: ты все равно будешь видеться с нами, даже если это ему не по нутру. Давай, давай, тебе это вполне по силам!

«Может, вся эта канитель из-за этого злосчастного выкидыша? — подумала Тафтс. — Никто не знает, почему это произошло, а неизвестность только усугубляет трагедию. Вероятно, он винит ее, а она — его. Эх, Чарли, ну зачем ты скрывал от нее свое горе? Если бы ты открылся Китти, она бы не стала сейчас громоздить обвинения. А он, конечно, считает, что в сестрах она ищет утешения. Какая чушь!»

Внезапно настроение Китти изменилось.

Сине-сиреневые глаза хитро заблестели, на лице появилось заговорщицкое выражение.

— Девочки, скажите мне, что происходит? Выглядит все чинно, но здесь есть какая-то интрига. Что-то связанное с Джеком Терлоу. А Чарли ведет себя как ханжа, скрывающий какую-то неприличную тайну. Ты слишком слаба, тебя нельзя расстраивать, все это пустые сплетни, которые тебя вряд ли заинтересуют, и так далее и тому подобное. Скажите мне, я тоже должна знать!

Эдда, как кошка, вскочила на ноги и, обняв Китти, поцеловала ее.

— Главное действующее лицо здесь Джек Терлоу, и, мне кажется, он слегка повредился в уме, иного объяснения я не нахожу. Он просто находка для психиатра со всеми своими комплексами, внезапными порывами и так далее...

— И тому подобное, — подхватила Китти, смеясь.

— Ничего смешного, Китти! Но я рада, что ты опять смеешься. Это чудесно! Мужчины ужасные собственники, и мы только что убедились в этом на примере Чарли. Поэтому я никогда не выйду замуж. Не желаю быть чьей-то собственностью. Наш Джек оказался овцой в волчьей шкуре, улиткой в гоночной машине и слоном, прячущимся за песчинкой. Форма не соответствует содержанию. Я должна была догадываться, ведь мы столько лет были вместе. Джек блуждает в тумане, который создает сам.

Лицо Китти посветлело.

— Как точно сказано! В тумане! Чарли блуждает в таком же тумане. Но Джеку ничего не грозит, потому что ты вряд ли выйдешь за него замуж. Он резвится, как молодой бычок, не рискуя быть окольцованным.

— Неплохие метафоры, девочки, — усмехнулась Тафтс.

— Да что такого собирается сделать Джек? Почему Чарли считает, что это повергнет меня в пучину горя и отчаяния? — спросила Китти, чувствуя, как ее накрывает теплая волна любви к этим замечательным женщинам, которые не теряют мужества даже перед лицом смерти.

— Он завтра забирает Грейс с детьми к себе на ферму и в срочном порядке женится на ней, — сообщила Тафтс, подавая Китти бокал

игристого вина. — Выпей-ка, Китс.

— Неплохо, — одобрила Китти, пригубив вино. — Хотя сегодня мне и моча показалась бы годной к употреблению.

— О, Китти, я люблю тебя! — воскликнула Эдда.

— Конечно, любишь, — промурлыкала та. — Эдда, Джек Терлоу был тем предлогом, который якобы удерживал тебя в Корунде. Ты думаешь, мы не знали, что он всего лишь отговорка? На самом деле тебя здесь держит мистическое родство душ сестер Латимер, а не какой-то посторонний мужчина. Пока ты не уехала — а ты обязательно уедешь, — ты делаешь наши жизни богаче и полнее, чего Чарлз, будучи мужчиной, никак не может понять. Понравится это Чарли или нет, но я научусь водить и буду ездить к моим сестрам, когда захочу.

— Все это прекрасно, но давайте вернемся к Джеку Терлоу, — предложила здравомыслящая Тафтс. — Что вы об этом думаете?

— А ты что думаешь? — задала ей встречный вопрос Китти.

— Он сошел с ума. Бедная Грейс!

— Полностью согласна, — подала голос Эдда.

Повисло молчание. Сестры неторопливо потягивали вино.

— Мод практически исчезла из нашей жизни, — неожиданно сказала Эдда. — По крайней мере из моей.

— К нам в Бердам-хаус она сует нос регулярно. Прикатывает на папиной машине, — беспечно сказала Китти, со стуком ставя на стол бокал. — После того как я вышла замуж, она потеряла интерес к жизни. Теперь ее роль перехватил Чарли. Они оба наполеоны с чудовищным самомнением, разница только в наличии пениса.

— У тебя все тот же злой язычок, Китс! Пенис! Вообще-то это медицинский термин, но для людских ушей звучит неприлично, — засмеялась Эдда. — Как ты находишь Мод, малышка?

Китти сделала гримасу.

— Ах, Мод! Наша Клитемнестра или правильнее Гекуба? Я перестала ее бояться, как только мы стали работать в больнице. А после замужества злое наваждение рассеялось как дым, и она просто перестала для меня существовать. Отец ее полностью нейтрализовал, и сейчас она что-то вроде мебели в пасторском доме.

В дверь просунулась золотистая голова с недовольным выражением на лице.

— Вот вы где! — пробурчал Чарлз, широко распахивая дверь. — Очередной заговор? Секреты от меня? Я этого не потерплю, красавицы.

— Это наши женские секреты, вряд ли они стоят твоего внимания,

Чарли, — сказала Эдда, вставая. — Но прими к сведению: Китти будет приезжать к нам в больницу каждую среду, чтобы вместе с нами пообедать. Тебя мы не приглашаем даже постоять под дверью.

Подойдя к Чарлзу вплотную, так что она возвышалась над ним, словно башня, Эдда продолжила говорить, для убедительности тыкая его указательным пальцем в грудь:

— Ты утащил Китти на вершину холма, и я практически не вижу свою сестренку. С этим пора кончать. Ты даже не научил ее водить машину.

Чарлз вспыхнул и плотно сжал губы.

— Досадное упущение, — сухо проговорил он. — Завтра же начну давать ей уроки.

— Ну, нет. Из мужей плохие учителя! — быстро возразила Эдда. — Берт, наш водитель «скорой», считается лучшим инструктором по вождению.

— Пусть будет Берт, — сложил оружие Чарлз. — А сейчас, дамы, вам пора вернуться к остальным.

Поминки были в разгаре, и их участники, уже изрядно нагрузившись, прилагали максимум усилий, чтобы достойно проводить Бера в мир иной. Мод забрала Брайана и Джона к пастору домой, где пока остановилась Грейс, и освободившаяся от детей вдова стала как-то заметнее.

Когда все произошло, с ней рядом были пастор, доктор Лиам Финакан, доктор Чарлз Бердам, старый Том Бердам, Джек Терлоу и мэр Николас Мидлмор. Ее сестры стояли чуть поодаль в компании медсестер: Гертруды Ньюдигейт, Мэг Мултон, Марджори Бейнбридж и Лины Корриган.

Глядя на Грейс, Лиам Финакан отметил про себя, что она выглядит как настоящая вдова: изможденная и как бы бесплотная, с огромными измученными глазами, выцветшими до белизны.

Руки без перчаток крепко обхватили стакан с белым вином; когда Грейс поворачивала голову, на ее профиле обозначалась четкая линия скул. И все в зале вдруг стали смотреть только на нее, словно она была актрисой на сцене. Казалось, она готовится сыграть в этом спектакле главную роль.

— Джек! — прозвучало вдруг как свист кнута.

Джек и так на нее смотрел, но ее тон заставил его вздрогнуть.

— Да, Грейс? — с нежной улыбкой отозвался он.

И тогда она громко заговорила, тщательно выговаривая каждое слово, словно читала что-то написанное заранее:

— По Корунде ходят слухи, Джек, и я долго думала, как их опровергнуть. Говорят, что я, не дождавшись, когда моего мужа предадут

земле, уже нашла ему замену. Я не давала ни малейшего повода для подобных слухов, и поэтому сегодня, в день похорон моего любимого супруга, я намерена положить этому конец.

— Грейс, прошу тебя, — в замешательстве взмолился Джек. — Не знаю, что на тебя нашло, но здесь явно не место для таких объяснений.

— А я так не считаю.

Вручив свой стакан Нику Мидлмору, словно это был официант, Грейс вышла в центр зала.

— Сейчас как раз самый подходящий случай, чтобы все узнали, что я думаю о своем будущем и будущем моих детей.

Гадая, что сейчас произойдет, ее сестры замерли в напряженном ожидании, не делая попыток подойти к ней — она должна справиться сама, без посторонней помощи.

— Хотя о моем будущем позаботились из самых лучших побуждений, меня саму почему-то забыли спросить, — заявила Грейс, впившись в Джека взглядом. — Ты очень добр ко мне, Джек, и я благодарна тебе за это, но в моем теперешнем несчастье я не одинока. У меня есть семья, друзья, хорошие соседи. Я всей душой любила своего мужа и вряд ли смогу полюбить другого мужчину. Я порядочная женщина. Мой отец — пастор церкви Святого Марка. Как же я могу бросить вызов общественному мнению ради материальных благ, от которых я уже успела отвыкнуть? Меня будут считать распутницей — и совершенно справедливо! Джек, давай останемся друзьями. Я искренне тебя благодарю, но переезжать в Корундубар не собираюсь. Мой дом на Трелони-уэй.

— Bravo, Грейс, — прошептала Эдда, встретившись глазами с Тафтс и Китти. В глубине души они были уверены в таком исходе.

Джек Терлоу стоял, как громом пораженный. Взяв Грейс за руку, он посмотрел на нее, как жертва, над которой занесли топор. Скривив рот, он покачал головой и попытался что-то сказать, но кроме «я...» так и не смог ничего из себя выдать.

«Бедняга! — подумала Китти, впервые увидев Джека Терлоу в ином свете. Раньше он был для нее всего лишь прирученным тигром Эдды. — И дело тут не в отвергнутой любви, ведь он не любит Грейс. Больно пережить публичное унижение, которое ничем не заслужил. И как ему объяснить, что он сам виноват?»

Чарлз поспешил Джеку на помощь:

— Ты ни в чем не виноват, Джек, просто сплетники извратили твои добрые намерения.

И взяв Джека за плечо, Чарлз быстро увел его.

— Мы так и знали, что она откажется, — сказала сестра Ньюдигейт.

— Тут все дело в ее характере, — заметила Мэг Мултон. — Грейс предпочитает жить похуже, тогда можно бесконечно жаловаться.

— Копаться в навозе в Корундубаре и отправлять своих сыновей в Кембридж — это не для нашей Грейс, — включилась в разговор Тафтс. — Ей нравится на Трелони-уэй.

— Почему бы и нет? — засмеялась Лина Корриган. — Грейс там королева и отречься от престола не собирается. Она столько лет ждала, когда ее коронуют, а после смерти мужа будет как королева Виктория.

— Ну, ты ихватила, Лина, — подняла брови Эдда.

— Ни черта подобного! Ты этого не видишь, потому что Грейс твоя близняшка, а у нее есть подход к людям. Ты считаешь ее глупой и никчемной, потому что она не выучилась на медсестру, а для женщин с Трелони-уэй она очень даже умная и образованная. Окончила среднюю школу, учила там историю, географию, литературу, алгебру и бог знает что еще. И ни чуточки не задается. Она отличная хозяйка, в доме все так красиво, а перед соседями не выставляется. Чудеса, да и только! Женщины на Трелони, конечно, не такие неотесанные, как мы в Вест-Энде, но все же попроще, чем на Католическом холме. И Грейс у них королева.

— Ты права, Лина, — согласилась Тафтс. — Я чаще других навещаю ее и вижу, что она вечно занята местными проблемами. Bravo, Грейс!

— И полтора года в больнице не пропали для нее даром, — задумчиво произнесла Китти. — Соседки сначала приносят больного ребенка Грейс, а уж потом идут к врачу. Времена сейчас тяжелые, а врачи стоят денег. Часто бывает достаточно одной Грейс.

— Откуда ты все это знаешь, Китс? — удивленно спросила Эдда.

— До Католического холма тоже доходят слухи.

— Бедный Джек!

Сказав это, Эдда направилась к отвергнутому претенденту.

— Не грусти, Джек, — ровным голосом сказала она. — Все к лучшему, хотя сейчас тебе так не кажется. Скажи спасибо, что Грейс не испортила тебе жизнь. Вы совершенно не подходите друг другу. Как это ни смешно звучит, но твой толстый избалованный котище немедленно сбежит, как только Грейс переступит порог, а вскоре и тебе захочется последовать его примеру. Грейс вовсе не слабая и беспомощная. Она из закаленной стали. Если бы ты приютил Грейс с ребятами, тебя в Корунде вряд ли бы кто осудил. А вот она заслужила бы всеобщее презрение. Никто не в восторге, когда бедные вдовушки выходят за богачей. У Грейс потрясающий инстинкт самосохранения, и она поступила совершенно правильно,

публично отвергнув твой широкий жест.

— И сделала из меня дурака.

— Ерунда! Ты у нас просто рыцарь в сияющих доспехах. Ну кто такого осудит? А теперь и о Грейс ничего плохого не посмеют сказать. Вы оба безупречны и благоухаете, как розы.

Тело Джека болезненно изогнулось.

— Но я действительно хотел связать свою жизнь с Грейс. У меня есть ферма, я смогу выстоять депрессию, но мне бы хотелось иметь наследников. Брайану и Джону у меня бы понравилось.

— Тогда действуй, но не сломя голову, — посоветовала Эдда, стараясь не показать виду, чего ей это стоило. — Ухаживай за ней, как положено. Ее попытки держать тебя на расстоянии продлятся ровно до того момента, пока не сломается дверь в курятнике или на картофель не нападет ухвертка. Грейс привыкла по каждому поводу обращаться к тебе. Так дай ей такую возможность.

В глазах Джека сверкнул огонь. Губы растянулись в тонкую ниточку.

— Да пошла она к черту! Мне плевать, пусть ее курятник хоть весь развалится, а ребята будут есть толченых ухверток! Она сделала из меня посмешище!

— Ты меня разочаровал.

— Вы, сестрицы, одна шайка.

— Разумеется.

Ее волчьи глаза взглянули на него с откровенной издевкой.

— Ты долго был для меня загадкой, Джек Терлоу. Но теперь она разгадана. Под роскошной оболочкой супермена оказалось соломенное чучело, безмозглое и бесхребетное.

Отвернувшись, Эдда подошла к женщинам; грудь ее вздымалась, словно она пробежала с десятков миль, преследуемая убийцей.

— Прощай, Джек? — спросила Китти.

— Уж лучше спать с огородным пугалом! С этим покончено.

Начало 1931 года ознаменовалось ужасным открытием: экономические проблемы не преодолены и продолжают тянуть страну на дно. Вояж Джеймса Скаллина в Европу еще более усугубил раскол в Лейбористской партии, и когда он вернулся в Австралию, оказалось, что его заместитель Джо Лайонс уверенно набирает очки, приобретая все большую популярность среди населения.

Чтобы порадовать Чарли, Китти старалась держаться в курсе политических событий, но очень скоро убедилась, что политика и те, кто

ею занимается, ее совершенно не интересуют. Те из них, с кем ей довелось встречаться, казались Китти такими же скучными, как и большинство мужчин. Перхоть, отвисшие животы, плохие зубы, лысины с зачесанными на них волосами, носы, покрасневшие от частых возлияний, жирные пятна на галстуках — все это никак не располагало к симпатиям.

— Если бы радиоприемники имели экран, политикам пришлось бы несладко! — заявила она Чарлзу. — Избиратели видели бы тех, за кого они голосуют. Среди всей этой публики не наберется и горстки приятных людей, за которых хотелось бы отдать свой голос. Неужели их жены этого не видят?

— Но я бы тебя не разочаровал, — самодовольно произнес Чарлз.

— Верно, но, кроме Корунды, тебя нигде не знают.

Увы, это было правдой.

Чарлз чувствовал, что после смерти ребенка Китти сильно изменилась, и одним из симптомов было ее желание научиться водить машину. В этом он винил ее сестер, хотя в глубине души признавал, что не прав. Сами по себе они были ему симпатичны, но только не в качестве своячениц.

Труднее всего было понять, почему Китти так остро реагирует на его вполне естественное желание оберегать ее, причем со временем ее раздражение только росло. К концу 1930 года она снова завела речь о беременности, а когда он стал возражать, мотивируя тем, что ей надо как следует восстановиться, она и не подумала принять его аргументы всерьез. Вместо этого она тайком пробиралась в его одинокую постель, а он был не в силах устоять. Китти ликовала, его же обуревали страхи.

— Чарли, я хочу иметь детей! — горячо убеждала его она. — Мне нужна настоящая семья, в этом я вижу смысл своей жизни! И не говори, что таким смыслом являешься ты, потому что это не так! У тебя на первом месте политика, на втором больница и только на третьем я. А у меня нет ни политики, ни больницы. Меня заточили в пустой мавзолей на вершине холма, а я хочу дом, где много детей! Не витрину, не выставку, а настоящий дом — ты меня слышишь? Дом!

— Так и будет, Китти, так и будет! Только подожди немного, не торопись, прошу тебя!

Перед Пасхой Китти пришла навестить отца и стала изливать перед ним душу:

— Я с этим даже к сестрам обратиться не могу. Мне нужно поговорить с кем-нибудь родным, но старше и мудрее, — говорила она, прогуливаясь с отцом по цветущему саду. — Остаешься только ты, отец, ведь ты так много повидал в жизни.

Сад буквально утопал в цветах — розы, астры, бегонии и огромные ромашки. Проходя мимо этого великолепия, пастор в очередной раз готовился врачевать раны своей вечно страдающей дочери. Как жаль, что Мод оказалась такой неразумной матерью, а ее дочь родилась столь редкой красавицей.

— Я весь к твоим услугам, Китти. Расскажи мне, что тебя тревожит.

— Меня мучает одна мысль, от которой я никак не могу избавиться.

Глаза Китти налились слезами.

— Я не должна была выходить замуж за Чарли. Нет, я его люблю, дело здесь не в этом. Но мне почему-то кажется, что это он виноват в моем бесплодии. Мы с ним просто не можем иметь детей.

Томас Латимер подвел дочь к скамейке и, усадив, опустился рядом, взяв ее руки в свои.

— Это Мод внушила тебе?

— Нет! Честное слово, папочка! После замужества я с ней ни о чем не говорю, даже когда она приезжает меня проведать. У нее что-то с головой, ты не замечал?

— Да, дорогое дитя, я об этом знаю.

— Нет, я сама так решила. Мы с Чарли не можем иметь детей, потому что не подходим друг другу.

— Выбрось это из головы, Китти, — строго сказал пастор. — Это все от лукавого. Твой муж вполне полноценный мужчина, вы идеальная пара, и ничто не помешает вам иметь детей. То, что случилось с маленьким Генри Бердамом — для нас загадка, но это не повод, чтобы делать опрометчивые выводы. Это несправедливо, Китти, да ты и сама это чувствуешь. И потом подобные суждения совершенно безосновательны. Тебе об этом сказал доктор?

— Нет, — горестно покачала головой Китти.

— Вот видишь, дочь моя, все это беспочвенные домыслы. Акт зачатия ребенка — это не плотницкие работы, где две доски могут быть плохо или хорошо подогнаны, и не игра в пазлы, где может не хватить пластинки. Это промысел Божий. Бог дал, Бог взял. Всемогущий может рассматривать человека как орудие для воплощения своих замыслов, но действует Он всегда по собственному соизволению. Ты ищешь виноватого, Китти, но тебе не стоит перекладывать вину на мужа.

По лицу Китти покатались слезы.

— Да, отец, я понимаю, — прошептала она. — А если я все время буду их терять?

— Значит, такова Божья воля, но мне это не кажется вероятным.

Вынув носовой платок, пастор вытер Китти лицо и вручил платок дочери.

— На, высморкайся, глупое дитя.

Пристыженная и не получившая поддержки, Китти продула нос, вытерла слезы и с любовью посмотрела на отца. Старееет и чем-то огорчен. Но явно не ее делами.

— Что случилось, папа?

— Плохо дело. Твоя мать теряет разум.

— Не может быть! — подскочила Китти.

Пастор забрал у нее платок и использовал по назначению.

— У нее провалы в памяти, и они случаются все чаще. Она забывает, что куда положила, в особенности деньги, которые она пытается прятать, чтобы потребовать у меня еще.

Его голос дрогнул, и он едва справился с собой:

— Самое ужасное, что я больше не могу доверять ей деньги и даю лишь несколько шиллингов, когда она идет в город.

И что теперь делать?

— Тогда пойдем в дом и выпьем чаю. Я хочу посмотреть на нее, — решительно сказала Китти.

Но как ловко она скрывала свое слабоумие во время похорон Бера! Хотя в больнице Китти в основном работала с детьми, она навидалась достаточно слабоумных стариков и знала, что они проявляют чудеса изворотливости, чтобы скрыть свой недуг от окружающих, и в этом смысле Мод не была исключением. Она стала много есть, и ее лицо оплыло, а тело уже не вмещалось в платье, которое трещало по всем швам. За три месяца, прошедшие после смерти Бера, она изменилась до неузнаваемости.

— Милая, Китти! — воскликнула Мод, театрально поворачиваясь к дочери, словно комната была полна гостей. — Вы видели когда-нибудь такого красивого ребенка? Какое личико! Синие глазки! Ну, прямо Прекрасная Елена! Моя изумительная потрясающая Китти!

— Я уже выросла, мама, — пробормотала Китти, чувствуя, как у нее перехватывает горло.

— Нет, никогда! Только не моя Китти!

И так продолжалось довольно долго, пока Китти не нашла в себе силы ретироваться, оставив пастора наедине с женой, продолжавшей петь дифирамбы своей несравненной дочери.

Первым делом Китти отправилась к Тафтс. Та сидела в своем кабинете, стены которого были увешаны полками с книгами, а стол завален аккуратными стопками бумаг. На ней была форма, которую она придумала

себе сама: простое и строгое платье табачного цвета. Золотистые волосы были небрежно скручены в узел. Все это ей очень шло.

— Ты знала, что мама теряет разум? — с места в карьер начала Китти.

— Да.

— Как давно?

— Уже четыре месяца.

— Почему же мне не сказали?

— Чарли запретил. Из-за ребенка и все такое.

— Чтобы я больше этого не слышала, Тафтс! — взвизгнула Китти. — Я не ребенок! И не умственно отсталая! Я не собственность Чарли ни телом, ни душой! Три месяца мы встречаемся с вами по средам, а я до сих пор ничего не знаю! Это черт знает что! Как он смел? Мод — моя мать!

— Успокойся, Китс, я на твоей стороне. Ты же знаешь Чарли, он по натуре диктатор. Мы молчали, но не одобряли.

— Чарли всех нас держит на поводке, — вздохнула Китти, садясь на стул. — Вы с Эддой его подчиненные, Грейс на содержании, а я, увы, его жена. Подумать только, семья Латимер отдалась на милость какого-то пришедшего помми.

— Только не пори горячку, Китс.

— Горячку? Вот еще. Я просто полезу в логово льва, но сделаю это достаточно осторожно.

— Звучит не слишком обнадеживающе. Прошу тебя, будь снисходительна.

— Буду. Отец объяснил мне, что то, что дал нам Господь, только Он может отобрать.

Китти махнула рукой в сторону полка.

— Учимся?

— Уже штудирую программу университета — интересно, но слишком многословно. Мне больше нравится управлять кораблем.

— А мне нравится думать, что в один прекрасный день вы с Лиамом все-таки поженитесь, — улыбнулась Китти, показав ямочки.

— Мы с Лиамом? Ни за что! Мы с ним друзья, а не любовники.

— Разве нельзя это сочетать?

— Может, у кого-то и получается, но только не у нас.

— Лучшее враг хорошего? Ты абсолютно права, Тафти.

Чарлз Бердам чувствовал себя усталым. Его политическая карьера никак не продвигалась, хотя он продолжал исписывать тетрадки. С Джеком Лангом у него не было никаких точек соприкосновения — его отказ

выплачивать проценты по иностранным долгам он расценивал как мальчишество, поступок незрелого и безответственного человека.

Женившись на Китти, он был уверен, что сумеет превратить ее в свою сподвижницу, в которой так остро нуждался. Политика — это прежде всего ораторское искусство, ее представителей практически никто не видит. Успех политика зависит от его умения говорить на публике. Человек, имеющий политические амбиции, должен вначале обустроить свое собственное святилище и только после этого выходить на общественную арену. Но к началу 1931 года у Чарлза ничего подобного так и не появилось. У него даже не было настоящей боевой подруги: Бог послал ему лишь женщину, неистово желавшую детей. Дети — это, конечно, хорошо, мужчина должен иметь детей по многим причинам, но сколько мужчин считают их главным смыслом своей жизни? Жалкая горстка, к которой он не принадлежит. А как было бы здорово иметь дома единомышленника, с которым можно поговорить о политике!

Господи, как же он устал... Оставив «паккард» на подъездной дорожке, Чарлз стал подниматься в дом, предвкушая, как, пропустив пару стаканчиков виски, он отправится спать без ужина и без жены, словно погружаясь в зимнюю спячку. Сегодня Китти в его планы не входила.

Но одного взгляда на ее нахмуренное лицо было достаточно, чтобы эти надежды обратились в прах. Затаив дыхание, Чарлз приготовился к войне. В чем на этот раз он провинился?

— Сегодня я узнала, что моя мать уже несколько месяцев психически больна, а ты запретил мне об этом говорить, — начала Китти, следуя за мужем к буфету, на котором нашли себе пристанище графинчики. — Какое ты имел право, Чарли?

Чарлз налил себе изрядную порцию виски и прыснул в стакан из сифона. Сделав глоток, он почувствовал, как по телу разливается живительное тепло, и только тогда ответил:

— Право мужа оберегать свою жену.

Насупив брови, он снова отхлебнул из стакана.

— Ты не имеешь права решать за меня, — процедила Китти сквозь зубы. — Это оскорбительно! Я взрослая женщина и могу сама принимать решения, особенно когда дело касается моей чертовой семьи.

Чарлз почувствовал себя лучше и снова наполнил стакан.

— На самом деле, моя дорогая, выйдя замуж, ты несколько теряешь свою самостоятельность. — Он сел, излучая хладнокровие. — С точки зрения закона ты в какой-то степени мое движимое имущество. Твои деньги автоматически становятся моими, а чтобы взять в долг или

заклучить любую сделку, тебе потребуется мое письменное согласие. Я имею право принудить тебя жить со мной и выполнять свои супружеские обязанности.

Китти побледнела, и в глазах ее вспыхнули лиловые искры. Она прижала дрожащую руку к губам.

— Я поняла. Ты второй Сомс Форсайт.

— Надеюсь, что нет. Человек, насилующий свою жену, презренный хам и заслуживает расстрела. — Он наклонился вперед. — Ради всего святого, Китти, не будь ребенком! Можно подумать, я тебя когда-нибудь тиранил! Я же люблю тебя до безумия. И мне вполне простительно проявлять о тебе заботу. Я просил не говорить тебе о Мод, чтобы ты понапрасну не изводилась. Ну что ты могла изменить? Слабоумие неизлечимо, и с этим ничего не сделаешь. Уверяю тебя, никто из твоих родных не возражал против моей просьбы.

— Это не дает тебе никакого права решать за меня! — воскликнула Китти. — Я принадлежу только себе и не желаю ни от кого зависеть. Можешь сколько угодно болтать о движимом имуществе, но из меня ты рабыню не сделаешь!

Чарлз благоденствовал. Развалившись в кресле, он с пьяным обожанием смотрел на Китти.

— Мне всегда казалось, что виски похоже на шотландский плед, накинутый на голые коленки человеческого сознания, — изрек он, чувствуя себя слишком усталым, чтобы сердиться.

— С тобой невозможно разговаривать.

— Боюсь, что это так.

— Я снова жду ребенка.

Чарлз вытаращил глаза.

— Ах, Китти! Как неразумно.

— У Грейс разница между детьми была еще меньше.

Его глаза закрылись, но навернувшиеся слезы мешали ей это видеть.

— Неразумно.

— Иди к черту, Чарли!

Этой же ночью у Китти опять случился выкидыш.

Какое ужасное несчастье и уже во второй раз! Она не послушалась врачей и даже собственного мужа, который не скрывал недовольства. По его мнению, это было «неразумно».

Когда она проснулась от боли, ее первой мыслью было поблагодарить Бога за то, что Чарли, перебрав виски, заснул на диване. И только потом

она увидела в постели кровь и поняла, откуда она. Ее рот искривился в беззвучном крике — нет, нет, о нет!

— Господи, только не это! — повторяла она, заливаясь слезами. — Мой ребенок, мой бедный малыш!

Позже, когда к ней вернулась способность мыслить, Китти впала в панику, как нашкодивший ребенок, которого застали на месте преступления. Никто не должен узнать! Ей запретили, а она все-таки забеременела. Теперь ее накажут за непослушание.

«Если Чарли узнает, мне не сдобровать!»

Выбравшись из постели, Китти побежала за полотенцами, тряпкой, холодной водой и мылом, чтобы поскорее убрать весь этот кошмар, пока кто-нибудь не заметил, какую непростительную оплошность она совершила, да что там оплошность — грех, преступление, упрямое неповиновение!

Жестяные оцинкованные ведра были сложены стопкой. Когда она попыталась вынуть верхнее, все они упали с грохотом, способным разбудить и мертвого. Чарли, естественно, проснулся.

Его жена, вся в крови, металась по спальне, натываясь на мебель. Увидев мужа, она шарахнулась от него, словно испугавшись, что он ее убьет, хотя он просто хотел взять ее на руки и утешить. До приезда Неда Мэсона с Эддой он успел лишь сделать своей обезумевшей жене инъекцию, после которой она сразу отключилась.

— Вообще-то я должен был позвать Тафтс, — сказал Чарлз Эдде, когда спящую Китти уложили на другую кровать. Нед Мэсон уехал домой, осуждающе покачивая головой по поводу женского упрямства, но не слишком обеспокоенный случившимся. Он продолжал утверждать, что физически Китти совершенно здорова и вполне может рожать нормальных детей.

— Нет, с такими эксцессами обычно имела дело я, — возразила Эдда. — Все эти терки для сыра, веревки и прочие несчастья проходили через мои руки. Тафтс этого не помнит, так что ты сделал правильный выбор.

Чарлз плакал, не скрывая слез.

— Почему она смотрела на меня так, словно я сейчас на нее наброшусь? Клянусь могилой моей матери, я никогда ни взглядом, ни словом, ни делом не давал жене повода бояться меня.

Заглянув ему в глаза, Эдда сразу же поверила этим словам.

Когда наутро Китти проснулась, она была без сил, по хорошо помнила, что произошло, и чувствовала свою вину.

— Я слишком многого хотела, — сказала она Эдде. — Мне не хватило терпения подождать и полностью восстановиться. Это больше не повторится.

Чарлз с огромным облегчением убедился, что через неделю Китти полностью пришла в норму. Злость и агрессия ушли, так же как и желание во всем винить мужа.

— Терпение, моя дорогая, — увещевал ее он. — Подождем с полгодика, а потом попытаемся снова.

Часть пятая

Шипы вонзаются

Когда Чарлзу представилась возможность встретиться с сэром Росоном Шиллером, королевским адвокатом, он с готовностью ухватился за нее. В свои сорок лет Шиллер достиг очень многого, причем довольно быстрыми темпами. Выиграв несколько громких дел в Верховном суде Австралии и Британском тайном совете, он в тридцать семь лет получил рыцарское звание. Жизнь щедро одарила его преимуществами: происхождение, богатство, образование, впечатляющая родословная. Со стороны отца он был прусским юнкером, со стороны матери — английским джентльменом, однако от приставки «фон» давно отказались, как от чего-то совершенно неуместного в Австралии, где его семья владела обширными территориями в Квинсленде и на севере Западной Австралии. Под пастбища большинство из них не годилось ввиду скудости растительности, но некоторые участки успешно использовались под пахоту. Зато там было полно минералов, причем о некоторых было известно только Шиллерам. В их роду не было каторжников, сосланных в Австралию, — только свободные поселенцы.

Сэр Росон жил и работал в Мельбурне, где сосредоточились все деньги Шиллеров, там же он занимался благотворительностью, участвуя в различных филантропических мероприятиях, одним из которых был ужин у лорд-мэра в пользу умственно отсталых детей по 50 фунтов за место. Прослышав о предстоящем событии, Чарлз немедленно купил два места за столом, где сидел сэр Росон (100 фунтов каждое), который должен был выступить с речью и считался главным блюдом вышеупомянутого ужина наряду со знаменитым джазовым оркестром, под который будут танцевать те, у кого хватит сил продержаться на ногах до рассвета.

Предполагалось, что публика будет блестящая — мужчины во фраках, женщины в вечерних платьях. Поскольку Китти, ненавидевшая Мельбурн, отказалась ехать, Чарлз решил заменить ее Эддой. По счастливой случайности она как раз собиралась на семинар для операционных сестер, и когда Чарлз предложил ей сопровождать его на прием, посулив взамен снять для нее номер с ванной в хорошей гостинице, Эдда поспешила согласиться, тем более что Чарлз выделил ей сто фунтов на покупку вечернего платья. Эдда, которая все свои наряды шила сама, купила на эти деньги одиннадцать разных отрезков. И никто, включая журналистов

светской хроники, которые во множестве клубятся на подобных сборищах, не заподозрил, что ее обманчиво простое платье из красного шелка было сшито ее собственными руками. Все пребывали в уверенности, что наряд этот выписан из Парижа. Ее единственным украшением были бриллиантовые серьги, которые одолжила ей Китти.

Они приехали во взятом напрокат «роллс-ройсе». Эдда не могла не восхищаться выдержкой Чарлза — он словно не замечал их вопиющую разницу в росте и совершенно не реагировал на бесконечные вспышки фотокамер. Эдда заметила, что его пресс-секретарь называет ее «сестра Эдда Латимер», и искренне обрадовалась. Этим Чарли подчеркивал, что она работающая женщина, а не позолоченная светская пустышка или дама полусвета. Ах, если бы ее можно было назвать «доктор»! Но Чарли, при всей его либеральности, никогда не откроет ей дверь в медицину по той же самой причине, что и отец, — быть врачом совсем не женское дело. А она так об этом мечтает!

— Я должен был прийти с Китти, — проговорил Чарлз, когда они поднимались по лестнице. — Чертовски неудобно всем объяснять, что ты моя свояченица, а не жена.

Так вот почему он в плохом настроении! Хмурится и ворчит. О, Китти! Могла бы и приехать ради мужа — не такая уж большая жертва! Но все твои помыслы лишь об одном — дом, полный детей. В таком случае ты выбрала не того спутника жизни. Чарли не против детей, но они никогда не станут целью его жизни. Он рожден для общественной деятельности.

По прихоти судьбы ни Чарлз, ни Эдда так и не увидели почетного гостя в те сорок минут, когда они прогуливались по анфиладам, потягивая херес. Зато они первыми вошли в зал, где должен был состояться банкет, и устремились к центральному круглому столу, рядом с которым находилась трибуна. У стола маячила одинокая фигура.

— Не ворчи, Чарли, — вполголоса сказала Эдда, глядя на сэра Росона Шиллера, королевского адвоката.

Да, это был он. Незабываемое зрелище. Чарли ростом шесть футов? Нет, это все равно что сравнивать бриллиант с изумрудом или да Винчи с Веласкесом. Их просто нельзя сравнивать. Нельзя сказать, что Эдда влюбилась с первого взгляда — это было совсем иное. Ей вдруг показалось, что это именно тот человек, которого ей не хватало в жизни. А встретившись с ним взглядом, она поняла, что и он думает так же. Но Шиллер быстро отвел глаза, и чары рассеялись.

Стройный и худощавый, ростом выше шести футов, с большой, похожей на луковицу головой, вместилищем недюжинного ума.

Некрасивый, но производящий впечатление: седоватые волнистые волосы зачесаны назад, могучий лоб, высокие скулы, тонкий рот, черные брови и ресницы и ярко-голубые глаза. Большой крючковатый нос и массивная нижняя челюсть.

Эдда с Чарли сидели довольно далеко от него, и поэтому дело обошлось без рукопожатий — одни лишь улыбки и приветливые кивки. Никакая сила не смогла бы подтащить Чарли поближе, заставив его смотреть на сэра Росона снизу вверх. За столом оказалось одиннадцать человек — сэр Росон пришел один.

— Он всегда приходит без дамы, — страдальческим голосом сообщила Эдде ее соседка по столу.

— Почему?

— Он по ночам работает, милочка.

Эдда озадаченно замолчала — прежде ее никогда не называли милочкой. И почему австралийские политики и бизнесмены вечно женятся на глупых домашних квочках? Общий разговор за столом поддерживали только мужчины, женщины предпочитали болтать друг с другом. Чарлз мрачнел с каждой минутой, и его лицом полностью завладела горгулья, не оставив и следа от его голливудского шарма. Все дело было в сэре Росоне Шиллере. Первый раз за всю свою карьеру Чарлз почувствовал, что его полностью затмили.

Часовое выступление сэра Росона лишь усугубило это ощущение. Его темой была депрессия — что же еще? — и Эдда слушала, затаив дыхание: сэр Росон обладал несравненным ораторским талантом, который в сочетании с поставленным голосом и выверенным слогом заставлял людей плакать и смеяться. Такую речь наверняка запомнят надолго.

После горячего Шиллер полчаса отвечал на вопросы. Он сделал все, чтобы его аудитория не пожалела о потраченных деньгах.

Но один недовольный все же был. Чарлз Бердам, не дождавшись десерта, буркнул Эдде что-то на ухо и покинул зал. За столом решили, что он пошел в туалет, но Эдда знала, что он не вернется, и начала объяснять соседям, что у него неотложные дела.

Когда большая часть присутствующих уже танцевали, сэр Росон подошел к Эдде и, развернув стул Чарли, сел рядом с ней.

— С кем имею честь? — с улыбкой спросил он.

— Сестра Эдда Латимер. Я пришла с Чарлзом Бердамом.

— Сестра? Но вы явно не монахиня.

— Я медицинская сестра и работаю в операционной.

— А они могут без вас обойтись, Эдда? Я могу вас так называть?

— Конечно, сэр Росон.

— Будем на равных. Зовите меня просто Росон. Так могут или нет?

— Легко. Вообще-то я подумываю перебраться в Мельбурн. У меня прекрасная подготовка и большой опыт, так что я смогу найти работу, несмотря ни на какую депрессию. Я уже наладила кое-какие контакты во время семинара.

— Я надеялся поговорить с Чарлзом Бердамом. Он уже ушел?

— Ему пришлось. Неотложные дела.

— И оставил вас одну?

— Он просто родственник, муж моей сестры. Он не думал, что так получится.

В запавших глазах сэра Росона вспыхнул огонек.

— А вы женаты? — вдруг спросила Эдда.

Ее собеседник даже поперхнулся от неожиданности.

— Я женился совсем молодым, семнадцать лет назад. Сейчас мы в разводе.

— По вашей вине? Или вы чисты, как выпавший снег?

— Вы задаете слишком много личных вопросов. Так обычно делают американцы. Я был белым и пушистым, как свежий сугроб.

— Отличный цвет для политика.

— Единственно возможный.

— А вам не кажется, что таких мужчин просто не бывает?

— Политики, потенциальные или действующие, никогда не должны поддаваться чувствам. Они должны исходить из реальности. А реальность порой жестока.

— Вы член Националистической партии — то есть тори?

— Причем твердолобый тори, хотя трудно сказать, сколько еще продержится наша партия. Все в руках Божьих. Лейбористы все более склоняются вправо, но я все же правее их.

— Куда же вы метите? В парламент или в федеральное правительство?

— Только в правительство. Наша партия припасла для меня место в Мельбурне, так что мне даже не придется переезжать. — Он сделал гримасу. — Менять — это такая морока.

— Особенно по такому незначительному поводу, как выборы.

Сэр Росон с интересом посмотрел на Эдду.

— Вы необычная женщина, сестра Латимер. Мне кажется, вы начитанны и у вас прекрасное образование. Не сомневаюсь, что вы ловко орудуете своим железом в операционной камере пыток, но это совсем не то, что вы хотели бы делать — ваши амбиции простираются гораздо

далее.

— Я средоточие всего, что терпеть не могут консервативно настроенные мужчины, господин адвокат, — спокойно сообщила Эдда, польщенная его проницательностью. — Я считаю себя равной любому мужчине, хочу заниматься медициной и выбрать профессию по своему усмотрению — и я никогда не выйду замуж. Выйти замуж — значит подчинить себя мужчине на юридическом уровне.

— Bravo! — с улыбкой воскликнул сэр Росон. — Вы мне нравитесь! Так вы хотите стать врачом?

И вдруг Эдду осенило. Эти подвижные брови, мимика, что-то неуловимое в лице, тонкие нервные пальцы, слегка кривящиеся тонкие губы. Неясные образы постепенно сложились в известный мужской тип... Она пристально посмотрела в его синие глаза, словно пригвождая его взглядом. Сэр Росон в замешательстве ждал, испытывая труднообъяснимый страх.

— Вы гомосексуалист? — тихо спросила она.

— Эта беспочвенная чушь может стать поводом для привлечения вас к суду, — заявил сэр Росон, не выдав себя ничем, кроме дыхания.

— Я не собираюсь предавать этот факт гласности. С какой стати? Чтобы мой зять мог позлорадствовать? У него и без того достаточно поводов.

— Откуда вы знаете? Кто вам сказал?

— Никто. Вы очень искусно скрываете это обстоятельство. Но когда я увидела вас, мне показалось... а потом вдруг стало ясно... Нет, это скорее интуиция, — мягко улыбнулась Эдда.

Отрицать было бесполезно. Сэр Росон посмотрел на нее, как измотанный боксер, которому нужно продержаться еще один раунд.

— Сколько вы хотите? — устало спросил он.

— Вы думаете, я вас шантажирую? — засмеялась Эдда. — Это совершенно исключено. Представляю, сколько вам пришлось пережить за эти годы. Такая постыдная тайна, особенно для человека с политическими амбициями. Я лишь хочу быть вашим другом. Когда мы впервые встретились взглядами, у меня возникло ощущение, что мы станем друзьями. Надеюсь, вы меня правильно поймете. Мне кажется, вы почувствуете то же самое.

Оркестр гремел, заглушая все остальные звуки, а рядом с их столиком лихо отплясывали парочки. Услышав завывание саксофона, сэр Росон поморщился, как от боли.

— Могу я пригласить вас к себе домой, чтобы мы могли посидеть и

поговорить в спокойной обстановке? — предложил он.

Эдда тотчас же поднялась.

— С удовольствием.

— А как же Бердам?

— Он первый бросил меня.

Квартира сэра Росона занимала весь верхний этаж одного из самых высоких зданий Мельбурна и имела выход в сад, расположенный на крыше и защищенный от уличного шума и взглядов зевак высокой сплошной оградой. Двенадцать просторных комнат были обставлены и декорированы известной дизайнерской фирмой с учетом вкусов их хозяина: уютно, консервативно, неброско, в приглушенных осенних тонах.

— Что вы будете пить? — спросил Росон, проведя Эдду в библиотеку, которая, судя по всему, была его любимым местом обитания.

— Учитывая ненавязчивое присутствие прислуги, я бы рискнула попросить чашку крепкого кофе, но меня устроит и чай, черный как деготь, как любит выражаться Чарлз Бердам, — сказала Эдда, усаживаясь в кресло, обитое желтым бархатом. — Как хорошо, что оно не кожаное. Кожа липнет к голой спине.

— Для дома кожаная мебель вообще не годится, даже если там живет мужчина. Кофе сейчас подадут.

Росон неспешно и с удовольствием рассматривал Эдду. Какая утонченная элегантность! Безупречная фигура, изумительная кожа, красивые черты лица, руки, ради которых можно жизнь отдать: изящные и как будто говорящие, несмотря на коротко обрезанные ногти. Глаза говорят о недюжинном уме, увлеченности, жажде деятельности, которой вечно ставятся препоны. И какие глаза! В обрамлении длинных густых ресниц, белые, как у волчицы, обескураживающие и немного зловещие.

За кофе они вели непринужденный светский разговор.

— Никогда не пила такого прекрасного кофе, — сказала Эдда, когда чашки были убраны.

— Ваш заказ был не слишком обременительным, — улыбнулся Росон. — Я и сам люблю хороший кофе.

Наступило молчание, такое приятное и неформальное, что у Эдды возникло ощущение, что они с Росоном знакомы уже сто лет. Она поняла, почему ретировался Чарли. В его представлении этот свежееиспеченный рыцарь был всего лишь фанатичным консерватором, плюющим на интересы трудящихся. Скорее всего, в нем говорила зависть к этому высокому аристократу с правильными австралийскими корнями.

Сверхконсерватизм, без сомнения, предполагает изрядную долю фанатизма, но Эдда была уверена, что сэр Росон не относится к этой категории людей. На такого сложного человека вряд ли стоит навешивать ярлыки.

Затем последовал оживленный разговор на самые разные темы, исключая политику. Коснулись даже философских вопросов и проблем пола. Росон почувствовал, как не хватает ему дружбы с женщиной, которой он мог бы всецело доверять. Похоже, в Эдде он нашел такого друга — она была прямой, откровенной и всегда говорила то, что думала.

— Что заставило вас жениться? — спросила она наконец.

— Замешательство и давление семьи, — ответил Росон, и в глазах его промелькнуло беспокойство. Он плотно сжал губы и, казалось, замкнулся в себе.

— Расскажите поподробнее, — решительно потребовала Эдда.

Виновато улыбнувшись, Росон стал продолжать:

— Я уже в юности подозревал, что со мной что-то не так. Анну я знал с детства — мы были соседями. Она постоянно была рядом. Учась в школе, мы каждый день общались и вместе поступали в университет. Я занимался юриспруденцией, она — историей искусств, потом окончила секретарские курсы. После университета мы стали работать в одной юридической компании — я в качестве адвоката, она секретарем у босса. А потом она сама предложила мне пожениться, потому что устала ждать, когда это сделаю я. Наши семьи были в восторге. И только я чувствовал себя мухой в компоте! Но я понимал, что сохранить свою тайну я могу, только женившись. Поэтому мы заключили брак. Нам было по двадцать три года.

— Разумеется, это стало катастрофой.

— Ужасной! Я не мог жить с ней как с женой, и чтобы как-то это объяснить, придумал, что испытываю к ней только братские чувства. Это длилось два года. Потом она встретила другого, и я дал ей развод.

— Как жаль, что так получилось!

— Не переживайте. Я сумел скрыть свою тайну даже от Анны.

— У вас есть любовник?

— Нет, Эдда, — грустно улыбнулся Росон.

— Не могу поверить, что вы прибегаете к услугам наемных партнеров.

— Наемные партнеры... Точнее было бы назвать их проститутками. Вы когда-нибудь заглядывали в глаза подобным юношам? Они пустые, как у мертвецов. От них хочется поскорее убежать... Нет, это не для меня. Я обычно уезжаю на месяц за границу, зимой или летом.

— Надеюсь, в вашей жизни найдется место и для верного друга.

Его синие глаза заблестели.

— А вы согласны работать в Мельбурне и стать мне лучшим другом?

— В настоящее время мне неизвестен закон, который запрещал бы мне становиться чьим-то лучшим другом.

Росон рассмеялся:

— Лучший друг не должен мыслить как юрист.

Он взял ее руки в свои, и ей показалось, что во взгляде его зажглось что-то похожее на любовь.

— Тридцать лет я был одинок, сестра Латимер, и наконец нашел друга, которому могу поведать все свои тайны. Я параноидально боялся тесной дружбы, и вдруг, как ни странно, этот страх пропал.

— Завтра же начну посылать запросы в местные больницы, — едва сдерживая слезы, сказала Эдда.

— Не торопитесь! — резко бросил он. — У меня достаточно влияния, чтобы отложить любое ваше назначение, ну, скажем, недельки на две-три.

Эдда в недоумении нахмурилась:

— Да, в Мельбурне вы заметная фигура.

— Тогда уделите мне две недели вашего времени начиная с понедельника. Уверяю вас, когда они истекут, вас уже будет ждать место в больнице.

— Ну что ж, считайте, что время пошло.

Росон сжал руки Эдды и, отпустив их, стукнул кулаками по коленям.

— Отлично! Всего я вам пока не раскрою, но кое-что объясню, чтобы вы могли распоряжаться своим временем. Этажом ниже у меня гостевая квартира. Она гораздо меньше, чем эта, но для временного проживания вполне сойдет. Завтра днем вы в нее переедете и с понедельника начнете действовать по моему плану. Ваше заточение закончится ровно через две недели, в воскресенье вечером.

— Черт побери! — не сумела удержаться Эдда. — Две недели загадочной работы на сэра Росона Шиллера! Интересно, что же вы мне предложите?

— Со временем узнаете, — усмехнулся Росон. — Скажу только, что меня посетило вдохновение. Сегодня мы с вами говорили о кораблях, медицине, больницах, судах, музыке, книгах, туфлях, сургуче и еще бог знает о чем, и из всего этого сумбура вдруг родилась поистине блестящая идея. Я не считаю, что Бог сотворил людей равными, иначе откуда вокруг столько идиотов? Но я свято верю, что умных женщин на свете отнюдь не меньше, чем умных мужчин.

— А что я скажу Чарлзу Бердаму?

Сэр Росон пожал плечами:

— Да что хотите. Он ведь знает, что вы ищете работу в Мельбурне?

— Вообще-то нет. Я приехала сюда на семинар, и эта идея возникла только здесь, после разговоров за чашкой чая. Ладно, скажу ему что-нибудь обнадеживающее.

— Обнадеживающее? В каком смысле?

— Дам ему надежду, что его нелюбимая и неудобная свояченица осядет в Мельбурне в четырехстах милях от Корунды. Так ему будет легче оторвать жену от сестер.

— Понимаю. Муж-собственник?

— Да еще какой. А я главный подстрекатель.

— Подстрекать можно и на расстоянии. Порой это даже более эффективно.

Эдда рассмеялась:

— Я начинаю понимать, почему вы выиграли столько дел. Ну, скажите, зачем я вам понадобилась на целых две недели?

— Нет, не спрашивайте, это бесполезно, — отрезал сэр Росон и резко сменил тему: — Интересно, почему мы с Бердамом не выносим друг друга? Нам с ним общаться — все равно что лить воду на фосфор. Но эмоции не должны помешать нам сотрудничать в парламенте. Он наверняка вступит в Националистическую партию.

Эдда удивленно приподняла брови:

— Чарли в роли тори? Исключено! Не берусь утверждать, что он примкнет к лейбористам, но у него с ними много общего. Для социалистов он слишком правый, для консерваторов — слишком левый.

Шиллер раздраженно фыркнул:

— Значит, интуиция меня не обманула. Он один из тех типов, которые жаждут перевернуть все вверх дном. Не сомневаюсь, что он поддерживает финансовые авантюры Джека Ланга.

— Джеком Лангом восхищаются многие, причем в самых разных слоях общества.

— Ну и дураки! Когда занимаешь деньги, надо отдавать, причем с оговоренными процентами.

— Мои познания не позволяют мне спорить с вами. Останемся каждый при своем мнении. Несмотря на критику, я по-своему предана Чарли, причем по причине, не имеющей ничего общего с вами, Мельбурном или политикой. Просто я люблю свою сестру. А у вас есть сестры?

— Нет. У меня два брата — старший и младший.

Эдда с трудом подавила зевок.

— Я уже засыпаю. Могу я вернуться в отель?

— После того как расскажете, что вам нравится в Чарли Бердаме.

— О, это легко! Его любовь к людям, к которым он относится не как к пустому месту. Наша городская больница была в жалком состоянии, а он превратил ее в лучшую в штате, не ущемляя персонал и не вводя режим экономии. Просто расставил все по своим местам. Он не терпит никакой дискриминации, так что любой, будь то китаец, католик, женщина или гомосексуалист, имеет равные шансы при приеме на работу. Он высокомерен и деспотичен, но проявляется это только в личной жизни, как, например, в случае с женой, которую он считает своей собственностью. У него любопытный менталитет — там биржевой маклер отлично уживается с целителем.

— Из вас получится отличный адвокат.

— Благодарю вас, но меня больше привлекает медицина.

Встав с кресла, Эдда стала бродить по комнате, разглядывая книги на полках. Шиллер с интересом наблюдал за ней. Великолепная фигура — ничего лишнего, плавность линий, грациозность движений, в которых не было ничего нарочитого — сказывалась работа медсестрой. Интересно, где она купила этот наряд? Ни один кутюрье не решился бы на такой покрой, но платье из переливчатого шелка получилось очень стильным и удивительно ей шло.

— В вашей библиотеке доминирует юриспруденция, — заключила Эдда, поднимая свою накидку и протягивая ее Росону. — А романов совсем нет. Очень жаль. Мировая классика — это прежде всего романы: от «Преступления и наказания» до «Ярмарки тщеславия». А современных авторов вы читаете? К примеру, Фолкнера или Генри Джеймса?

— Должен признаться, у юристов довольно узкий кругозор, — сказал Росон, разглядывая накидку Эдды. — Разве мужчины не дарили вам меха?

— Я не принимаю подарков от мужчин.

— У вас красивая накидка. Кто ее шил?

— Я сама. У меня нет денег, чтобы покупать одежду, которая мне нравится. Поэтому я шью ее сама.

Она позволила Росону набросить на нее накидку.

— И вы не позволите дарить вам наряды?

— Нет, хотя за предложение спасибо. Я не желаю, чтобы меня содержал мужчина, даже если это собственный муж.

— Тогда позвольте хотя бы проводить вас до отеля, сестра Латимер, — вздохнул сэр Росон.

Переехав в гостевую квартиру Шиллера, Эдда наконец узнала уготованную ей судьбу, которая превзошла все ее ожидания. До этого она безуспешно гадала, что за работу предложит ей сэр Росон, перебирая все возможные варианты, связанные с медициной. Возможно, он курирует какой-то проект, связанный с новым направлением в хирургии, и ему требуется мнение операционной сестры? Или речь пойдет о каких-то курсах и программах? В ее мозгу проносились все новые идеи, но ни к чему определенному она так и не пришла.

В воскресенье вечером, когда они ужинали в его апартаментах, сэр Росон раскрыл карты.

— В ближайшее время мы с вами не увидимся, — сообщил он в качестве введения. — Завтра в девять часов утра вы начинаете учиться и все две недели не будете поднимать головы от книг.

— Учиться?

— Да, учиться. Будете изучать анатомию, психологию и органическую химию вкуче с биохимией. Только эти три предмета. В девять будет раздаваться звонок, и на пороге будет появляться ваш преподаватель Джон Смит. На самом деле его зовут по-другому, но это не имеет значения. Он лучший преподаватель по этим дисциплинам, можете мне поверить. Через две недели вы будете сдавать экзамены. А потом посмотрим, — закончил ее мучитель и, откинувшись на спинку кресла, с улыбкой поднял рюмку с коньяком.

— Это что-то совершенно неожиданное. Вы все это придумали вчера вечером?

— Да.

— И за сутки сумели все проверить, включая этого самого Джона Смита?

— Да.

— Теперь мне понятно, почему вам дали рыцарское звание. Они были готовы на все, лишь бы от вас избавиться. В новом качестве вам прямая дорога в парламент прямо на первую скамью, — со смехом сказала Эдда, ставя свой бокал.

— А вы, мадам, уж слишком умны. Надеюсь, вы не провалите экзамены, и план Шиллера не сорвется.

— План Шиллера — это я?

— Да.

Эдда едва не замурлыкала, как кошка.

— Приятно быть центром грандиозного плана. С нетерпением жду

начала учебы.

Эдде предстояло осилить громадное количество материала, но она скоро убедилась, что многое ей уже знакомо, благодаря больничной практике и неумной любознательности, побуждавшей ее узнавать больше, чем того требовалось для работы. Джон Смит вполне соответствовал своему имени — он был совершенно безлик и непритязателен. Единственным его требованием было усвоение материала. Он приходил в девять утра и уходил в пять, не раскрывая секрета, кто он и откуда. Обед им присылали сверху, из квартиры Шиллера.

Эдду обеспечили всеми мыслимыми учебниками и пособиями, моделями молекул и человеческих органов и даже скелетом. А она наслаждалась каждым мгновением этой странной и, как ей казалось, бесполезной учебы, особенно ее последними днями, когда она уже могла помериться силами со своим преподавателем.

Через две недели, в воскресенье, Эдда сдавала три письменных экзамена. Утро было отдано биохимии, днем последовала психология, а вечером — анатомия. Некоторые вопросы были достаточно трудны, но в восемь вечера, расправившись с анатомией, она уже знала, что экзамены, которые сдают студенты второго курса, прошли вполне успешно.

Когда она ужинала, ей принесли карточку.

«Отдыхайте, а завтра вечером буду счастлив видеть вас за своим столом. Р. III.»

Все оставшееся время Эдда приходила в себя, спускаясь с заоблачных высот, куда вознесли ее две недели приобщения к сокровищнице медицинских знаний, а потом надела ярко-красное платье и поднялась к сэру Росону. Она выбрала этот цвет, поскольку в нем было что-то победное, — интуиция подсказывала ей, что ее триумф не ограничится одними экзаменами.

— Цвет уличных почтовых ящиков, — заметил Росон, забирая у нее сумочку и перчатки.

— А также телефонных будок, — невозмутимо добавила Эдда, опускаясь в кресло и принимая из рук Росона бокал с хересом.

— Вам он идет, но вы и без меня это знаете. Возможно, в гардеробе у вас многовато красного, но, видимо, это ваш любимый цвет, а для экспериментов вам просто не хватает денег. — Он сел так, чтобы видеть ее анфас. — Но вы бы смотрелись не хуже и в ярко-голубом, нефритовом или изумрудно-зеленом, темно-желтом, фиолетовом и даже пестром.

— Только когда я стану старшей медсестрой и смогу транжирить деньги.

— Транжирить деньги можно и в ином качестве, но об этом после ужина. Если вы меня отвергнете, то хотя бы на сытый желудок.

— Договорились. А что у нас на ужин?

— Омары и крабы в восточном соусе и жареные цыплята.

Несмотря на то что Эдду снедало любопытство, она воздала должное предложенному меню. Когда позже они перешли в библиотеку, Росон вынул пачку листов и потряс ими перед своей гостьей.

— Поздравляю, дорогая, вы отлично сдали все три предмета.

— Кто же принимал экзамен? — изумилась Эдда.

— Я передал ваши ответы преподавателям Мельбурнского университета, которые принимают экзамены на втором курсе, — сообщил Росон, очень довольный собой.

— На втором курсе?

— Да.

— Мне требовалось узнать ваш уровень знаний, и я вступил в сговор с моими друзьями с медицинского факультета. В Мельбурне у женщины больше шансов поступить в университет и заниматься медициной, а вот в Сиднее к ним относятся с предубеждением, что весьма прискорбно. Там слишком сильно английское влияние. Однако я отклонился от темы.

Росону вдруг показалось, что Эдда его не слушает. В ее глазах появилось какое-то новое выражение, там затаилась невыносимая боль, перед которой она была бессильна.

Он заторопился, стремясь поскорее прогнать эту боль, ведь это вполне в его силах — если она, конечно, согласится.

— В феврале следующего года, когда в университете начнутся занятия, вы станете студенткой третьего курса медицинского факультета — ведь вы уже сдали экзамены. Учиться будете здесь, в Мельбурне, и через четыре года, в ноябре 1935-го, получите университетский диплом. Потом еще год интернатуры, чтобы получить разрешение на медицинскую практику. Подумайте об этом! В тридцать один год вы станете дипломированным врачом и перед вами целая жизнь, посвященная медицине.

Ее тело конвульсивно дернулось, и Эдда резко поднялась со стула. На лице ее была написана паника.

— Подождите! Послушайте меня, Эдда, прошу вас! — вскрикнул Росон.

— Я не принимаю подачек, особенно от близких друзей.

— Это не благотворительность и имеет свою цену, причем немалую.

Эдда немного остыла.

— Цену? Какую же?

— Мне нужна жена. Это и есть моя цена. Выходите за меня замуж, и тогда вы сможете заниматься медициной, покупать платья всех цветов радуги, носить меха — все что угодно, ведь я очень богат. Но мне нужна жена. Будь я женат, я бы давно прошел в парламент. В моем возрасте неженатые мужчины вызывают подозрения, даже если у них кристальная репутация. Но я так и не смог найти себе жену. Пока не встретил вас. Умная, образованная, утонченная, понимающая — и к тому же толерантная! Вы достойны стать леди Шиллер. Большинство женщин расшиблись бы в лепешку, чтобы получить этот титул, а вас, я вижу, он не слишком впечатляет?

Эдда начала смеяться мелким истерическим смехом, перешедшим в громкое всхлипывание.

— Вы кажетесь мне чрезвычайно соблазнительной, — продолжал сэр Росон, спеша высказаться, пока ему не изменила решимость. — Возможно, в будущем мы попытаемся завести ребенка. Не знаю, смогу ли я, но позже, когда мы привыкнем друг к другу, я приложу все усилия, но, разумеется, если вы сами этого захотите. Няни и детские садики существенно облегчат вашу задачу. — Он стукнул кулаком по лбу. — Но я забегаю вперед. Эдда, выходите за меня замуж!

Ну о чем тут было думать?

— Да, Росон, я согласна, — хрипло произнесла она.

Он нежно поцеловал ее руку.

— Брак по расчету, — улыбнулась Эдда, сжав его пальцы. — Не буду отрицать, что принимаю ваше предложение по одной-единственной причине — это позволит мне осуществить мою заветную мечту и стать врачом.

— Я полностью отдаю себе в этом отчет. Но вы бы вряд ли пошли за меня, если бы испытывали ко мне отвращение. Наша дружба чего-нибудь да стоит, и не пытайтесь это отрицать, — высокопарно произнес Росон.

— Как странно! Мы вдруг почувствовали себя неловко.

— Ну, это же не совсем традиционное предложение руки и сердца. Слишком деловое и откровенное!

— Тогда давайте обсудим детали. Сядьте же, наконец. Какая у нас будет свадьба? Роскошная, скромная или вообще тайная?

— По некоторым соображениям я бы предпочел тайную. Хотите узнать, из каких?

— Да.

— Я очень сомневаюсь в возможности скромной свадьбы. У меня живы родители, есть два брата, две невестки, по три племянницы и племянника плюс туча тетушек, дядьев и кузенов. И всех их надо будет пригласить на скромную свадьбу.

— У меня дела обстоят не лучше: три сестры, один зять, отец и мачеха с умственным расстройством, двое мужчин, которые не являются моими зятьями, но дружат с моими сестрами, и еще дюжина женщин, которых нельзя не пригласить. Вот что для меня означает скромная свадьба. И к тому же мой отец наверняка захочет сам обвенчать нас в своей церкви.

— Вот так сюрприз! Ваш отец священник?

— Он пастор англиканской церкви, и у него огромный приход в Новом Южном Уэльсе. Я знакома с десятком епископов и архиепископов, которые держали меня в детстве на своих порфиринозных коленях.

— Господи, Эдда, я знал, что вы превосходный вариант, но чтобы настолько!

— Единственное, что может не устроить вашу семью, так это отсутствие у меня денег. В остальном мое происхождение безупречно. Что касается роскошной свадьбы, дорогой Росон, то мой отец просто не может себе ее позволить.

— О роскошной свадьбе речь вообще не идет, — заявил Росон, с ходу отменяя подобную перспективу. — Нет, моя дорогая Эдда, принимая во внимание наши зрелые годы, лучшим вариантом будет тайное бракосочетание. Возможно, наши семьи будут недовольны, но потери понесут обе стороны, так что всем будет не так обидно. Пусть суматоха начнется после бракосочетания, которое состоится через месяц в Мельбурне в бюро записей актов гражданского состояния.

— Может быть, лучше Мордиаллоке?

— В Мордиаллоке? Почему именно там?

— Просто мне нравится название.

— Я уважаю ваши вкусы, моя непредсказуемая подруга, но расписываться мы будем здесь, в самом сердце Мельбурна, — твердо сказал Росон. — Потом сядем на океанский лайнер, плывущий в Калифорнию, и проведем медовый месяц в этом легендарном месте. И пусть буря разразится в наше отсутствие. Родственники, друзья, коллеги и враги узнают обо всем одновременно. Здесь будут царить шок, ужас и изумление, но нам-то что за дело, если мы отдыхаем в обществе голливудских звезд? Окунемся в реальность, когда вернемся. — Росон вдруг по-мальчишески подмигнул. — Ну и кутерьма начнется! Но мы будем слишком заняты, чтобы обращать внимание: вы — учебой в

университете, а я — политикой.

— Как же для вас важна политика! Надеюсь, я буду вам хорошей женой, — с оттенком сомнения сказала Эдда.

— Моя драгоценная Эдда, в вашем лице я хочу показать этой стране, какой должна быть жена политика. Вы умны, раскованы, умеете поддержать беседу, потрясающе выглядите, а когда станет известно, что вы делаете профессиональную карьеру, мои коллеги просто позеленеют от зависти. Если журналист задаст вам вопрос, вы не растеряетесь, и он получит достойный ответ. — Росон перевел дыхание. — Оба моих брата женились на девушках из общества с хорошим приданым, но их жены скучны, неинтересны, плохо образованы и подчас просто вредят репутации мужей. С вами никогда такого не случится! Вы будете приносить остроту в политические будни. Я не собираюсь мешать вашей медицинской карьере, но тем не менее рассчитываю на вашу поддержку.

— Всегда к вашим услугам, — улыбнулась Эдда. — Подумать только, через пять лет я смогу стать врачом! Но практику открою под своим именем. Могу представить, как будут озадачены бедные пациенты, записываясь на прием к леди Шиллер! Обещаю полностью вписаться в ваш мир. Через какое время мы сможем расписаться?

— Через месяц. Пока на вашем пальчике не появится обручальное кольцо, вы поживете внизу. Кстати, какое вы хотите — с рубином?

— Нет, я бы предпочла изумруд. Рубинами в Корунде никого не удивишь.

— Пусть будет изумруд. Завтра утром я познакомлю вас со своими секретарями — Джоном Виньятсом и Карлом Эйнманом. Вы можете полностью на них положиться. Они единственные, кто в курсе дела. Вам откроют счета в магазинах, в том числе в книжных. Пока они будут на ваше теперешнее имя, но после замужества их переоформят на леди Шиллер.

— Леди Эдда, — мечтательно произнесла она и рассмеялась. — Звучит как-то нереально.

— Так оно и есть. Вы не леди Эдда, а леди Шиллер. Только дочери герцогов и маркизов имеют право называться «леди» в сочетании с именем, данным им при рождении. Жены рыцарей такой привилегии не имеют.

— Как интересно! Я уже начинаю учиться.

— Вы можете носить лису и соболя, но только не норку, — заявил Росон, скорчив смешную рожу. — Норка грубовата на ощупь и выглядит слишком по-голливудски.

— Главное, медицина! — воскликнула Эдда, давая понять, как мало значат для нее меха. — Росон, я вам так благодарна за этот шанс. Я хочу

специализироваться на хирургии, общей и брюшной. Нейрохирургия тоже интересна, но для нее я немного старовата. Слишком сложная область.

Она вдруг перескочила на другую тему:

— Мы будем жить в этой квартире?

— У вас есть возражения?

— Никаких. Просто мне хочется знать.

— За моей спальней есть четыре комнаты, которые я собираюсь отдать в ваше распоряжение. Я не настаиваю, чтобы у нас была общая спальня, потому что сильно храплю. У вас будет собственная спальня, гардеробная, гостиная и ванная комната. Побеседуйте с моими декораторами, чтобы они знали, как вы хотите отделать свои апартаменты. Они исполнят любую вашу прихоть. А заниматься вам лучше в гостевой квартире внизу. Там будет ваш медицинский бастион.

— А другие жильцы не будут возражать?

— Пусть только попробуют! Это здание принадлежит мне.

От усталости и обилия впечатлений голова у Эдды пошла кругом.

— Немедленно спать, — скомандовал Росон, поднимая ее с кресла. — Завтрак в восемь, а потом займемся делами. И знаете что?

— Что? — устало улыбнулась она.

— Я вас обожаю. Возможно, несколько иначе, чем может ожидать жена от любящего мужа, но это искреннее и сильное чувство. Я вас обожаю.

«Как жаль, что он не может любить меня, как мужчина женщину!» — подумала Эдда, забираясь в постель. Но что делать. Это с лихвой компенсируется. Диплом врача, титул леди Шиллер, светское общество и политический бомад. Как странно и замечательно!

Все было похоже на сказку, и именно так воспримут ее замужество окружающие. Все как у Китти, волшебный роман закончившийся браком с богатым, интересным и успешным мужчиной. А что теперь? Одна в огромном пустом доме и два выкидыша за два года семейного счастья. Ах, Китти!

«Что принесет мне этот брак?» — думала Эдда, в глубине души подозревая, что его минусы перевесят плюсы. Кроме медицины, конечно. Ради нее можно заплатить любую цену. По крайней мере она знает тайну Росона, а это дает ей определенные преимущества. Китти была совершенно бесправна, и это ее бесило. А Эдда слишком современная женщина, чтобы терпеть семейные притеснения, даже если этого требует традиция. Она, разумеется, никогда не воспользуется тайной мужа, чтобы добиться каких-то уступок. Росон не изменит данному слову, так что ее медицинская

карьера вряд ли окажется под угрозой, а это единственное, что имело для нее значение.

Потом мысли ее обратились к желанию Росона иметь ребенка. Какое время для этого самое подходящее? Никакое, со вздохом заключила она, что было равнозначно тому, что сделать это можно в любой момент. Если он будет ее торопить, она, конечно, уступит и будет работать, пока не отойдут воды, а после родов сразу же вернется к своим обязанностям. Почему бы и нет? Раньше женщины именно так и поступали, и что изменилось с тех пор? Только отношение общества. «Да, я преодолею этот рубеж, причем без всякой суеты. Я должна! Мы живем в двадцатом веке, и моим возможностям можно только позавидовать. Моим предкам такое и не снилось. Все будет прекрасно, потому что я выхожу замуж за замечательного человека, несущего тяжелое бремя».

Ей так хотелось рассказать обо всем сестрам! Или хотя бы Грейс. Почему именно ей? Она ведь живет в стесненных обстоятельствах, страдая от тягот раннего вдовства — дети растут без отца и вечная нехватка денег. Но они же с ней близнецы. Китти будет против этого замужества, она уже знает, что такое брак без любви. Тафтс примет его как должное, но вряд ли одобрит, усмотрев в нем элемент сделки. А Грейс осудит ее из зависти и ограниченности. Эдда жаждала бросить им вызов еще до того, как все произойдет. Швырнуть им в лицо свой выбор, чтобы потом раскаиваться в предательстве.

Но что бы они ни говорили, Эдде все равно хотелось видеть их на своей свадьбе, хотя она понимала, что это невозможно. Грейс раструбит о ней по всей округе, Китти скажет Чарли, который тоже начнет трубить, а Тафтс... Тафтс есть Тафтс, никогда не знаешь, чего от нее ждать.

Сэр Росон Шиллер, королевский адвокат, сообщил о своем бракосочетании в элегантном пресс-релизе, который вышел в тот момент, когда новобрачные уже плыли в Калифорнию, тем самым лишив потрясенную публику возможности задавать вопросы. В пресс-релизе имелась черно-белая фотография счастливой пары, на которой общественность впервые увидела сестру Эдду Латимер. Весьма интригующая картинка. Оба в строгих костюмах, стоят рядом и смотрят прямо в камеру. Лучший колорист Мельбурна вручную раскрасил фото в виньетке, раскрыв всем любопытным, что невеста была в темно-красном и выглядела шикарно. Общественное мнение решило, что она красива, но имеет несколько надменный вид. Члены Националистической партии сочли леди Шиллер вполне достойной супругой для их будущего лидера.

Одна леди Шиллер уже имелась. Отец Росона был кавалером орденов святого Михаила и святого Георгия, звание, полученное им за успехи в бизнесе и разведении овец. Сэр Мартин и его леди Шиллер с интересом разглядывали пресс-релиз, впечатление от которого несколько смягчило письмо от их среднего сына.

— Она вполне приемлема, хотя ее социальное положение оставляет желать лучшего, — заключила леди Шиллер. — Одета элегантно, но несколько рискованно. Я имею в виду цвет. Двадцать шесть лет — хорошо, что не восемнадцатилетняя пергидрольная блондинка, спасибо и на том. Отец — англиканский пастор... Мать — Аделаида Фолдинг, из хорошей семьи, если это те Фолдинги, о которых я думаю. Росон вряд ли женился бы на простолюдинке.

— У нее красивые глаза, — заметил сэр Мартин. — Очень необычные.

— Росон пишет, она учится в университете на медицинском. Мне это совсем не нравится.

— Значит, она умная, — сделал вывод сэр Мартин, чья жена этим качеством не отличалась.

— Для жены это вовсе не обязательно. Медицина — неподходящее занятие для женщины. Вечно возиться с голыми, рискуя что-нибудь подцепить.

Мартин-младший, очень милый и послушный старший сын, который должен был унаследовать все предприятия Шиллеров, не скрывал своей радости.

— Ему давно пора забыть об этой Анне. Росон затмит нас всех, а его жена кажется мне идеальной подругой политика. Два умных человека, что может быть лучше.

— Согласен, — подал голос Рольф, младший брат, которому было уготовано управлять семейной овцеводческой империей. — Слишком необычная, чтобы считаться красавицей, но очень впечатляет.

— Да она просто хищница! — фыркнула Джиллиан, жена Мартина-младшего, которой уже перевалило за сорок, что немало ее огорчало. Четверо детей и любовь к сладкому погубили ее фигуру, а жизнь с Мартином-младшим испортила ей характер.

— Я согласна с Джилли, — сказала Констанция, жена Рольфа. — Она просто окрутила бедного глупого Росона. Не сомневаюсь в этом.

Все трое мужчин расхохотались. Леди Шиллер улыбнулась. Все встает на свои места. Ни Джилли, ни Конни совершенно не умели одеваться, а в темно-красном обе они выглядели бы неизлечимо больными. Так же как Росон, средний сын, от которого не ожидали ничего впечатляющего, вдруг

намного превзошел своих братьев, молодая леди Шиллер наверняка задвинет своих невесток в тень. Что касается первой леди Шиллер, то мы это еще посмотрим.

В Корунде пресс-релиз вызвал сенсацию, хотя Эдда и написала отцу и сестрам. Больше всех был поражен Чарлз Бердам. Когда Китти, размахивая пресс-релизом и письмом от сестры, сообщила ему в начале декабря об этой новости, он чуть не упал в обморок. Рухнув в кресло, он протянул руку за пресс-релизом, оттолкнув письмо Эдды.

— Эдда? Эдда вышла замуж за Росона Шиллера?

Китти налила ему виски.

— Чарли, ты так говоришь, словно это катастрофа. Почему, ради всего святого? Это же прекрасная новость! Ты только почитай ее письмо! В феврале она начинает учиться в Мельбурнском университете, на третьем курсе медицинского факультета. Это же мечта всей ее жизни.

— Но какой ценой? — с сарказмом спросил Чарлз.

— Это ее дело, Чарли, отнюдь не твое. Как мы можем судить? Эдда никогда бы не продалась, и нечего намекать на это.

— Если бы я знал, что она так жаждет стать врачом, я бы сам заплатил за ее обучение.

— Чушь! — взорвалась Китти, теряя терпение и терпимость. — Да, деньги у тебя есть, но Эдду ты не выносишь. Она говорит то, что думает: например, что у меня нет машины и я не могу никуда ездить, критикует твои больничные нововведения. Тебя тешила мысль, что Эдда не может получить то, к чему стремится, и не пытайся этого отрицать. Ты этого не сознаешь и считаешь себя отличным парнем! Чарлз Бердам, краеугольный камень, на котором стоит Корунда. Бросал Эдде подачки, обещая ей собственную операционную, хотя прекрасно знал, что в больнице хватает и одной и управляет там Дот Маршалл. Она пишет, что в Мельбурне искала место операционной сестры и случайно встретила Росона Шиллера.

Алкоголь возымел свое действие. Чарлз резко выпрямился.

— О да! Она встретила с Росоном Шиллером благодаря мне, а не кому-то еще! Поскольку вы, мадам, не соизволили поехать в Мельбурн, я взял на мэрский благотворительный ужин вашу сестрицу. Это обошлось мне в лишнюю сотню фунтов, и вот благодарность — она подхватила ультраконсервативного фанатика, который считает, что рабочим следует платить не выше прожиточного минимума, китайцев вышвырнуть из страны, меланезийцев отправить на сахарные плантации, а женщин вообще не принимать на работу. Если твоя драгоценная сестрица выскочила замуж

за подобного типа, она ничем не лучше обыкновенной шлюхи!

Бац! Бац! Китти влепила мужу две звонкие пощечины. Вскочив с кресла, она, как злобная фурия, набросилась на Чарлза, осыпая его хлесткими ударами — по ушам, щекам, глазам и подбородку.

— Не смей называть мою сестру шлюхой, индюк надутый! Жалкий евнух! Тебе только сифилитиков лечить! Свинья паршивая!

Оттолкнув жену, Чарлз кое-как выбрался из кресла и устремился к двери.

— Она шлюха! Продажная девка! Дрянь! А тебе не мешало бы рот намылить! Ты вульгарна и отвратительна!

— Убирайся к черту! — завопила Китти. — Тебе наплевать на рабочих, ты только себя и любишь! Ты бросил Эдду за столом, в компании незнакомых людей — она мне все написала! Росон Шиллер пришел ей на помощь. А он настоящий мужчина, высокий, не чета тебе! Его уж точно не назовешь наполеончиком, милый!

С этими словами Китти выскочила из комнаты. Послышался шум отъезжающего автомобиля, после чего воцарилась тишина.

Чарлз подошел к буфету, потом снова сел в кресло. Его так трясло, что он минут пять не мог поднести стакан ко рту. Все случилось совершенно неожиданно. Зря его так прорвало, надо было держать свое мнение при себе. Эдда, конечно, шлюха, но Китти не зря так взвилась. Кому захочется выслушивать оскорбления в адрес родной сестры.

Его обуревала злоба — эти проклятые сестры вечно покушаются на любовь его жены. Китти принадлежит ему — и только ему. А она постоянно поворачивается к нему спиной, чтобы лобзаться со своими сестрицами. Это форменное безобразие!

Эдда — настоящая шлюха. Распущенная доступная женщина, заводившая шашни с мужчинами вроде Джека Терлоу.

А ведь Китти об этом знала! И мирилась с этим, не считая Эдду девицей легкого поведения. Значит, девственницей она оказалась по чистой случайности? Или она предавалась сексуальным играм, не доходя до последней черты?

Через двадцать минут позвонил пастор, сообщивший, что Китти у него и может задержаться допоздна.

— Я к нему не вернусь! — кричала она отцу. — Папа, он назвал Эдду шлюхой за то, что она вышла замуж за Росона Шиллера! Как будто она хитростью женила его на себе!

— Да, да, дорогая, это несправедливое обвинение. Но судя по тому,

что рассказал мне Чарли, вернувшись из Мельбурна, он вел себя с Шиллером, как маленькая злая собачонка, увидевшая большого самодовольного кота. Подумай об этом, дорогая Китти. Они оба очень похожи, несмотря на все их политические разногласия, а ведь политики легко меняют свои взгляды, за примерами далеко ходить не нужно. Политика — это азартная игра, а те, кто отдается ей всей душой, очень скоро бывают разочарованы. Ведь игра эта грязная и нечестная. Сплетение лжи, обмана, личных амбиций, обманутых надежд. Она лишена этики и морали, и в ней побеждают самые беспринципные. Человек, который хочет работать на благо людей, занимается социальными проблемами, медициной или чем-то таким, что имеет видимую позитивную отдачу.

Пастор смущенно кашлянул.

— Ах, Господи! Я же начал говорить про их сходство, а сполз в политику. Поверь старику, они как два жеребца в одной упряжке.

Китти с изумлением взглянула на отца.

— Папа, а ты, оказывается, циник.

— Я не циник, я реалист! — возмутился пастор.

— Да, да, конечно. Прошу прощения.

— Китти, Господь Бог дал нам разум, что отличает нас от других живых существ. Он может достигнуть небывалых высот, но мы должны найти ему должное применение, а не растрачивать на легкомысленные поступки и всякую чушь. Думай, дорогая, думай! Чарли и мой новый зять имеют гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд. Интуиция подсказывает мне, что Чарли не такой левый, как кажется Росону, а Росон не такой правый, как думает Чарли. Вот и все различие.

— А мне кажется, что есть еще одно и гораздо более важное, — заявила Китти, успокаиваясь. — Росон на целый фут выше Чарли. А у того просто комплекс неполноценности по поводу роста.

— Так пусть идет в парламент. Это идеальная карьера для маленьких мужчин.

— Все равно он не имел права так говорить об Эдде.

— Ах, Китти, он сказал это, чтобы уязвить тебя, а не Эдду! Он вовсе не считает ее распутницей, что бы он там ни говорил.

Томас Латимер поставил на плиту чайник.

— Выпей лучше чайку.

— Я поставила ему синяк под глазом, — хихикнула Китти.

— Боже мой, какие страсти! Я, конечно, очень рад, что мои девочки так любят друг друга, но ты должна помнить, что прежде всего ты должна любить своего мужа.

Хлопнула входная дверь, и на кухню влетела Грейс с пресс-релизом в руках.

— Китти, ты уже здесь! — воскликнула королева Трелони-уэй, плюхаясь на стул. — Можно и мне чаю, папочка? Вот это новости! Моя сестра теперь леди Шиллер.

— Ты огорчена, Грейс? — скривив рот, поинтересовалась Китти.

— Огорчена? С какой это стати? — изумилась ее сестра. — Я поняла, почему они расписались тайно, — только подумайте, какую свадьбу они вынуждены были бы закатить! Пришлось бы звать всех мельбурнских шишек, а папа вряд ли потянул бы такие расходы. А заставлять платить жениха — это дурной тон, уверяю вас. Леди Шиллер! Молодец Эдда! Наконец-то она сможет учиться на доктора!

— Да, это замечательно, — нежно произнесла Китти. — Я так за нее рада.

— А Чарли вряд ли, — проницательно заметила Грейс. — Теперь его задвинули в тень.

— Если не можешь сказать что-нибудь хорошее, лучше вообще помолчи, — строго произнес пастор.

— Бедный папочка! Вот он действительно огорчен, правда, Китс?

— Не то чтобы огорчен, Грейс, а просто ему грустно, что Эдда нас покидает.

Лица ее родственников вытянулись.

— О, мне это как-то не пришло в голову, — спохватилась Грейс.

А вот Тафтс это в голову пришло, о чем она не преминула сообщить Лиаму Финакану за утренним чаем в ее кабинете:

— Самое грустное, что никто не сможет заменить нам Эдду. Она такая прямая, надежная и разумная. Я понимаю, почему она за него вышла — для нее это путь в медицину, ну, и конечно, он ей понравился.

— То есть о любви здесь речь не идет?

— Нет. Я не уверена, что Эдда вообще может любить. Во всяком случае, как Китти или Грейс. Она по натуре ученый, а не романтик.

— Ну, это слишком широкое обобщение. А что ты скажешь о нем?

Тафтс нахмурилась:

— Хороший вопрос, старый зануда. Вероятно, он любит ее, раз женился. Ему уже под сорок, он гораздо богаче Чарли, ростом значительно выше Эдды и известен во всей Британской империи. Надеюсь, что у них получится. Буду молиться за них! Она ведь вышла за него не для того, чтобы стать леди Шиллер или светской львицей. Эдда сама себе указ. Я должна увидеть его, Лиам! Я не успокоюсь, пока на него не посмотрю.

Пастор испытывал похожие чувства, хотя они с Тафтс и не успели обменяться мнениями. Когда Китти была девочкой и ее штормило, именно Эдда замечала тревожные симптомы, спасала несчастного ребенка от идиотского поведения матери, вливала в нее силы и уверенность. Она была проникательной, восприимчивой, тонко чувствующей, любящей и готовой защищать. Но как она сживется с Росоном Шиллером? Почему она так необратимо связала свою судьбу с этим человеком? Мистер Латимер был в курсе ее отношений с Джеком Терлоу, ведь он не был слеп и до него доходили пересуды. Но он, невзирая на заповеди Божьи, был твердо уверен, что подобные отношения лучше, чем несчастливый союз, который уже нельзя разорвать. А вот теперь она леди и скоро будет врачом. И все же он не мог отогнать дурные предчувствия.

Для Мод Латимер эти новости несколько запоздали. Она уже трижды ставила на плиту пустой чайник и чуть не спалила дом. После жестокой борьбы с самим собой пастор был вынужден поместить ее в дом престарелых, где она, совершенно счастливая, рассказывала всем о своей поразительно красивой малышке Китти. Сообщение о замужестве Эдды не возымело никакого действия. Это Китти сделает блестящую партию, когда вырастет. А кто такая Эдда?

Чарлз Бердам не собирался сдавать позиции. В соответствии с данным словом пастор через пару часов отослал Китти домой, но она по-прежнему задирала нос и была не готова простить мужа, разве что ради спокойствия отца. Однако муж встретил ее ледяным молчанием, отказался ужинать и велел Коутсу постелить ему в гардеробной. Тот с невозмутимым видом исполнил распоряжение, но Китти была уверена, что завтра об их размолвке узнает вся Корунда — камердинер Чарлза был безупречен в работе, но обожал сплетничать. Правда, пабы уже закрыты, и большинство жителей спят, но Коутс найдет способ растрепать по всему городу. Китти и раньше спала отдельно «по состоянию здоровья», но инициатива всегда шла от нее. Теперь же все было иначе — супружескую спальню покинул хозяин дома. Вот это сенсация!

Китти истолковала этот демарш как свидетельство того, что распутство заразно и она подхватила его от Эдды. Воздушным путем и через кровь. Значит, Тафтс и Грейс тоже несут на челе пылающий знак блудниц. Видно, Чарли решил выступить в роли евангелиста буржуазного розлива! С этой мыслью Китти погрузилась в сон.

Утром она проснулась, чувствуя необычный прилив сил, и поспешила на завтрак. Чарли снова отсутствовал. Ее горничная миссис Симмонс сообщила, что он уехал в больницу.

— Вот и отлично! — весело сказала Китти. — Мы с ним крупно повздорили, и я теперь сплю отдельно. Буду признательна, если вы с Беатрис — и Коутс, конечно, — перенесете мои вещи в сиреневую анфиладу. Чарли ее терпеть не может!

Миссис Симмонс вернула на место отвисшую челюсть, слегка подтолкнув ее рукой.

— Господь с вами, Китти, не слишком ли круто вы завернули? — спросила она, называя хозяйку по имени, как это было принято в Корунде. Никаких «мадам» там не практиковали.

Китти приняла реакцию миссис Симмонс как должное.

— Может, и круто, зато по делу. Вы знаете, что выкинул этот коротышка? Назвал мою сестру шлюхой за то, что она вышла за богатого человека с рыцарским знанием!

— Разрази меня гром! В лиловые комнаты, вы говорите?

— Да, в лиловые.

Доверив свой переезд опытным рукам миссис Симмонс, Китти отправилась в сиротский приют и предложила там свои услуги.

— Китти, да вы для нас как манна небесная, — обрадовалась сестра Ида Дервиш, возглавлявшая один из приютов, которые в последние два года росли как грибы. — Детская медсестра с дипломом! Дорогая моя, у нас для вас пропасть работы, но как у вас со временем? Доктор Бердам ведь требует внимания.

— Времени у меня пропасть, а наше чертово правительство запрещает мне работать по специальности, потому что я замужем. Последнее, впрочем, весьма спорно. У нас с доктором Бердамом произошла грандиозная перепалка, потому что я не отвечаю его требованиям. А здесь я по крайней мере нужна. Чарли может катиться к черту!

— Китти! Осторожнее с выражениями! Завтра об этом будет говорить весь город.

— Уже говорит. Не забывайте про Коутса, Ида. Он так обидел меня, что я готова его растерзать.

— Кто? Коутс?

— Да нет, милая, Чарли. У вас есть какая-нибудь подходящая одежонка, пока мне не пришлют форменное платье из Сиднея? А то у нас все магазины позакрывались.

Китти вздохнула. Выглядела она уже не так победоносно.

— В глубине души я очень переживаю, но скорее умру, чем покажу это Чарли. Назвать Эдду шлюхой!

— Так вы из-за этого поссорились?

— Да.

— С ума сошел. Или просто ревнует.

К такому же мнению пришли и жители Корунды, когда эта новость стала достоянием гласности. Однако далеко не все. У Чарлза Бердама были преданные почитатели во всех слоях общества, которые с готовностью разделили его мнение об Эдде Латимер. Заносчивая сучка с весьма шатким представлением о морали. Правда, причина ссоры никого не волновала. Пикантность ей придавали ее участницы, которые прежде считались неразлучными как... как близнецы.

Чарлз неделю игнорировал Китти, общественное мнение и то обстоятельство, что теперь его жена обитала в безобразных комнатах в дальнем конце его дома. Вызов, который он столь неосмотрительно бросил, она приняла с прямо-таки неприличной готовностью и теперь досаждала ему, как могла. Не говоря уже о том, что ему пришлось дефилировать с синяком под глазом, который он безуспешно пытался выдать за результат столкновения с дверью.

По прошествии недели он решил немного понизить градус и, услышав, как хлопнула парадная дверь, немедленно приступил к делу. В шесть его жена обычно возвращалась из своего дурацкого приюта.

— Мы можем поговорить, Китти? — вежливо спросил он, появившись в дверях маленькой гостиной, примыкавшей к его кабинету.

Он ожидал, что она будет выглядеть уставшей и замотанной, ведь ее малоприятную работу нельзя было назвать синекурой. Его шпионская сеть донесла, что она исследовала каждую детскую голову на наличие вшей и гнид и тщательно вычистила все отверстия в ребячьих телах — занятия, от которых упорно уклонялся немногочисленный штат переполненного сиротского приюта.

Но Китти словно расцвела и выглядела лучше, чем все последнее время: сине-сиреневые глаза светились энергией, изящные губы сложились в довольную усмешку, а кожа сияла здоровым блеском. И эта женщина рожала мертвых младенцев? Быть такого не может!

— Да, конечно, — ответила она.

— Выпить хочешь?

— Спасибо, налей мне холодного пива.

Подав ей стакан и подождав, пока она расположится в кресле, Чарлз сел напротив.

— Это пора прекратить, — начал он.

— Что прекратить? — поинтересовалась Китти, с удовольствием потягивая пиво.

— Все эти разговоры. Ты сообщаемь всем и каждому, что мы поссорились, что тебе все надоело, что ты недовольна, как я отношусь к твоим родным.

— Господи, сколько грехов сразу!

— Прекрати себя так вести.

— Ты мне приказываешь?

— Да. Я твой муж.

— А что будет, если я не прекращу?

— Тогда мне придется предпринять определенные шаги.

— Шаги... Какие же?

— Я могу лишить тебя содержания, не оплачивать твои долги, использовать свое влияние, чтобы тебя не брали на работу, даже волонтерскую. Ты моя жена, Китти, — твердо и властно заявил Чарлз.

Но Китти почему-то сохраняла хладнокровие. Она посмотрела на мужа, как на какое-то противное насекомое.

— Ах, Чарли! — с некой долей раздражения воскликнула она. — Не будь таким дураком! Корунда — мой родной город, а не твой. Только попробуй прижать меня и пожнешь бурю. Я могу уничтожить тебя в один момент. Китти Латимер, сестра этой шлюхи Эдды? Да нас обеих тут обожают. Ничего подобного ты не сделаешь, да ты и сам это знаешь. Ты просто меня шантажируешь, чтобы я испугалась и подлегла под тебя. Хрен тебе!

— Ты выражаешься, как шлюха, — буркнул Чарлз, чтобы что-нибудь сказать.

Из глубин его сознания почему-то не выплывали хлесткие реплики. Как же он ее любит! И почему все так неудачно складывается? Это все ее треклятые сестрицы, чтоб им пропасть... Как признать, что он ревнивец и собственник, если подобные чувства никогда не посещали его до того момента, как Китти вошла в его жизнь? До него наконец дошло, что ее сестры — неотъемлемая часть ее жизни и избавиться от них вряд ли получится.

— Да, язычок у меня всегда был острый, — с удовольствием сообщила Китти. — Когда тебе с детства твердят, что ты необыкновенная красавица, невольно хочется послать всех подальше. Я не собираюсь извиняться, потому что ты оскорбил меня. Моя сестра Эдда — цельный и сильный характер, умная и преданная женщина. Ты ее не любишь, потому что она не переносит мужского собственничества. К сожалению, мне этого качества не хватает. Но одно я знаю твердо — Эдда никогда не продаст себя даже за возможность стать врачом. Это означает, что Росон Шиллер хочет от Эдды

того, что исключает любой вид купли-продажи. Это союз равных, Чарли, а у нас такого не получается, несмотря на все наши убогие усилия.

Чарлз долго молчал, глядя на жену, которую он любил, но не мог понять.

— Ты вернешься в нашу спальню? — наконец со вздохом спросил он.

— Нет, не думаю.

Внутри него разверзлась пустота.

— Все кончено?

— Я этого не сказала. Я, как царица Александра, очень люблю свой лиловый будуар. Это мое маленькое королевство в твоём огромном дворце. Если ты надумаешь прийти ко мне, добро пожаловать в мою постель, но только чтобы заняться сексом. Спать с тобой в одной спальне я больше не буду. И не смей вторгаться в мое царство. Оно мое и только мое. Мне двадцать четыре года, и я хочу самостоятельности. Я мечтаю о детях, но у меня должна быть своя жизнь, а это значит, я и дальше буду работать в приюте, во всяком случае, пока.

— Ну, ты и крепкий орешек.

— Все женщины таковы, когда доходит до дела. Это мужчины вынуждают нас быть стервами. Ну как, договорились?

Чарлз кивнул. В нём боролись два чувства — любовь и ненависть, и он не был уверен, какое из них в конце концов победит...

— Значит, если я захочу сексуального общения, я должен об этом попросить, а вместе спать мы больше не будем. А как в таком случае будет выглядеть наша совместная жизнь?

— Как ты сочтешь нужным. Я буду вести хозяйство, принимать твоих гостей, сидеть с тобой за одним столом, обсуждать новости и семейные дела. Буду хорошей матерью для твоих детей, если Господь будет к нам милосерден и оставит их в живых. Я ничего не забыла, Чарли? Если забыла, можешь мне напомнить, — сказала эта новая Китти.

— Есть ли шанс, что наша прежняя любовь вернется?

Китти засмеялась каким-то странным смехом, царапающим, как осколки стекла.

— Боюсь, что у меня ее не было с самого начала, Чарли. Но ты ее хотел — точнее, хотел меня — и шел напролом, пока я не сломалась. Для меня был возможен только брак — я же не была шлюхой.

Китти усмехнулась, и в глазах у нее заплясали злые искорки.

— Тебе остается только надеяться, мой милый, что я не стану ею и впредь. Ты же считаешь, что у нас это семейное.

«Столько шороху из-за одного неудачного замечания», — думал Чарлз,

укладываясь в свою одинокую постель. У него никогда не было близких, и до встречи с Китти он ни к кому не испытывал родственных чувств. Как мог единственный ребенок познать силу и глубину семейных привязанностей, особенно между сестрами-близнецами?

Китти сказала, что он шел напролом и она сломалась. Ее что, принуждали, наступали на горло, всячески истязали? Но это же бред! Думать так — значит недооценивать себя. Чарлз вдруг вспомнил свой первый разговор с Эддой. Она сказала, что Китти очень низкого мнения о себе, причем по вине матери, которая ее чуть не погубила. И почему он тогда не придал этому значения? Вероятно, Эдда обрушила на него слишком много сведений сразу.

Нет, надо быть честным хотя бы с самим собой. Он слышал только то, что лило воду на его мельницу, то есть на покорение Китти. Другое его не интересовало. Он считал, что они с Китти идеальная пара, а Эдда пыталась доказать обратное — и ведь оказалась права! Хотя никто из нас не идеален. И прежде всего ты сам, Чарлз Генри Бердам. И вот результат. Его жена страдает от комплексов, а он ничем не может ей помочь. Она продолжает выполнять супружеские обязанности, но браком это уже не назовешь. Возможно, для нее он всегда был всего лишь не слишком приятным сожителем. Может, потому у нее и случались выкидыши?

Тафтс и Лиаму Финакану выпало быть первыми, кто встретил сэра Росона и леди Шиллер, вернувшихся из морского путешествия в начале 1932 года. У Лиамы была конференция в Сиднее, а Тафтс взяла отпуск, чтобы поехать с ним. Они сняли соседние номера в отеле «Метрополь» неподалеку от порта. Дни проводили порознь, вечера вместе, а ночи в целомудренном одиночестве, разделенные стенкой. Все это их вполне устраивало. В последний день Тафтс позвонила Эдда:

— Мы с Росоном остановились в отеле «Австралия» и приглашаем вас с Лиамом сегодня вечером на ужин.

— Примчимся как угорелые!

Лиам, сменивший свою взъерошенность на более цивилизованный облик, был в хорошем костюме и галстуке с эмблемой больницы Гайс. Крошечная Тафтс прекрасно смотрелась в вечернем платье из желтого шифона. Пара, ждавшая их в вестибюле, приковывала к себе все взгляды. Мужчина выглядел весьма импозантно, хоть и не отличался красотой. Эдда в изумрудно-зеленом шелковом платье была сногсшибательна. На левой руке ее блестел большой квадратный изумруд, обрамленный россыпью бриллиантов, на шее змеилось бриллиантовое кольцо, в ушах сверкали

крупные бриллианты чистейшей воды.

— Черт побери! Ты выглядишь на миллион долларов, — приветствовала ее Тафтс, встав на цыпочки, чтобы чмокнуть в щеку.

— Я столько и стою, — засмеялась Эдда.

Встретившись глазами со своим новым зятем, Тафтс сразу же полюбила его, что принесло ей несказанное облегчение.

Слушая, как беседуют Росон с Лиамом, Эдда удивилась, что адвокат и патолог так быстро нашли общий язык. Они дружески и непринужденно перебрасывались репликами, из чего Эдда заключила, что этот педантичный и занудный ирландец одобрил ее мужа.

— Счастливая ты, Эдда, — констатировала Тафтс, когда они отлучились в дамский туалет.

— Да, я очень счастлива, вот только свадебные подарки меня огорчают, — сморщила нос Эдда. — Обручальное кольцо в счет не идет, но против бриллиантов я боролась, как тигрица. Но это не произвело на моего мужа ни малейшего впечатления.

— Они красивые, Эдс, и выбраны со вкусом. Простые и строгие.

— Да, со вкусом у Росона все в порядке. Мы очень подходим друг другу.

— В феврале ты начинаешь учиться?

— Да, да, да! Драгоценности отправятся в банк — я не хочу хранить их дома.

Эдда мечтательно улыбнулась:

— Наш дом! Целый этаж наверху высотного здания в Мельбурне, ну разве это не чудесно? У меня отдельная квартира для занятий этажом ниже.

— Вот это да! Прямо как во сне.

— Да, но я ужасно боюсь проснуться.

— Он тебя любит.

— Ты думаешь?

— Это написано на нем крупными буквами.

— Да, он горы готов свернуть ради меня.

— Я подозреваю, что он вообще привык двигать горы, — заключила Тафтс, беря сестру под руку.

Однако, возвращаясь с Лиамом в «Метрополь», она высказала некоторые опасения:

— Ах, Лиам, я буду за нее молиться.

— А разве она нуждается в твоих молитвах, Хизер? — удивился тот.

— Подозреваю, что нуждается. Росон Шиллер очень милый и мне нравится... Но он не так прост, как кажется, и я не уверена, что Эдда знает

о нем все.

— Ну что ж, мы завтра поедem с ними на поезде, так что смотри во все глаза и наводри уши. Я разделяю твои опасения.

— По крайней мере он не жадный. Такие драгоценности!

Лиам насмешливо фыркнул:

— Не морочьте мне голову, мадам! Насколько я знаю, драгоценности стоят в конце списка ваших приоритетов.

— У Эдды тоже. В этом вся проблема.

— Но только если он считает, что для нее они важны. Но мне кажется, он так не считает. С другой стороны, положение обязывает, и его жена должна их носить.

Грейс сочла, что ее титул королевы Трелони не уступает рыцарскому званию Шиллера, и отнеслась к нему весьма благосклонно. Их встреча состоялась в ее желто-зеленом домике на Трелони-уэй за утренним чаем, который вдова с двумя детьми сочла наиболее экономным вариантом приема гостей.

Был самый разгар лета, и мальчики гуляли босые, в одних хлопчатобумажных шортиках.

— В следующем году Брайан идет в школу, а через год настанет черед Джона. Они у меня погодки, — сообщила Грейс, проигнорировав наряд и кольцо Эдды.

— Вам, наверное, приходится нелегко, но, я вижу, вы прекрасная хозяйка, — с теплотой в голосе произнес Росон.

— Справляюсь, как могу. Что толку ныть и жаловаться? Нет худа без добра, так ведь говорится?

— А вы бы не хотели отдать сыновей в частную школу?

Грейс без всякого энтузиазма выслушала это предложение. Замужество Эдды никак не повлияло на ее планы. Поначалу у нее мелькнула мысль использовать его себе на пользу, но она быстро от нее отказалась, оставив такую возможность на потом, когда станет совсем уж неумоготу.

— Брайан и Джон привыкли к Трелони, — с вежливой снисходительностью объяснила она Росону. — Я считаю, что в городской школе Корунды дети получают вполне достойное образование. Уверена, мои мальчики окончат ее с отличием.

— И о какой же карьере вы для них мечтаете?

— После всех ужасов Великой депрессии я бы не хотела, чтобы они работали в сфере торговли. Их отец был блестящим продавцом, но когда все обрушилось, люди просто перестали покупать вещи. На земле они тоже

не будут работать, потому что у нас ее нет. Я бы хотела, чтобы они стали школьными учителями или армейскими офицерами. Это по крайней мере верный кусок хлеба.

Росон в растерянности посмотрел на нее. Неужели они с Эддой близнецы? Да, внешне они очень похожи, но что касается ума и характера — тут уж ничего, общего!

— Грейс, если вам понадобится помощь, не стесняйтесь обращаться ко мне. Я не буду проявлять чрезмерную настойчивость, просто помните, что я вам сказал, — решительно произнес он.

— Спасибо, но мы как-то обходимся. Жизнь учит не метить слишком высоко. Тогда и разочаровываться не придется.

— Глупости! — вмешалась Эдда. — Если не ставить себе высоких целей, так и останешься внизу. У тебя двое чудесных ребят, и они должны поступить в университет, а не просто окончить среднюю школу.

Грейс со снисходительной улыбкой повернулась к Росону:

— Ах уж эта Эдда! Это так типично для нее. Вы ее еще не знаете. А я вижу ее насквозь — мы же близнецы. Она такая честолюбивая! Готова покорить весь мир. Но вообще-то я рада, что она наконец всерьез займется медициной. Правда, это вряд ли сделает ее счастливой. У женщин-врачей нелегкая судьба.

— У Эдды все получится.

— Съешьте еще кусочек тоста, Росон. Желе я сделала сама из собственных яблок. У меня в саду есть яблоня «грэнни смит». Домашнее всегда вкуснее покупного. Те, у кого скромный бюджет, не позволяют себе разносолов, зато мы питаемся здоровее. Все свое!

— Желе просто восхитительное, — совершенно искренне похвалил Росон.

— Грейс совершенно невыносима! — процедила сквозь зубы Эдда, когда они ехали домой в машине пастора. — Я думала, что ничего не может быть хуже вечно ноющей Грейс, но Грейс в роли нестигаемой героини, королевы Трелони, превзошла саму себя. Это какой-то кошмар!

— Но ты же все равно любишь ее до беспамятства, — улыбнулся Росон.

Эдда чуть истерично рассмеялась:

— Да, и тут уж ничего не поделаешь.

— Вода многолика, Эдда. Грейс — это озеро у подножия водопада, спокойное, но с тайными глубинами. А вот ты тот самый водопад, мощный, неудержимый, поражающий своим великолепием.

Эдда вспыхнула, польщенная неожиданным комплиментом.

— Китти — это каскад, сверкающий на солнце, симфония звуков и радужных струй.

— А Тафтс?

— Ну, это Тихий океан, не меньше.

— Они с Китти тоже очень похожи внешне, но у всех вас гораздо больше различий, чем сходства, — заметил Росон.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Нас сильно изменила жизнь, — вздохнула Эдда. — Я зря советовала Китти выйти замуж за Чарли, но она была в таком смятении! Мы с Тафтс решили, что она просто боится прослыть хищницей. Я считала, что ей нужен мужчина, который будет ее боготворить. А Чарли как раз и был таким мужчиной. Она подействовала на него, как удар тока, и он просто потерял голову. Кто же мог знать, что он окажется таким ревнивцем и собственником.

— Да, похоже, он из тех, кто держит своих женщин взаперти.

По возвращении в Мельбурн Эдду ждало суровое испытание — ей предстояло встретиться с семейством Шиллер. От этих смотрин удовольствие получил лишь сам Росон. Устроившись на заднем плане, он с удовольствием наблюдал, как его жена расправляется с типичными представителями колониальной аристократии. «Шиллеров интересует лишь собственный социальный статус и приумножение своих и без того немалых капиталов, — рассуждал про себя Росон. — Мои братья женились на женщинах с родословной, которые с трудом могут написать письмо; моя мать — высокомерная светская дама с безупречным генеалогическим древом; отец — тяжелый ограниченный человек, уверенный, что место женщины у домашнего очага; из всех Шиллеров только у меня университетский диплом; племянницы вряд ли окончат среднюю школу, племянники получают аттестат, но в университет уж точно не пойдут. При всем при этом Шиллеры очень уважаемые люди.

И вот как гром среди ясного неба на них обрушивается моя жена, не оставляя камня на камне от их невежественного самодовольства. Взгляните на нее! Она само совершенство, ее красота сочетается с умом, обогащенным жизненным опытом, душевные страдания обострили ее чувства, стремление принять на себя ответственность придает ей силы, а страсть к знаниям ставит выше домашнего хозяйства, кухни и детской. У нее потрясающий вкус! Это врожденное качество, его нельзя приобрести.

Бедная глупая Констанция пытается ее унижить, пройдясь насчет отсутствия маникюра, что так не вяжется с моим изумрудным кольцом... На что Эдда с очаровательной улыбкой объясняет, что операционная сестра

работает в резиновых перчатках, что исключает длинные ногти, а больничный этикет не позволяет покрывать их ярким лаком. Тут Констанция, Джиллиан и моя мать принимаются вспоминать, как сиделки, эти достойные женщины, помогали им пользоваться судном и справляться с прочими неудобствами, связанными с болезненным состоянием...

Мой отец растерян и не рискует вступать в разговор, потому что достаточно умен, чтобы понимать, что моя жена ему не по зубам и, если захочет, обойдет его во всем, даже в умении делать деньги. Слава богу, такого желания у нее не возникает. А вот братишке Рольфу она понравилась — он живет на земле и ближе всех к природе. Эдда кажется ему языческой богиней, которая имела власть над людьми, пока мужчины не отняли ее силой».

— Ну, каково впечатление у стороннего наблюдателя? — спросила мужа Эдда, когда они вернулись к себе.

— Ему показалось, что ты их затерроризировала, — улыбнулся он.

— Если наблюдатель не возражает, я и дальше продолжу в том же духе.

— Возражает? Да он в восторге от этого!

Квартира сэра Росона занимала весь верхний этаж офисного здания, что означало наличие многих свободных комнат. Потеря гостевой квартиры, отданной Эдде под занятия, ничуть не стеснила его, поскольку три верхних этажа были переделаны в квартиры для гостей родственников и обслуживающего персонала.

В штат прислуги входила семейная пара Иван и Соня Петровы, которые работали у сэра Росона уже двенадцать лет, повариха Дафна с помощницей Бетти и уборщица Ванда. Петровы и Дафна жили в доме, а Бетти с Вандой приезжали на трамвае из другого района Мельбурна. Рабочий график у всех был довольно свободный — сэр Росон был не из тех, кто трясется над каждым пенни и выжимает все соки из тех, кто у него служит. Прислуга и секретари, которые тоже жили в доме, просто души в нем не чаяли. «Прямо маленькая колония», — подумала растроганная Эдда. Что касается его главной тайны — о ней не знал никто.

Дафна заправляла кухней, Петровы — всем остальным. Будучи в курсе семейных баталий Китти по поводу повара, Эдда немедленно почувствовала разницу. Чарли признавал только профессионалов, Росон же нанял обычную женщину, которая умела хорошо и вкусно готовить.

Иван с Соней эмигрировали из России после революции, но вовсе не потому, что были богатыми аристократами. Просто они ненавидели Ленина

со всеми его идеями, что для Эдды было не совсем понятно. В их представлении работа у сэра Росона и была тем самым раем, о котором мечтали трудящиеся. Горничной Эдды стала девятнадцатилетняя дочь Петровых Нина, которая уже с пятнадцати лет работала в таком качестве.

— Мне так нравится быть вашей горничной! — заявила она с характерным мельбурнским акцентом.

— А тебе не кажется, что это несколько устаревшее занятие для женщины? — заметила Эдда. — Ты могла бы стать учительницей, медсестрой или секретаршей и ни от кого не зависеть.

— Да, но хорошие горничные здорово зарабатывают. Мама меня всему научила. До вас я работала у леди Маскелл-Терви, и она хотела удвоить мне зарплату, лишь бы я не ушла. Но быть вашей горничной — просто чудо, хотя мне как-то не с руки называть вас Эдда, как вы просите.

Вспомнив, какая мизерная зарплата у сиделок и сестер, Эдда больше не возвращалась к этой теме. Если эта светловолосая и голубоглазая дочка беженцев согласна стирать чужое нижнее белье и гладить платья за весьма внушительную плату, почему она должна возражать?

К счастью, обслуживающий персонал сэра Росона встретил новую хозяйку с искренней симпатией. Все они были рады, что он наконец женился, причем на такой достойной, по общему мнению, женщине.

Комнаты Эдды находились в дальнем конце квартиры и были просто идеальны. Правда, она там только спала, мылась и одевалась. Все свободное время она проводила в своей «медицинской квартире», в которой тоже была домашняя обстановка, включая застеленную кровать и полотенца в ванной. Прислуга, конечно, шушукалась, но в основном на русском языке. Опасности это не представляло — Петровы знали, от кого зависит их благополучие.

Полки быстро заполнялись книгами. Эдда купила микроскоп, стетоскоп, предметные и покровные стекла, пробирки, основные хирургические инструменты из шведской нержавеющей стали, целую кучу простых хлопчатобумажных платьев, которые было легко стирать и гладить, белые халаты и прочную медицинскую обувь. Она заранее готовилась к началу занятий, чтобы потом не терять время на покупки. Все, как всегда, было под контролем.

Эдда с радостью проводила время с Росоном, который часто выводил ее в свет. Он с удовольствием слушал, как она восторженно рассказывала о своей «медицинской квартире», и всегда отдыхал в ее обществе. Его восхищала ее молодость, красота и энергия, и временами он даже жалел, что его склонности не дают ему возможности оценить ее в полной мере.

Она ведь не была ему женой в полном смысле этого слова, и он не собирался ничего менять, испытывая к ней скорее отцовские чувства.

Его коллеги и политические сподвижники, поначалу скептически воспринявшие столь неожиданный союз, постепенно поддались обаянию Эдды, хотя их жены держали оборону гораздо дольше, а некоторые из них так и не сдались. Все знали, что старшая леди Шиллер не одобряет новую невестку из-за того, что, не имея собственных денег, та лихо тратит деньги Росона. То, что он может позволить себе дорогостоящую жену, было вполне очевидно, однако никто не догадывался, что все эти наряды, драгоценности, меха и расточительный образ жизни были его собственной инициативой. Окружение сэра Росона пока не поняло, что, помимо медицинской карьеры, его жена готова довольствоваться очень малым.

Что касается самого сэра Росона, женитьба на Эдде восполнила все изъяны его холостяцкой жизни. Он выбрал себе «правильную» жену, так что ни у кого не возникало вопросов, почему убежденный холостяк женился именно на этой женщине. Она была потрясающе стильной, красивой, хорошо воспитанной, могла поддержать любую беседу, польстить нужным людям и эффектно осадить любого, оставаясь при этом настоящей леди. Да, Эдда была безупречна — на такой обворожительной и необычной женщине, несомненно, стоило жениться. А ведь она еще учится на врача, подумать только!

Ни с кем из женщин из окружения Росона Эдда так и не подружилась — занятия не оставляли для этого времени. Как урвать два-три часа на утренний кофе или обед с подругой? Совершенно немыслимо. Книжки звали ее голосами сирен, обволакивая чарами, противиться которым она не могла.

Часть шестая

Усекновение головы

Депрессия становилась все глубже, и ее трясина постепенно затягивала правительство. Джек Ланг, премьер-министр Нового Южного Уэльса, отказался выплачивать проценты по кредитам штата, вынудив Канберру платить за него. Когда она потребовала возместить расходы, Ланг категорически отказался. Лейбористская партия раскололась на враждующие фракции, поставив под угрозу свое существование. Премьер-министр Скаллин сместил якобы проворовавшегося казначея, что заставило Джо Лайонса уйти в отставку, а затем, в марте 1931 года, выйти из Лейбористской партии. С трудом ковылявшая консервативная Националистическая партия в конце концов протянула ноги, и на ее месте возникло новое политическое образование — Объединенная партия Австралии, которую возглавил не кто иной, как Джо Лайонс, выступавший за продолжение выплат по иностранным кредитам. На выборах его партия одержала триумфальную победу, и Джо Лайонс стал премьер-министром Австралии.

Совсем неподходящее время для начала политической карьеры! Поэтому Чарлз Бердам продолжил списывать толстые тетради и разрабатывать проект устава для принципиально новой политической партии. Замужество его свояченицы в такой критический период прозвучало как похоронный звон по его надеждам, будь то его собственный брак или политические амбиции. Ну кто мог подумать, что Эдда заарканит этого Шиллера?

Подбитый глаз вынудил Чарлза уйти в отпуск на весь декабрь. Он заперся в библиотеке, где строчил страницу за страницей, вырабатывая собственную политическую платформу. Тафтс уже вполне могла заменить его в больнице. Его самоустранение было воспринято с энтузиазмом, что окончательно переполнило чашу его терпения: он был готов убить Лиаму Финакана, весело напевающего «Ах, эти черные глаза».

Его мысли постоянно крутились вокруг жены и их брака, загубленного стараниями ее проклятых сестриц, упорно возвращаясь к теме женской самостоятельности. Гуляющие по городу сплетни приводили его в бешенство, заставляя скрываться за домашними стенами, чтобы не слышать, как досужие языки треплют его имя. В распространении слухов

он винил Грейс и женский персонал сиротского приюта. Он и думать не мог, что их источником был его всегда невозмутимый камердинер Коутс. Какая наглость! Он, Чарлз Бердам, должен ползать на коленях, чтобы жена пустила его в свою постель, а ведь она должна выполнять супружеские обязанности по закону. Но поскольку он далеко не Сомс Форсайт, все, что ему остается, это вариться на медленном огне, предусмотрительно не доходя до точки кипения, и заносить в свой скорбный список все новые обиды. Но все равно жена принадлежит только ему и ей следует забыть о своих детских привязанностях.

Пастор попытался исправить ситуацию.

— Чарлз, дорогой мой, ты лучший из мужей, — заявил он, навестив зятя в Бердам-хаусе. — Но, боюсь, твое отношение к женщинам и в особенности к женам несколько устарело. Мы живем при Георге V, а не в викторианские времена, и мужчины должны изменить свои взгляды на семейные отношения. Старые законы больше не действуют, и женщины постепенно получают равные права с мужчинами. Одним из признаков перемен можно считать облегчение разводов по инициативе женщин, причем порой они даже добиваются алиментов, хотя большинство судей этого не одобряют. Каковы бы ни были твои собственные взгляды, ты не должен высказывать их всем и каждому. Я понимаю, что ты назвал так Эдду вгорячах, на самом деле ты хотел задеть Китти. Но ты должен понимать, что мои дочери привязаны друг к другу с самого рождения. То, что ты сказал, не соответствует истине, поэтому Китти так остро среагировала.

Глаза Чарлза потемнели. Он любил Томаса Латимера, но сейчас тот вызывал у него раздражение.

— Том, вы говорите как по писаному, и я вполне вас понимаю. Но этот номер не пройдет. Китти обязана вести себя как замужняя женщина! Сестры должны занимать в ее жизни если не последнее, то, во всяком случае, второстепенное место.

Пастор понял тщетность своих усилий.

— Если ты будешь упираться, Чарли, твоя семейная жизнь потерпит крах. Дай Китти нормально общаться с сестрами и не жди, что все они будут жить по твоей указке.

Он надел шляпу и взял трость.

— Не забывай, что ты здесь приезжий. Я говорю это не для того, чтобы тебя обидеть, просто в жизни Китти было много такого, о чем ты не знаешь.

— Змея на званом чаепитии? — с насмешкой спросил Чарлз. —

Похоже, там схлестнулись две змеи.

Преподобный Латимер пошел к двери.

— Политика может разъединять людей не меньше религии, — сказал он, берясь за дверную ручку. — В твоей непримиримости, мой дорогой зять, много показного, и мне она неприятна. Всего доброго.

Чувствуя, что потерпел поражение, но отказываясь это признать, Чарлз мрачно вернулся к своим занятиям.

В это же самое время Китти в своих лиловых апартаментах поила чаем Тафтс и Грейс, не подозревая, что во владения Чарлза вторгся ее отец.

Увидев вошедшую Тафтс, Китти просто ахнула. Та всегда выглядела прилично, но не слишком впечатляюще, однако сейчас ее миниатюрная фигурка дышала солидностью и значительностью: прекрасно сшитое твидовое платье, волнистые волосы, собранные в строгий пучок, неторопливые уверенные движения. Нежные губы, прежде напоминавшие розовый бутон, приобрели четкие очертания распустившегося цветка, а янтарные глаза смотрели твердо и непреклонно. Китти чуть не заплакала от гордости за свою столь преуспевшую сестру.

Вдова Ольсен в самодельной круглой шляпе и единственных искусно заштопанных шелковых чулках выглядела как истинная королева Трелони. Свое вдовство она превратила в профессию, и ее прежняя глуповатость чудесным образом преобразилась в благородство. Она необычайно похорошела. Черные волосы, в которых уже сверкали серебряные нити, свободно падали на плечи, густые ресницы были подчеркнуты тушью, что придавало ее серым глазам особую выразительность, на красивых губах рдела ярко-красная помада. Косметикой ее снабдила Эдда, и этот дар отвергнут не был. Изящная фигура имела все необходимые округлости, а собственноручно сшитое платье удачно подчеркивало эту особенность. Ничего удивительного, что Джек Терлоу не оставлял попыток починить курятник или выкопать картошку!

— Лиловый интерьер идет к твоим глазам, Китс, — заметила Тафтс, усаживаясь в кресло.

— И почему это снобы называют лиловый цвет сиреневым? — проговорила Грейс, как истинная представительница рабочих слоев. — Лиловый — это цвет простых людей, а сиреневый предпочитает светская публика.

— Да плевать на это! — оборвала ее Тафтс, лишней раз продемонстрировав свою авторитарность. — Китс, ты лучше скажи, как там Чарли? Пошел на попятную?

— Не знаю. Вообще-то мне все равно.

— Он ревнив до посинения, — заявила Грейс, уминая булочку с клубничным джемом и взбитыми сливками. — Как же вкусно!

— Ешь, не стесняйся, девочка моя. Да, боюсь, что Чарли — страшный ревнивец.

— Ты его любишь? — спросила Тафтс.

— И да, и нет.

— Я знаю, в чем тут дело, — сказала Грейс, приступая к новой булочке.

— В чем? — хором пропели сестры.

— Ты забрала себе в голову, что у Чарли не может быть здоровых детей.

Последовало молчание. Тафтс налила себе еще чаю — это был ее любимый китайский «рокингэм».

— Да, я и вправду так думаю, — наконец со вздохом призналась Китти.

— А что говорит Нед Мэсон? — поинтересовалась Тафтс.

— Все та же старая песня. Нет никаких физических причин.

— Ты все еще злишься на Чарли? — спросила Грейс. — Он выглядит ужасно, даже не считая подбитого глаза.

— Он в курсе, что я предпочитаю ему сиротский приют.

— Похоже, ты не слишком расстроена.

— Не знаю, что со мной происходит, но жить с таким оголтелым собственником очень тяжело. Как можно ревновать к сестрам? Но он это делает, и я начинаю ненавидеть его за это, — с изрядной долей беспокойства заявила Китти. — Замужние женщины говорят, что это просто черная полоса и что в браке такое случается постоянно. Если бы не выкидыши, я бы, возможно, тоже так думала. Но я не могу этого объяснить.

— Конечно, она не может объяснить, — сказала Грейс, когда они с Тафтс спускались на машине с Католического холма. — А вот я могу.

Тафтс, сидевшая за рулем больничного «форда», бросила быстрый взгляд на сестру.

— Я убежденная старая дева, Грейс, и в подобных вещах разбираюсь плохо. Так что объясни мне все подоступнее.

— Все очень просто, — начала делиться семейным опытом Грейс. — Чарлз опротивел Китти.

— Опротивел?

— Точно. Такое случается. Нечасто, но бывает. Интимные отношения — вещь довольно сложная, — со знающим видом заявила Грейс. — И

никто не может предсказать, как обернется дело, когда мужчина и женщина начнут жить вместе. Я имею в виду привычки и всякие там интимности — будет ли муж мочиться в присутствии жены, разрешит ли жена сосать ее грудь? Захотят ли они раздеваться на глазах друг у друга? Если у мужа геморрой, скажет ли он об этом жене? Продолжать можно до бесконечности. И это только то, что касается тела. А если ты оставишь на виду запачканную кровью прокладку? А еще политика. И религия. А если муж прикладывается к бутылке? Мужчины ненавидят, когда жены набрасываются на них в присутствии собутыльников. Интимные отношения — область очень щекотливая. Порой случается, что один из супругов вдруг начинает испытывать к другому отвращение. И со стороны никогда не поймешь почему. Я, конечно, не знаю, с чего это Китти вдруг так ополчилась на Чарли. Но именно в этом все дело. — Грейс заговорщицки перешла на шепот: — Одно могу сказать точно: Китти и сама не знает почему. И все эти разговоры про неспособность Чарли делать нормальных детей — полная чушь. Она взъелась на него вовсе не поэтому.

— Вот так черт! Ты меня удивила, Грейс! А мы можем чем-то помочь?

— Разве что быть под рукой, чтобы подбирать осколки.

Федеральные выборы, намеченные на 19 декабря 1931 года, не слишком волновали Чарлза, поскольку он не планировал выставлять свою кандидатуру. Если бы он и рискнул, то только в качестве независимого кандидата, чтобы иметь возможность голосовать, как ему заблагорассудится. Но Китти была далека от образа идеальной жены политика, а он так нуждался в знающем, политически подкованном помощнике!

19 декабря, в сердцах обозвав себя ослом, он отправился в среднюю школу Восточной Корунды, где находился избирательный участок.

— Доктор Бердам?

Остановившись у входа, Чарлз увидел перед собой длинное лошадиное лицо с выступающей верхней челюстью и торчащими вперед зубами. В бесцветных глазах читалась мертвая хватка. Тощее тело, облаченное в потрясающе безвкусный наряд, просительно изогнулось. Образ дополняли блокнот и карандаш.

— Да, мое имя Чарлз Бердам, — ответил он с улыбкой киногероя.

— Меня зовут Доркас Чендлер, я корреспондент «Корунда пост». Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? — спросила женщина приятным мелодичным голосом, который совсем не вязался с ее внешностью.

— Вы давно работаете в «Пост», мисс Чендлер?

— Нет, это мое первое задание. Раньше я работала в «Телеграф».

— Можно я сначала проголосую? — спросил Чарлз, не переставая улыбаться. — Потом я полностью в вашем распоряжении.

— Разумеется. Встретимся под голубым эвкалиптом?

— Согласен!

Голубой эвкалипт вот уже пятьдесят лет укрывал всех желающих в своей ненадежной ажурной тени, столь характерной для австралийских деревьев. Мисс Чендлер в своем зеленовато-черном облачении была похожа на шрам, оставленный молнией на его светлой атласной коре.

«Знамение? — подумал Чарлз, подходя. — Предвестница будущего? Похоже, она повлияет на мою жизнь. Заставит сменить идеалы, даст надежду, избавит от опасений, разрушит планы — пока не знаю».

— Ожидалось, что вы будете баллотироваться, — начала мисс Чендлер.

— Да, были у меня такие планы, но в этом году было столько партийных пертурбаций, что я решил несколько повременить.

— Не думаю, что ваши мотивы были столь банальны, — возразила она, прислоняя свой тощий зад к огромному стволу.

— Извините, не понял.

— Вы пытаетесь разработать новую политическую философию для нужд Австралии, а это оказалось труднее, чем вы ожидали.

Она вдруг слегка дернулась и поморщилась:

— Проклятые насекомые!

— Давайте где-нибудь посидим, но только не здесь в компании летающих муравьев. Можно я буду называть вас по имени? Мы ведь подружimsя, правда? — проворковал Чарлз, беря ее под локоток, для чего ему пришлось высоко поднять руку. Даже без каблуков мисс Доркас Чендлер имела шесть футов роста. — Кофе в «Пантеоне»?

— С удовольствием, доктор Бердам, — с легким смешком согласилась она.

— Чарлз! Меня зовут Чарлз! Не Чарли, а Чарлз.

— Доктор Бердам, для меня вы никогда не будете Чарли.

Кофе незаметно перешел в обед, но Чарлз ничего не имел против, он наслаждался беседой с этой удивительной женщиной. Наконец-то он нашел настоящую сподвижницу и политического консультанта.

Когда он высказал свои опасения относительно сэра Росона Шиллера, Доркас презрительно фыркнула:

— Из него получится хороший чиновник или дипломат, но никак не

политик. Он слишком богат и аристократичен, чтобы идти на государственную службу, даже в министерство иностранных дел, значит, ему придется зайти с другой стороны. То есть стать министром в правительстве. Тогда чиновники будут у него в подчинении, и он сможет продвигать свои идеи. Но такой подход имеет свои уязвимые стороны — я имею в виду периоды, когда партия находится в оппозиции или не имеет веса.

— Именно этого я и опасаясь. Он ведь метит в премьер-министры.

— О нет! Шиллер очень умный человек и видит все подводные рифы. Весьма необычно для юриста. Вам следует обратить внимание на другого претендента — молодого человека из Мельбурна по имени Роберт Гордон Мензис. Он тоже юрист, но идеально подходит на роль партийного лидера. Он с консервативным уклоном, но не оголтелый консерватор и к тому же имеет интерес к трудовому законодательству. В двадцать пять лет он выиграл в Верховном суде Австралии знаковое дело Объединенного союза инженеров. Очень интересный мужчина, но любит покушать, и это уже сказывается на его фигуре.

— Мензис. Да, я о нем слышал, но все отдают предпочтение Шиллеру.

— У Шиллера есть ахиллесова пята. Не знаю, в чем она заключается, но она есть, — весьма проницательно заключила мисс Чендлер.

В голове у Чарлза созрел план, но сначала следовало побольше узнать о мисс Доркас Чендлер. Обеденное время подошло к концу, и освободившийся Кон Декопулос с интересом наблюдал за странной парочкой — Чарли Бердам в компании женщины за тридцать, похожей на активистку благотворительного фонда помощи голодающим детям. О чем они могли так долго и увлеченно говорить? У женщины был блокнот, но она ничего не записывала, а только восторженно смотрела на Чарли, словно он был кинозвездой. Ничего удивительного! На него так смотрела немалая часть женского населения Корунды. Разница лишь в том, что Чарли ни с кем из них не беседовал столь долго.

Выяснить подробности о Доркас Чендлер не составило особого труда — она с готовностью поведала Чарлзу свою немудреную жизненную историю. Ей было тридцать пять, и она относилась к разряду трудящихся «с большими претензиями», как называл эту социальную группу Чарлз. Блестяще окончив среднюю школу и показав лучшие в штате результаты по английскому языку, она начала успешную журналистскую карьеру в стремительно развивающейся империи Эзры Нортон, но в конце двадцатых фортуна ей изменила. Вернувшиеся с войны мужчины потеснили ее с важных позиций, заставив ограничиться традиционно

женским кругом тем: светские новости, театр, кинозвезды, мода, душещипательные истории. Не успела она поработать в сиднейской «Дейли телеграф», как разразилась депрессия, лишившая семейство Чендлер всех средств к существованию. Доркас была единственной, кто не потерял работу. Газета посылала ее на цветочные шоу, балы, показы мод, собачьи и кошачьи выставки и благотворительные мероприятия. Проявив недюжинные способности в освещении подобных событий, она получила от коллег прозвище Светская Метла. Чарлз так расположил ее к себе, что она не скрыла от него даже это ужасное прозвище.

Когда умер Том Дженнер, «Корунда пост» решила взять на его место женщину, которой можно платить значительно меньше. Газетчикам было наплевать, как выглядит мисс Доркас Чендлер — у нее был опыт и она делала отличные репортажи. Приняв во внимание ее интерес к политике, экономике и бизнесу, главный редактор счел ее идеальным вариантом для «Корунды» и взял в штат, пообещав платить чуть больше половины от жалованья Тома Дженнера. Доркас была настоящим универсалом — и могла писать на любую тему, она даже знала, кто играет в крикет от Нового Южного Уэльса, и понимала, чем Союз регбистов отличается от их же Лиги.

Чарлз слушал Доркас несколько часов, не веря своему счастью и не жалея ни об одной потраченной минуте.

— Вы не мыслите своей жизни без журналистики? — спросил он, когда Доркас, изложив свои политические теории и сообщив кое-какие биографические сведения, наконец замолкла.

— Господи, да нет, конечно! — фыркнула она. — Моя настоящая страсть — это политика, но, как женщине, мне туда путь закрыт.

— Вы бы согласились работать моим политическим консультантом?

Доркас настороженно застыла, как кошка, увидевшая щенка.

— Простите?

— Вы меня разве не поняли? И мне, и Корунде требуется лоббист.

Ее глаза плотоядно засветились.

— Мы заключим контракт? На какой срок? Какие стимулы, кроме зарплаты, вы готовы мне предложить? Как одинокая женщина, живущая на собственные средства, я должна просчитать все возможные варианты. У вас не имеется крупных промышленных или торговых предприятий, и как в этом случае вы намерены расплачиваться со мной? Прежде чем принять ваше предложение, я должна знать все детали, — стальным голосом заявила мисс Чендлер.

«Весьма здравомыслящее и осторожное существо, — подумал

Чарлз. — Трезвый расчет и никаких эмоций». Быстро прикинув, Чарлз с готовностью ответил:

— Я буду платить вам пятьсот двадцать фунтов в год — это баснословные деньги. Ваш офис будет находиться у меня дома, в Бердам-хаусе, жить вы будете в гостевом коттедже на той же территории, но совершенно отдельно. У вас будет хорошая машина, и я буду оплачивать все ваши транспортные расходы — деловые, конечно. Машиной можете пользоваться в любое время, здесь я готов проявить снисходительность. Если через пять лет вы все еще будете у меня работать, я подумаю о назначении вам пенсии, которая будет зависеть от вашего стажа работы, — отрывисто, но с вежливой улыбкой перечислил Чарлз.

Мисс Чендлер сидела с непроницаемым лицом, повернув к нему левое ухо (так она глуховата?) и обхватив руками чашку. О чем она думала? Щедрость Чарлза была неслыханной, и он это прекрасно осознавал, но глядя на нее, было трудно понять, произвело ли на нее впечатление подобное благодеяние или она восприняла его как должное, втайне уверенная, что стоит каждого пенни. Так она благодарна или нет? Но мисс Чендлер не дала ему одержать верх, обнаружив свои чувства.

Тогда он решил сделать выпад:

— Вы должны лучше одеваться.

— Приняв ваше предложение, я смогу себе это позволить.

— Так вы принимаете его?

— При условии, что ваш адвокат составит контракт.

— Прекрасно! — воскликнул Чарлз, возвращаясь в образ кинозвезды. — А теперь я должен идти, мисс Чендлер. Жду вас в своем кабинете в больнице второго января в десять утра. Мы подпишем контракт, а затем я отвезу вас в Бердам-хаус, чтобы вы осмотрели свой будущий офис и место проживания. Коттедж полностью отделан, но интерьер бедноват, так что вы сможете украсить его по своему вкусу. Офис вы тоже обставите на свое усмотрение, книги выберете сами.

Открыв потрепанную сумочку, Доркас убрала туда блокнот и карандаш и натянула старые нитяные перчатки.

— Я составлю список литературы, но обязательно сверю его с вашей библиотекой, чтобы не заказывать лишнее.

— Нет-нет, у вас должны быть собственные экземпляры, — возразил Чарлз, протягивая ей на прощание руку. — Благодарю вас, Доркас. Увидимся второго числа.

Чарлз до самого вечера пребывал в отличном настроении, которое не

могла испортить даже перспектива провести его с охладевшей к нему женой. Что он сделал не так? Почему она винит его в потере их детей? Ему уже изрядно надоело это нытье, а тут вдруг является Доркас Чендлер и вносит свежую струю в его невеселое существование. Наконец-то появился человек, с которым можно говорить обо всем, особенно о политике.

Насвистывая популярную мелодию, он вошел в гостиную, где обнаружил Тафтс и Китти. Ну да, вечно одно и то же.

— Рад тебя видеть, дорогая, — пробурчал он, целуя Тафтс в щеку.

— Я тоже рада, Чарли, — сухо ответила та.

— А что же Лиам не пришел для баланса сил?

— Если бы ты почаще бывал на работе, Чарли, то знал бы, что Лиам уехал в Брисбейн.

Китти принесла мужу виски.

— Сегодня ты ужинаешь в компании двух дам, — улыбнулась она. — У тебя такой довольный вид, словно у кошки, слопавшей канарейку.

— Я действительно очень рад. Сегодня я нашел человека, очень важного для моего будущего — политического консультанта. Отличное виски. Только ты умеешь так идеально смешивать.

— О твоих алкогольных пристрастиях я знаю все, а вот консультанты — это что-то новое.

Китти была рада, что пришла сестра. Оставаться наедине с Чарли было чертовски трудно. Он так и не извинился за свой выпад против Эдды, а значит, война продолжалась.

— Ни для кого не секрет, что у меня имеются определенные политические амбиции, — начал Чарлз, с видимым удовольствием отпив из стакана. — Я даже хотел участвовать в сегодняшних выборах, но потом передумал, поскольку мне не хватает профессиональных помощников и энтузиазма со стороны близких мне людей.

Китти напряженно застыла:

— Это неправда. Я проявляла энтузиазм и старалась, как могла.

— Не сомневаюсь. И все же мне не хватало поддержки. Кроме того, я не признавал, насколько австралийская политика отличается от британской. Мне требовался умный и способный политический советник, и я уже отчаялся такого найти — это довольно редкий зверь. Те, кто хорошо разбирается в политике, обычно имеют свои собственные амбиции на этом поле. — Чарлз пытался сохранять невозмутимость, но его просто переполняла радость. С губ не сходила довольная улыбка. — Сегодня я наконец встретил идеальную кандидатуру — да к тому же женщину, что исключает собственную политическую карьеру. Ее зовут Доркас Чендлер,

ей тридцать пять, она журналистка и не замужем. Вы ее не знаете — она в Корунде недавно. Но если вы встретите шестифутовый скелет с лошадиным лицом — знайте, это и есть Доркас. Унылое невзрачное существо, но с блестящими политическими мозгами, которые я буду использовать в личных целях.

— Теперь у тебя целый гарем, Чарли, — обронила Тафтс.

— Гарем? У меня?

— Женщины для удовлетворения твоих потребностей. Тафтс, то есть я, которая делает за тебя всю грязную работу в больнице. Китти, твоя потрясающе красивая жена, предмет зависти всех мужчин. Эдда, которая до своего головокружительного замужества заменяла Китти на твоих светских посиделках. Синтия Норман, твоя рабски преданная секретарша, для которой ее служебные обязанности превыше всего на свете. А теперь еще Доркас Чендлер, которая будет консультировать тебя по вопросам федеральной политики. — Тафтс иронически хмыкнула. — Право, Чарли, этого больше чем достаточно. Меня так и подмывает назвать тебя паша Бердам.

Две пары глаз смотрели на него без всякого сочувствия, а ему так нужна была их поддержка! Чарлз собирался сделать свою новую сотрудницу вхожей в их дом, поселив ее в непосредственной близости, а это было чисто семейное дело даже сейчас, когда Китти поселилась в сиреневых апартаментах, столь удаленных от его спальни. Чарли призвал на помощь все свое красноречие:

— Да полно тебе, Тафтс. Я ничем не отличаюсь от любого занятого человека, у которого просто не хватает на все времени. Возможно, для циничного наблюдателя это чем-то напоминает гарем, но цели у меня несколько иные, чем сексуальные радости и куча неоспоримых отпрысков. Да, я предпочитаю работать с женщинами, потому что они более работоспособны, лояльны и справляются со своими обязанностями не хуже мужчин. Заметьте, я нанимаю их на должности, которые традиционно считаются мужскими. — Чарлз остановился, чтобы перевести дух и убедиться, что его слушают — черт бы побрал эту Тафтс! — Что касается мисс Доркас Чендлер, то ее пол вообще подарок судьбы. Политические консультанты, как правило, мужчины. То, что ее способности никем не были оценены,шний раз подтверждает, что я, Чарлз Бердам — человек прогрессивный, чье отношение к женщинам намного опередило время. Гарем? Взор! Просто я отдаю должное женщинам. Вы должны быть мне благодарны за это.

Тафтс смиренно склонила голову.

— Я очень благодарна тебе, Чарли, и ты это вполне заслужил, — произнесла она с ухмылкой, которая несколько подпортила впечатление. — У тебя не гарем, просто ты отдаешь должное женщинам. Ты прирожденный политик, который любую кучу дерьма может выдать за букет из роз. Я сгораю от нетерпения поскорее увидеть мисс Доркас Чендлер.

— Шестифутовый скелет с лошадиным лицом, — повторила Китти. — Ну, это ненадолго.

— Что значит ненадолго? — удивился Чарлз, приступая к следующему стакану виски.

— Это значит, что я тебя прекрасно знаю, — улынулась Китти. — Начнем с того, что хорошая зарплата позволит ей поправиться и лучше одеваться. Ты же не потерпишь, чтобы рядом с тобой появлялось огородное пугало, а тебе придется возить ее и в Канберру, и в Сидней, и в Мельбурн. — Изогнув изящную шейку, Китти бросила взгляд на потолок. — Меня ведь ты научил одеваться. Из вертушки в оборочках получилась вполне стильная дама. И ее научишь — купишь ей шляпку, платье или пояс по своему вкусу. Мисс Доркас Чендлер вряд ли истолкует это превратно — долговязые скелеты с лошадиными лицами обычно трезво оценивают свои возможности. Ты придаешь большое значение женским тряпкам, Чарли, и она очень скоро это поймет. А если не поймет, то выйдет из игры, несмотря на весь свой политический багаж.

— Хорошо, сдаюсь! — воскликнул Чарлз, поднимая руки. — Но в случае с мисс Чендлер мне придется изрядно потрудиться. В жизни не видел женщины, одетой столь убого — как будто она отоваривается в Армии спасения.

— Возможно, так оно и есть, — задумчиво произнесла Китти. — У нее большая семья?

— Понятия не имею.

— Но ведь что-то о ней ты должен знать, — возразила Тафтс.

— Она сказала, что их семья потеряла все в 1929 году, но, насколько я понял, братьев и сестер у нее нет. Она помогает родителям, оба из которых живы. Кажется, они живут в Лосоне.

— Это бедный район в Голубых горах, — кивнула Тафтс. — Я подозреваю, что они недееспособные или там есть еще какой-то иждивенец. Она никогда не сидела без работы, а ее профессия предполагает приличную зарплату, даже при том, что она женщина. Пожилые родители вряд ли могут настолько опустошать ее кошелек. В Лосоне низкая плата за жилье, там достаточно большие участки, чтобы разводить кур и сажать овощи. Вообще-то это колония художников.

— Черт побери! — взорвался Чарлз. — Я так и думал, что здесь какой-нибудь подвох.

— Это только мои догадки. Раз она тебя устраивает, так бери ее и используй на всю катушку. Предупрежден, значит, вооружен. Если у нее на иждивении беспомощные родители или дружок — а ведь кому-то она может и понравиться, — для тебя по крайней мере это не будет громом среди ясного неба.

— Она потребовала заключить контракт.

— Тогда проследи, чтобы он был правильно составлен. Если она такая умная, как ты говоришь, она заметит все тонкости, но возражать вряд ли решится, — заметила Китти, очень довольная собой. — Она достаточно искушенная дама, чтобы играть на твоих слабостях. Очень жаль, что ты так долго сторонился женщин, но теперь, когда они вошли в твою жизнь, будь готов к их штучкам. — Она весело рассмеялась. — Я это вполне серьезно говорю. Пора учиться, Чарли!

«Значит, Китти в глубине души поставила на мне крест, — подумал Чарлз. — Но что я такого сделал? Дело тут не только в Эдде».

Он повернулся к Тафтс:

— Я забираю из больницы Синтию Норман. Отныне она личный секретарь Чарлза Бердама, эсквайра, а не доктора Бердама. У меня будет собственный офис в доме. Ты абсолютно права насчет грязной работы, Тафтс. Я бы не смог руководить больницей без твоей помощи. Ты сама выберешь секретаршу, которая займет место Синтии, и она фактически будет твоей, а не моей. К 1934 году мне придется покинуть больницу. В конце этого года ты заканчиваешь свое медицинское образование, а вскоре после этого и бухгалтерские курсы.

— Благодарю, — несколько взвинчено произнесла Тафтс.

«Интересно, он заранее все обдумал или это был экспромт? Лиам расстроится, что он уходит, а вот мне ничуть не страшно».

— Ужин готов, — объявила Китти, поднимаясь. — Как удивительно! Бердам-хаус всегда был большим мавзолеем, но Чарли нашел способ наполнить его жизнью.

Бердам-хаус превратился в целый поселок — рядом с особняком выросло четыре коттеджа. Двухэтажные домики с тремя спальнями, ванной, туалетом и гаражом разместились на приличных участках земли. Первым туда въехал Коутс, который давно мечтал об отдельном жилище, за ним последовала Синтия Норман. Кто же займет оставшиеся два, терялась в догадках Китти.

Следующим жильцом оказалась Доркас Чендлер. Китти посчитала, что ее экономка миссис Симмонс также имеет все основания претендовать на подобное жилье, но Чарлз решительно отверг эту идею. Коттеджи предназначались для его персонала. А миссис Симмонс довольно и того, что ее привозят и отвозят на машине, что само по себе щедрый подарок. Чарлз ничуть не задумывался, что подобные решения только усугубляют отчужденность его жены, которая расценивает их как оскорбление ее достоинства. А ведь он так богат! К тому же англичанин должен знать, что экономки всегда живут в доме хозяев. Значит, его камердинер и секретарша живут при доме, а ее экономку привозят бог знает откуда. И ко всему этому он еще подарил секретарше и этой Чендлер по собственной машине.

— Китти, прекрати немедленно, — заявил преподобный Латимер, наслушавшись подобных жалоб во время своего очередного визита. — Я поддерживаю твое стремление работать в сиротском приюте, поскольку ты должна иметь какое-то занятие, но я никак не могу одобрить твое желание создавать проблемы на ровном месте. Разве миссис Симмонс выказывала недовольство?

— Нет, — озадаченно ответила Китти. — Но это не значит, что Чарли может устраивать подобную дискриминацию.

— Вздор! Это ты чувствуешь себя ущемленной, а не миссис Симмонс. Но для этого нет ни малейшего повода, дорогое мое дитя! Нравится тебе или нет, но Чарлз имеет право распоряжаться своими деньгами как считает нужным. И я нахожу его действия вполне разумными — он поселяет рядом с домом людей, которые всегда должны быть под рукой. Ну, сама подумай, Китти! Ты хотела бы быть в такой зависимости? Вы с сестрами жили в больнице, потому что могли понадобиться больным в любой момент. Я подозреваю, что миссис Симмонс очень довольна своим положением: она не живет под носом у хозяев, ее возят на машине, и ей не приходится ездить на общественном транспорте.

Будучи полностью непредвзятой во всем, что не касалось Чарли, Китти признала справедливость отцовских слов и перестала кипятиться. Сейчас ее больше занимал скелет с лошадиным лицом.

Мисс Чендлер поселили в лучшем из четырех коттеджей: он располагался с краю, имел отдельный выход на улицу и был окружен живой изгородью из быстрорастущего лиродревесника. Внутри он был отделан в неброских бежевых тонах, но мебель там была лучше, чем в других, а бак для дождевой воды вмещал десять тысяч галлонов, что весьма щедро для единственной обитательницы. Еще там была собственная канализация, а все другие коттеджи имели общую. Похоже, мисс Чендлер

была действительно ценным кадром.

Китти решила пригласить ее к утреннему чаю. В вежливом письме, которое мисс Чендлер обнаружила на полу в коридоре, ей предлагалось выбрать удобный для нее день. В столь же любезном ответном послании она сообщила, что придет на следующий день после переезда, поскольку до полудня будет свободна.

Доркас Чендлер была в курсе, что жена ее работодателя считается редкой красавицей, но то, что она увидела, сразило ее наповал: льняные волосы, слишком светлые, чтобы назвать их золотыми, снежно-белые брови и ресницы, точеные черты лица, ямочки на щеках, изумительно красивые глаза, роскошная фигура. Неудивительно, что он на нее запал! Такие богини помогают создавать мифы, а Чарлз Бердам весьма трепетно относится к своему антуражу, надеясь со временем войти в историю. Одета в тонкий хлопок, прекрасно подходящий для этого времени суток. Короткая мальчишеская стрижка, идущая вразрез с последними модными веяниями, но она ей очень к лицу. Роскошное обручальное кольцо с бриллиантом, которое мисс Чендлер, как дама, много лет занимавшаяся светской хроникой, отметила особо. Единственным недостатком миссис Бердам была ее излишняя домовитость, что вообще характерно для жен политических деятелей. Нет, она явно не тянет на идеальную жену политика.

Китти сразу же прониклась симпатией к мисс Чендлер — в ней не было ничего, что вызывало бы жалость. Блестящая женщина с честолюбивыми устремлениями и при этом достаточно умная, чтобы не восставать против ограничений, которые накладывал на нее пол. Прекрасно сознавая, что ей самой никогда не стать премьер-министром, она была готова отдать всю себя, чтобы продвинуть на этот пост достойного человека. И такого человека она обрела в лице Чарли.

У них нашлось много тем для разговора.

— Чтобы правильно консультировать Чарлза, я должна как можно больше знать о его семье и личных связях в Корунде, — приступила к делу Доркас, после того как они оставили все формальности. — Не считите за нездоровое любопытство, просто я пытаюсь прозондировать почву.

— Потом прозондируете, — весело сказала Китти, предлагая госте булочки с кремом и джем. — Кушайте на здоровье, вам надо немного поправиться, чтобы выглядеть, как моя сестра Эдда; она тоже очень высокая, но статная и грациозная. Кстати, Чарли терпеть не может плохо одетых женщин. Держу пари, что он вам уже сообщил об этом.

Мисс Чендлер слегка покраснела:

— Вообще-то да. Но с хорошей зарплатой одеваться будет проще.

— Вы шьете?

— Нет, — удивленно ответила Доркас.

— А вот Эдда шила себе одежду сама и всегда потрясаяще выглядела.

Вспомнив разговор с Тафтс, предположившей, что у этой дамы могут иметься иждивенцы, Китти решила ей помочь и, достав блокнот, написала на листочке адрес.

— Это моя портниха, Полина О'Брайен. Она берет совсем недорого. Из-за депрессии она растеряла половину клиенток и будет рада заполучить новую. У нее прекрасный вкус, и она сама покупает ткани. Раньше я всю одежду приобретала в Сиднее, но после замужества стала прибегать к услугам Полины.

«Намерения у нее благие, — отметила про себя Доркас. — Она и вправду хочет, чтобы я работала у ее мужа! Никаких признаков ревности или личного интереса — или она просто не хочет появляться на публике? О выкидышах я ее спрашивать не буду, но это явно не прошло бесследно, к тому же она работала сиделкой в детском отделении. А сейчас бесплатно трудится в сиротском приюте. Я бы могла прилично заработать на этом материале, но она вряд ли захочет, чтобы о ней писали. Весьма закрытая личность эта Китти Бердам».

— Я бы хотела познакомиться с леди Шиллер.

— И не мечтайте! — засмеялась Китти. — Она учится в Мельбурне на медицинском факультете и счастлива свыше всякой меры. Женщине медицина практически недоступна, но благодаря Росону она сможет стать врачом.

— Вам он нравится?

— Очень. Он сделал мою сестру счастливой. А дочери пастора всегда желали друг другу добра.

— А Грейс захочет со мной встретиться? И Хизер?

— Грейс любит поболтать, она заговорит вас до смерти. С Тафтс будет труднее, но ради Чарли она пойдет вам навстречу.

— Тафтс? [\[1\]](#) Это прозвище?

— Да, еще с детства.

— Как же она его получила?

— Благодаря няне, которая делала ставку на нашу сообразительность. Думаю, что такими развитыми мы были из-за общения с Грейс и Эддой, которые были на год старше нас. Мы их просто обожали! Но произнести собственные имена у нас никак не получалось. Наши детские языки постоянно о них спотыкались. Тогда няня принесла котенка, чтобы вместо

Кэтрин мы научились произносить Китти, и веточку вереска.^[2] Пытаясь объяснить значение имени, она стала рассказывать нам про вереск, который растёт кустиками или пучками. Но я решила, что Тафтс выговаривать легче, чем Хизер, и стала называть сестру Тафтс. Так и повелось — все стали называть ее Тафтс, даже наш отец.

— Довольно необычно.

— Ну надо же! — воскликнула Китти. — А я чуть не забыла, как она стала Тафтс.

— Прозвища обычно указывают на какую-нибудь черту характера, — заметила Доркас. — Бисмарка называли Железным канцлером, герцога Веллингтона — Железным герцогом, Людовика XIV — Королем-солнцем, Елизавету — Королевой-девственницей, а римские патриции обычно добавляли прозвище к своему имени как некий знак отличия, даже если оно не совсем им льстило.

Огромные фиалковые глаза Китти вдруг подернулись дымкой.

— Вы просто созданы для Чарли. Он обожает подобные экскурсии в историю. — Ее взгляд вдруг стал озабоченным. — Доркас, вы вели светскую хронику в газете, так что должны разбираться в моде. Обещайте мне, что приведете себя в порядок. Ради Чарли!

— Хороший доход быстро решит проблему, — повторила мисс Чендлер.

— У вас есть кто-нибудь на иждивении?

— Мои родители.

— И больше никого?

— Что вы имеете в виду?

— Может быть, безработный брат? Или приятель?

Доркас вспыхнула:

— Это мое личное дело.

— И меня не касается? Но поймите, дорогая моя, став личным консультантом Чарли, вы целиком отдали себя в его распоряжение, и ему есть дело до всего, что вас касается. Я ведь его хорошо знаю и могу сказать, что он по натуре собственник. Размер вашего жалованья и все привилегии говорят о том, что вас попросту купили. Чарли — миллионер, и люди для него всего лишь собственность, которую можно приобрести за деньги. Будем справедливы, у него благородная натура и самые лучшие побуждения: даже в 1932 году, когда без работы остались сотни тысяч людей, он сумел сохранить в Корунде относительное благополучие. Он все делает с душой, выкладывается, как может. Но при этом остается собственником и в нем есть что-то от Сомса Форсайта.

Доркас Чендлер дипломатично промолчала.

Китти сочла, что сделала все, что можно, для этой бедной женщины, у которой точно есть какая-то тайна, требующая денег. Если она скрыла ее от Чарли, значит, это что-то достаточно неприглядное. Контракт был составлен так, чтобы оградить работодателя от любых рисков, неожиданностей или шантажа. Но она подписала его, не задумываясь. Бедная женщина!

Собственная жизнь Китти вошла в привычную колею: все дни она проводила в сиротском приюте, а вечера — в компании Чарлза, который так ни разу и не попросился в ее постель. Возможно, с появлением Доркас Чендлер он тоже поставил крест на своем браке? Вряд ли Доркас интересовала его как женщина, просто ему было с ней интересно, причем настолько, что он решил приглашать ее к ужину.

— Отличная идея! — сказала Китти, когда Чарлз спросил ее, как она на это смотрит. — Почему бы и нет? Мне тоже будет интересно. Дети, конечно, очаровательны, но с ними особенно не поговоришь.

Внешний вид Доркас претерпел положительные изменения. Черные наряды, позеленевшие от времени и стирок, безвозвратно ушли в прошлое, а новые выгодно подчеркивали ее чуть округлившуюся фигуру. На лице появились пудра, губная помада и румяна, волосы были завиты и уложены в прическу по последней парижской моде. Для Голливуда она, конечно, не годилась, но выглядела вполне прилично и профессионально.

Китти поражала их с Чарли одержимостью политикой. Он по-прежнему был занят по горло больничными и прочими делами, однако ухитрялся выкраивать время для общения с Доркас. Едва она появлялась в доме, он начинал говорить о политике, и разговор этот длился весь вечер, пока она не отбывала восвояси. Иногда он так увлекался, что провожал ее до дома, продолжая развивать свои политические теории.

Времена и вправду располагали к политическим дискуссиям. Партии и внутрипартийные группировки соревновались в выдвижении разного рода проектов экономического возрождения. После блистательной победы Джо Лайонса и Объединенной партии Австралии перед Рождеством 1931 года логично было ожидать, что споры прекратятся, однако выплачивать Лондону долги были готовы далеко не все парламентарии. Но Лайонс и его сподвижники ратовали именно за это, поэтому свары продолжались. Когда Джек Ланг вторично отказался выплачивать проценты по кредитам штата, оставив это до лучших времен, Лайонс и федеральное правительство сделали это сами, но на этот раз Канберра потребовала возмещения. Но

Джек Ланг стоял на своем. Противостояние зашло так далеко, что Ланг попытался забаррикадировать казначейство Нового Южного Уэльса, чтобы на него не покушались центральные власти.

13 мая 1932 года губернатор Нового Южного Уэльса сэр Филип Гейм сместил Д. Т. Ланга с его поста как неспособного к ответственному управлению. Уставшие от смуты жители проголосовали за консерваторов, и сопротивление было окончательно сломлено. Проценты стали выплачивать, хотя противники этой меры не собирались складывать оружие.

Все это и многое другое Китти приходилось выслушивать всякий раз, когда в доме появлялась Доркас, причем визиты эти становились все чаще, поскольку Чарлз во всем полагался на ее мнение. Нельзя сказать, что эти разговоры оставляли Китти равнодушной или были выше ее понимания; просто они лежали за пределами ее интересов, и она слушала их с досадой трезвого человека, вынужденного терпеть пьяных, которые болтают без умолку, переливая из пустого в порожнее. Когда происходило что-то важное, она оживлялась, но такое случалось от силы раз в месяц, а остальные двадцать девять — тридцать дней все крутилось по накатанной колее. К моменту падения Джека Ланга она была так измучена политической болтовней, что с трудом удерживалась, чтобы не завопить: «Хватит уже! Когда вы наконец заткнетесь?!»

Снова наступила зима, над Скалистыми горами повисли снеговые тучи, пронизывающий антарктический ветер срывал с деревьев листья, а в сердце Китти поселилась ледяная тоска, которую ничто не могло растопить. Ее муж был счастлив и без супружеских радостей, которыми, как видно, он не слишком дорожил. Он жил лишь для политики, готовясь к следующим выборам, где собирался участвовать как независимый кандидат. И нужна ему была только Доркас.

Наступил июнь, начало австралийской зимы. В первый же солнечный день Китти села в машину (и почему у Доркас собственное авто, а ей приходится довольствоваться любым свободным?) и поехала к реке, где земля была плодородной, а мясные овцы по-прежнему находили сбыт. Ведь голодали далеко не все, а только трудящиеся, что вполне устраивало сэра Отто Нимейера.

Оставив машину на берегу, Китти пошла вдоль реки, отрешившись от всего, связанного с Бердам-хаусом — от коттеджей для персонала до самого Чарли. Дул резкий ветер, но воздух был так свеж, что создавалось ощущение теплоты. Какое странное противоречие! Здесь совершала конные прогулки Эдда в компании своего друга Джека Терлоу.

С тех пор как Грейс публично отвергла его притязания, Джек почти не появлялся в Корунде. Молва утверждала, что он полностью отдался своему хозяйству. Несмотря на тяжелые времена, его потрясающе красивые арабские скакуны пользовались спросом, и он регулярно выставлял их в Даббо и Тувумбе.

А вот, кажется, и он. Едет навстречу на огромном сером коне, чей римский профиль никак не претендует на арабское происхождение. Китти поспешно сошла с тропы и встала в стороне, надеясь, что он проедет мимо, не заметив ее.

Как бы не так! Он остановился и соскочил с коня.

— Разрази меня гром! Китти Латимер! — с улыбкой воскликнул он.

Китти уже забыла, какой он высокий, хотя Эдда, будучи сама немаленькой, всегда считала, что он среднего роста. Шесть футов ровно. Сколько же ему сейчас лет? Где-то под сорок? На вид гораздо меньше. У живущих на природе всегда трудно определить возраст. В молодости они кажутся старше своих лет, в зрелые годы выглядят моложе. Та же золотистая копна слегка вьющихся волос, загорелая кожа, ярко-голубые глаза. Ничего похожего на двуликого Януса. Мужественная красота и неотразимая улыбка.

Подведя Китти к поваленному стволу, Джек убедился, что рядом нет муравьиных куч, и только после этого усадил ее.

— Ты так закуталась, что выглядишь маленькой девчонкой. Как поживает леди Шиллер?

— Процветает, насколько мне известно. Учится на медицинском в Мельбурне. У нее отличный муж.

— Я как раз ехал домой. Как насчет чая с лепешками?

— С удовольствием! У меня есть что рассказать про Эдду. Я на машине, как к тебе подъехать?

— Первая изгородь на дубарской дороге. Ферма находится на холме, вокруг полно лошадей, так что ты сразу ее узнаешь.

Вскочив на серого мерина, Джек поскакал прочь.

Наконец хоть какое-то разнообразие! Не сказать что новое лицо, но ведь Китти его практически не знала.

Каменный дом с дорическими колоннами в георгианском стиле выглядел очень внушительно. Китти представила, как красиво здесь будет весной и летом, когда зацветет окружавший его сад. С веранды открывался восхитительный вид на реку, вдалеке сверкала снегом горная гряда.

Внутри пахло именно так, как должно пахнуть в уютном доме: пчелиным воском, сушеными травами и цветами, чистым бельем,

одеколоном, свежим воздухом. Высокие доходящие до пола окна вполне могли заменить двери; одно из них было чуть приоткрыто, но в доме топились печи и было тепло.

Вокруг царил порядок, но чувствовалось, что женской руки тут не хватает, обстановка была довольно аскетичной.

— Кто у тебя следит за домом? — спросила Китти, усаживаясь за кухонный стол и не спуская глаз с Джека, который смешивал муку с холодным маслом.

Он сам печет лепешки! Удивительный мужчина!

— Я сам слежу за домом, — ответил он, добавляя холодное молоко. — Мужчина должен уметь содержать свой дом в порядке.

— И печь лепешки.

— Руки у меня холодные, так что масло не тает, а это очень важно, когда делаешь тесто. Потом я добавляю молоко и рублю все двумя ножами — видишь?

— А я даже воду не сумею вскипятить, — весело сообщила Китти.

— Всему научишься, когда жизнь заставит.

Джек раскатал тесто на посыпанной мукой доске, посыпал его тертым чеддером и разрезал на двухдюймовые квадратики, которые разложил на противне и отправил в духовку дровяной плиты. Через двадцать минут лепешки были готовы — они хорошо поднялись и подрумянились, а сыр растаял, образовав аппетитную корочку.

При виде дымящихся лепешек у Китти потекли слюнки. Джек поставил на стол масло и джем и вручил ей нож. Потом заварил чай и подал чашки и тарелки фирмы «Эйнсли».

— У тебя красивая посуда, — заметила Китти, намазывая лепешку маслом. — Какие воздушные! — восхитилась она с полным ртом. — Божественная еда на прекрасном фарфоре — да ты просто сокровище.

Джек с прищуром посмотрел на нее.

— Ты тоже сокровище, но твоя беда в том, что этого никто не замечает. Все думают, что ты не золото, а позолоченная безделушка.

У Китти перехватило дыхание, она чуть не поперхнулась.

— Какая пронизательность! Люди считают, что я красивая хищница, хотя Эдда сделала все, чтобы я не стала такой.

В глазах Джека заискрилась улыбка.

— Ох уж эта Эдда! От нее я много чего узнал про сестричек Латимер. Особенно про тебя и твое личико. Интересно, почему люди придают такое значение внешности? Чарли Бердам хотел жену с витрины, чтобы доказать, что коротышки тоже могут позволить себе красавиц, поэтому и втюрился в

тебя по уши. Ты была нужна ему, и он тебя добился. Тут все было по-честному.

— Тебе Эдда все рассказала, да? Жаль, со мной она не была столь откровенна. Возможно, тогда я бы поступила иначе.

— Она просто делилась со мной. Я человек посторонний, и мое мнение ничего не значило.

— Но, так или иначе, ты постоянно был рядом с нами, — улыбнулась Китти. — Я очень рада, что у тебя ничего не вышло с Грейс. Считаю, что тебе повезло.

Джек, закинув голову, рассмеялся:

— Я и сам знаю. Но поместью нужна хозяйка, а его владельцу жена и наследники. Не успеешь оглянуться, как стукнет сорок.

— Ну, кто-нибудь обязательно подвернется, Джек.

— Всему свое время. Я знаю.

Китти обвела взглядом кухню:

— Мне здесь нравится. Настоящий дом.

— Это потому, что в душе ты фермерша, хоть и не знаешь, что это такое, — без всяких эмоций произнес он. — У таких женщин по полдюжины детишек, летом они ходят босиком, зимой в резиновых сапогах. В шкафу у них нет ни одного приличного платья, а рабочая корзинка вечно набита носками, которые надо заштопать. Могу продолжить, но, думаю, тебе достаточно.

Китти чуть не разревелась, но сумела сдержать слезы: ведь Джек говорил не о ней, а о женщинах ее типа.

— Я поняла, что ты хочешь сказать, — беспечно улыбнулась она. — Жаль, мы не прислушиваемся к зову своего сердца.

— Чем старше я становлюсь, тем больше об этом жалею, — улыбнулся он в ответ.

— Как тебе удастся выживать? — спросила Китти, когда Джек стал убирать со стола. Возможно, так он дает знак, что ей пора уходить?

Но нет. Освободив стол, он развернул резное деревянное кресло в сторону Китти и лениво откинулся на спинку.

— Мне повезло. Овцы дохода почти не приносят, а вот арабские скакуны расходятся мгновенно. Сейчас ведь покупают только богачи.

Вдруг в дверях появилось какое-то большое серое животное и, подбежав к Джеку, легко вскочило к нему на колени, где ему явно не хватало места. Огромный кот! Джек чуть сменил позу, чтобы кот мог положить голову ему на грудь.

— Познакомься с Бертом. Стоит мне отодвинуть тарелку, он тут же

оказывается у меня на коленях.

— Вот уж не думала, что кошки бывают такими большими, — удивилась Китти, глядя, как Джек поглаживает урчащего кота по носу.

— Он весит двадцать один фунт, — с гордостью сообщил Джек. — И присматривает за курятником, правда, Берт?

Китти осторожно протянула к коту руку.

— Привет, Берт.

Пара ярко-зеленых глаз смирила ее оценивающим взглядом. Уж этого кота никак не назовешь бессловесной тварью!

— Тебя одобрили, — усмехнулся Джек.

— Откуда ты знаешь?

— Он все еще здесь и не сдвинулся с места. Будь здесь Эдда, давно бы смотался.

— Кстати, об арабских скакунах. Ты хочешь сказать, что у принцесс из частных школ по-прежнему имеются папочки, готовые дарить им все, что они захотят? Включая лошадей для конных прогулок?

— Но ты же сама была принцессой из частной школы.

— Да, но лошадьми была одержима Эдда. Я их боялась.

— Я знаю, но можешь не переживать. На машине ездить сподручнее.

Утренний чай здорово затянулся. Они успели поговорить обо всем — об Эдде, слабоумии Мод, новой больнице. Словно два старых друга, встретившихся после десятилетней разлуки. Джек показал Китти дом и представил ее двум своим овчаркам, Альфу и Дейзи, которых он не пускал в комнаты. Ее предложение помыть посуду было решительно отвергнуто.

— Придешь опять пить чай с лепешками? — спросил он, провожая ее до машины. — Обещаю, в следующий раз от меня не будет нести лошадиным потом.

— Через неделю в это же время? Это не слишком скоро?

— Нет, в самый раз. Будем пользоваться ситуацией, а то я часто уезжаю продавать лошадей.

— Договорились, на следующей неделе. И спасибо тебе, Джек.

Как только машина тронулась с места, Джек повернулся и пошел в дом, что несколько задело Китти. Ей было бы приятнее, если бы он проводил взглядом ее отъезжающую машину. Но он этого не сделал, да и с какой стати?

Мысли Китти неизменно возвращались к Джеку, который еще со времен Тамберлины не сходил с орбиты, проложенной вокруг семейства пастора, неся на своей спине внушительных размеров объявление:

«Зарезервировано для Эдды». Но Эдда его не оценила, она просто держала его рядом, пользуясь от его щедрот: сначала это была Тамберлина, потом чисто плотские утехы. А потом все карты смешала Грейс, которой он тоже был нужен, но не для плотских удовольствий, а чтобы починить курятник или выкопать картошку. Бедный Джек! Раздавленный и униженный сестрами Латимер, которые даже не сознавали, что творят.

Обе они не были готовы к мужской любви, особенно Эдда, которая считала себя холодной и неспособной разделить пылкие чувства. А ведь Джек Терлоу ее любил — можно не сомневаться! Он тоже Бердам, но полная противоположность Чарли. Человек, неразрывно связанный с землей и, в отличие от Чарли, полностью довольный своей судьбой.

Китти вспомнила, как Эдда упрекала его в отсутствии амбиций, но ведь он просто равнодушен к деньгам, а это такая редкость! Не подозревая, что Джек ее любит, Эдда отправилась на поиски счастья, сжигаемая страстью к медицине. А Китти, проведя всего два часа в обществе Джека, сумела разглядеть в нем человека, ставшего частью природы и умеющего понимать язык земли, воды, ветра и даже огня. Ничего не боящегося и не просящего.

Как странно! Всю жизнь Китти окружали люди, стремившиеся к недостижимому и отчаянно боровшиеся, чтобы его заполучить. Поверженные наземь, они с трудом поднимались и снова пускались в погоню за химерами. А вот Джек Терлоу вряд ли унижится до такого.

Эдда всегда говорила, что он простоват, то есть не очень умный. Тафтс утверждала, что он надежный, в том смысле, что у него есть чувство чести и ответственности. Грейс повторяла, что он сама доброта, имея в виду его готовность положить себя на ее алтарь. Пастор называл его хорошим малым, но сожалел, что он не ходит в церковь, лишая себя возможности попасть в рай. А какого мнения был о своем кузене Чарли? С трудом вспомнив, кто это такой, он заявил, что этот простофиля не способен ни к политике, ни к коммерции и обречен всю жизнь оставаться на задворках жизни, а потому вообще не заслуживает внимания.

Китти искренне жалела Джека, и ее мучила совесть — подобно Эдде и Грейс она была слепа и равнодушна к его горестям, словно их не существовало вовсе. А ведь он ждал и надеялся все эти годы, пока Эдда не вышла замуж. А когда понял, что Эдды ему не видать, обратил свой взор на ее сестру-близнеца. Его болезненно уязвил ее публичный отказ, но он не стал попрекать судьбу и в глазах Корунды приобрел ореол жертвенности и благородства.

После встречи с Джеком Китти неожиданно прозрела. Собственные

переживания уже не казались полной катастрофой. Сумел же Джек излечиться от ран, нанесенных Эддой, не ожесточившись. Он остался самим собой — человеком, навеки обрученным с землей и населяющими ее существами.

Теперь каждую среду она будет пить чай с лепешками на его кухне, говорить «привет» Альфу и Дейзи и умасливать Берта, сидящего на коленях у хозяина. Он будет для нее гранитной скалой в море зыбучего песка.

Китти остановила машину и стала смотреть на угрюмые выбеленные снегом горы, над которыми нависло свинцовое небо. С него лениво падали мокрые хлопья снега, беззаботно кружась, прежде чем уйти в небытие. Какая красота!

Придя вечером домой в компании Доркас, Чарлз совершил свой обычный ритуал: чмокнул жену в щеку и спросил, как прошел день. Но Китти, слегка отшатнувшись, холодно промолчала.

Пока Чарлз готовил у буфета аперитив, Доркас уселась в «свое» кресло, не показывая виду, что от ее зорких водянистых глаз ничего не укрылось. Она боялась огорчить Чарли, который не любил, когда она анализировала поведение Китти.

— Вы прекрасно выглядите, Доркас, — заметила та, чтобы ее подбодрить.

— Благодарю вас, Китти! — несколько рассеянно отозвалась мисс Чендлер, размышлявшая над увиденным: почему Китти так явно игнорирует мужа?

— Вы очень точно схватили все нюансы, — продолжала Китти с благожелательной улыбкой. — Строгое щегольство, которое пойдет на ура в Мельбурне. Этого места я всегда боялась. У меня слишком вычурный стиль для тамошних женских вкусов, а вы угодили в самую точку. Не пройдет и года, как все политики начнут искать себе женщин-консультантов, столь же элегантных, умных и в то же время скромных, как несравненная Доркас Чендлер.

В настороженных глазах Доркас промелькнул целый сонм эмоций, мозг ее работал со скоростью падающего метеора — как реагировать на поведение Китти? К чему она клонит? Ее босс стоял к ней спиной и не спешил на помощь.

— Вам не кажется, что синий цвет немного темноват? — наконец проговорила она.

— Нет, у него прекрасный оттенок. Он ультрамариновый, а не темно-синий. Можете мне поверить — самой мне, может, и не хватает вкуса, но

других я оценить способна.

Чарлз наконец повернулся.

— Абсолютно верно, — подтвердил он, подавая мисс Чендлер стакан с хересом. — Да, Доркас, ультрамариновый вам к лицу.

Китти лишь холодно улыбнулась.

«Ах ты, сука! — мысленно выругался Чарлз. — Теперь ты даже перед посторонними не скрываешь, что тебе на меня наплевать. Что вдруг произошло? Пора настоять на своих супружеских правах».

Но Китти его опередила. Не закончив ужин, она пожаловалась на головную боль и ушла спать. Чарлз остался в обществе Доркас.

— Я видел, что ей не по себе. Иногда головная боль бывает предвестницей эпилептического припадка.

— Ну да, вы же доктор, — сдержанно произнесла Доркас, откладывая нож и вилку. — Все, мне достаточно. Иногда я чувствую себя страсбургской гусыней.

— Пью за эту прекрасную птицу, — произнес Чарлз, поднимая стакан. — Все почему-то забывают, что гуси ближайшие родственники лебедей.

Доркас подумала, что пора сжигать корабли — если этого не сделать, ситуация с Китти выйдет из-под контроля.

— Можете стереть меня в порошок, Чарлз, это ваше право, но я все-таки скажу — с вашей женой не все в порядке, — заявила она без тени извинения в голосе. — Похоже, она очень несчастна.

Момент был выбран удачно. Чарлз опустил плечи.

— Да, я и сам это вижу. Она обожает детей и хочет иметь собственных, но у нее все время выкидыши.

— А! Вот почему она ходит в приют.

— Не забывайте, она дипломированная медсестра.

— Но она еще так молода.

— Гинекологи не находят у нее никаких отклонений. Я тоже. Хуже всего то, что она во всем винит меня.

Наконец-то он об этом сказал!

Доркас постаралась сохранить бесстрастное выражение лица, но глаза у нее предательски заблестели.

— Мне трудно претендовать на высшую мудрость, Чарлз, поскольку я никогда не была замужем, но здравый смысл подсказывает, что время лечит любые раны, даже душевные. Она ведь вполне разумная женщина.

— Я тоже надеюсь, что она придет в себя, но это долгая история. Китти — существо домашнее, а я предпочитаю быть на людях и получаю

от этого массу удовольствия. Со временем эта ситуация только усугубляется.

— Не стоит так драматизировать. Вы замечали, что жены австралийских политиков крайне незаметны и бессловесны? Занимайтесь политикой, а она займется домом. Ее влияние в политических кругах ничтожно. Два-три раза в год, когда без этого не обойтись, выводите ее в свет, где все будут потрясены красотой вашей жены. Все, кроме сэра Росона Шиллера, который, как известно, женился на ее сводной сестре. Не забывайте, что вы должны творить легенду! Близнецы Латимер еще впишут свои имена в австралийскую историю, причем все четыре: леди Шиллер, будущая леди Бердам — вы непременно получите рыцарское звание, Чарлз, — главный врач больницы Латимер и жертва депрессии вдова Ольсен. Я сама создам этот миф, когда они будут постарше. А пока не напрягайтесь насчет Китти. У нее есть сиротский приют, сестры, отец и Корунда. Ваши горизонты гораздо обширнее, вы знаете это и без меня.

Чарлз слушал как зачарованный; его глаза изменили цвет и стали похожими на львиные. Доркас подумала, что надо проследить, чтобы его парикмахер ни в коем случае не прореживал его львиную гриву и не прилизывал ее бриолином, как того требовала мода. Женщинам нравятся густые пышные волосы. А вот плохие зубы, лысина и толстый живот могут их только отпугнуть. И пример тому Джимми Скаллин.

— Доркас, ну что бы я делал без вас? — почти пропел Чарлз.

«Пошел бы камнем на дно», — подумала мисс Чендлер.

Доркас заметила это первой, но Чарлзу сказала об этом Грейс, когда пришла к нему в начале 1933 года совсем с другой целью.

С собой она привела обоих своих сыновей. Чарлз сразу же заметил, что они выглядят старше своих лет, особенно Брайан, который был вынужден надеть мантию хозяина дома. Над этим, несомненно, потрудились Грейс, причем не прибегая к уловкам хнычущей беспомощности и постоянных напоминаний, что он мужчина, — она была слишком умна, чтобы действовать в лоб. Просто она не скрывала от него тягот своего вдовьего существования. Кто-то считал это разумным, другие, и среди них Чарлз, находили, что дети слишком малы для подобной тактики. Брайану было почти пять, Джону в конце мая должно было исполниться четыре. Они были очень похожи. Светлые блондины со скандинавским типом лица. Чарлз предположил, что в Латимерах больше от викингов и тевтонов, чем от бриттов и кельтов, поскольку оба парня на вид были типичными скандинавами. Цвет глаз у них тоже был одинаковый

— небесно-голубой без малейшего серого или зеленого оттенка, — но вот выражение в них было совсем разное! У Брайана в глазах светилась решительность и твердость — настоящий воин. Во взгляде Джона сквозила печаль и отрешенность — типичный искатель правды. Бедняга, трудно же ему придется в жизни.

Чарлз подумал, что у него самого могли бы быть такие сыновья, белые, как каррарский мрамор, в то время как эта парочка напоминала паросский, белоснежный и без единой прожилки. Но что толку роптать? Его уделом были два выкидыша, один из которых он похоронил как умершего ребенка.

— Чем могу быть полезен, Грейс? — спросил он, скрывая тревожные предчувствия. От Грейс можно было ожидать чего угодно.

— Здесь мне больше нечего делать, Чарли. Я хочу перебраться в Сидней, — объявила она.

Чарлз наконец оторвал глаза от мальчишек и взглянул на Грейс. Ну, прямо Мадонна на престоле! Красивая, отрешенная, презревшая все земные радости, твердая и непреклонная, вся без остатка отдавшая себя потомству. Да, сестрицы Латимер — это нечто!

— Неожиданное решение, — уклончиво ответил он.

— Сейчас как раз самый подходящий момент. В следующем месяце Брайан пойдет в школу. Но только не здесь.

Ее голос изменился, в нем появились елейные нотки. Грейс понимала, что Чарлз моментально раскусит все ее хитрости, но все же решила изобразить смиренную просительницу:

— Я хотела обратиться к Росону Шиллеру, он ведь тоже мой зять, но они с Эддой живут в Мельбурне, а там слишком жарко летом и холодно зимой. Нет, мне больше подходит Сидней.

Елей в ее голосе сменился холодной водой:

— Ты так богат, Чарли, что я решилась попросить у тебя чуточку золота, чтобы поправить свои дела. Сыновья Бера не могут жить там, где все знают их историю, и ходить в школу вместе с детьми, родители которых видели, как их отец потерял разум и покончил с собой.

Чарлз перевел взгляд на мальчиков, сидевших на материнских коленях, как два льва, охраняющих статую Божьей матери. Как она может говорить о таких вещах в их присутствии? Брайан смотрел прямо перед собой, Джон о чем-то мечтал.

Грейс тем временем неумолимо продолжала:

— Ты вполне можешь себе позволить поселить меня в приличном доме на Бельвью-хилл, купить мне машину и обеспечить содержание, приличное для респектабельной вдовы, ведущей незаметную жизнь. Я бы

хотела, чтобы мои сыновья учились в частных школах, причем в разных. Брайану лучше учиться в Шотландском лицее, а Джону больше подойдет Сиднейская гимназия. Я уже все обдумала и навела справки.

— Отлично придумано, — одобрил Чарлз, ничуть не жалея о крупных суммах, которые ему придется выложить за этот прожект. Здесь по крайней мере он обошел Шиллера.

— А тебе не будет одиноко без друзей и знакомых?

— Ничего, я быстро ими обзаведусь, — улыбнулась Грейс. — Для этого существуют родительские комитеты. Депрессия когда-нибудь закончится, и я хочу, чтобы мои сыновья были к этому готовы. Элитные школы, университет, нужные связи, когда придет время искать работу. У них нет капитала, чтобы заняться бизнесом, но будет статус и хорошее образование.

— Мальчики, идите поиграйте, — скомандовал Чарлз.

Грейс согласно кивнула, и ребята немедленно ушли.

— Они у тебя прекрасно воспитаны, Грейс.

— Старалась, как могла. В начальной школе они будут учиться до двенадцати, а потом оставаться на продленный день — это обойдется дороже, но мальчики растут без отца, а я хочу, чтобы они больше находились в мужском обществе. Женщине трудно справляться с подрастающими сыновьями, для меня это неведомый мир, ведь у нас в семье было женское царство.

— Ты не перестаешь изумлять меня.

— Потому что на первый план я ставлю интересы детей? — засмеялась Грейс. — Да брось, Чарли! Любая хорошая мать сделает то же самое. Мы не знаем, почему у нас в жизни все складывается так, а не иначе. Я хочу, чтобы дети Бера пошли дальше, чем их отец, и я уверена, он бы меня поддержал. Он никогда никому не завидовал и не желал зла. Мне нужно ровно столько, чтобы мои дети не отличались от своих одноклассников. Они должны хорошо питаться и одеваться и иметь возможность пригласить своих друзей в дом. Одежду я могу шить сама — надо же будет чем-то заниматься в Сиднее. Мебель у меня есть, но мне бы хотелось завести библиотеку — для мальчиков это будет полезно.

Чарлз начал что-то записывать в блокнот.

— Дом на Бельвью-хилл, смотрящий на Розовую бухту, — да, думаю, у тебя должен быть хороший вид из окон. В этом районе все приличные дома выходят окнами на море. Дом будет на твое имя, но все налоги буду платить я. Хорошая машина, которую несложно чинить, — тоже на твое имя. Отлично! Я попрошу своих адвокатов добавить в мое завещание

дополнительные распоряжения на случай, если я вдруг умру. Не желаю, чтобы Росон сюда совался! Двадцать фунтов в неделю без вычетов с возможностью увеличения, если повысится стоимость жизни, отдельный счет, чтобы платить за обучение, форму, книги и прочее. Гарантийный капитал, вложенный в надежные бумаги — двадцати тысяч, я думаю, достаточно — с правом использования только в случае крайней необходимости. — Чарлз надел на авторучку колпачок и посмотрел на Грейс. — Это все? Я ничего не забыл?

— Ничего. Спасибо, Чарлз, благодарю тебя от всей души, — ослепительно улыбнулась Грейс. — Я больше никогда не буду называть тебя Чарли.

— Это достаточная награда.

— А Китти сейчас в приюте?

На лице Чарлза проступила горгулья.

— Где же еще? Сама не может иметь детей, так утешается чужими, которые у других получаются без всяких проблем.

— Не будь таким жестоким, Чарлз, прошу тебя! Она ведь переживает! Но вообще-то в последнее время она как-то опустилась.

— Она что? — напрягся Чарлз.

— Махнула на себя рукой. Ты должен был заметить.

— Да я ее сейчас совсем не вижу.

«Ну да, ты слишком занят своей кобылой Доркас», — мрачно подумала Грейс. Вслух же она сказала:

— Она подолгу не меняет платья, ходит нечесаная и не красит губы. Я пыталась ее образумить, но она и слушать не хочет. Говорит, что детям все равно, в чем она ходит, а губную помаду они терпеть не могут, потому что она мешает ей целовать их. Чарлз, Китти опускается, и ты, как врач, должен понимать, что это значит.

— Она, вероятно, идет в ногу со временем и впала в депрессию.

— Именно так.

Но только не по средам. Это и был тот ключ к загадке, которого не хватало Грейс.

Она толковала происходящее, исходя из собственных представлений, проецируя детскую депрессию Китти на то, что происходило сейчас. Из всего этого она сделала вывод, что Китти вскоре разделит судьбу Мод. На самом деле никакой депрессией здесь и не пахло. Просто Китти очень скоро убедилась, что форма в сиротском приюте только мешает, а ее платья должны хоть немного напоминать ту одежду, которую могли носить матери

этих детей. Поэтому она «обкатывала» подходящее платье в свой выходной день, потом надевала его в приют, а если оно выдерживало смену, появлялась в нем и на следующий день. Нельзя сказать, что потеря элегантности превратила ее в затрепанную фермершу. Просто она стала одеваться практично и недорого. Зачем надевать шелковые чулки по десять шиллингов за пару, если в приюте они продержатся не больше часа?

Тафтс это понимала, а вот Грейс и Доркас Чендлер пребывали в недоумении.

Китти совершенно не беспокоило, как она выглядит. Вырвавшись из замкнутого круга привычных понятий, она обрела свободу и уверенно двигалась по прямой к точке невозврата, светящейся вдали, как рождественская елка. Ее жизнь наконец обрела смысл. Как ужасно оглядываться назад и видеть, сколь бездарно были растрочены годы в погоне за блестящей внешностью. Ее сестры всегда понимали это, но в силу характера трактовали эту проблему по-разному. И со временем сильно разошлись во взглядах.

Всю зиму и весну Джек Терлоу неизменно маячил в глубине ее сознания, чему в немалой степени способствовали их еженедельные посиделки за чаем, где Китти никогда не была незванным гостем. Она могла говорить с ним о чем угодно, не нарушая границ, очерченных его мужским восприятием, причем устанавливал он их столь незаметно, что она, сама того не замечая, останавливалась у запретной черты. Все разговоры о душевных ранах, нанесенных нерожденными детьми и мужем-собственником, осторожно пресекались, и недавно обретенная мудрость подсказывала Китти, что так и должно быть. Ведь мужчины и женщины отличаются не только анатомическими особенностями, но и душевным строем.

Не говоря ни слова, Джек учил ее тому, что не дано было понять Чарли: она имеет право любить сестер и хотеть детей. Он так деликатно и бережно выстраивал их отношения, что Китти только диву давалась, как Эдда могла не оценить тех сокровищ, которые он ей предлагал, — силу, надежность, душевную гармонию, настоящую мужскую любовь, наполненную страстью. Бедная Эдда! Ее всегда тянуло куда-то еще.

Но Джек не давал Китти никаких советов и не делал попыток руководить ее жизнью, в чем она неизменно убеждалась при каждой их встрече. Нет, это была ее собственная битва, и она должна вести ее без чужой помощи. Нелегкая задача для столь хрупкого воина.

И все же она была не одинока. Без единого слова, взгляда или жеста Джек давал понять, что он на ее стороне. Что он любит ее, причем гораздо

больше, чем когда-то любил ее сестру. Закрывая глаза, Китти чувствовала, как его любовь окутывает ее, словно восхитительно теплое и пушистое одеяло, оставляя свободу дышать и наслаждаться красотой мира.

— Послушай, Китс, — бодро начала Грейс накануне своего отъезда в Сидней.

— Я слушаю, — с покорной готовностью отозвалась Китти.

— Теперь, когда мы с Эддой уехали, ты остаешься практически одна. Если бы Чарлз лучше соображал, он бы присматривал за тобой, но он слишком поглощен политикой и этой кобылой Доркас. В этом году предстоят дополнительные выборы, и Чарлз уже начал к ним готовиться. Ты, наверное, в курсе, что он взял в аренду магазин и устроил там свою штаб-квартиру. Как, ты ничего не знаешь? Да что с тобой происходит? Джордж Ингерсол умирает от рака, и когда он сыграет в ящик, его место в парламенте освободится. Ты слушаешь меня?

— Да, — устало произнесла Китти.

— Когда Чарлз очутится в Канберре, все пойдет по-другому. К счастью, ему не потребуется переезжать, до Канберры всего два часа езды, но он, конечно, будет пропадать там до ночи. Если ты хочешь завести ребенка, делай это сейчас. Когда он станет членом парламента, ему будет не до этого.

Шурша юбками, Грейс подошла к Китти и, обняв, поцеловала ее, утопив в волнах своего шарфа.

— Ах, Китс! Я так боюсь за тебя! Эдда бы тоже беспокоилась, если бы знала, что происходит. В моем новом доме есть свободная комната. Обещай, что приедешь, если тебе не к кому будет обратиться!

В глазах Китти вспыхнул сиреневый свет.

— Не к кому? Это в Корунде-то?

— Или поезжай к Эдде. Росон настоящий джентльмен.

Китти тоненько засмеялась:

— Что за вздор ты несешь, Грейс? Я в полном порядке, мне ничего не грозит.

— Просто не забывай о свободной комнате.

Рак у Джорджа Ингерсола диагностировали в январе 1933 года, причем на такой поздней стадии, что врачи дали ему не больше месяца. Но он отличался редким упрямством и потому заявил, что не для того сорок лет держал в страхе соперников, чтобы загнуться по воле шайки докторишек. Это всего лишь временное недомогание, и он не собирается

покидать свое кресло в парламенте. Однако в октябре он все-таки умер от инфаркта, никак не связанного с пресловутым раком. В федеральном парламенте он представлял Корунду, так что на ноябрь там были назначены дополнительные выборы.

Чарлз Бердам очень быстро понял одну из особенностей политической жизни: сантименты тут неуместны. И едва появились сообщения о болезни Джорджа, он немедленно взял в аренду бывший магазин на Джордж-стрит и устроил там штаб-квартиру своей предвыборной кампании. Туда он поместил Доркас Чендлер, нескольких молодых и горящих энтузиазмом сторонников, посуду для чая с печеньем и распечатанные выдержки из своих тетрадей, где излагались его политические взгляды. В парламент он собирался баллотироваться как независимый кандидат, отмежевавшийся от устаревших партийных платформ.

Затянувшийся переход Джорджа в мир иной имел свои последствия. Все приняли как должное, что, когда случится неизбежное, место усопшего займет доктор Чарлз Бердам. Поэтому Земельная партия, которой всегда принадлежало это место, решила не выставлять своего кандидата, чтобы не тратиться понапрасну. У Чарлза остался единственный соперник — член Лейбористской партии из паровозного депо, но у него было не слишком много шансов.

Китти практически не видела мужа, который, как ей казалось, вообще забыл о ее существовании. Он был полностью поглощен набирающей обороты выборной кампанией и маячащей вдали Канберрой. Оставленная без внимания, Китти медленно дрейфовала в сторону Джека Терлоу, размышляя о невыносимости своего положения, когда она, по сути, была юридически оформленной собственностью нелюбимого мужчины. Как вытащить себя из этой трясины? Где найти ответ? И все же она не чувствовала себя несчастной. Под тонкой оболочкой беспомощности лежал прочный каркас веры, который придавал ей силы и убежденность, что выход рано или поздно найдется.

Для Чарлза не было секретом, что Китти потеряла интерес к его деятельности, но пока Джордж Ингерсол был жив, его это не слишком волновало. Как и его жена, он пребывал в состоянии дрейфа, только двигался несколько в ином направлении. Его островком спасения была Австралийская партия.

Смерть Джорджа побудила Чарлза к решительным действиям. Призрачное видение Канберры заставило его встрепенуться. Пора было заняться Китти, которая своим видом напоминала обительниц Трелони-уэй — не то чтобы пугало, а скорее серая мышка. Все это можно

поправить, но где найти время? Черт бы побрал эту зануду! Сидит в своем приюте и ни с кем не общается. Как на нее повлиять? И тут Чарлза осенило — надо напустить на нее Доркас!

— Скажите Китти, чтобы привела себя в порядок, — распорядился он. — По сравнению с ней Энид Лайонс просто драная кошка, но я хочу, чтобы это бросалось в глаза. Моя жена должна быть сногшибательной. Давайте, Доркас, я на вас надеюсь.

— Но как я могу, Чарлз! — холодея от ужаса, запротестовала она. — Китти ваша жена! И только вы можете учить ее. Я совершенно посторонний человек, даже не подруга! Прошу вас, Чарлз, избавьте меня от этого. Я всего-навсего наемный работник!

Но Чарлз был холоден и неприступен, как гранитная скала. Его глаза метали молнии, не оставляя у Доркас никаких сомнений, что если она не подчинится, он найдет себе другого политического консультанта.

Однако Китти сразу же почуяла подвох. Когда Доркас стала напрашиваться на чай, чтобы поболтать, она покачала головой:

— Нет, не сегодня. Лучше завтра. По средам я пью чай с Джеком Терлоу, и никакие силы не заставят меня от этого отказаться.

Блекло-голубые глаза Доркас немедленно впились ей в лицо, но никаких признаков смущения там не обнаружили: это была простая констатация факта.

Джек Терлоу? Кто это? Среди друзей Чарли или политически значимых фигур такой не числился. Покопавшись в памяти, Доркас выудила оттуда старую историю с бывшим наследником Тома Бердама. Ну да, конечно, — дружок Эдды, сводной сестры Китти! Значит, Китти знала его задолго до того, как встретила Чарлза. Старый добрый друг вряд ли годится на роль любовника, заключила Доркас. Ну что ж, отложим до четверга.

Умирая от любопытства, она подстерегла Китти, когда та выходила из дома, отправляясь на чаепитие к Джеку. Какая метаморфоза! Сиреневое шелковое платье с абрикосовой отделкой, цвет которой повторялся в туфлях и сумочке, роскошная шляпа с большими полями, искусный макияж, естественно вьющиеся волосы. Боже, как хороша!

Доркас почувствовала грызущую боль: с такой внешностью она бы завоевала весь мир. А этой особе наплевать, как она выглядит. Чарлз рассказывал, что она чуть не изуродовала себе лицо теркой для сыра и пыталась повеситься, потому что ненавидела свою красоту. Но вот по средам она о ней вспоминает, срочно преображается и блистает перед человеком, который многие годы был любовником ее сестры.

Начав работать у Чарлза Бердама, Доркас уже через неделю почувствовала себя другим человеком. В эмоциональной пустыне возник оазис, подобный тому, в котором омылся Александр Македонский, выйдя оттуда богом. Под костлявой лошадиной внешностью скрывалась обычная женщина, жаждущая любви, душевного тепла и крепкого мужского плеча, на которое так хочется опереться. В глазах Доркас Чарлз Бердам олицетворял все мужские достоинства, все то, чего она жаждала, но была лишена. Профессиональный совет и поддержка — вот все, что она могла ему предложить, но в них она вкладывала всю свою душу. Доркас любила Чарлза, но этой тайны ему никогда не узнать. Пусть она похожа на старую беззубую собаку, которая довольствуется гнилой костью, но это лучше, чем сидеть на бобах.

Будучи гордой по натуре, она никогда не забывала, что обделенные Богом женщины должны знать свое место. Поэтому на встречу с Китти она пошла раздираемая противоречивыми чувствами. Страшной, как смертный грех, сотруднице поручили объяснить красивой жене начальника, что она не совсем хороша. Как справиться с такой задачей, не роняя достоинства и не выдавая своих чувств?

Но Китти сразу же взяла инициативу в свои руки.

— Доркас, не сидите с таким видом, словно над вами навис топор, — сказала она, разливая чай. — Возьмите печенье, его можно макать в чай — оно не разваливается. Нет хуже, когда приходится выуживать из чашки раскисшие кусочки печенья, тут уж не до хороших манер.

— Но я никогда не макаю в чай печенье, — смущенно возразила Доркас.

— Бедняжка! Лишаете себя такого удовольствия! Это наш семейный рецепт: вместо сахара в тесто кладется светлая патока. У вас просто нет сестер, иначе макали бы наперегонки.

— У меня нет сестер, и я не макаю в чай печенье — типичный силлогизм.

— Типа в темноте все кошки серы? А на самом деле это не так.

— Вы знаете, что такое силлогизм. Немногие могут этим похвастаться.

— Не заговаривайте мне зубы, Доркас. Чарли подослал вас, чтобы вы уговорили меня не выглядеть фермершей теперь, когда он публично объявил о своих политических амбициях. До чего же глупы мужчины! Пока ему не сказала Грейс, он вообще ничего не замечал, — со смешком сказала Китти. Потом вздохнула: — Грейс уже десять месяцев как уехала. Можете сообщить Чарли, что вы выполнили задание, но я никак на это не среагировала. Я сама с ним поговорю и, надеюсь, он все поймет. Нет,

точнее сказать, примет к сведению. По-настоящему понять он вряд ли сможет. А сегодня мы поговорим о вас.

— Обо мне? — удивленно раскрыла глаза Доркас.

— О вас. Я хочу узнать вашу страшную тайну, которая отравляет вам жизнь. Вы же до смерти боитесь потерять эту работу.

Ответа не последовало. Доркас молча пила чай, похрустывая печеньем.

Китти окинула ее взглядом. На Доркас был рыжевато-коричневый твидовый костюм и черная фетровая шляпка, кокетливо сдвинутая набок. Ее бронзовые волосы были стильно подстрижены и завиты, а макияж стал значительно лучше, особенно на глазах. Умных и страдающих.

— Не упрямитесь, Доркас, я же знаю, что вы что-то скрываете, — с искренним сочувствием произнесла Китти. — Я хочу вам помочь, вы можете доверять мне, как другу и союзнику. Хотите, я скажу, в чем ваш секрет?

— Все это не более чем игра вашего воображения, миссис Бердам.

— Нет, так просто вы от меня не отделаетесь! Оставим официальный тон, вы за ним не спрячетесь, — мягко возразила Китти. — Когда вы были наивной пятнадцатилетней девочкой, вашей неопытностью цинично воспользовался мужчина. Я подозревала, что у вас нет сестер, иначе они бы вас уберегли. Матери подчас бывают слепы и опрометчивы, даже если действуют из самых лучших побуждений.

— Вы не сообщили мне ничего нового, Китти.

— Родился ребенок, думаю, сын, которого вы очень любите. Но ваш кошелек опустошает не он, а его отец, который вас шантажирует.

Доркас вдруг потеряла способность сопротивляться. Как же страшно признаться, но носить все это в себе несравненно тяжелее.

— Но теперь этой пиявке конец, — убежденно произнесла Китти. — Ему придется убраться. Он не сможет вас шантажировать, потому что вы все расскажете Чарли. Доркас, не ревите, вы же не Грейс! Берите пример с сегодняшней Грейс, когда на нее посыпались несчастья, она вдруг обрела хребет. Ведь ваши родители от вас не отказались?

— Нет, они забрали Эндрю к себе, чтобы я могла работать. Мне было двадцать, а не пятнадцать, но я была страшно наивная! Отец Эндрю миссионерствовал в Голубых горах — интересный, обаятельный, горящий верой проповедник. Мы отдавали ему последние пенсы, ведь верующих так легко одурачить. Я отдала ему свое тело — он находил меня привлекательной, и я была просто счастлива. Но сын для него стал лишь средством вытягивать из меня деньги.

— Сколько же у него было детей?
— Один Эндрю, как это ни странно.
— И сколько вашему сыну сейчас?
— Четырнадцать. Он учится в частной школе в Катумбе.
— Значит, вся ваша зарплата уходит на содержание родителей, сына и этого грязного шантажиста. Моя портниха, вероятно, лишила вас бекона.

Доркас нервно облизнула губы.

— Откуда вы все узнали?

Китти торжествующе рассмеялась:

— Дорогая моя, вы ходите, как рожавшая женщина, и слишком опытны для старой девы. Ясно, что вы скрываете ребенка. Не зря же вы так трясетесь потерять работу.

В глазах Китти исчезли фиолетовые искорки.

— Еще не поздно спасти положение. Привезите его в Корунду и пусть живет с вами. Занятия начинаются в феврале, и вы сможете отдать его в частную школу. Чарли возьмет его под крыло, и он станет здесь своим.

Доркас в ужасе уставилась на нее.

— Но я не могу сказать об этом Чарлзу! Он меня моментально уволит — это же такой скандал!

— Глупости! — фыркнула Китти. — Как вы, умная женщина, могли так долго работать с Чарли и совсем в нем не разобраться? Да для него это просто подарок! Он выиграл столько безнадежных дел в суде и после этого откажется вам помочь? Терпеть мерзкого паразита, четырнадцать лет высасывающего последние соки из матери своего ребенка? Как бы не так! Мой муж ценит и уважает вас — он положит этому конец. Эндрю симпатичный мальчик?

— Да, он красивый, но у него есть кое-что получше внешности — сильный характер.

— Немедленно расскажите обо всем Чарли! Сегодня же, прямо сейчас. Он где-то здесь, на другом конце этого мавзолея. Идите, идите! Не робейте, женщина! Откройте ему свою тайну и попросите избавить вас от домогательств папаши Эндрю. О, он будет только рад! Чарли так давно не надевал свои доспехи, что они заржавели и скрипят. А теперь у него будет стимул. Вперед!

Не выдержав напора Китти, Доркас отправилась признаваться в своих грехах.

А Китти позвонила леди Шиллер в Мельбурн, чтобы пригласить ее в гости. Она решила созвать всех своих сестер на Рождество. Десять дней

общения до самого Нового года...

Осталось лишь уладить свои собственные дела.

С этой мыслью она поехала в Корундубар, надеясь застать Джека дома. Судя по тому, что его почтовый ящик был пуст, он уже вернулся из загонов. Оставив машину у подножия холма, она стала подниматься по цветущему склону, останавливаясь, чтобы восхититься роскошной розой, австралийским миртом, душистым горошком, густо завившим решетки. Как он все успевает? Да, он был дома. Альф и Дейзи вышли на крыльцо, помахивая хвостами, — собаки Джека были слишком хорошо воспитаны, чтобы подпрыгивать и лизаться. Потом на веранде появился и он сам с мокрыми после душа волосами.

Добравшись до верхней ступеньки, Китти объявила:

— Я приехала к тебе жить. С этой самой минуты.

— Давно пора, — серьезно произнес он. — Не скажу, что мне надоело ждать, но седины у меня чуть прибавилось.

Джек очертил в воздухе круг:

— Все это твое, Китти. И я, и все, что мне принадлежит.

— Но я не смогу стать тебе женой. Чарли никогда не согласится на развод.

— Мы здесь в Корундубаре живем как хотим. И примем тебя на любых условиях, причем ни чуточки не сомневаясь.

Не было сомнений и у Китти — судьба ее решилась. Объятия, поцелуи, физическая близость — все это придет чуть позже, а сейчас она просто наслаждалась умиротворенностью и душевным покоем, наконец-то снизошедшим в ее душу.

Понимая, что она чувствует, Джек молча стоял рядом, глядя на багровое солнце, погружающееся в пучину ночи. Потом обнял ее за плечи и повернул к двери:

— Пойдем, уже холодно.

— У меня внизу чемодан, но машину придется возвратить Чарли. Мне от него ничего не надо, ничего!

— Знаю. Не волнуйся и не думай о нем.

Кот Берт, развалившийся в кресле, был скинут с него так стремительно, что даже не успел проснуться. Очутившись на полу, он был крайне возмущен и не скрывал своего негодования. Джек опустился в кресло и усадил Китти к себе на колени.

Прижавшись к его груди, она почувствовала, как гулко бьется его сердце, и все остальное перестало для нее существовать. И так теперь будет всегда. Боже, подари ему долгую жизнь! Без него все потеряет смысл.

Склонив голову ему на плечо, Китти закрыла мокрые от слез глаза. «Наконец-то я дома».

Когда Эдда с Росоном приехали в Корунду на Рождество 1933 года, Тафтс предложила им остановиться в служебном коттедже на территории больницы. Такой же коттедж она предоставила Грейс с сыновьями. Как член парламента, Чарлз больше не мог руководить больницей, и Тафтс утвердили в качестве главврача. Они с Лиамом купили два соседних дома на Фергюсон-стрит и снесли между ними забор. У них были общие стол, досуг, сад, две собаки и три кошки, причем все кастрированные. По мнению пастора, это была одна из тех редких пар, у которых молодость непосредственно перетекает в старость. Немного воодушевления, много отзывчивости и нечувствительность к поражениям.

Корунда еще не пришла в себя от шока, разделившего ее обитателей на два непримиримых лагеря, когда Китти Бердам без малейшего зазрения совести оставила Чарлза Бердама со всеми его миллионами, чтобы жить в грехе с Джеком Терлоу, причем совершенно открыто и ни от кого не прячась. С собой она не взяла ничего — ни драгоценностей, ни мехов, ни одежды, ни мебели, ни даже терки для сыра (последнее в ее устах звучало довольно странно). Только книги, бумаги, письма и альбомы с фотографиями.

Особенно сразило всех то, что она выглядела возмутительно и бесстыдно счастливой. Что касается Джека, он был не из тех, кто афиширует свою личную жизнь. Однако все заметили, что лицо его как-то разгладилось и временами на нем появляется выражение самодовольного благодущия, совсем как у его серого котяры Берта.

Чарлз Бердам узнал об этом первым. Китти написала Доркас записку, где просила оставить его одного, пока он сам не захочет общения. Доркас инстинктивно почувствовала, что в данном случае лучше подчиниться.

В пятницу Чарлз, спустившись к завтраку, обнаружил на столе конверт, на котором лежало обручальное кольцо Китти. Он сразу все понял, и тело его налилось свинцом. Быстро разорвав конверт, он прочитал:

Моему мужу Чарлзу.

Кольцо уже сказала тебе обо всем, но я хочу кое-что прибавить в письме. На разговор с тобой у меня не хватает

мужества. Ты будешь оскорблять меня, принуждать остаться, и я могу не выдержать. Но это неизбежно, Чарли. В моих руках топор, и я буду рубить сплеча.

Я не люблю тебя. И никогда не любила, но ты сумел заморочить мне голову. А заполучив меня, стал относиться ко мне как к собственности. Нет, не совсем так. Ты видел во мне то, что хотел, и никогда не задумывался, что на самом деле я совсем другая. Ты умеешь делать деньги и ворочать делами, но заглянуть человеку в душу ты не в состоянии. Женщина, на которой ты женился, была вовсе не я, Китти. Слава богу, что у нас не получилось с детьми. Ты бы искалечил их своим деспотизмом, заставив жить по твоим правилам. Возможно, ты действуешь из лучших побуждений, но у тебя диктаторские замашки.

Я говорю жестокие вещи, но так ты скорее поймешь, что между нами все кончено. Кончено. Тебе нужна женщина с моей внешностью, но с мозгами Доркас. Ты позарился на мою красоту, не разобравшись, что за ней скрывается. Я не гожусь тебе в жены. Меня тошнит от политики. Лучше женись на мозгах Доркас. Но ты вряд ли на это решишься. Слишком курьезная получится парочка.

Я ухожу к Джеку Терлоу, он считает, что из меня выйдет отличная фермерша. Жить на природе и иметь детей — что может быть лучше? Не надо прощать меня.

Kumtmi.

С трудом веря в произошедшее, Чарлз первым делом вспомнил о Сибилле, дочери герцога, и о том унижении, которое ему пришлось перенести. Но это было ничто по сравнению с тем, что судьба преподнесла ему сейчас. Чарлз зарычал от бешенства и со всей силой воткнул в стол серебряную вилку. Его, Чарлза Бердама, выкинули на свалку, как протухшую мясную тушу.

Ему страстно захотелось избить ее до полусмерти, чтобы она корчилась в адских муках и просила пощады, раздавить, искалечить, рвать зубами и когтями, навсегда изуродовать ее смазливое личико. Он ненавидел и проклинал ее, сознавая, что ничто на свете не сможет утолить его ярость.

В мозгу мелькали картины расправы, одна ужаснее другой, пока наконец его воображение не истоичилось. Он упал на дно пропасти и лежал там, распростертый и безжизненный, с ощущением невосполнимой утраты

— раны, которую ничем не исцелить.

Но подниматься из бездны было несравненно тяжелее — на плечи давил груз горя и отчаяния, взор застилали кровавые слезы, он обессилел и потерял волю к жизни — ведь она сочла его недостойным себя. Любовь всей его жизни, Китти, его Китти!

Выбравшись из пропасти, он очутился на безжизненной равнине и стал ждать своей участи, еще не зная, на что обречен. Преображение после смерти или жизнь с вечной болью в опаленной душе? Но оказалось, что, разбившись насмерть, он не умер, а возродился, как феникс из пепла.

Но это был уже совсем другой человек, хотя звали его по-прежнему. Новый Чарлз Бердам. Другой Чарлз Бердам. В душе которого навечно остались шрамы от падения в пропасть, но никто — и никогда! — об этом не узнает. Никакие житейские бури не заставят его свернуть с прямого пути. «О, Китти, как я люблю тебя! А ты бросила меня. Бросила меня! Чарлза Бердама!»

Сила духа, понимание, умение прощать, доброта и душевная щедрость — вот добродетели, которыми отныне засияет добродушный и веселый Чарлз Бердам, давая понять всему миру, что его блудливая жена не в силах нанести ему ни малейшего урона. Вы об этом? Ха! Пустяки. Уж мне вы можете поверить.

А с Китти надо немедленно развестись, тихо и незаметно. Пусть катится к своему туповатому сказочному принцу из конюшни и заводит с ним ораву балбесов. Она, видно, не слишком разборчива, раз довольствуется объедками своей сестрицы — вероятно, они уже обменялись впечатлениями, каков он в постели. Интересно, со сколькими из них он успел переспать?

Что касается его собственной судьбы, здесь все просто. Новый Чарлз Бердам разведен, но вполне респектабелен. Член парламента, не слишком увлеченный женщинами, принимая гостей, прибегает к услугам своего политического консультанта — ничего скандального. Странно, что у нее оказался сын. Ну что ж, придется немного перестроить Бердам-хаус: просторные апартаменты для него и такие же для Доркас и Эндрю Чендлер. Возможно, парень станет для него большим утешением, чем собственный отпрыск? Ведь в нем текла бы кровь сестриц Латимер, жалких вульгарных потаскушек. Но это его личное мнение. А на публике их следует жалеть: бедные оступившиеся женщины.

Он потерпел поражение, потому что принял шлюху за даму сердца, но это лишь закалило его. Феникс восстал из пепла и впереди у него целая жизнь.

Пастор страдал от угрызений совести: любовь к своему чаду и сила духа, позволяющая признавать свои ошибки, заставили его публично поддержать поступок Китти, идущий вразрез с христианской моралью. Открыто изменяя мужу, она нажила себе множество врагов. Джека винили немногие, большинство считали его жертвой распутной Китти. Почувствовав неожиданную свободу, преподобный Томас Латимер снял с себя облачение и ушел на покой. Через два дня после разразившегося скандала он упаковал вещи и переехал в желто-зеленый домик Грейс на Трелони-уэй. Логика его рассуждений была проста: если бы Бог сотворил людей безгрешными, необходимость в священниках и полицейских просто бы отпала. И отворачиваться от грешников, вызывающих о помощи, не меньший грех, чем их собственные деяния.

Потеряв сан, он не прекратил пекся о сиротском приюте, психиатрической лечебнице и больнице, облегчая участь страждущих. Как вскоре выяснилось, жизнь на Трелони-уэй была богатой событиями, многогранной и полной греха. Весьма подходящее место для бывшего священника. Он платил Грейс за жилье, выращивал овощи и держал кур, снабжавших его яйцами.

Дочери теперь занимали в его жизни гораздо больше места, чем раньше, что не мешало ему помнить о Мод, навещая ее всякий раз, когда он бывал в городе. Это наполняло его смирением перед непостижимым божественным промыслом.

Сестры были искренне рады за Китти. Чувство вины за то, что они подтолкнули ее к браку с Чарли, со временем только росло, отягощая их души. Видеть ее рядом с любимым человеком было большой радостью и облегчением. Возможно, только Эдда понимала, какой долгий и мучительный путь проделала Китти, ведь она всегда отгоняла от нее демонов, кроме последнего и самого ужасного по имени Чарлз. Но в конце концов она расправилась и с ним.

Хотя после побега Китти прошло совсем немного времени, Чарлз Бердам успел довести до сведения всех и каждого избранную им тактику: образ мученика, героически несущего клеймо рогоносца. Вы об этом? Ха! Пустяки. Уж мне вы можете поверить.

На рождественский ужин все собрались в Корундубаре, включая пастора, который полностью одобрял поведение Чарлза.

— Очень разумно с его стороны, — сказал он Росону, вызывавшему у него гораздо больше симпатии, чем Чарлз. — Никаких жалоб и проклятий, ничего такого, что могло бы отпугнуть его политических сторонников. Я

очень рад за Китти. Но многие ее так и не простят.

— Значит, газетчики не смогли накопать пикантных подробностей, чтобы раздуть грандиозный скандал, — заметил Росон, ценивший пастора как человека, который, даже зная его постыдную тайну, никогда бы не отвернулся от него. — Жители Корунды не любят выносить сор из избы.

Лиам Финакан рассмеялся:

— Они души не чают в докторе Бердаме, но Джека Терлоу они любят не меньше, как это ни прискорбно для Чарли.

Джек этого не слышал, поскольку запекал молочного поросенка на кухне. Подняв голову от плиты, он улыбнулся и объявил:

— Ужин почти готов.

— Ты держишь свиней? — поинтересовался Росон.

Джек поднял светлые брови:

— Я вообще не ем покупное мясо. Мои поросята бегают где хотят, потому и мясо у них нежное и нежирное. В свинарник они заходят, чтобы поваляться в лохани с водой. Высовывают пяточки и пускают пузыри. А когда подрастают, самое время готовить свиную поджарку с приправами.

— А Китти будет готовить? — спросил Лиам.

— Учю ее, но толку пока мало. Так что свинину придется жарить самому.

Тафтс сидела, потягивая херес, и слушала, как Грейс живописует свою жизнь в престижном районе Сиднея. Кто бы мог подумать, что вдова Ольсен так быстро пристрастится к роскоши? В ней было что-то от пчелы, порхающей над морем медоносных цветов.

— Я не делаю секрета из того, что мне пришлось пережить во время депрессии, — говорила она, помахивая стаканом, но умудряясь при этом не пролить ни капли. — Женщина должна иметь статус, а муж, покончивший с собой из-за депрессии, создает нужный образ. Но мальчикам это не нужно. Они у меня такие жизнерадостные! — Ее глаза чуть потемнели. — Когда Китти сменила конюшню, я немного опасалась, что Чарли выставит меня вон, что было бы очень неприятно. Но у меня в запасе был Росон, так что я не слишком переживала.

— А ты бы отказалась от своей новой жизни ради свободы Китти? — спросила Тафтс.

Грейс смерила ее презрительным взглядом:

— Какой недостойный вопрос, и ты сама это знаешь. Ради счастья Китти я бы с радостью возвратилась на Трелони-уэй.

— Не вскидывайся, Грейс, — усмехнулась Тафтс. — Это просто провокация.

Эдда и Китти сидели на веранде, глядя на излучину реки. Из дома доносился шум мужских и женских голосов: возгласы Тафтс, комментирующей сообщения Грейс, неторопливая беседа мужчин.

— Ты счастлива? — спросила Китти.

Фарфоровое лицо Эдды выразило вежливое удивление.

— Могла бы и не спрашивать.

— Понимаю. Но ты мне не ответила.

— Да, я счастлива, но не так исступленно, как ты. Я занимаюсь делом, для которого я родилась на свет, муж любит меня.

Она вздохнула, но без особой грусти:

— Хотелось бы, конечно, чтобы он любил меня больше.

— Что ж, и в твоей бочке меда есть ложка дегтя. Но для тебя ведь главное — любимая работа.

Эдда засмеялась:

— Такова жизнь, Китти. Любая радость немного горчит.

---

notes

Примечания

Tufts — пучки, хохолки, кустики (*англ.*).

Heather — вереск (*англ.*).